

Александр

ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ

ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ ЦЕНА ЧЕЛОВЕКУ

РОМАНЫ

«ИЗВЕСТИЯ»

МОСКВА ● 1984

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»**

Председатель редакционного совета
Сергей Баруздин

Первый заместитель председателя
Леонид Теракопян

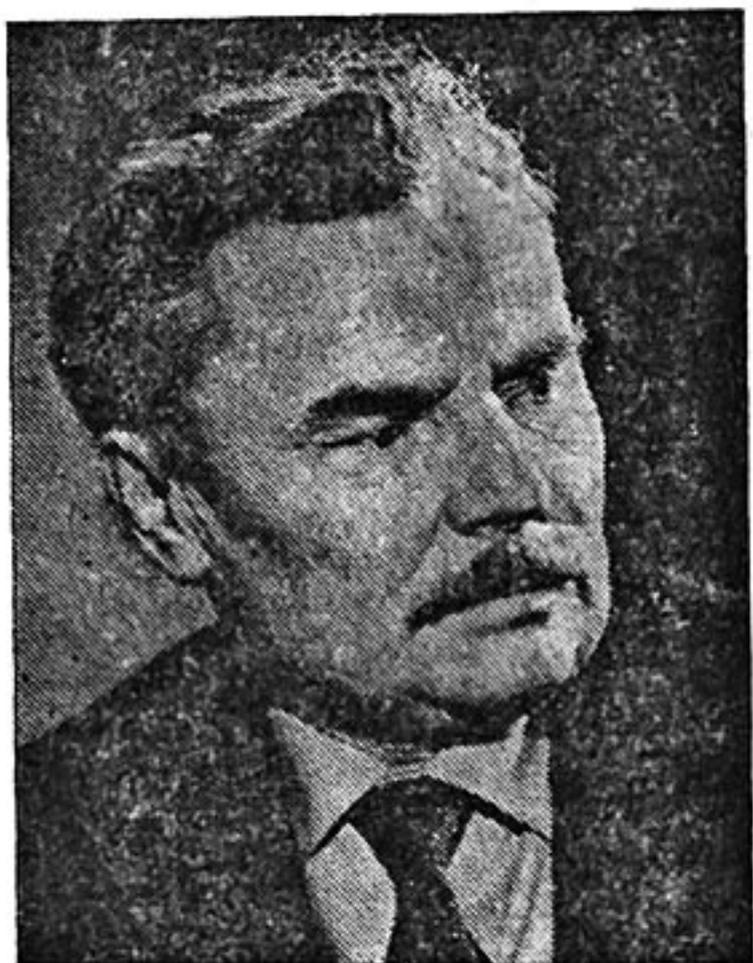
Заместитель председателя
Александр Руденко-Десняк

Ответственный секретарь
Елена Мовчан

Члены совета:

Ануар Алимжанов, Лев Аннинский,
Альгимантас Бучис, Игорь Захорошко,
Имант Зиедонис, Мирза Ибрагимов,
Юрий Калешук, Алим Кешоков, Юрий Киршин
Вадим Ковский, Григорий Корабельников,
Георгий Ломидзе, Андрей Лупан,
Юстинас Марцинкявичюс, Рафаэль Мустафин,
Леонид Новиченко, Александр Овчаренко,
Борис Панкин, Вардгес Петросян,
Инна Сергеева, Юрий Суровцев,
Бронислав Холопов, Иван Шамякин,
Константин Щербаков, Камиль Яшен

Художник И. БРОННИКОВ

Генерал

ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ

РОМАН-ХРОНИКА

*Памяти павших,
мужеству вернувшихся...*

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Из приказа Штаба партизанского движения
при Военном Совете Карельского фронта

13 июня 1942 г. г. Беломорск

1. Командиру 1-й партизанской бригады, майору тов. Григорьеву и комиссару, ст. политруку тов. Аристову в составе шести отрядов 29 июня с. г. с исходного положения поселок Сегежа выйти в район тыла противника, ограниченный пунктами Пряккила, 2-я Кумса, Кондопога, Петрозаводск, Шотозеро, Суоярви, Лубо-Салми, на срок не менее двух месяцев.

2. Линию охранения противника перейти в районе между пунктами Кала-ярви и Лин-ярви, после чего сосредоточить отряды бригады в районе Поросозеро.

3. Боевой задачей партизанской бригаде поставить:
Первое: Не обнаруживая себя преждевременными партизанскими действиями, напасть на штаб 2 АК в Поросозере, захватить пленных и штабные документы, уничтожить живую силу и склады.

Второе: Выполнив первую задачу, приступить к постоянному нарушению коммуникаций противника сроком на 20 дней в следующих пунктах: силами двух отрядов — шоссейные дороги Поросозеро — Юстозеро, Поросозеро — Пряккила, Поросозеро — Спасская Губа; силами двух отрядов — железную и шоссейную дороги Медвежьегорск — Кондопога и шоссейную дорогу Кяп-

пясьельга — Уница; силами двух отрядов — железную и шоссейную дорогу Петрозаводск — Суоярви и шоссейные дороги Петрозаводск — Пряжа, Петрозаводск — Кондопога и Петрозаводск — Спасская Губа.

Третье: Выполнив вторую задачу, сосредоточить отряды бригады в районе Кондопоги, совершить налет на Кондопогу, уничтожить штаб 7 АК, станцию и железнодорожные пути, военные учреждения и живую силу противника, захватить пленных и штабные документы, после чего отойти.

Четвертое: После выполнения третьей задачи сроком на 12 дней повторить выполнение второй задачи.

4. О дальнейших действиях бригады указания будут даны дополнительно.

5. На время похода в тыл противника запас продовольствия и боеприпасов взять с собой в вещевые мешки и на лошадях при помощи вьюков и вслокуш. Во время нахождения в тылу противника пополнять запасы продовольствия за счет охоты и рыбной ловли.

Примечание: В случае критического положения с продовольствием и боеприпасами и невозможности получения их в тылу противника — бригада в исключительных случаях будет снабжаться боеприпасами и продуктами с самолетов. Запрос об этом должен быть сделан по радио и точно указан пункт нахождения бригады, сигналы для самолетов и время (час, день).

6. Связь держать при помощи радиостанции по специальному расписанию.

7. Выход бригады из тыла противника ранее установленного срока может быть только с разрешения партизанского штаба по радио. При особо тяжелых обстоятельствах, при невозможности получить разрешение на выход из тыла по радио или через связных — командир и комиссар бригады принимают решение самостоятельно.

Нач. штаба партизанского движения при ВС КФ — комбриг ВЕРШИНИН

Члены:

Нач. РО Кар. фр. — полковник ПОВЕТКИН

Зав. Воен. отд. ЦК КП(б) КФССР — КАРАХАЕВ

Согласен: Член Военного Совета Карельского фронта — бригадный комиссар КУПРИЯНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(по воспоминаниям Услаг, 30 июня 1942 г.)

1

Бараки в поселке были заняты батальоном пограничников, державшим линию охранения вдоль реки Сегежа, и партизанская бригада, переправившись на западный берег, расположилась на отдых в лесу.

Всем отрядам капитан Колесник определил полосу обороны, наметил огневые точки для пулеметов, расписал очередность дежурства по бригаде и потребовал, чтобы это же было сделано в каждом отряде. Действовал он самостоятельно, с сознанием полного своего права поступать так, не ожидая приказа комбрига. Лишь убедившись, что его распоряжения выполняются, Колесник доложил обо всем Григорьеву.

Григорьев все одобрил, хотя кое-что в распоряжениях начальника штаба показалось ему излишней предосторожностью. После тяжелого ночного перехода люди вымотались и, может, не следовало бы сейчас держать столько постов и дежурств. Прямой необходимости в этом не было. Впереди — сорок километров ничейной земли, да к тому же охрану держат пограничники.

— Хорошо, — еще раз кивнул Григорьев и внимательно посмотрел на Колесника, успевшего уже начертить схему обороны бригады. — Вот что, начальник штаба! Выход назначаю на двадцать три ноль-ноль. В два-

дцать — совещание командиров и комиссаров отрядов. Пора в общих чертах познакомить их с боевой задачей. В восемнадцать — отправим еще одну разведку к финской полосе охранения... Сам вместе с Николаевым подбери ребят — ходких и выносливых, человек девять-десять, больше не надо. Кого командиром, как думаешь?

— Думаю, Полевика.

— Согласен. Перед выходом комиссар намечает провести отрядные партийно-комсомольские собрания. Запланируй время на это. А сейчас пусть обедают и до двадцати — всем отдых! Людям надо выспаться как следует. Переход-то мы с тобой тяжелый им задали, а?

Григорьев подождал — не скажет ли на это Колесник чего-нибудь, но тот промолчал.

— Я пройду по отрядам. К завтраку вернусь.

Григорьев постоял, неторопливо оглядывая бивуак, потом — легко и быстро, как привык ходить всегда, — зашагал, помахивая неразлучной тростью, к реке, в расположение «единицы» — отряда имени Тойво Антикайнена. Недавно приказом по штабу партизанского движения отрядам вместо номеров были вновь присвоены наименования, как было это в начале войны, в период их создания. Этого добивались все — и бойцы, и командиры — хотя сами же по привычке продолжали называть отряды по номерам.

С погодой вроде повезло. Весь июнь стояли холода, однажды в Сегеже даже снег выпал, а как только вышли на задание — день словно по заказу: безветренно, солнечно, тепло. Хотя трудно сказать, хорошо это или плохо. Конечно, в такую погоду и настроение у людей лучше, и костров для обсушки не требуется. Однако для маскировки, особенно с воздуха — будешь и ненастью рад. Сегодня за ночь бригада оставила за собой две черные тропы, которые наверняка различимы с самолета... Теперь уже ясно, что открытые места надо или обходить, или пересекать развернутым строем. Еще вчера об этом как-то и не думалось. Там, в Сегеже, все подобное казалось пустяком, там думалось о главном, а вот вышли в поход — и каждая мелочь таит в себе непредвиденную опасность. Сколько их встанет еще на пути бригады?

Вот и решай: ясный день — хорошо это или плохо?

Сегодня — несомненно хорошо! По всему лесу весело позвякивают котелки, жарко потрескивают костры, звенят топоры и пилы, тесным кружком у огня сидят лю-

ди — покуривают, пересмеиваются и кой-где даже поют вполголоса. Словно бы и не они несколько часов назад с трудом добрались до реки и думали, наверное, не о каше и кружке чаю, а о том, как бы поскорее завалиться куда-нибудь поукромнее и спать, спать, спать.

А сейчас вон нашлись даже любители рыбной ловли. Сидят у реки на бревнах, помахивают удищами-скороделками, как видно, перед сном рассчитывают ухи похлевать.

— Ну как — клюет? — крикнул сверху Григорьев, хотя и без этого было видно, что клюет, и клюет отменно: серебристые плотвички то и дело взлетали в воздух и шлепались на песок.

— А как же, товарищ комбриг! Не хотите побаловаться?

— С удовольствием. На что ловите?

Ловили на всякое. За наживкой далеко не ходили — кто муху поймает, кто отвернет от бревна кусок коры, разыщет червячка-короеда — все годится на крючок.

Григорьев с детства любил рыбалку. Конечно, не такую, как эта, а настоящую, на лудах, с хорошим запасом червей и крепкой снастью, чтоб можно было безбоязненно выводить килограммового окуня. У них в Паданах у каждого мальчишки были свои излюбленные места, и выезжали на них не для удовольствия, а потому, что летом забота о рыбе для семьи была делом ребятишек.

Да и тут баловство — баловством, а минут за десять — пятнадцать натаскал комбриг чуть ли не котелок рыбы. Только успеешь закинуть, пробочный поплавок дернется раз-другой и круто уходит под воду. Плотва гуляла по верховодью и за наживкой бросалась стаями.

— В штаб отнести? — кивнул на рыбу партизан, у которого Григорьев брал удочку.

— Не надо, вари на здоровье.

— Ну тогда, товарищ комбриг, на уху приглашаю. Конечно, из плотвы какая уха? Но все повкусней корюшки, помните?

Еще бы не помнить... Эта пудожская корюшка, наверное, до конца дней будет преследовать своим запахом. Почти месяц не имела бригада другой еды, кроме корюшки... Шальские рыбаки привозили ее прямо на лодках, еще живую, трепещущую. А вечерами отрядные повара, чертыхаясь, выгребали ковшами из котлов несъеденное варево. Сладковатый, приторный, бессоленный

корюшковый запах, казалось, висел в воздухе над всем онежским побережьем, а партизаны, почти с отвращением, заставляли себя съесть порцию корюшки — вареной, жареной, все равно какой...

В расположении отряда «Боевые друзья» Григорьев встретил Аристова, который, сидя на пеньке, что-то горячо втолковывал стоявшему перед ним невысокому, тихому и всегда чем-то смущенному Петру Поварову, недавно выдвинутому из политруков на должность комиссара отряда.

Григорьев хотел пройти мимо и не мешать их разговору, но Аристов догнал его и пошел рядом.

— Опять в войну играем... Люди недовольны.

— Чем? — Григорьев сразу уловил, что имеет в виду комиссар. Их неприязненные взаимоотношения с начальником штаба были для него хуже зубной боли.

— Посты, дозоры, наряды, дежурства... Третью личного состава занята... Разве есть в этом сегодня прямая необходимость?

Оттого, что Аристов задал свой вопрос почти теми словами, которыми полчаса назад Григорьев спрашивал себя, он вдруг разозлился:

— Нет, сегодня прямой необходимости нет.

— Почему же не отменишь?

— Потому что согласен с Колесником. Это все нужно нам делать не для сегодняшней, а для завтрашней необходимости.

— Общо и сложно. Такая формула годится на все случаи жизни.

— А нам, комиссар, и нужна такая система сторожевого охранения и готовности, чтоб годилась на все случаи. Сзади, спереди, слева, справа — откуда бы и когда бы ни напали... И чтоб каждый до автоматизма привык к этому. Не пугайся, автоматизм в военном деле вещь необходимая, и я не сам это придумал, у Энгельса вычитал. Ты говоришь, люди недовольны. Жаловался кто-либо?

— Не хватало, чтоб жаловаться начали... По настроению чувствуется.

— Я и то удивился... Ну ладно, пойдем перекусим, да отдохнуть пора.

— Связь с Беломорском была?

— Первую радиограмму отдал радистам.

Григорьев шел, слушал, разговаривал, а в голове все

время держалась мысль: какая это странная и необъяснимая вещь — человеческие отношения... Люди по существу еще не знают друг друга, а уже наготове — или симпатя, или неприязнь. Не оттого ли и рождается неприязнь, что каждый торопится найти у другого симпатию к себе? Особенно у молодых, которым все подавай сразу и без всяких оговорок... Но ведь Аристов уже не молод, тридцать лет стукнуло, бывший секретарь райкома партии. Должен же он понимать, что нельзя строить свое отношение к человеку только на том основании, что при первой встрече тот не выказал тебе должного уважения! И Колесник тоже хорош! Строит из себя оскорбленную добродетель и с комиссаром держится с такой подчеркнутой вежливостью, от которой на версту разит плохо скрываемым презрением.

Началась эта история с первого дня.

Колесник появился в бригаде, хотел сразу же приступить к исполнению обязанностей, но письменного приказа из Беломорска не привез. Григорьев, основываясь на своем разговоре с Вершининым, написал приказ по бригаде, показал Аристову, но тот вдруг возразил:

— К чему такая спешка? Приказа из Беломорска нет, человека я почти не знаю... Не взводного назначаем.

Григорьев даже растерялся. Такого между ним и комиссаром раньше не бывало. Стал объяснять, что Колесник не кто-то со стороны, а свой человек, бывший начальник пограничной заставы, зимой командовал спецотрядом, дважды ходил в тыл на операции, награжден орденом Красного Знамени. Чем больше он нахваливал нового начальника штаба, тем суровее и несговорчивей Аристов повторял:

— Не взводного назначаем. Будем ждать приказ!

Григорьев и теперь не знал — рассчитывал ли Аристов переубедить кого-то в Беломорске или просто хотел настоять на своем первом слове, но приказ по бригаде так и остался неподписанным.

Тогда Григорьев рассвирепел. Молча повернулся, вышел, велел собрать командиров отрядов, представил им нового начальника штаба.

Приказ из Беломорска о назначении Колесника пришел через неделю, 20 июня, за девять дней до похода.

Казалось, вся эта история должна была в первую очередь наложить отпечаток на отношение Аристова к нему, комбригу, но получилось как-то совсем странно. Их доб-

рые отношения никак не пострадали, зато Аристов и Колесник едва переносили друг друга. Дважды за выпивкой Григорьев пытался мирить их, пили на брудершафт, но назавтра опять становились — один настороженно придирчивым, другой — подчеркнуто вежливым и слегка насмешливым.

2

Обед уже ждал командиров. Котелки с гороховым супом-пюре, с кашей и крепко заваренным чаем стояли возле догорающего штабного костра. Связные Василий Макарихин и Борис Воронов расстелили на земле плащпалатки, достали сухари, ложки, кружки, но в это время подошедший Колесник сообщил, что командир батальона пограничников настоятельно приглашает командование бригады к себе на обед.

— Ну что ж, ребята! — весело сказал связным Григорьев. — Вам сегодня повезло. Ешьте сами, что наварили. Как, комиссар, сходим?

— Познакомиться не помешает, — поднялся Аристов. Пошли втроем. Колесник знал дорогу, и минут через десять они входили в приземистый, покосившийся от бомбежек барак, укрепленный свежими подпорками.

Стол был накрыт в тесной комнатухе с полевым телефоном и железной кроватью в полутемном углу.

Комбат — моложавый, рослый капитан, одетый в суконную, чуть ли не до колен гимнастерку, с орденом Красной Звезды и медалью «XX лет РККА», четко представился по очереди Григорьеву и Аристову и в ответ на их представление дважды повторил:

— Очень рад, прошу... Очень рад, прошу...

С Колесником, как видно, они были старыми знакомыми.

Обед удался на славу. Было что и выпить, и закусить. В центре стола возвышалась огромная миска с кусками дочерна обжаренного мяса, да тут же еще две алюминиевые тарелки с прозрачно-красноватым, без жира, студнем.

— Неплохо нынче пограничники живут, — добродушно подмигнул Григорьев, когда выпили по полстакана водки и принялись за закуску.

Это замечание не очень понравилось комбату. Он сразу нахмурился и, выждав, пояснил:

— Лоси на минах подрываются... Тянет их к реке, а у нас там сплошные минные поля.

— Что ж, бесплатное допитание — это неплохо...

— Да нет, товарищ майор... Хлопот больше. Мясо-то мы все равно приходуем, себе оставляем рога и копыта, как говорится... А каждый взрыв — тревога, проверка, рапорты, новое минирование. Участок большой, а людей все забирают и забирают.

— Финны часто на полосу выходят?

— В нейтралке следы встречаются. А сюда на линию... раза три-четыре были попытки небольшими группами. Вовремя обнаружили...

— А на Майгубу финны не через ваш участок вышли? — спросил Аристов, чтобы включиться в разговор. Они с Колесником до сих пор молчали, и это создавало какую-то напряженность в беседе.

— Что вы, товарищ комиссар... Туда они где-то со стороны Ондозера проникли.

— Скажи, капитан,— перебил Григорьев,— что, по твоим данным, представляет собой линия охранения у финнов? Где она точно проходит?

Капитан достал карту, и сразу же Колесник развернул свой планшет.

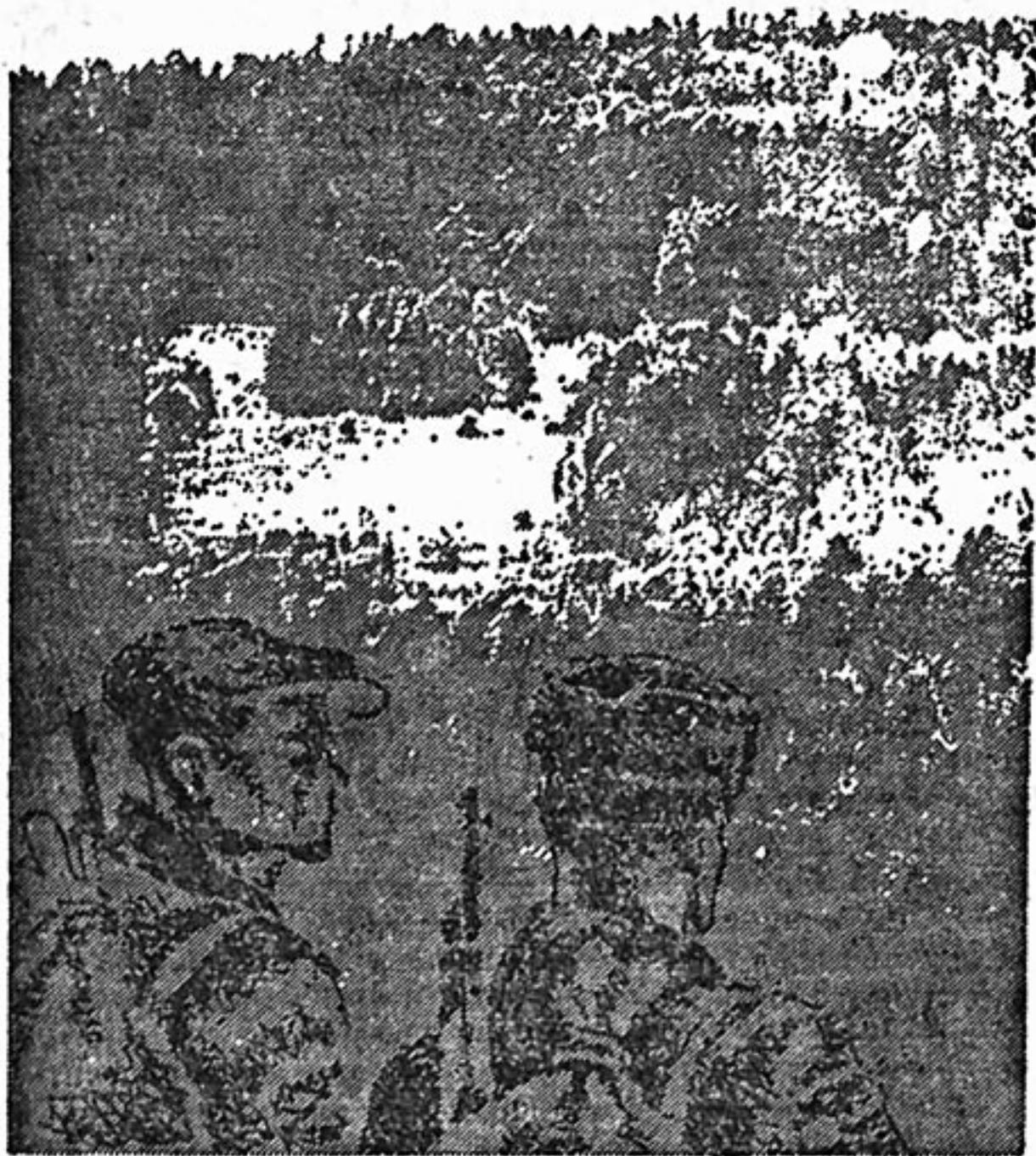
— Сам я далекой разведки не веду, ограничиваюсь наблюдением. Нет возможности, да и не положено... Однако через участок проходит иногда армейская разведка, так что кое-какие сведения имею. Вас интересует участок между Сегозером и Елмозером? Тут финнам, как видите, повезло. Участок очень удобный для создания полосы охранения. Во-первых, дорога Паданы — Сяргозеро — Кузнаволоок. Отличная коммуникация по фронту. Вторая дорога Сяргозеро — Шалговаара — Баранова Гора выходит к самым их минным полям, которые тянутся от Барановой Горы прямо на юг до Орченьгубы на Сегозере. Плюс к этому, финны имеют две охраняемые просеки позади полосы минных полей.

— А гарнизоны? Где есть гарнизоны?

— В каждой из названных мной деревень. Численности не знаю, но, думаю, небольшие. Вы рассчитываете переходить на этом участке?

— Да.

— Нелегкая у вас задача,— покачал головой капитан.— Я, товарищ комбриг, имею приказание оказать вам содействие. Чем могу быть полезен?

— Спасибо, капитан, пока ничем.

— До реки Войванец,— оживился капитан,— мои люди проводят вас. Можем, если нужно, сопровождать до линии охранения.

— Спасибо, не надо. Там мы пойдем сами,— улыбнулся Григорьев, понимая, что капитан, конечно, будет рад этому. Помолчав, он продолжал: — Давайте лучше условимся о сигналах. Не исключено, что мои связные будут выходить через ваш участок. Оповестительный сигнал — дважды поднятая над головой винтовка. При сближении пароль, ну хотя бы «Курок» — «Киев». Согласен?

— Хорошо. Все будет сделано.

Капитан повеселел. Его, как видно, тяготило неопределенное, но категоричное приказание оказать партизанам помощь, шедшее откуда-то из весьма высоких инстанций, и теперь, когда все прояснилось и никакой помощи практически не требовалось, он был доволен.

— Давайте выпьем еще по одной, по последней. За успех вашей операции. Буду рад, если на обратном пути снова встретимся за этим столом. Ни пуха ни пера!

Выпили, закусили, принялись за чай.

— Колесник, я завидую тебе. Ты идешь на серьезное дело! — тихо сказал капитан, и все сразу примолкли, почувствовали неловкость, словно произнес он что-то явно лишнее и даже неуместное.

Допивали чай в напряженной тишине, как бы прислушиваясь и ожидая сигнала, чтобы встать и разойтись.

Такой сигнал последовал. Заверещал «зуммер», и комбату доложили, что из Сегежи прибывает катер. Видно, должны были привезти что-то важное для комбата, так как он, покусывая губы, произнес в трубку:

— Передай, скоро буду!

— Ну, и нам пора! — поднялся Григорьев и надел фуражку.

— Товарищи, если хотите, располагайтесь отдыхать здесь. Я велю принести матрасы. В лесу ведь комары спать не дадут.

— Ничего, капитан, — Григорьев поправил маузер, взял в руку трость. — Спасибо тебе. А насчет комаров — нам дело привычное.

— Почту, наверное, тоже привезли? — спросил Аристов, прощаясь с капитаном.

— Да.

— И газеты?

— Наверное.

— Сможете нам выделить несколько экземпляров?

— Конечно... конечно... Я пришлю, сразу же как разберем... Колесник, может, хоть ты останешься, отдохнешь здесь — койка, видишь, зря пропадает. Поговорим потом.

— Если хочешь, оставайся, — разрешил комбриг.

— Нет, я должен идти.

— Вечером я приду проводить вас, — крикнул капитан, когда они уже разошлись в разные стороны.

— Хороший парень, — улыбнулся Аристов.

— Только болтает много, — хмуро возразил Колесник. В поведении своего бывшего сослуживца что-то ему не нравилось.

Григорьев рассмеялся:

— Вот и угоди вам! Человек хотел каждому из нас приятное сделать, а вы его обсуждать взялись... Парень как парень, настоящий пограничник... Ну, кто как, а я на боковую. Только бы добраться до палатки.

3

Ровно в семнадцать Колесник разбудил комбрига:

— Разведгруппа готова к выходу.

— Да-да, сейчас.

Григорьев словно бы и не проснулся, а очнулся после странного, удушающего забытья. Пять часов пролетели как одно мгновение. Было жарко и непривычно. Солнце светило справа, и тени полосовали лес уже в другом направлении.

Лагерь спал. Ни звука, ни движения. Лишь кое-где, у едва курившихся костров сидели в ожидании смены взводные дневальные, да изредка кто-либо, разморенный жарой, не выдерживал, переползал в тень и тут же засыпал как убитый.

Григорьев из котелка плеснул на лицо тепловатой воды, вытерся рукавом гимнастерки и поднялся: идти умываться к реке не было времени.

Командир разведгруппы Андрей Полевик сидел у потухшего штабного костра напротив Колесника.

— Как настроение? — вполголоса спросил Григорьев, подойдя и устраиваясь рядом. — Сиди, сиди...

— Ничего, товарищ комбриг. — Полевик подумал и добавил: — Хорошее, боевое...

— Начальник штаба объяснил задание?

— Так точно.

— Будут изменения. — Григорьев покосился в сторону Колесника. Он знал, что начальники штабов больше всего не любят, когда в уже намеченный план вносятся какие-нибудь перемены. Но Колесник даже и глазом не повел, словно бы уже знал о намерениях комбрига.

— Смотри сюда, Полевик! — Григорьев расстегнул планшет, вынул и развернул карту. — Сразу за рекой возьмешь азимут 295 градусов. Выйдешь на эту просеку. По ней прямо на запад дойдешь до высоты 139,2. Отсюда это тридцать два километра. Отметь у себя — квадрат 34—58. Далее возьмешь азимут на южную оконечность Елмозера. Пока все, как и было раньше. Дойдешь до губы. Где-то здесь должны начаться минные поля. Будь осторожен... Минера берешь с собой?

— Беру. Даже двоих.

— Хорошо. Дальше повернешь не на юг, как предполагалось раньше, а направишься вдоль восточного берега Елмозера. Задача — выяснить возможности переправы через Елмозеро. Особое внимание обрати на квадрат 12—54. Видишь, здесь озеро совсем узкое — меньше ки-

лометра, место для переправы самое, казалось бы, удобное. Но есть два «но». Первое — на западном берегу бараки бывшего лесопункта, там может быть у финнов гарнизон. Второе — к берегу здесь плохие подходы: топкое болото, шириной более километра. Я бывал здесь и знаю: все дело в том — какая нынче вода в Елмозере. Если высокая — болото не перейти, если низкая — одолеть можно. Как ты знаешь, неделю назад туда ушла разведгруппа Громова. С заданием разведать перешеек. Сюргин идет с тобой?

— Идет.

— Хорошо. Эти места ему знакомы. Главное для тебя — впереди. Дойдешь до реки Елма. Вдоль нее финны держат линию охранения. Понаблюдай. Разведай, есть ли там минные поля? Как часто патрулируется река? И поворачивай назад. Мы будем ждать тебя пятого июля в районе высоты 139,5, у озера Мальярви, в квадрате 28—46. Успеешь?

— Надо успеть. А какое это расстояние будет? Километров восемьдесят, пожалуй?

— Расстояние девяносто километров, — сразу же уточнил Колесник, на своем планшете следивший за маршрутом.

— Трудно успеть, товарищ комбриг... Очень спешить придется.

— Хорошо. Добавлю еще один день. Встреча шестого июля там же. К тому времени мы проведем тщательную разведку перешейка между Елмозером и Сегозером. Есть еще вопросы?

— Все ясно, товарищ комбриг.

— Тогда отправляйся... У тебя есть что добавить? — повернулся Григорьев к начальнику штаба.

— Есть. Мне понадобится полчаса, чтобы заново сделать для Полевика расчеты азимутов.

— Я сам сделаю, товарищ начштаба!

Колесник вопросительно посмотрел на Григорьева. Тот подумал и разрешил:

— Пусть сам. Парень грамотный... Ну, Полевик, смотри не подведи в сроках. Для нас каждый день, знаешь... А главное, запомни — переход годится только скрытый!

— Понятно, товарищ комбриг.

(пос. Услаг, 30 июня 1942 г.)

1

Прозвище «доходяга» родилось не у партизан. Оно пришло, наверное, из лагерного жаргона. Но в бригадном походе это слово обрело столь исконный и наглядный смысл, что сразу получило самое широкое распространение и до конца войны среди партизан характеризовало целое явление походной жизни.

Одним из первых получил эту кличку боец отряда «Мстители» Вася Чуткин, восемнадцатилетний парень из Шелтозерского района. В партизаны он пришел в сентябре 1941 года и вскоре стал своего рода отрядной знаменитостью. Был он незлобив, покладист и до удивления безразличен к голоду и холоду, опасностям и радостям. На все у него был один ответ: «А мне чё?» И при этом Вася обязательно виновато улыбнется и подернет правым плечом. Сухопарый и длинноногий, он отлично ходил на лыжах, скользил легко и накатисто, однако это свое умение Вася показал лишь единственный раз, когда командир отряда послал его с донесением в штаб бригады через Онежское озеро. Шестьдесят километров Чуткин пробежал за восемь часов, и быть бы ему при награде и в должности связного при штабе, если бы в пути он не перезабыл все, что было ему поручено передать. От сурового наказания его спасло лишь то, что операция на западном берегу озера окончилась удачно и его забывчивость никакой беды отряду не принесла.

Вася участвовал во всех зимних операциях отряда, дважды ходил с диверсионной группой в свой район и один раз был послан со стариком Мякишевым в разведку в родную деревню.

С диверсионного задания вернулся с трофейным автоматом «Суоми» — мечтой всех его товарищей по взводу. Но тут же променял автомат у старшины на пачку легкого табаку. В ответ на упреки и даже обвинения, что подрывает огневую мощь взвода, Вася виновато улыбнулся:

- А мне чё? Нужны эти майские жуки, что ли?
- Какие майские жуки, дурень?
- Выдь на озеро, узнаешь...

Сбиваясь и умолкая, словно бы нехотя, Чуткин рассказал, как преследовали их группу, как настигли на середине озера («попробуй сам три дня не жравши, не спавши...»), как партизаны залегли и дали прицельный огонь...

— Расстояние-то с километр будет... У них одни эти «Суоми», а у нас винтовки есть... Мы их как куропаток, прицельно: бац-бац, бац-бац... В снег полезли, жарят из своих трещоток. А пули — как майские жуки! Жужжат, глазом видно — снимай шапку и лови! Летит и кувыркается, как камень из рогатки! Я этих ихних пуль штук десять в шапку поймал, особенно которые трассирующие...

— Какой шапкой, этой? — ядовито ухмыльнулся кто-то, снимая с Васиной головы замусоленную ушанку.

— А какой еще? Конечно, этой...

— А где пробоины? Чего врешь?

— Какие тебе пробоины? Говорю — на излете пули, никакой силы у них за километр нет, жужжат как ленивые майские жуки... Из нас никого даже не ранило, а будь у них винтовки, все мы там остались бы... Мне чё? Не хочешь — не верь...

Все понимали, что подсочинил Вася и подсочинил крепко, особенно в отношении того, чтоб пули шапкой ловить, но было в этой придумке такое, во что хотелось верить, и поэтому верили. Ведь у большинства в отряде были на вооружении винтовки — или трехлинейка, или образца «Маузер». Должны же они иметь хоть какое-то успокаивающее преимущество в сравнении с автоматами противника.

А потом Чуткин пропал. Вернулся недели через три исхудавший, с обморожениями на лице. Как ни в чем не бывало, плюхнулся, не раздеваясь, на топчан и два дня не вставал, отсыпался — даже ел лежа... В санчасть не пошел, врач сама приходила к нему. Где он был, что делал — товарищи могли только догадываться, и авторитет Васи в эти дни достиг высшей точки.

Но Чуткин сам же все и испортил.

Когда все пообвыклись и Вася пришел в себя, стали товарищи у него понемногу выпытывать — как оно там, на другой стороне, как живут люди в деревнях и сильно ли финны лютуют... Вася долго отмалчивался, непонятно пожимал плечами, и на него никто не обижался, подобная разведка — дело секретное. Поговаривали, что

не сегодня-завтра Васю вообще заберут из отряда, не зря его в наряды уже не назначают, пусть отдыхает парень, сил набирается.

Однако из отряда Чуткин так и не ушел. И вот по какой причине. Когда от него уже начали отставать даже самые любопытные, Вася как-то вечером, сидя на топчане, чему-то усмехнулся, головой покачал в сомнениях и произнес:

— Сдавил я ей, паразитке, глотку, под пальцами что-то хрустнуло — слабо так... Забила она ногами по полу и затихла.

Все сразу примолкли, потянулись к нему с вопросами: «Кто? Где? Кому?»

Как всегда, добиться от Васи связного рассказа так и не удалось, но кусками — кусками, а картина выяснилась полная.

Был Вася в родной деревне. Пришел поздно вечером в свой дом. Старуха (так он называл мать) все, что знала, выложила ему и говорит, что тебе, Васенька, оставаться в родном доме нельзя — финны часто приходят, один за Зинкой все ухаживает, целыми вечерами у них просиживает. «Где Зинка?» — спросил Вася, поднимаясь. («Зинка — это сестра, на год младше».) Старуха ответила, что на гулянке и скоро должна прийти. Вышел Вася на крыльцо, стоит, раздумывает — куда же ему податься, где устроиться, чтоб задание выполнить.

А тут и Зинка идет. И вместе с ней финн этот — провожает. Вася — шасть под крыльцо и замер. Остановились они совсем рядом, руку протяни — достанешь. Стоят, хиханьки да хаханьки. Потом целоваться начали. Поднимутся на ступеньку — чмок-чмок. Поднимутся на другую — опять то же самое. Еле дождался Вася, пока финн уйдет. Вошел в дом, вызвал Зинку в сени и...

— ...Сдавил ей, паразитке, глотку, под пальцами что-то хрустнуло — слабо так. Забила она ногами по полу и затихла, — равнодушно, слово в слово, повторил Вася и принялся свертывать сигарку.

Все сидели ошеломленные, не зная, то ли верить, то ли рассмеяться прямо в лицо Ваське. Чаши весов долго колебались, и вдруг одна медленно потянула вниз.

— А чего ж ты обоих из автомата не полоснул? Прямо там, на крыльце, раз решил расправиться с сестрой... Поди, с автоматом ходил?

Чувствовалось, что командир отделения Живяков уже поверил случившемуся и его беспокоила лишь Васиная оплошность — упустил финна.

— Шум нельзя было поднимать...

— И это ты на глазах у матери? — сдавленным голосом, осуждающе произнес Иван Соболев — одногодок Чуткина, пудожский комсомолец, бывший детдомовец.

— Не-е, старуха уже спала...

Слух о Васином поступке быстро разнесся по отряду. Партизаны других взводов специально заходили в его казарму посидеть — покурить в рукав (курение в казармах запрещалось), никто уже ни о чем не расспрашивал, но все с каким-то странным удивлением смотрели на Васю, словно был перед ними совсем незнакомый человек. Политрук третьего взвода Спиридон Лонин, человек добрый и старательный, в силу своей доброты потрясенный услышанным более других, уже начал готовить специальную беседу «Нет пощады предателям», которую думал построить на рассказе Чуткина, как вдруг все переменялось.

Поздно ночью Чуткина вызвал в штаб командир отряда Александр Иванович Попов.

— Значит, хрустнуло под пальцами? — весело спросил он и улыбнулся куда-то мимо Чуткина.

Заспанный, ничего не понимающий Вася тоже улыбнулся и пожал плечами. Поначалу он не заметил, что в полутемном углу сидит помощник командира бригады по разведке, отправлявший его месяц назад на задание.

— Значит, и ногами забила по полу?

Вася молчал, глядя чуть в сторону.

— Почему же ты не доложил об этом, вернувшись?

Вася продолжал молчать.

Командир поднялся и во весь голос крикнул:

— Встань как следует! И отвечай, трепло несчастное! Ишь, у него, видите ли, «хрустнуло под пальцами...». Где только научился так складно врать. Вот уж воистину, один дурак семерым работу задаст. Знаешь ли ты, идиот, что из-за твоей болтовни людей на проверку пришлось отправлять, все твои другие сведения под сомнение ставить. Хорошо, хоть в деле не наврал, а то быть бы под трибуналом. Вот так: был ты представлен к награде, а теперь все отменяется... Будешь месяц нужники чистить.

Помощник комбрига приблизился к Васе и тихо спросил:

— Скажите, Чуткин, зачем вы все это придумали? Зачем вам понадобилось позорить свою сестру, да и себя, конечно?

Вася молчал. Что он мог ответить? Им легко спрашивать — зачем? А попробовали бы сами пойти в оккупированную деревню, да пожили бы там хотя бы неделю — тогда узнали бы, зачем человеку приходится многое придумывать... За двое суток, пока шел через озеро и впереди ждало неизвестное, в голове всякое побывало. И хорошее, и худое. Даже не знал, живы ли вообще мать и Зинка — восемь месяцев ничего о них не слышал. Если живы, то как живут, чем кормятся? Подумаешь об этом — опять закорючка! Если плохо им — мать жалко, старая уже, а помочь-то нечем. Коль хорошо или сносно живут — еще хуже, разве честные советские люди могут хорошо жить при оккупантах?.. Да, многое пришлось обмозговать, и он остановился, как ему думалось, на самом худшем. И так свыкся в мыслях с этим, что, кажется, все было на самом деле.

Разве ж виноват он, что в деревне все оказалось проще и неинтересней. Живут люди. Впроголодь, конечно, но от голода никто еще не умер. Кто как может, переживают лихое время, своих ждут. Парни и девки, оставшиеся в оккупации, угнаны на оборонные работы и дома бывают только по церковным праздникам. Старикам и пожилым тоже без дела сидеть не дают — дороги расчищают, дрова заготавливают, паек отрабатывают.

Конечно, и он, и мать натерпелись страху за эти две недели, пока он таился в родном доме. В деревне стояла полурота финнов, а неподалеку на мысу — дальнобойная батарея с прожектором. Казармы в бывшей школе расположены, но в дом Чуткина солдаты заглядывали чуть не каждый день. То одно им надо, то другое — только успевай в холодный подпол прятаться.

Вот так все и вышло.

Случись что-либо необыкновенное, может, из сознания и выпало бы то, к чему готовил он себя, когда шел через озеро. Но ничего не случилось, и оно, это придуманное, так и осталось в нем самым глубоким и потрясшим его переживанием.

Вот теперь попробуй объясни — зачем он все это придумал? Да и какая же это выдумка, если он все это действительно пережил и, коль понадобилось бы, то поступил бы точно так, как рассказывал.

Вася молчал.

Командиры, так и не добившись толку, отпустили его.

Васина жизнь в отряде сделалась нелегкой. Уважение сменилось если и не полным презрением, то уж достаточно ядовитой насмешкой. Этого, вероятно, не произошло бы, если бы сам Чуткин повел себя по-иному. Другой постарался бы превратить случившееся в шутку, в розыгрыш. Но Вася и не умел, и не хотел этого. Он вел себя так, словно ничего не произошло. С еще большим безразличием к тому, что о нем говорят или думают, Вася в ответ на самые язвительные вопросы пожимал плечами и ронял свое любимое: «А мне чё? Сами просили...»

Многих это бесило, иные, пользуясь беззащитным Васиным положением, стали извлекать для себя выгоду. Внеочередные работы, всякие поручения, что потрудней,— теперь было на кого спихивать. Особенно старался его земляк, командир отделения Живяков, который чувствовал себя лично оскорбленным тем, что не только первым поверил рассказу Васи, но и своим одобрением как бы поставил его в пример другим. Он действовал по принципу: провинился — зарабатывай прощение товарищей. Внеочередные наряды сыпались на Васю за дело и без дела. Вася не роптал. Немудреную справедливость этого принципа он разделял и сам, но выполнял бесконечные поручения командира отделения не только в силу этого. Своей безотказностью он славился и раньше. Лениво, может быть, даже нехотя, но он всегда пойдет, принесет, сделает. Хитрецы и филоны (а такие всегда найдутся, раз есть простаки) охотно пользовались Васиными услугами и до этого, а теперь они получили как бы моральное право не стесняться. Совсем загоняли бы Чуткина, но было у того спасение — в любом деле он не переусердствует; не откажется, но и не разбежится; если возможно, сделает чуть меньше положенного. Может, это его качество развилось как средство защиты от желания других слишком уж часто прибегать к его услугам.

Так было на базе. Но в походах есть тот минимум, меньше которого делать невозможно. Каждый должен идти и нести за плечами свой груз.

В отношении Чуткина Живяков учел и это обстоятельство.

При выходе с базы перед каждым командиром отделения встает постоянный и довольно-таки сложный вопрос: как распределить груз? Нет, речь идет не о личном оружии, боеприпасах и продовольствии: это каждый боец должен нести сам для себя. Речь идет о шести запасных дисках к ручному пулемету, о тысяче пулеметных патронов, о пятнадцати килограммах тола, о батарее для рации, двух топорах, поперечной пиле и разном прочем скарбе, которого набирается до пятидесяти килограммов на каждое отделение. Добровольцев нести все это, как правило, не бывает — люди и так до предела нагружены. Разделить поровну между девятью бойцами тоже нелегко — диски и патроны к ним делить нельзя, надо, чтоб были они у определенных лиц, в бою всякое случается, искать по мешкам некогда. Вот и мучается командир отделения, прикидывает, распределяет, устанавливает очередность.

В летнем бригадном походе для командира отделения Живякова такой проблемы не существовало. В день выхода из Сегежи он кинул к ногам Чуткина мешок с запасными патронами для «Дегтярева»:

— Головой ответишь! Смотри, чтоб всегда под рукой были.

Мешок хоть и не велик, а увесист — пожалуй, никак не меньше полпуда потянет... Но главное — не было ему места в вещмешке, набитом до отказа продуктами. Пришлось сухари чуть ли не ногой уминать.

На первых же шагах, как только вышли из Суглицы, Вася сразу ощутил неладное. «Сидор» и сам по себе тяжел — под три пуда, а тут еще никак не сидит на спине, все время из стороны в сторону ерзает и не вниз тянет, а куда-то набок заваливает. Вася и раньше догадывался, что надо бы патроны в самый низ положить, да не то чтобы поленился все перекладывать, а скорей всего успокоил себя мыслью, что делать этого, пожалуй, нельзя, что патроны не сухари, они каждый миг могут понадобиться и их надо держать сверху.

Вот и мучился километр, другой, третий... Шли так быстро, что глаза застилало едким потом, в сторону и взгляда бросить некогда, только и успевай следить за ногами впереди идущего: он перешагнул валежину — и ты перешагнивай, тут он с камня на камень ступил —

и ты следом. Пот, усталость, машинальность движения — все это знакомо по зиме и привычно. А вот комарье — такого никто и не предвидел. Как только вошли в лес — откуда что взялось! Над головами — черные тучи, льнут к потному лицу, и каждый укус сначала саднит, потом начинает так зудеть, что рад бы в кровь разодрать кожу.

А Вася отмахнуться или почесаться не всякий раз может — руками крепко лямки придерживает. Чуть отпустит, и поехал мешок куда-то в сторону или назад, потом подпрыгивай, подправляй его на место. Мешок уже не просто тянул и заваливал на сторону, он брал поясницу на излом, давил на нее до онемения, делал ноги чужими и непослушными.

«Надо было переложить», — много раз укорял себя Вася, собираясь заняться этим на первом же малом привале — авось успею за десять минут. Но как только идущие впереди останавливались и без слов начинали опускаться на обочину, кому где удобней, Вася чуть ли не падал в мягкий мох, не снимая лямок, приваливался спиной к вещмешку, вытягивал огрузшие ноги — и ничего ему больше было не нужно. Сил едва хватало от комаров отмахиваться, а в голову всякий раз приходила успокаивающая мысль, что теперь недалеко и до большого привала, а там Живяков, конечно, заберет у него патроны, даст что-либо полегче и поудобнее.

Бригада, как ему казалось, шла все быстрее; переходы становились длиннее и привалы короче, хотя на самом деле все было наоборот.

Где-то за серединой пути к Услугу Вася вдруг почувствовал, что больше он не может. Это состояние было знакомо ему по зимним походам, и он знал, что его надо обязательно пересилить и ни в коем случае не сходить с тропы. Надо тянуться. Надо перестать думать о привале и тянуться. След в след, шаг в шаг. Ведь идут же все. Даже девушки-сандружинницы... Правда, им легче. У них в мешках только продукты и медикаменты, каких-то двадцать — двадцать пять килограммов. А у него?.. Эти проклятые патроны!

Стоило подумать об этом, и сразу же приходила расслабляющая мысль, что он вымотался больше других не без причины, что груз у него тяжелее, и если он сейчас сойдет с тропы, то никто не посмеет упрекнуть его.

Какое-то время он еще держался. По его подсчетам, вскоре должны были остановиться на короткий отдых. «Вот дойду до спуска в лощину — там и привал, наверное», — думал он, шагая из последних сил.

Дошли до лощинки, пересекли ее, стали подниматься на взгорье — привала все не было. Вася резко качнулся, сошел с тропы и прислонился вещмешком к стволу молодой податливой березки. Приятная и странная прохлада выкатилась из-под надавленных лямками плеч и облегчающе разлилась по всему телу... словно подуло откуда-то холодным ветром... Будто комары перестали звенеть над головой...

Мимо двигались люди. Шаг за шагом. След в след. Шли так медленно, что Васе показалось, будто они уже подтягиваются поплотнее и вот-вот усядутся на привал.

Но это только показалось — привала не было.

— Чуткин, что с тобой? — чуть задержался политрук Лонин, повернув к Васе багровое от натуги лицо. Он замыкал взводную цепочку.

— Портянка сбилась, — соврал Вася. В том, что выдохся, он еще не признался бы и себе.

— Смотри, не отставай...

Потом, почти без перерыва, потянулась цепочка другого отряда... «Боевые друзья», бывшая «шестерка»... Вместе с ними зимой дважды ходили в Заонежье... Много знакомых, есть даже земляки из Шокши.

На Васю никто не обращал внимания. Лишь скосят на секунду понимающие глаза в его сторону и снова взгляд вниз, под ноги. Для лишних разговоров сил ни у кого уже не было.

Потом объявили привал. Стоять у дерева стало бессмысленно, но и садиться отдыхать в расположении другого отряда было неловко.

Вася подтянул мешок и стал пробираться к своим.

Идти пришлось стороной, так как тропа была перегороджена ногами людей, усевшихся по обе ее стороны. Пока Вася медленно пробирался, обходя деревья, валуны, заросли, снова устал и уже с нетерпением ждал момента, когда сможет усесться на свое место.

— Что, приятель, «доходишь»? — не удержался кто-то незнакомый из соседнего отряда. У партизан всегда так — еле отдышатся, а уже норовят уколоть друг друга шуткой, особенно если ты из чужого отряда.

Вася, конечно, промолчал. Он лишь усмехнулся про себя, так как действительно доходил тот отрезок пути, который должен был пройти вместе с другими.

Когда он добрался до своих, время привала наполовину истекло, отдохнуть, как все, он не успел, и все началось снова.

С каждым переходом он отставал все больше, и времени на отдых не оставалось совсем.

В Услаг Чуткин пришел через полчаса после отряда. К его утешению, был он не один — со всех отрядов таких набралось около десятка.

Их еще не называли «доходягами», они числились в отставших. Из-за них от штаба бригады, по нисходящей, пошла целая цепь замечаний и предупреждений командирам. Замечание по Чуткину замкнулось на его командире отделения Живякове.

Тот налегке, с одним автоматом, вышел встретить Васю на подходе к реке Сегежа.

— Опять отличился? — грозно спросил он, едва Вася приблизился. — А ну шагай, чего встал!

— А мне чё? Патроны заберешь, не хуже других пойду! — с полной верой, что так оно и будет, ответил Чуткин.

— Ах, вот оно что? Сачковать, значит, надумал? Нет, браток, ничего не выйдет! Патроны понесешь и пойдешь как миленький! Молодой, здоровый парень, а в «доходяги» целит! Ну-ка, снимай мешок!

Вася, думая, что Живяков хочет помочь ему, охотно скинул вещмешок. Живяков взвалил его на спину, поерзал плечами, прилаживаясь, и снял.

— Мешок как мешок. Только уложен по-дурацки. За тобой, как за ребенком, смотреть надо. Гляди, Чуткин, перейдем линию охранения, там разговаривать некогда будет. За сегодняшнее получишь два дневальства вне очереди. Надевай мешок, чего стоишь!

Конечно, при желании можно понять и Живякова. Другие уж давно отдыхают, варят кашу, а ему надо возиться с этим рослым и на вид здоровым парнем, который наверняка мог бы идти как все, не причиняя хлопот ни себе, ни ему, Живякову, ни командиру отряда. Ясно, сачкует... А с сачками разговор короткий. Главное, им нельзя давать никаких послаблений. Их надо заставить делать все, как положено. И этот Чуткин разойдется, как миленький пойдет...

Но Живяков ошибся. Все пять дней, пока бригада осторожно выдвигалась к линии охранения, Чуткин оставал на каждом переходе. Еще в Услаге он уложил мешок как положено: тяжелое — внизу, легкое — наверху, да и груз с каждым днем убывал. Но ничто не помогало.

Минутное послабление себе, допущенное в первый день, как невидимая язва подтачивала его волю, а без нее разве соберешься с силами в этом тяжком, на пределе мучительном походе.

Так появились в бригаде первые «доходяжки», и в штабе раздумывали, как поступить с ними...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(оз. Мальярви, 8 июля 1942 г.)

Шестого июля бригада подошла к линии охранения и расположилась вблизи лесного озера Мальярви. До ближайшего финского гарнизона в деревне Баранова Гора оставалось десять километров. В Междуозерье, к линии охранения, были направлены три группы разведчиков.

Григорьев все еще не оставлял надежды, что удастся скрытно перейти полосу охранения в перешейке между Елмозером и Сегозером.

Дальнейшее представлялось не таким трудным. Быстрый рывок на юго-запад, форсирование шоссейной дороги, выход к высоте с отметкой 278. Там уже глухие места. На десятки верст вокруг — ни жилья, ни дорог. Там можно будет идти спокойно. На юг, на юг — в широкий проход между озерами Унутозеро и Селецкое, потом на юго-запад — к Матченъярви и снова на юг, к северной оконечности Янгозера, откуда до цели останется сорок километров. Десятки раз этот маршрут пройден по карте. Каждый квадрат, каждая топографическая отметка изучены так, словно бы уже сам бывал там, ногами измерил весь путь от Сегежа до Поросозера. А разве это не так? Ведь начинаются места — родные и знакомые. Хотя и давно, но доводилось ему бывать и на Янгозере, и на Селецком, и на Унутозере. Может, потому и видятся теперь при взгляде на карту не столько топографические знаки, сколько постепенно оживающие перед гла-

зами лесистые склоны, проемы озер и болот и волнистая темная кайма по горизонту...

Разведгруппы, посланные в Междуозерье, вернулись утром и принесли раненых. Трое партизан подорвались на минах, один из них скончался в пути. Все самые худшие опасения подтвердились: перешеек покрыт сплошными минными полями, позади них прорублены патрулируемые просеки. На севере у Барановой Горы и на юге у Орченьгубы разведчики заметили финские дзоты. Стало ясно: здесь незамеченной бригада не пройдет. Осталось дожидаться разведгруппы Полевика и трогаться на север, даже если и Полевик принесет неблагоприятные вести. На юг пути не было: от Лисьей губы на Сегозере до Повенецкого залива — сплошная линия фронта.

Группа Громова принесла неутешительные вести. Переправа через Елмозеро невозможна. На западном берегу — гарнизон в бараках, вода в озере — высокая, болото — непроходимо.

Но вернувшийся ночью Полевик обнадежил. Сплошных минных полей между Елмозером и Ондозером он не обнаружил. Перед дорогой Кузнаволок — Коргуба есть патрулируемая просека. Движение на дороге слабое — днем прошла колонна из трех машин да проехал патруль на велосипедах. Идти туда далеко — километров сорок, пожалуй, да еще вдоль берега не пробраться, придется огибать болото и делать лишних восемь — десять верст.

Полевик еле держался на ногах.

— Хорошо. Отдыхай, спасибо, — отпустил его Григорьев.

Раздумывать, казалось бы, и нечего, но весь остаток ночи комбриг провел в раздумьях. Несколько раз собирались и советовались все трое — он, комиссар Аристов и начштаба бригады Колесник. Вечером из штаба партизанского движения пришла радиogramма, смысл которой можно выразить одной фразой: «Почему топчетесь перед линией охранения?» Этот упрек выглядел особенно непонятным потому, что в Беломорске уже знали о результатах разведки Междуозерья. Как только вернулись первые три группы, Григорьев отправил Вершинину подробное донесение. Что означал ответ? Уж не то ли, что бригаде следует начать переход, не обращая внимания — будет она обнаружена или нет? Бригада, конечно, перейдет полосу охранения. Пусть с потерями, с боем, но перейдет. Но тогда сразу же придется распрощаться с

мыслью выполнить первую и главную задачу — разгромить штаб финского корпуса в Поросозере.

Верил ли сам Григорьев в выполнимость этой задачи? По силам ли она бригаде?

Эти вопросы он задавал себе не раз, об этом же сразу спросил его Вершинин, как только впервые познакомил с планом, разработанным совместно с разведывательным отделом штаба Карельского фронта.

Они сидели вдвоем — в служебном кабинете Вершинина, в бывшем жилом доме на тихой беломорской улице.

Из всего высшего начальствующего состава на Карельском фронте Вершинин был, пожалуй, единственным, кто в 1942 году еще носил давно уже устаревшее воинское звание «комбриг», хотя был кадровым военным, участником гражданской войны, потом — чекистом, начальником пограничного округа, депутатом Верховного Совета СССР.

Вершинин много курил. Трубку изо рта он вынимал лишь за тем, чтобы набить ее свежей порцией табака. Попыхивал, шурился, ждал ответа и словно бы заново приглядывался к Григорьеву. Через три дня Вершинин должен был ехать в Москву на сессию Верховного Совета и попутно собирался доложить о намечаемой операции начальнику Центрального штаба партизанского движения.

Верил ли Григорьев в выполнимость задачи, поставленной перед бригадой?

И да, и нет... Верил, если удастся обеспечить внезапность нападения на Поросозеро. В противном случае — лесная война, изнурительная и очень невыгодная для бригады. Населения на оккупированной территории практически нет. На его помощь, хотя бы в снабжении, рассчитывать нельзя. Дороги и машины дадут финнам маневренность, авиация обеспечит постоянное наблюдение с воздуха, затишье на фронте позволит оттянуть против партизан столько войск, сколько понадобится для окружения бригады. Не лучше ли сразу рассредоточиться поотрядно и двигаться мелкими группами?

Григорьев так и ответил Вершинину.

— Нет, — покачал головой тот. — Выбора нам не дано. Ситуация такова, — Вершинин любил это слово, — что фронту необходимо иметь в тылу противника крупное соединение... Сейчас объясню!

Вершинин выколотил трубку, снял нагар перочинным ножом, набил ее и тщательно раскурил:

— Еще зимой штаб Карельского фронта начал по приказу Ставки разрабатывать план крупного наступления. Да-да, именно здесь, на Масельгском направлении, с прорывом в сторону Суоярви и далее на Сортавалу. Цель — отрезать или в крайнем случае заставить финнов отвести войска со Свири, очистить восточное побережье Ладоги и тем самым облегчить положение Ленинграда. Для этого фронту было обещано восемь свежих дивизий. Но на юге ситуация сложилась так, что с Карельского фронта Ставка вынуждена забрать три дивизии, стоявших в обороне. При этом поставлена задача — ни в коем случае не допустить, чтобы противник, воспользовавшись этим, смог снять с нашего фронта не только дивизию, но и какую-либо часть для переброски и перегруппировки. Выход один — активизация, втягивание в действие финских резервов и частей второй полосы обороны... Теперь давай рассуждать... Если бригада рассредоточится и будет действовать мелкими группами, то против партизан финны навряд ли отвлекут крупную часть. Они будут организовывать преследование силами малочисленных гарнизонов, стоящих в деревушках. Но если в их глубоком тылу появится целое партизанское соединение, тут уж иная, как говорится, ситуация.

Создавалось впечатление, что и сам Вершинин не очень-то рассчитывает на успех поросозерской операции. Но когда Григорьев намекнул об этом, Вершинин преврал его:

— Ошибаешься. Мы сейчас обсуждаем с тобой самый худший вариант, а, как известно, оперативные задачи ставятся в расчете на оптимальный результат.

Разговор остался незаконченным. Потом были и другие разговоры об этом же. Но были они уже деловыми, строгими, официальными. Вместе с Вершининым и Аристовым Григорьев побывал с планом операции у члена Военного Совета фронта, секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова, и там о поросозерском походе говорили так, словно успех его ни у кого не вызывал сомнений.

«Вероятно, это и правильно,— решил для себя Григорьев.— На войне нельзя руководствоваться принципом: смогу — не смогу. На войне есть один закон — на-

до... Уж кому-кому, а мне меньше всего пристало сомневаться. Мне надо действовать».

В кабинете Куприянова находился начальник разведотдела штаба фронта полковник Поветкин. Они вместе с Вершининым разрабатывали план поросозерского рейда. Высокий, интеллигентного вида полковник все время молчал, пристально поглядывая на Григорьева, и было в его взгляде что-то недосказанное, загадочное и сковывающее, словно он знал о походе больше того, что имел право знать сам Григорьев.

В день отправки из Сегежи в бригаду приехал сам Вершинин. Был он внимателен и заботлив. Вместе с заведующим военным отделом ЦК КП(б) республики Н. Ф. Карахаевым он обошел все отряды, поговорил с бойцами, дал накачку интендантам за то, что часть мясных консервов была заменена рыбными, а вечером, когда опять остались вдвоем с Григорьевым, в больших светлых глазах Вершинина появилась задумчивая грусть...

— Послушай, комбриг... Все, что мы говорили тогда — помнишь? — остается в силе. Ситуация прежняя, только дела на юге стали еще хуже... Приказ у тебя на руках. Выполняй его, но действуй сообразно обстановке. Быть поводырем тебе отсюда я не смогу... Знать о бригаде буду ровно столько, сколько сам сообщишь. Поэтому радируй чаще и подробней. Наша связь будет работать на вас непрерывно. Помни одно — бригаду посылаем не на закланье...

Григорьев не понял последнего слова, хотел переспросить, но Вершинин жестом остановил его и закончил:

— Надо действовать так, чтоб и задание выполнить и бригаду сохранить, понял? Тогда это будет по-партизански...

— Понял, Сергей Яковлевич!

Вершинин проводил бригаду до посадки в эшелон.

Все было как будто ясным в их отношениях, и вдруг этот упрек: «Почему топчетесь перед линией охранения?» Неужели Вершинин не получил его донесения? Разве там не поняли, что разведданные, на которых строился план, оказались неточными, устаревшими?

Утром Григорьев собрал командирское совещание, объяснил обстановку, сообщил свое решение двигаться на север, чтобы перейти линию охранения между Елмо-

зером и Ондозером, и попросил каждого командира высказаться. Заканчивая совещание, Григорьев сказал:

— Выступим в восемнадцать. Больше до перехода линии охранения костров разводить не будем. Проверьте состояние каждого бойца. Всех ослабевших, кто отставал на переходах и не может идти, в семнадцать ноль-ноль собрать возле санчасти.

Тут же он составил и передал радисту следующее донесение:

«Вершинину.

Ввиду невозможности скрытого перехода линии охранения на указанном участке принял решение двигаться на север, чтобы осуществить переход между Елмозером и Ондозером. Для вывозки раненых вышлите самолет с посадкой на озере Тухкаярви. Будем ждать с двадцати трех часов восьмого июля до тринадцати часов девятого июля. Сигналы три красных ракеты вдоль берега. Подтвердите согласие.

Григорьев»

2

До выхода оставалось около часа.

Вася Чуткин наскоро вытер мхом котелок, засунул его в мешок, порадовался, что наконец-то нашлось там ему место, и тут же с грустью подумал, что радоваться-то нечему — продуктов уж больно поубавилось. Но быстро утешив себя, что такое положение не у него одного, потянулся за кисетом — нет ничего приятнее всласть покурить на сытый желудок... Вместе с махоркой партизанам выдали в поход пачки белой курительной бумаги, нарезанной уголком, как раз для «козьей ножки». Это — чтоб курильщики не брали в тыл врага газет, по которым, как думалось, противник мог бы определить кое-что, для партизан нежелательное... Каждый раз, свертывая «козью ножку», Вася размышлял, а что же, собственно, можно определить по кусочку газеты? И оттого, что сам он никак не мог додуматься и найти отгадки, запрещение в его глазах несколько не утрачивало своего смысла, а наоборот — представлялось делом тонким и не каждому доступным.

Не успел Вася накуриться, как подошел командир взвода Бузулуцков:

— Чуткин, пойдешь на задание!

Все вокруг настороженно притихли.

Вася заметил на лице командира взвода странную и вроде коварную улыбку и, не желая попасть впросак, ответил:

— А мне чё? Надо — так пойду...

На всякий случай он поднялся, принял что-то похожее на стойку «смирно».

— Не «чёкай», а собирайся, — уже строго приказал Бузулуцков. — Ты что нес? Пулеметные патроны? Сдай их Живякову. Живяков, прими у него патроны и тол... Ты, Чуткин, сейчас же иди к бригадной санчасти. Понесешь назад в Сегежу раненых!

— Везет же «доходягам»! — то ли с завистью, то ли с презрением воскликнул командир отделения Живяков и сплюнул.

— Живяков, укороти язык. — Бузулуцков повернулся и ушел к штабу отряда.

Восклицание Живякова задело Чуткина. Неожиданно для всех он обиделся:

— А мне чё? Я виноват, чё ли? Я просился, да?

— И верно, Живяков, зря ты обижаешь парня! — поддержал его кто-то из бойцов, сидевших поблизости.

— Это что еще за пререкания! Тебя кто спрашивает! — повысил голос Живяков и вдруг притих. Потом, как это часто с ним бывало, смягчился и совсем другим тоном обратился к Чуткину:

— Разве ж я попрекаю тебя? Ну повезло тебе — и повезло! Не тебе, так другому — кому-то надо раненых назад нести... А что тебе — так, может, и хорошо. Тебе и нам хорошо — слабосильный ты оказался... Давай сюда патроны. Яковлев, бери патроны к пулемету, понесешь. А ты, Чуткин, вот что: сухарей тебе много не понадобится. Оставь себе половину, а остальное давай сюда. В Сегеже проживешь, накормят. А нам, сам знаешь, какой путь... Ну и сухари у тебя — крошево какое-то... Вот, ребята, будьте свидетелями: в общий пай я взял у Чуткина три котелка сухарей, банку консервов и две пачки концентрата. Все кладу в отдельную наволочку и завязываю — будет наш НЗ. Ну, Чуткин, собирайся и иди, пора тебе...

Чуткин покорно всему подчинялся — вынимал, переключивал, завязывал, а сам все больше чувствовал внутреннее несогласие и обиду, уже не смел и глаз поднять на товарищей. словно списывали его из отряда...

Словно совершил он позорный проступок... Вася в душе никого не винил, даже Живякова, который все делал так, как и должен делать заботливый командир отделения. И все равно было обидно. Сухарей не жалко. Может, Вася и сам догадался бы оставить их отделению... Стал бы доставать из мешка патроны, увидел бы сухари и сказал: «Берите, ребята, раз уж так не повезло!» Совсем другой коленкор вышел бы.

Мрачное Васино настроение не осталось незамеченным в отделении. Каждый, прощаясь с ним, счел нужным подбодрить его, и всяк по-своему: кто по-дружески, кто с завистью, а кто с издевкой — на племя, дескать, тебя оставляем, не теряйся там, в тылу, там девок много...

Уходил Вася медленно, чувствуя на спине взгляды товарищей и нарочито сдерживая шаг.

...Каково же было удивление Живякова, когда через полчаса повеселевший, словно оживший Чуткин вновь появился в отделении, снял со спины тощий вещмешок и расположился на прежнем месте.

— Давай, командир, назад сухари и патроны...

— Чуткин, что случилось? Почему ты вернулся?

— А мне чё? — улыбнулся Вася. — Комбриг приказал...

— Почему? Объясни же, черт побери!

— Слабаков там и без меня хватает...

Теперь уж и Живяков не знал — радоваться ему или огорчаться. Неужто действительно в бригаде накопилось так много «доходяг», что его Чуткин уже не в счет?

— Невезучий же ты, Чуткин, — возвращая продукты, покачал головой Живяков. — Все у тебя не как у добрых людей... То сам в дураках окажешься, то другие опередят... Чего улыбаешься? Что, не согласен? Хотя где тебе! Глупые ведь тоже себя дураками не считают, — живут да еще и радуются... От них нормальным — одна маета...

Вася, конечно, был не согласен. Но спорить не хотелось, да и бесполезно с Живяковым спорить. Еще неизвестно, как он отнесется к Васе, когда узнает, каким образом удалось ему вернуться в отделение.

8

Когда Чуткин подошел к шалашу санчасти, там назначенных на возврат со всех отрядов собралось человек пятнадцать. Раненые разведчики Александр Першин

и Матвей Кузнецов уже лежали на носилках. Больной Иван Израилев, скрюченный и ко всему безразличный, сидел возле них на земле — он должен был идти сам. Бригадный врач Петухова давала последние указы двум сандружинницам — Вале Клыковой и Наде Лазаревой. Слушая ее, они все время с испугом поглядывали на затихших раненых.

«Та еще команда!» — с ходу подумал Чуткин, и стало ему так тоскливо и обидно, что хоть плачь. Он остановился поодаль и начал приглядываться, определять, кто откуда и по какой причине заворачивают его назад. Несколько человек были знакомы: Ваня Пянтин, Миша Ракчеев... Других не знал по фамилии, но помнил в лицо. Кое с кем вместе тянулись на тропе позади всех, соревнуясь, чтоб не быть последним. Известные «доходяги»... Правда, себя Чуткин «доходягой» уже не считал — последние два перехода он сделал несколько не хуже других. И если бы Живяков относился к нему получше, то доложил бы об этом командиру.

Приглядевшись и разобравшись, что к чему, Вася подумал, что собралось их здесь явно многовато. Конечно, и путь до реки Сегежа немалый — около сорока километров. Но если с каждым двумя ранеными бригада начнет возвращать назад по пятнадцать здоровых, то кто же воевать будет? Эта мысль как-то успокоила и вроде обнадежила Васю. Он стал терпеливо ждать.

Командир группы Борис Шунгин сделал перекличку, представил назначенного политруком Виктора Кошкина и, как положено, проверил у каждого оружие и боеприпасы. До Чуткина он дойти не успел. Появился комбриг Григорьев, поздоровался и объявил:

— Задание вашей группе следующее. Понесете раненых до озера Тухкаярви. Это недалеко — шесть километров. Мы там были позавчера. На озере надо быть не позже двадцати трех часов. Ночью прилетит самолет. Будете ждать его до тринадцати часов завтрашнего дня. Если по каким-либо причинам самолета не будет, понесете раненых до поселка Услаг. Пойдете по старой тропе — Шунгин с маршрутом знаком. Вам навстречу выйдут пограничники. Какие есть вопросы?

— Раненых отправим на самолете, а нам самим куда? — спросил Пянтин.

— Все вы возвращаетесь своим ходом в Сегежу и по-

ступаете в распоряжение командира отряда «Красное знамя» Введенского.

И тут Чуткин решился, сделал шаг вперед.

— Можно, товарищ комбриг?

Григорьев взгляделся и кивнул:

— А-а, это ты, Чуткин... Что у тебя?

Он помнил его по шокшинской разведке и по всей той истории, о которой и сейчас трудно вспоминать без улыбки.

— Товарищ комбриг, разрешите мне с бригадой... Я могу. Я последние дни хорошо шел.— Вася сам испугался своей смелости и привычно загнусявил:— Чё, я хуже других, чё ли... Я вон только разошелся, а тут назад...

Комбриг смотрел на Васю, шурился и уже не скрывал улыбки.

— Попова ко мне, быстро,— приказал он связному.

К счастью, Попов оказался поблизости. Минутку они вполголоса посовещались, поглядывая на Васю, и Григорьев приказал:

— Чуткин, возвращайся в отряд... Только если отставать будешь, палкой погоню, понял? Ну, остальные распределяйтесь по носилкам и трогайтесь. Шунгин, назначь наблюдателей по сторонам. Счастливого пути!

Григорьев подошел к носилкам, попрощался с ранеными разведчиками, сказал им несколько ободряющих слов и пошел к штабу. До выхода бригады на север оставалось менее получаса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ НАДЕЖДЫ ЛАЗАРЕВОЙ

(с. Ладва, 20 февраля 1971 г.)

...Как это случилось тогда? Нет, забыть-то оно не забылось, хоть и прошло почти тридцать лет. Такое как забудешь, только вспоминать да рассказывать тяжело.

Попрощались мы с комбригом, ребята встали по четверо к носилкам и пошли. Бригадный врач Екатерина Александровна Петухова проводила нас до постов, сунула напоследок еще один пакет с сульфидином: «Девочки, у Кузнецова жар начинается, поите его почаще!» Да,

с нами шла еще третья девушка — переводчица Аня Кемова.

Поначалу все было хорошо. Первый отдых сделали, когда прошли с километр или даже больше. Хотя кто их считал, эти километры... Посидели минут десять и дальше тронулись. А потом и началось... Только тот, кому хоть раз довелось тащить летом по лесу на носилках раненого человека, и может понять, какое это тяжелое дело! Поднимут ребята носилки, протащат шагов сто — двести и, обессиленные, чуть не падают на землю. И так тяжело, а тут смотри, чтоб не оступиться, не грохнуть наземь ношу. А там ведь не мешок какой — живой человек, да еще с перебитыми ногами, ему каждый толчок — мука нестерпимая.

Хорошо бы сами носильщики были крепкими. Тут сила нужна, а они ведь ослабевшие...

Так вот и тащились час, другой, третий. Солнце уже низко опустилось, а командир наш Шунгин на запад поглядывает, хмурится, поторапливает. Сам он работал больше всех, подменял ребят по очереди.

Освободится от одних носилок, шагов десять передохнет и бежит на подмену к другим. Девчата по два вещмешка несли и оружие раненых — тоже выбивались из сил.

Недалеко уже до этого озера оставалось, куда мы шли, как догнала нас еще одна группа из бригады. Было их человек восемь и сандружинница Аня Леонтьева с ними. Несли они еще одного раненого, подорвавшегося на mine. Там ребята здоровые были, и шли они ходко. Думали мы — вместе дальше пойдём, помогут нам, ведь у них все-таки две смены на одни носилки. А они только на минутку остановились, объяснили, что им после самолета бригаду догонять надо, и ушли вперед.

К назначенному сроку мы опоздали. На озеро вышли в полночь и очень обрадовались, что самолета еще не было. Только радость наша оказалась ни к чему. Всю ночь прождали мы самолета, и все напрасно.

Те, восьмеро, нервничали, уговаривали Шунгина взять их раненого, чтоб им поскорей вернуться в бригаду, а тот словно знал, что самолета не будет:

— Ребята, говорит, если вы хотите погубить всех больных и раненых, то можете уходить. Вы же видите, что у нас и на двое носилок нет людей. Самолета ведь может и не быть.

Раненый у них был совсем тяжелый, все время стонал, иногда впадал в беспамятство. Аня Леонтьева так и не отходила от него.

Уже утро наступало, а самолета все нет. Та группа не выдержала, схватила свои носилки и отправилась на восток. Решили поскорей добраться до пограничников. Мы ждали, как было приказано, до часу дня и тоже тронулись.

Теперь уж, наверное, не столько шли, сколько отдыхали. Старались ребята по-прежнему, но силы убывали с каждым шагом. Пронесут сколько могут, сядут на землю и, как говорится, языки на сторону. Пять — десять минут никто и с места не сдвинется — только и дышат, отдышаться не могут.

В ночь и настигла нас беда.

Не знаю, сколько мы прошли от этого озера, где самолета ждали. Может, километров десять, а то и больше. Помню, что случилось это после большого привала на малом...

Надо честно сказать, что к тому времени осторожности у нас никакой не было. Шли хотя и по нейтральной полосе, а считали ее своей. На западе — бригада, на востоке — пограничники, откуда тут противнику взяться? Думы наши о другом были — как бы до своих добраться, хватит ли у нас сил, если пограничники навстречу не выйдут? Кузнецову-то совсем плохо стало. Хотя его перебитые ноги и были взяты в жесткие шины, а такая дорога растревожила их — стонал почти непрерывно. Второй раненый — Першин — чувствовал себя получше.

Только мы присели на отдых, ребята еще и закурить не успели — тут и началось. Трудно сказать, откуда финны взялись — то ли случайно на нас вышли, то ли по следу нагнали. Было их немного, человек пятнадцать — двадцать, и напали они на нас с одной стороны.

Развернуться к бою группа не успела, хотя Борис Шунгин первым открыл огонь и крикнул: «Ребята, занять оборону!» У большинства и оружия при себе не оказалось. Пока разбирали винтовки и пытались занять оборону, финны подошли совсем близко. Они строчили из автоматов чуть ли не в упор и кричали: «Рюся, сдавайся!»

Открыть ответный огонь успели лишь несколько человек из наших. Борис Шунгин и политрук Кошкин были ранены в первые минуты, но отстреливались. Тут же

ранило в руку и меня. «Девчата, оттаскивайте раненых в кусты!» — крикнул нам Шунгин. Першин успел сползти с носилок и тоже открыл огонь. Еще из двух-трех мест бухали винтовки наших ребят, потом и они начали затихать. Финны подошли совсем близко к Борису Шунгину, наверное, хотели взять его живьем. Тот долго отстреливался, потом бросил одну гранату, а второй тут же взорвал себя. На какое-то время перестрелка затихла. Мы с девчатами подхватили раненых Першина и Кошкина и через густой кустарник поползли к болоту. Кошкин еле дышал. С места боя слышались уже редкие автоматные очереди. Как мы поняли, это финны добивали тех, кто был жив, но уже не мог ни стрелять, ни двигаться.

Уползти далеко мы не могли. Едва перебравшись через болото, все пятеро — я, Першин, Кошкин, Аня и Валя — укрылись под густой елкой. Из оружия у нас было — винтовка, три нагана и две гранаты... Если финны пойдут сюда, решили живыми не сдаваться. Кошкин терял сознание и просил пить. Вода была близко, в болотине, но с той стороны слышались голоса финнов и рисковать было бессмысленно.

Я осторожно выдираю прохладный, чуть сыроватый мох и подносила ко рту Кошкина. Он жадно сосал его и затихал. Валя перевязала мне руку — рана была сквозная, но чистая, и кровотечение скоро остановилось, хотя боль не утихала.

Трудно сказать, почему финны не решились перейти болото. Они наскоро обшарили поле боя на той стороне и скрылись. Наверное, посчитали, что наша группа — это маленькая частица более крупных сил, которые вот-вот могли прийти к нам на помощь, и поспешили поскорее убраться. Судя по голосам, у них были тоже потери или убитыми, или ранеными. Как оказалось потом, им понадобились носилки, и они использовали наши.

Тем временем мы лежали под елкой и думали, как быть дальше? Саша Першин — он стал у нас за старшего — решил направить Валю Клыкову к пограничникам за помощью. Он много раз терпеливо объяснял ей ориентиры, по которым нас можно найти. Сложного тут ничего не было: мы находились слева от бригадной тропы, которая, наверное, не зарастет и через три года — так глубоко пропахали ее партизанские сапоги.

Першин проверил, как мы умеем ходить по азимуту, — оказалось, что умеем плохо, лишь теоретически и при-

близительно. Он терпеливо учил нас, и Валя отправилась. По его подсчетам, она должна была вернуться через трое суток.

Вскоре скончался Кошкин. Умер он тихо, и мы бессильны были ему помочь — два ранения в грудь сделали свое дело.

Утром Аня Кемова сходила на место боя, собрала и принесла вещмешки с остатками продуктов.

Прошли сутки, другие, третьи, четвертые...

Мы боялись признаться друг другу, но, наверное, каждый про себя уже считал, что с Валей случилось неладное. Эта мысль угнетала нас, мы меньше стали разговаривать, сидели, молчали, думали и ничего не могли придумать.

Когда истекли четвертые сутки, Аня Кемова первая произнесла то, чего, наверное, ждали все трое: «Надо что-то делать. Надо кому-то идти».

Я считала, что идти должна Аня. Дело не в моей ране, которая, хотя и болела, но не настолько, чтобы я не могла двигаться. Я понимаю так, что мне, как сандружиннице, которой был поручен раненый Першин, нельзя оставлять его, и я должна быть с ним.

Но Саша решил по-своему. Он долго молчал, вроде и не слышал Аниных слов. Потом он сказал: «Слушайте меня, девочки. Идите вдвоем. Так будет лучше и вернее. Кто знает, что случилось с Валей. Одной в лесу вообще трудно. А тут еще минные поля, финны бродят... Оставьте мне немного продуктов, принесите несколько котелков воды и отправляйтесь. Я буду ждать вас через три дня. Договорились?»

Желая подбодрить нас, он даже улыбнулся.

Мы отправились. Мы сделали все, как он просил: запасли воды, натаскали валежника, чтоб в случае дождя он мог развести костер и обогреться. Мы гадали, чем еще помочь ему, и оттягивали свой выход. Он торопил нас.

С тяжелой и беспокойной душой уходили мы от этой густой ели, спасшей и приютившей нас. Шли и все время оглядывались, прислушивались. Мне почудилось, что голос Першина окликнул меня. Бегом я вернулась обратно. «Что случилось?» — встревоженно спросил Саша, потянувшись к винтовке. — «Ты звал нас?» — «Нет». — «Саша, что бы ни произошло, мы обязательно придем за

тобой. Обязательно, понимаешь?» — «Я знаю... Идите, не теряйте время».

Мы пошли. Мы шли, не отдыхая — день, ночь, еще день... В полночь вторых суток нас остановили пограничники. Поверили нам не сразу. Пока разбирались, пока комплектовали группу, еще прошли сутки. Мы поспали, отдохнули немного. С трудом удалось добиться, чтоб мне разрешили пойти назад, хотели направить сразу в госпиталь.

Несмотря на усталость, последние километры мы с Аней чуть ли не бежали. И обессиленные упали на землю лишь тогда, когда из-под густых еловых лап выглянуло лицо Першина — еле живого, измученного болью и одиночеством.

Уже в госпитале в Сегеже я узнала, что Валя Клыкова заблудилась и вышла позже нас. Узнала я также, что остались в живых еще двое ребят из тех, что были отправлены из бригады нести раненых.

В живых осталось шестеро из шестнадцати.

ГЛАВА ПЯТАЯ

(высота 161,1, 12 июля 1942 г.)

1

Бригада шла на север, вокруг Елмозера, и еще не знала, что уже понесла первые ощутимые потери. Разве мог кто-нибудь предположить, что группы Шунгина уже не существует, что от нее в живых останутся лишь шестеро, что десять человек, в том числе и сам Борис Шунгин, погибнут в неравном бою на нейтральной полосе, на полпути между озером Тухкаярви и рекой Войванец, где наши пограничники держали передовые посты.

О плохом никто не думал, и все же у командования бригады жила какая-то смутная тревога за судьбу отправленных назад, так как при каждой связи с Беломорском радиogramмы заканчивались просьбой: «Сообщите о прибытии раненых».

Бригаду в свою очередь преследовали обидные неудачи. Не успели отойти от Мальярви и пяти километров, как головной дозор напоролся на минное поле. Один из бойцов получил тяжелое ранение в ноги. Еще оставалось время, и восемь ребят покрепче спешно по-

несли раненого к озеру Тухкаярви, чтобы успеть к первому рейсу гидросамолета.

Сплошное минное поле тянулось от побережья Елмозера до огромного, с множеством бурых «окон» болота, которое пришлось обходить с востока, а это прибавило верст десять лишнего пути.

Никто тогда и не думал, что это самое болото через сорок дней придется преодолевать чуть ли не вплавь и кое-кто из раненых и обессиленных партизан найдет свою могилу в его бездонной жиже.

Настроение людей менялось. На привалах все реже говорили о том, что будет там, в тылу противника. Это начинало казаться далеким и не таким уж трудным или страшным — главное перейти линию охранения. Нашлись и скептики: «Походим, походим, паек сожрем и назад вернемся... Дураки они, финны, что ли? Так и откроют нам ворота — входите, мол, милости просим. За год вон чего понатворили — ступить негде».

Подобные рассуждения резко обрывали не только командиры или политруки, но и сами бойцы: у молодых они задевали чувство партизанской гордости, а те, кто постарше и поопытнее, понимали, что путь назад лежит для бригады только через тылы противника. Иного не могло и быть: обстановка на юге с каждым днем ухудшалась, положение на фронтах становилось отчаянным, и оно требовало действий любой ценой.

Утром и вечером штабные радисты Николай Мурзин и Александр Паромов подавали комиссару сводки Совинформбюро. Аристов прочитывал их и подолгу сидел в раздумье — спускать ли их в отряды и как строить очередную политинформацию? Люди ждут чего-то обнадеживающего, а в скупых сообщениях чуть ли не ежедневно появлялись все новые и новые оперативные направления: Воронежское, Лисичанское, Ростовское. Партизаны выслушивали сводки сосредоточенно и молча. Вопросов не задавали, так как понимали, что и полигрукки знают о положении на юге не больше их. Карты, чтоб определить, как далеко прорвался враг на юге, в бригаде не было, но находились уроженцы упоминаемых в сводках мест, и картина понемногу восстанавливалась.

В проведении политинформаций выручала вторая часть сообщений Совинформбюро, где говорилось об успешных действиях отдельных частей и партизанских отрядов. Все — и комиссары, и бойцы — понимали, что

в условиях, когда враг движется лавиной на тысячекилометровом фронте, удачная контратака одного батальона или разгром немецкого гарнизона в белорусском селе значат слишком немного для общего перелома в войне, и все же действия никому не известного батальона капитана Копосова или партизанского отряда товарища Ф. делали события на юге доступными и близкими, поддерживали и надежду, и веру в лучшие времена.

Аристов это почувствовал сразу же. Радисты, ссылаясь на то, что не успевают, вначале записывали лишь общие сообщения в масштабах фронтов и пропускали частности. Тогда комиссар стал сам садиться к рации, и сводки уже выглядели полнее и не такими удручающими. Тем более, что Аристов стал сам проводить политинформации по очереди в каждом отряде, увязывая их с задачами бригады и обязанностями каждого бойца. На данном этапе о задачах бригады он мог говорить лишь в самой общей форме, цели похода были пока еще военной тайной, но обязанности всех и каждого определялись строгой и точной формулой: железная дисциплина, полная самоотверженность, беззаветная храбрость.

Думали ли рядовые партизаны о конкретной боевой задаче бригады? Конечно, думали, даже спорили втихомолку друг с другом, основываясь на каких-либо случайных и косвенных догадках... Естественно, что каждому хотелось определенности и ясности. И вместе с тем отсутствие этой общей для всех осведомленности скорее сближало, чем разъединяло людей. Тайна делала их сопричастными чему-то большому, значительному, успех которого будет зависеть и от тебя, и от товарищей, и от всех вместе... А это, в свою очередь, укрепляло взаимозависимость друг от друга и дисциплину.

11 июля бригада остановилась на привал вблизи высоты 161,1, в восьми километрах от дороги Кузнаволоки — Коргуба, куда сразу же была выслана разведка. Отряды заняли круговую оборону, выставили постовых и затихли: костров и движения не полагалось. Было известно, что иногда над финской линией охранения пролетает самолет-наблюдатель. Правда, летал он слишком редко и нерегулярно, но было бы обидно оказаться обнаруженными из-за ложки горячей каши.

В восемь утра Аристов записал очередную сводку Совинформбюро и вместе со своим связным Борей Вороновым направился в расположение отряда «Мстители».

Сводка вновь была нерадостной — наши войска на юге вели тяжелые оборонительные бои в излучине Дона.

Отряд собрался на политинформацию под густой завесой ольховых кустов у самого края болота. Партизаны сидели на сырой земле и напряженно слушали. Едва Аристов начал говорить, как появился разводящий и знаком позвал дежурного по отряду командира взвода Бузулуцкого. Тот незаметно поднялся и ушел. Минут через пять он вернулся, пробрался к командиру отряда Попову и стал что-то шептать ему на ухо. Попов сидел рядом с Аристовым, он был виден всем, и глаза партизан смотрели уже не на докладчика, а на чем-то встревоженного командира отряда. Аристов раз-другой кинул на шептавшихся требовательный взгляд, но те продолжали свое дело. Когда Попов встал и хотел незаметно уйти, Аристов не выдержал:

— Что случилось?

Командир отряда в нерешительности посмотрел на комиссара бригады, потом на внимательно наблюдавших бойцов.

— Я спрашиваю, что произошло? Бузулуцкий, отвечай!

Возможно, если бы недовольный Аристов, явно в нарушение субординации, не обратился прямо к дежурному по отряду, то случившееся получило бы другой исход. Но комиссар обратился к Бузулуцкому, а тот был дисциплинирован и исполнительен. Он, чуть помешкав, громко ответил:

— Боец Якунин уснул на посту, товарищ комиссар.

Все замерли. По партизанскому кодексу, сон на посту в боевых условиях приравнивался по тяжести преступления к прямой измене...

— Это какой Якунин? — спросил Аристов. — Не тот ли, с которым я позавчера беседовал?

— Тот самый, товарищ комиссар.

Секунду-две Аристов молчал, потом сказал:

— Вот так. Говорим о железной дисциплине... и вот, пожалуйста, иллюстрация... Попов, разберись, принимай меры и доложи комбригу. Продолжаем, товарищи, политинформацию.

Конец беседы был испорчен. Аристов говорил о положении на фронтах, о необходимости остановить врага, о приказе Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад!», о долге каждого карельского партизана, не счи-

таясь с жизнью, громить врага здесь, в Карелии, и тем помогать бойцам героического Юга, а сам непрерывно думал о случившемся. Он понимал, что об этом же думают и его слушатели. Он видел их сумрачные беспокойные лица, их редкие вопросительные переглядывания, он принял их встревоженность случившимся за сочувствие виновнику, и это заставило его говорить резко:

— Чтобы победить врага, мало одного оружия. Болтливость, ротозейство, беспечность могут погубить любое дело. Ротозей, как и трус, прямой пособник врагу.— Аристов протер очки, близоруко сощурился: — Будут ли вопросы?

Сандружинница Аня Шалина подняла руку:

— Товарищ комиссар, что теперь будет Якунину?

Аристов надел очки, в упор посмотрел на нее:

— А как ты сама считаешь?

— Не знаю...

— Значит, плохо ты, Шалина, разбираешься в обстановке. Надо внимательней слушать и понимать, что говорится... Что касается Якунина — это решит полевой трибунал. Это ведь не первый его проступок в этом походе... Сначала невыполнение приказа командира отделения, потом сон во время дневальства, теперь — вот и сон на посту. Преступление и начинается с мелочи, Шалина! Расходитесь по местам. Комиссару и политрукам остаться!

Аристов выждал, пока бойцы разойдутся, и сурово посмотрел на комиссара отряда:

— В отряде царит беспечность и беззаботность! Случай с Якуниным немедленно сделать предметом обсуждения в каждом взводе! Еще раз подчеркнуть, что при малейшем нарушении дисциплины будут применяться самые строгие меры. Завтра перейдем линию охранения, и пора понять, что пощады никому не будет!

Когда Аристов вернулся в штаб бригады, там уже знали о случае в отряде «Мстители». Была сформирована тройка полевого трибунала. Из опроса виновного и троих свидетелей выяснилось, что Якунин спал на посту так крепко, что разводящий, забрав у него оружие и поставив другого часового, успел сходить за дежурным по отряду и уже втроем они разбудили спящего.

Никаких смягчающих вину обстоятельств не было, и приговор был единодушным — расстрел.

Приговор подлежал утверждению командиром бригады.

Листок, вырванный из блокнота, с десятком строк, тяжело выведенных химическим карандашом, и тремя подписями внизу — был первым смертным приговором, который предстояло утвердить Григорьеву. Он знал мнение комиссара, начальника штаба, секретаря партбюро бригады Кузьмина, и все же, прежде чем написать одно-единственное необходимое слово, еще раз молча встретился глазами с каждым.

Да, в восьми километрах на запад проходила для них, партизан, черта милосердия, и иного выхода не существовало.

Приговор был объявлен по отрядам, и вечером, незадолго до выхода, приведен в исполнение.

Вечерняя радиogramма в штаб партизанского движения заканчивалась на этот раз фразой: «За сон на посту расстрелян боец Якунин».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ АННЫ БАЛДИНОЙ

(пос. Пряжа, 18 декабря 1970 г.)

О том, как мы переходили линию финского охранения, я хорошо помню еще и потому, что именно в эти дни произошел случай, который мог кончиться большой бедой и для меня, и для Степана Халалева.

Чтоб было понятно, начну издалека.

Когда я зимой пришла в отряд сандружинницей, мне сразу же дали винтовку, но через некоторое время фельдшер Ольга Павловна Пахомова приказала винтовку сдать обратно. Представляете мое разочарование! Пришла воевать, бить врага, а на вооружении одна санитарная сумка! Несколько дней я ходила совершенно подавленная...

И тут Миша Ярошенко, связной командира отряда, неожиданно подарил мне трофейный пистолет. Это был красивый и маленький, похожий на детскую игрушку пистолетик в аккуратной лакированной кобуре. В обойму вмещалось шесть крохотных патрончиков. Миша дал мне еще две запасные обоймы, научил меня разбирать и

чистить пистолет, а потом и стрелять. Стрелял пистолет хорошо, мягко, звук был похож на выстрел из малокалиберной винтовки, а метров с десяти я легко попадала в тетрадный лист, прикрепленный на дереве. Большого, как объяснил Миша, мне и не требовалось, оружие полагалось сандружинницам лишь для самообороны.

Я была счастлива, но счастье оказалось недолгим. Постепенно все в отряде узнали о подарке, и мой чудный, изящный пистолетик стал предметом не только любопытства, но и постоянных вышучиваний. Уж как над ним только не издевались, как не называли — и пушкой, и гаубицей, и мухобойкой. Даже мой тогдашний командир взвода Саша Аверьянов — потом в походе он стал начальником штаба отряда — строил, глядя на меня, хитрую улыбочку. Сначала я отшучивалась, потом это стало надоедать, но приходилось терпеть, так как я понимала, что в нашей партизанской жизни без шуток не обойтись.

Свой пистолетик я любила и с гордостью носила его на пояском ремне. Тогда я не думала, что он принесет мне столько переживаний.

...В Сегеже мы жили в здании школы, рядом остановилась воинская часть, а чуть подальше — жилой дом. Мы познакомились с одной женщиной из этого дома и часто вечерами, захватив с собой что-либо съестное, бегали к ней пить чай.

Так было и в тот вечер — последний перед походом.

Аня Леонтьева, Дуся Григорьева, Наташа Герасимова успели забежать в подъезд дома, я мчалась последняя и вдруг слышу окрик патруля:

— Стой!

Я не остановилась, но патруль дал выстрел в воздух, меня забрали и повели в комендатуру, почти через весь город.

Там первым делом приказали сдать оружие, и мой пистолетик оказался на столе у дежурного коменданта. Надо было видеть, как загорелись у него глаза!

— Откуда? Где взяла? Есть ли разрешение? Почему без документа с оружием?

Не успела я ничего объяснить, как раздался телефонный звонок. Это звонил наш командир Федор Иванович Греков.

Как выяснилось, кто-то из ребят видел из окна случившееся, доложил командиру отряда, и тот теперь ре-

шительно требовал доставить сандружинницу Балдину в расположение части.

Комендант, держа на широкой ладони мой маленький, блестящий пистолетик, долго сопротивлялся, упирая на то, что я не подчинилась приказу патруля, вынудила их стрелять, переполошила город и должна за это понести наказание, но потом вдруг согласился, положил телефонную трубку и приказал патрульному:

— Отведи ее назад!

— А пистолет? — спросила я.

— Иди, иди! С пистолетом еще разбираться будем.

Со слезами на глазах я вернулась в отряд, пошла к командиру, все рассказала. Он снова взял телефонную трубку, потребовал вернуть оружие. Мне приказал:

— Ступай отдыхать. Утром получишь. Завтра поход, а вы тут приключения устраиваете.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Я словно бы предчувствовала, что так просто мне свой пистолет не получить, уж больно он понравился коменданту.

Так оно и вышло. Несколько часов мне пришлось проторчать в комендатуре. Того коменданта уже не было, мне по очереди предлагали взамен сначала старый облупившийся наган, потом черный браунинг и даже повеньский «ТТ», но я стояла на своем, даже расплакалась, и наконец мой маленький пистолетик снова оказался у меня в руках.

Если бы я тогда знала, что он принесет мне в походе, то, может быть, и согласилась бы на замену.

...Помню, это был последний привал перед линией охранения. Был строгий приказ о соблюдении тишины и маскировки. Вообще после случая с Якуниным дисциплина и на марше, и на привалах резко поднялась, все поняли, что шутки и беспечность должны быть оставлены позади.

Я, конечно, не знала, что линия охранения уже близко. Думаю, и другие бойцы не знали об этом. Мы могли лишь догадываться, что приближается что-то серьезное. Переходы стали быстрыми, даже стремительными. С привалов снимались неожиданно и так же внезапно останавливались. Костров не разводили. Питались всухомятку, запивая сухари озерной водой.

Таким же неожиданным был и тот злополучный привал.

С огромным наслаждением я скинула с плеч свой

полегчавший вещевой мешок, отстегнула ремень с пистолетом, достала котелок и пошла вниз по склону к видневшейся сквозь деревья ламбушке. Набрала воды, поднимаясь обратно и вдруг — впереди словно сухой сук треснул. В лесу этот звук привычен, но треск был какой-то уж очень неосторожный. Помнится, я невольно шагу прибавила.

Возвращаюсь, и что же?

Степа Халалеев стоит около моего мешка, в его правой руке поблескивает мой пистолет, а левая — вся в крови. Кровь густыми темными каплями падает на землю. Лицо бледное как полотно, глаза испуганные.

Котелок с водой так и выпал из моих рук.

— Степан, что ты сделал? — прошептала я, хватывая у него пистолетик.

Он молчал и только морщился от боли. Я мигом достала индивидуальный пакет, йод и принялась перевязывать рану, от испуга и растерянности повторяя:

— Что же ты наделал? Что наделал?

Степа по-прежнему молчал и озирался по сторонам, пытаясь понять — видел ли кто случившееся. К счастью, все занимались своими делами или делали вид, что ничего не случилось.

Наконец рана перевязана. Что делать дальше? По положению я обязана доложить фельдшеру Оле Пахомовой, та — командиру отряда, тот — комбригу... Но что будет потом? Как в штабе расценят все это? В той ситуации, в какой находилась бригада, за выстрел, даже случайный, полагалась самая суровая кара... Выстрел, положим, никто не слышал, или не обратил на него внимания, а кто и слышал, тот ничего не понял. Слава богу, мой пистолетик стреляет так, что и на выстрел непохоже. Но рана! Я хоть и не медик, до войны работала учительницей в начальных классах, однако и моих знаний, полученных на занятиях по санитарному делу, вполне хватало, чтобы определить, что рана относится к разделу тяжелых: повреждена кость указательного пальца. Хочешь или не хочешь — а налицо членовредительство. Перед самой линией охранения человек вывел себя из строя. Случайно или намеренно — тут надо разбираться. Я-то не сомневалась, что случайно, да и другие, кто знал Степу, по-иному не могли думать, его все любили, уважали, он, единственный в отряде, еще до войны был награжден правительственной наградой, медалью

«За трудовое отличие», и одно то, что медаль эту он получил в Кремле, из рук Михаила Ивановича Калинина, делало в наших глазах Степу Халалеева человеком особенным. Я-то, конечно, не за медаль ценила Степу, мы питались в походе из одного котелка, и я лучше других знала, какой это честный, добрый и верный товарищ. Захотят ли там, в штабе, разбираться во всем этом? Да и есть ли для этого время, если каждую минуту может раздаться команда и бригада должна будет скорей-скорей двигаться на запад?

Думала я обо всем этом, а из головы не выходил недавний случай с уснувшим на посту Якуниным.

Мы сидели на земле и молчали. Степа тихо баюкал свой забинтованный куклой палец, морщился от боли, изредка поглядывал на меня, наверное, ожидая моего решения, а я не знала, что и сказать. Зачем он брал мой пистолетик? Неужели только затем, чтобы полюбоваться на эту противную блестящую игрушку? Я-то тоже хороша — ушла за водой и оставила личное оружие, словно забыла, что в боевых условиях это тоже наказуемо.

— Аня, не говори никому, ладно? — вдруг тихо попросил Степан. — Заживет, куда ему деться... Подумаешь — палец!.. Пустяк ведь это, верно?

— Нет, Степа. Не будем лечить, не заживет. Кость ведь задета.

— А ты и лечи, только не говори никому.

— Степа, не могу я. Ведь я не медик. А вдруг заражение пойдет... Как же это случилось, Степа?

— Пистолет протереть хотел.

— Зачем? Разве я сама не могла?

— Могла, а не сделала... Смотри, он у тебя ржавчиной скоро тронется, никель кой-где уже отстаёт. Ухаживать надо... Зачем же ты, Аня, патрон в канале ствола держишь, а на предохранитель не поставила? Ведь ты могла похуже моего изувечить себя.

Я и сама не знала, как такое получилось, если, конечно, Степан правду сказал. Правила обращения с оружием я отлично знала, старалась делать, как положено. Но моя «игрушка» так часто бывала в чужих руках, а я, глупая, еще гордилась этим!

— Ты не говори никому, ладно? — еще раз попросил Степан и огляделся. Он заметно успокоился, только в сощуренных синих глазах таились боль и настороженность.

— Никому, кроме Ольги Павловны, — решительно

ответила я.— Без нее нельзя, я не справлюсь. А она худого ничего не сделает.

Степа промолчал. Я поднялась и пошла разыскивать Олю Пахомову, которая двигалась вместе со штабом отряда.

Нашего фельдшера я называю Олей лишь сейчас, когда ее нет в живых, а тогда мы все в отряде уважительно звали ее Ольгой Павловной, хотя было ей в ту пору года двадцать два или двадцать три.

Какой это был человек! Невысокая, стройная, с мягкими и светлыми, как лен, слегка вьющимися волосами, с постоянной ласковой улыбкой на удивительно нежном лице, всегда подтянутая и аккуратная, она была общей любимицей отряда. И не только парни, но и мы, девушки, считали за честь выполнять ее просьбы. Именно просьбы, так как Ольга никогда не обращалась к нам в приказном тоне.

В феврале мы ходили двумя отрядами на разгром гарнизона в Шокше. Для меня это был первый боевой поход, и я больше всего боялась сделать что-либо не так, как надо. Когда завязался бой, то моей подопечной оказалась сандружинница из соседнего отряда. Она была ранена в левое плечо, лежала на снегу и просила о помощи. Я бросилась к ней, стала перевязывать, но бинт не слушался меня. Я укладываю его ряд за рядом, а он все сползает и сползает, и кровь хлещет из раны. А тут еще пули свистят, руки онемели от холода.

Девушка терпела-терпела, больно ей, бедной, и проговорила вдруг с обидой:

— Косолопая ты, что ли?..

А я и сама расплакаться готова, не знаю, что и делать, стараюсь, продолжаю бинт наматывать. Вдруг, откуда ни возмись, Ольга Павловна падает в снег рядом:

— Анечка, дай помогу...

Две минуты, и повязка крепко и плотно легла на плечо, а Ольга Павловна уже укладывает раненую на лыжи, тащит ползком в укрытие и успокаивает ее:

— Ты, Женя, сама знаешь, нет для перевязки ничего труднее, чем плечо. Не сердись, пожалуйста, потерпи...

Я поняла, что фельдшер и мою неловкость видела и сандружинницу из другого отряда хорошо знала. Такой конфуз у меня получился.

Когда вернулись на базу, приглашает меня к себе Ольга Павловна, а я уже так напереживалась, что на-

дерзить готова. Характер-то у меня задиристый. Вошла, доложились, стою у дверей.

Ольга Павловна приблизилась, улыбнулась своей милой улыбкой и говорит:

— Анечка, если ты не против, то давай мы с тобой практиковаться будем в перевязках. Хотя бы по часику в день, ладно?

Так я и стала у нее учиться, да не по часу, а по два-три часа, если выпадало свободное время...

В те счастливые для себя часы я и узнала о ее любви к помощнику командира отряда по разведке Петру Старикову.

Скорее не узнала, Оля мне, конечно, ничего не говорила, а догадалась. Стариков приходил в санчасть и сразу становился неузнаваемым — тихим, робким, неловким каким-то. Сидел в углу, молча смотрел, как мы занимаемся своим делом, а если кто-либо из нас поворачивался в его сторону, он отводил взгляд и принимал деланно-равнодушный вид. Оля тоже менялась в его присутствии. На щеках — румянец, руки суетливые, взгляд напряженный, сама улыбается, на лице беспокойство.

Не сразу я все это поняла, и всю жизнь, вот уже тридцать лет с сожалением думаю — сколько счастливых часов отняла я у милой Ольги Павловны, которой суждена была такая короткая радость.

Удивительней всего было то, что они таили от других свою любовь, а все в отряде знали об этом. И командир, и комиссар, и бойцы. Знали, но никогда не говорили об этом и, как я понимаю, тем самым берегли их чувство от пересудов...

Такой была наша Ольга Павловна. Шла я к ней со Степановой бедой, а сама и не знала, как поступить, что сказать, чтобы еще большей беды не вышло.

Я не стала Оле ничего объяснять, а попросила ее пойти в наш взвод. Она пристально посмотрела на меня, — видимо, мой встревоженный вид говорил сам за себя, — молча взяла свою сумку, и мы пошли.

Степан сидел на том же месте, где я оставила его, только свою белую куклу прикрыл от любопытных глаз пилоткой, а здоровой рукой затирает на брюках начинавшие подсыхать пятна крови.

Ни слова не говоря, Оля принялась за дело. Быстро разбинтовала «куклу», осмотрела рану, внимательно

взглянула на Степана: «Придется потерпеть!» — и принялась обрабатывать.

Надо же такому случиться — она уже заканчивала бинтовать, как вдруг поблизости появился наш командир отряда Федор Иванович Греков. На привалах он часто обходил расположение отряда. Я так и замерла в испуге.

Греков остановился в двух шагах. Степан растерялся — надо бы встать перед командиром, но Оля, сидя на корточках, продолжала свое дело и удерживала его.

— Что случилось, Оля? — спросил Греков.

— Ничего особенного, товарищ командир. Халалеев палец повредил. Несколько дней придется побыть ему одноруким.

— Осторожней надо быть! — недовольно сказал Греков и пошел дальше.

Представляете мою радость! Тогда-то я по наивности полагала, что никто, кроме нас, теперь уже троих, не знает и никогда не узнает о происшествии, но, забегаю чуть вперед, скажу, что предположения мои были ошибочными.

Оля сделала Степану противостолбнячный укол, повесила раненую руку на подвязке вокруг шеи. Обещала сказать командиру взвода, чтоб дня на два-три он освободил Халалеева от лишнего груза.

— Не надо, Ольга Павловна! — запротестовал Степа. — Прошу вас, не надо.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулась она и, посидев несколько минут с нами, ушла.

На том привале отдохнуть как следует нам не пришлось. Вскоре от взвода к взводу передали команду готовиться к выходу. Тщательно прибрали место стоянки и тронулись. Шли долго. Слышалось лишь шарканье веток кустарника по одежде и вещмешкам да глухие шаги. Потом, перед полночью, было приказано занять оборону и соблюдать особую осторожность. Никто ничего не знал, но все чувствовали, что дорога где-то совсем близко.

Я лежала неподалеку от Степана, чуть сзади, и все время, даже против воли, посматривала в его сторону. Он замечал это, тоже оборачивался и всякий раз ободряюще кивал.

Взводы один за другим снимались и быстрым шагом уходили на запад. Наконец пришла и наша очередь.

Мы поднялись и почти побежали вперед. Вот она — дорога! Вначале, где-то слева, она мелькнула перед глазами светлой полоской на взгорье, потом пропала и вдруг, через двадцать — тридцать шагов, оказалась перед самым носом. Обычная шоссейная дорога, с заплывшими кюветами, со следами шин и колес, только кустарник по обочинам вырублен и сложен в аккуратные кучи.

Шаг, второй, третий — и мы уже на другой стороне. Лишь мельком успеваешь заметить, что справа и слева эту же дорогу перебегают другие отделения из других отрядов, а специально выделенные бойцы ивовыми вениками заматают наши следы. Всего и дела-то три секунды, а сколько шли, искали, мучились...

И все же чувство огромного облегчения охватило меня, когда, перепрыгнув через неширокую канаву, я снова оказалась в лесу, только теперь уже за последней линией финского охранения.

— Что прыгаешь, как коза, следы оставляешь! Аккуратней надо! — добродушно проворчал комиссар отряда Поваров, наблюдавший за переходом нашего взвода. — Вперед, вперед, быстрее, не растягиваться!

«Вперед, вперед...» Эта команда на целые сутки стала для нас главной. Вначале мы даже не шли, а бежали. Во всяком случае, мне то и дело, чтоб не отстать, приходилось трусить рысцей, мой самый широкий шаг не успевал за всеми и идущие сзади подгоняли: вперед, вперед! Мешок колотил по пояснице, санитарная сумка сползала наперед, била по колену, левой рукой я придерживала ее, а правой едва успевала отводить хлеставшие по лицу ветки. Так мы шли, наверное, часа два. Отряды уже вновь соединились в бригадную цепочку, все ждали привала, но привала не было. Остановимся минут на десять, упадем на землю, чуть отдышимся и снова: вперед, вперед.

Если бы не Степан, то я, возможно, и не выдержала бы этой сумасшедшей гонки. Я шла следом за ним и все время, то наяву, то мысленно, видела висевшую на перевязи его раненую руку и ощущала, как трудно ему. Иногда он высвобождал свою белую «куклу» из тесьмы, пытался поправлять ею мешок; я понимала, что делает он это почти бессознательно, что рука у него не только болит, но и немеет в неподвижности, затекает под лямками вещмешка, и все же всякий раз вполголоса просила:

— Степа, не надо! Держись, Степа!

Это «держись!», обращенное к нему, помогало держаться и мне самой.

Так шли всю ночь.

Утром неожиданно вышли к крохотной заброшенной деревушке на берегу небольшого озера. Помню, когда вдруг лес кончился и я увидела впереди несколько огромных серых домов, то даже мешок начала снимать с онемевших плеч — дотащу, думаю, до привала и так как-нибудь. В голове уже рисовались самые радужные картины — ведь больше двух недель мы не видели человеческого жилья, а тут — дома, изгороди, баньки на берегу озера.

Но деревня так и проплыла мимо нас, как какой-то мираж. Мы даже не вошли в нее, по опушке обогнули огороды и снова углубились в лес. Возле домов я заметила лишь наших разведчиков, которые быстро обшаривали их. Дальше началось еще страшнее — зной, мошкара, жажда, — а мы все шли и шли. Солнце светило сначала в спину, потом — сбоку и когда начало бить в глаза — вдруг долгожданная команда: «Привал». Помню это удивительно странное ощущение. На малых остановках упадешь на землю, привалишься спиной к вещмешку, и кажется, сил нет, чтоб даже рукой пошевелить. Так бы и сидел час, другой, третий... А на больших привалах — откуда что берется? Сбросишь вещмешок, и одно сознание, что ждет тебя полдня отдыха, будто сил прибавляет. Каждый тут же за дело берется — кто костер налаживает, кто за водой чуть ли не вприпрыжку бежит, кто на пост, кто на линию обороны дежурить, а мы, сандружинницы, обходим бойцов, жалобы собираем, потертости и мозоли лечим. Слава богу, — других недугов мы пока еще не знали.

А потом, когда схлынут привальные хлопоты, сидим подолгу у еле тлеющего костра, и не до сна вроде! Любили мы эти редкие часы, когда и костер можно развести, и сам ты волен: хочешь спи, хочешь сиди в тесном кружке, болтай чепуху всякую. Мало их было в том походе, каждый наперечет, но тем памятнее они.

В тот день костров не разводили. Не успели мы расположиться, Ольга Павловна тут как тут. Подошла — спокойно так, будто случайно заглянула в наш взвод, улыбнулась и спрашивает:

— Ну, Степан Кузьмич, как твоя «куколка» себя чувствует?

— Хорошо, Ольга Павловна.

— Давай посмотрим.

Сняла повязку, осмотрела, осталась довольна. Палец-то опух, почернел, но сама рана была чистая и уже слабой пленкой по краям подернулась, лишь поврежденная косточка чуть кровоточила. Ольга Павловна засыпала рану порошком стрептоцида, приладила на кисть небольшую палочку вместо шины, крепко забинтовала и снова руку на перевязь:

— Пока обстановка позволяет, так носи. А дальше посмотрим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

(оз. Гардюс, 16 июля 1942 г.)

1

Это озеро с красивым и непонятным названием ничем не отличается от десятков других, усеявших голубоватыми разливами карту-верстовку на пути бригады. Та же вытянутость на северо-запад, те же берега — с запада высокие, лесистые, а с востока — пологие и болотистые. Густая кайма прибрежного ольшаника и слабая нитка безымянной речушки с вялым, едва заметным течением в сторону недалекого и просторного Маслозера.

Полуразвалившаяся избушка и давно не торенный зимник, петлявший вдоль реки, показывали, что озеро богато рыбой, а на его низинном берегу жители Железной Губы поддерживали когда-то сенокосные угодья. Теперь все пришло в запустение, и было видно, что человеческая нога уже много лет не ступала сюда.

И все же это озеро запомнилось каждому из участников похода. Дважды партизанская тропа выведет бригаду на его берега. Первый раз ранним утром 16 июля, когда бригада, полная сил, еще не обнаруженная противником и воодушевленная успешным четырехдневным переходом, остановится на привал на высоком северо-западном берегу среди светлого соснового бора. И потом снова, через двадцать пять дней, теперь уже голодные, обессиленные и преследуемые партизаны едва доплетутся сюда, упадут в мокрый от дождя брусничник

и, ползая по земле, станут жадно и ненасытно выгребать из-под жестких листьев полуспелые гроздья кислых ягод.

Так светлая лесная ламба и сохранилась в воспоминаниях как озеро радости и печали...

2

Две ночи бригада двигалась по просеке. Ровная, как стрела, просека вводила прямо на юг, у порогов перескакивала через реку Волому, под углом пересекала дорогу Лазарево — Пелкула и тянулась все дальше, словно бы и не было ей конца. Просека была давно нечищена, но все равно идти по ней было легко и спокойно. Мягкий, выше пояса ольховый подрост скрывал партизан, и в случае опасности с воздуха бригада могла в одну секунду раствориться, исчезнуть, стоило лишь упасть на землю.

Суточный отдых после перехода линии охранения и сорокакилометрового броска подкрепил силы партизан, и с каждым днем настроение поднималось. Дело не в том, что груз за спиной заметно полегчал. Нет, это обстоятельство скорее тревожило, чем радовало. Кончались продукты. Но об этом пока не думали. Все жили ощущением, что позади осталась одна, казавшаяся еще недавно непреодолимой, трудность — переход линии охранения. Ее счастливо миновали, и вот уже третью ночь бригада идет спокойно и ровно.

А что касается мешков, то через два дня, когда кончится срок полученному в Сегеже пайку, самолеты сбросят продовольствие. Так было объявлено, и этому нельзя не верить.

До озера Гардюс оставалось еще больше километра, и разведгруппа только что ушла обследовать его берега, а комбриг Григорьев передал по цепочке:

— Скоро будет большой привал. Костров не разводить, мешков не открывать. Завтракать будем позже. Каждому отделению выделить по одному рыболову и прислать к штабу.

Многим молодым партизанам, не привыкшим экономить и жить завтрашним днем, открывать мешки не пришлось бы и без приказа. Там давно уже было все перерыто-пересмотрено в поисках завалившегося сухаря. У них оставалось по одной или две пачки пшеничного концентрата, да и то только потому, что костры разводили слишком редко.

Они уже несколько дней жили впроголодь и стыдливо скрывали это, так как нет ничего обиднее, когда тебя, голодного, станут прорабатывать за обжорство. Они питались ягодами и считали дни, оставшиеся до получения нового пайка. Такой день должен был наступить послезавтра.

В бригаде рыбаком считал себя каждый, и если бы было разрешено ловить рыбу, кто как и сколько может, то большинство, пожалуй, ринулось бы к берегу, несмотря на усталость. Но приказ комбрига делал рыбалку каким-то внеочередным нарядом, с неясными целями и результатами, и потому добровольцев нашлось немного. Каждый рассудил, что ловля будет в общий котел. Тут, сколько ни старайся, получишь равную долю. Не лучше ли поберечь силы, отдохнуть, выспаться...

У командира отделения Живякова была на этот счет своя логика. Он рассудил, что рыбалку комбриг организует, по всей вероятности, чтоб как-то поддержать едой этих несчастных «доходяг», которые первыми уложили продукты в свои прожорливые желудки. А коль так — то пусть они сами на себя и работают...

Живяков оглядел подчиненных и усмехнулся:

— Ну, есть желающие? Или все готовы?

— Все, выбирай любого,— в шутку откликнулся кто-то.

— Так,— протянул Живяков.— Надо нам выделить настоящего рыбака. Чтоб не опростоволосился... Чуткин, ты где родился? Как будто бы в деревне Низово?

Чуткин уже понял, что Живяков нацелился на него, и промолчал.

— Низовские рыбаки по всему району славились... Так что ты, парень, нас не подведешь, я думаю.

Живяков явно подсмеивался. Уж он-то, работавший до войны в райземотделе, лучше других знал, что в Низове серьезного рыбацкого промысла никогда не было. Рыбу там ловили лишь для домашнего пользования. Но почему и не подшутить в ожидании близкого отдыха, благо настроение хорошее, день погожий, и есть повод лишний раз пошевелить этого полусонного Чуткина.

— Снасть-то есть у тебя? Не потерял?

— Есть.

— Покажи.

Взял чуткинскую удочку с пробковым поплавком, долго разглядывал, чмокал, попробовал на прочность.

— Снасть серьезная. Ишь ты, даже шелковую леску где-то добыл, молодец, рыбак... Крючок-то великоват для здешней рыбы. Ну, ступай! Винтовку возьми, эх ты, растяпа...

Чуткин без особой охоты направился к штабу бригады. Там собралась целая толпа рыбаков — сидели, курили, ждали, пока освободится комбриг, совещающийся с начальником штаба. Иные уже обстругивали ножами только что срезанные удилища.

Наконец Григорьев подошел, оглядел собравшихся и рассмеялся.

— Ну, ребята, я думаю, такой большой рыбацкой артели нет по всей Карелии. Неужто мы не снабдим рыбой бригаду? Одного боюсь, в этом озерке не хватит ее на всю ватагу. Условия следующие. По килограмму натаскаем — жидкой ушицы поьем. По два кило — рыбная закуска будет. По три — настоящим обедом бригаду накормим. Ловим ровно три часа, до девяти, а потом чтоб на озере ни души не было. За лучший улов награда, пока не скажу какая!

Три часа — срок для рыбалки небольшой. Кто попроворнее, те с готовыми удочками сразу же ринулись к берегу, чтоб выбрать добычливое место, а главное — запастись насадкой. Большинство же разбрелось по лесу в поисках удилищ.

Чуткин не спешил. Он приглядывался к молоденьким березкам и, подбирая в рот ягоды, отходил все дальше. Разве это удилища? И трех метров не выберешь. Надо обязательно найти тонкую и гибкую рябину. В таком деле, как ловля с берега, все дело в удилище... Подальше закинешь — покрупнее возьмешь. Настоящий окунь — он не дурак, чтоб носом в берег тыкаться. В жаркую пору настоящий окунь на лудах держится. Хорошо бы плот связать да поискать их, эти самые луды...

Рыбалка, придуманная комбригом, не нравилась Чуткину. Забава какая-то... Где-то в душе она вроде и затронула его, хотелось не ударить лицом в грязь, показать, что и он возле воды вырос, но в рассуждениях Чуткин не одобрял комбриговской придумки. Рыбалка суеты не терпит. Даже если тебе и подфартило — на клевое место попал или крупную рыбу на крючок зацепил — никогда не торопись... Сколько раз бывало — задрожешь от удачи, заторопишься, а потом хоть рыдай с досады. Не раз ему мальчишкой и плакать приходилось, глядя в

разгар клева на оборванную леску. На рыбалке все надо делать с толком, и боже тебя упаси показать рыбе, что ты торопишься ее поймать.

Опять же — с насадкой... Конечно, мелкий береговой окушок или плотица будут брать на всякую дрянь... А чтоб заловить доброго окуня — тут времени жалеть не приходится, надо червя найти, весь берег перерыть, а найти. Или, на худой конец, ловить на мясо или хвост плотицы...

Время шло. Вася рассуждал, бродил по лесу, собирал и ел чернику, а у самого еще не было ни удилица, ни наживки.

Когда он получасом позже других, с удочкой и единственным, зажатым в кулаке червем вышел к озеру, все самые удобные для ловли места уже были заняты. На каждом, самом крохотном мыске стояло по двое, по трое партизан, и лов шел вовсю. Конечно, где ловят трое, нашлось бы место и четвертому. Ну покосились бы на него, может, даже поворчали, но не прогнали бы — озеро-то одно, да и улов общий. Но не такой был Вася Чуткин, чтоб пристраиваться к чужой удаче.

Он медленно, словно бы заранее зная свое место, шел вдоль берега в дальний конец озера, не вглядываясь, но замечая, что каждый из рыбаков успел взять никак не меньше десятка мелких окушков. Ловили на окуневый глаз. Вытащат окушка, выдавят глаз, насадят на крючок и ловят следующего. Хорошо, что окушки ловились светлые, красноперые, не такие черные прожорливые уродцы величиной с палец, какие попадают в иных лесных ламбушках. Значит, в этом озере должна водиться и настоящая рыба!

В широкой загубине блеснил щуку комбриг. Работал он без удилица. Спиннинговая леса намотана на консервную банку. Правой рукой комбриг раскручивал над головой тяжелую блесну и ловко кидал ее. Блесна летела недалеко, метров пятнадцать — двадцать, и шлепалась в воду. Быстро наматывая лесу на банку, Григорьев тянул блесну почти поверху. С высокого берега Чуткин хорошо видел, как играет и переливается на солнце комбриговская золотистая блесна.

Щука не брала. Григорьев сделал пять забросов и все впустую. «Наверно, зубы щука меняет», — с огорчением подумал Чуткин. Ему и очень хотелось, чтоб комбригу,

наконец, повезло, и в то же время каждый безуспешный заброс давал какое-то облегчение его ревнивому рыбацкому чувству. Вот ведь не у одного меня пусто, даже комбриг с блесной ничего еще не поймал...

Вася, наверное, и еще стоял бы, наблюдая за стараниями Григорьева, но тот решил перейти на другое место, смотал на банку всю лесу, наклонился к земле и поднял насаженную на прут большую желтобрюхую щуку. Было в ней килограмма полтора, а то и два. В разинутую застывшую пасть, наверное, вошел бы Васин кулак.

Григорьев, обходя по воде ивовые заросли, направился в сторону лагеря, а Вася, устыдившись и своих недавних дум, и своего безделья, побежал дальше.

Свободного мыска так и не нашлось. До конца озера оставалось метров двести, не больше. Уже виднелась рыжеватая болотистая пойма, посреди которой петляла речка, уходящая куда-то к югу.

Пришлось спускаться к воде и устраиваться рядом с тремя рыбаками из отряда «Боевые друзья». Вася уже был готов и к ругани из-за места, но, вопреки ожиданиям, все обошлось тихо. Покоситься-то на него покосились, но никто и слова не сказал. Более того, один из рыбаков с пистолетом у пояса (командир взвода, кажется!) даже перезабросил свою удочку, уступая Васе место.

Это было то, что Вася искал. Сизая скала прямо у ног уступами уходила в глубину, бесчисленные мальки, только что проросшие из икринок, подвижной паутиной покрывали всю поверхность воды, а чуть глубже изредка поблескивала чешуей более крупная рыба.

Сдерживая волнение, Вася установил самый глубокий спуск, неторопливо разорвал червя пополам, насадил, хотел привычно поплевать, но раздумал и сделал первый заброс. Леса в глубину так и не ушла: поплавок сразу же задержался и побежал по поверхности куда-то в сторону.

Вася подсек и медленно потянул вверх удилище. Небольшая плотица трепыхалась на крючке, распугивая мальков. Это была неудача: от червя остались жалкие ошметья — плотва, как известно, не заглатывает, а лихо-радочно обкусывает наживку. Такая же участь постигла и вторую часть червя.

Тут уж Вася не выдержал, громко и смачно выругался. Сосед с пистолетом понимающе усмехнулся и предложил свою насадку — окуневый глаз.

— Нет уж, я до них, сволочей, доберусь,— пообещал Вася, хотя сам еще не знал, до кого и как он намерен добираться.

— Дымом вроде, товарищ комвзвода, пахнет,— вдруг сказал один из рыбаков, втягивая носом воздух.

Все оглянулись вправо, влево. Костров нигде не было. Лишь над ближайшим мыском плавал, словно от папиросы, тонкий синеватый дымок.

— Присмотри за моей удочкой! — неизвестно кому приказал комвзвода и направился туда.

Вася сразу почувствовал себя свободней. Отрезал плотице хвост, насадил его так, чтобы весь крючок упрятать под рыбью кожу, и забросил. Теперь можно и закурить. Закрепив удище в трещине скалы, Вася сел рядом и принялся сворачивать «козью ножку». Соседи, как заведенные, таскали окуней — одного за другим, одного за другим. Окушок шел мерный, граммов по пятьдесят, лишь изредка попадался покрупнее, и тогда они вполголоса нахваливали друг друга. Валили улов в общую кучу, и Вася подумал: как же они будут отчитываться перед комбригом? Если уж соревнование устроили, то надо соблюдать правила...

Васин поплавок стоял мертво и неподвижно, словно бакен на краю фарватера. Синяя стрекозка облюбовала его для каких-то своих надобностей. Она то усаживалась на него, то почему-то взлетала и начинала снова пристраиваться.

Вася терпеливо ждал, больше наблюдая за соседями, чем за своей удочкой. Те еще прибавили в скорости — не успеваешь отсчитать и до тридцати, как на берег летит очередной окунь. «Во-о дают ребята! Наловчились! Как ложкой из котелка черпают!»

Вася хотел уже вслух присоединиться к их взаимным подхваливаниям, как один из рыбаков сердито проронил:

— Эй, «мститель»! Чего ворон ловишь, клюет у тебя!

— Вижу,— привычно отозвался Вася, хотя сам ничего не видел, да и видеть не мог — поплавок на воде не было, а леса от конца удища, разрезая воду, уходила куда-то в сторону.

Вася вскочил, осторожно взял удище в руку.

— Тяни, чего зеваешь! — вполголоса надрывался со-

сед. Он сделал попытку помочь Васе, потянулся к его удилищу рукой, но в это время поплавок медленно и ровно начал всплывать к поверхности. Вот он показался над водой, застыл и даже вновь появившаяся стрекозка затрепетала над ним.

— Раззява ты, а не рыбак! — с презрением посмотрел на Чуткина сосед.— Такую рыбину упустил... Большая, наверное, как думаешь, Лешка? — обратился он к своему товарищу.

— Кто знает, может, и большая,— безразлично отозвался тот.

Вася в душе ликовал: сейчас-то он оплатит этому жадному верзиле за «раззяву». Уж он-то знал, что и окунь у него был большой и что никуда он не мог деться. Здесь он, голубчик, здесь где-то... Если не украл наживку, то обязательно снова возьмет.

И верно: поплавок слабо дрогнул и медленно пошел в сторону и на погружение. Вот он скрылся под водой, но еще виден. Вот он, описав полукруг, пошел в другую сторону... Конец удилища уже подрагивал, изгибался к воде, а Вася все еще считал про себя: «...восемь, девять, десять... пора!»

Он слегка поддернул удилище и сразу почувствовал, что рыба взялась накрепко. Гибкое рябиновое удилище выгнулось дугой и дрожало в руке, натянутая струной леска из стороны в сторону резала воду. Васе не терпелось поскорей вытащить добычу на берег, чтоб заткнуть рот этому верзиле. Он, вероятно, и поступил бы так, если бы сбоку не слышалось опять надсадное шипение:

— Тащи, да тащи ты, дьявол... Упустишь опять!

Злость придала ему выдержки. Возможно, это и спасло от беды. Дерни он посильнее, и леса могла оборваться. Вася медленно, едва заметно для постороннего глаза, подтягивал лесу, а окунь продолжал рваться из стороны в сторону. Вдруг он кинулся прямо к берегу, леса ослабла и даже провисла. Вася сделал два шага назад и снова напружинил удочку... Окунь, постепенно затихая, все медленнее и послушнее ходил в двух метрах от берега, поднимаясь к самой поверхности.

Наконец Вася решил и чуть ли не волоком втащил его на скалу, потом быстро рукой отбросил трепыхавшуюся рыбу подальше от воды.

Да, окунь был поистине на зависть соседям: выпученные очумелые глаза были размером со шляпку винтовоч-

ного патрона, а весь он, полосатый, ощерившийся, с горбом на спине, походил на какое-то чудо-юдо...

Пока Чуткин вырезал прут и продевал его под перламутровые, окостенелые крылья окуневых жабер, подошел расстроенный командир взвода.

— Что там? — поинтересовался верзила.

— А ну их... — махнул рукой тот. — Шашлычную устроили. На лучинках рыбу пекут... Находятся же люди! Невтерпеж им, видишь ли... Пришлось пристрожить. Не в рыбе дело, а приказ нарушают.

— «Мститель»-то наш вон, посмотри, какого зверя заловил.

— Вот это окунь! — Командир взвода даже головой покачал в изумлении. — На что клюнул? Неужто на глаз?..

— На плотичий хвост.

— Ну? Вот никогда не пробовал... Объясни-ка, парень, как ты это делаешь?

Вася показал. Но командир взвода, как видно, усомнился, принял Васину удачу за случайность и продолжал таскать мелких окушков по-своему.

Чуткин сделал заброс, укрепил удилице и уселся снова курить... Вскоре все повторилось, и второй окунь, чуть поменьше, оказался на берегу.

Соседи забеспокоились. Верзила в шумных, сшитых из плащ-палатки шароварах первым не выдержал, насадил на крючок хвост плотицы. У него почти сразу же клюнуло, потянуло на дно, но он слишком поторопился и вытащил лишь помятый хвост. С недоумением и растерянностью он оглянулся на Васю, а тот сидел и словно бы ничего не видел. «Так тебе и надо, не жадничай. Ишь, учитель нашелся», — с удовлетворением думал Вася, ожидая момента, когда обратятся к нему за советом.

После двух неудачных поклевков такой момент наступил. В ответ на восклицание, явно обращенное к нему: «Не понимаю, что за чертовщина!», Вася промолчал, дождался очередной поклевки у неудачника, а затем словно бы нехотя потянулся к его удилице. Тот покорно уступил. Несколько раз Вася принимался считать, но окунь отпускал наживку, и поплавок всплывал.

И все-таки терпение победило — вскоре первый крупный окунь украсил горку мелкой рыбы, уже наловленной соседями.

Вася поймал еще двух окуней, а потом клев прекра-

гился. Словно обрезало — даже мелочь стала брать вяло и редко. Интерес к рыбалке пропал, мучительно захотелось есть и спать. Словно бы скрываясь от нестерпимо палящего солнца, Вася отодвинулся в тень прибрежных зарослей, какое-то время для вида посидел там, потом привалился на бок и сразу задремал. Он знал, что спать нельзя, за это могут строго наказать, и поэтому сон его был неглубок и тревожен. Это был даже и не сон, а бессилие перед дремотой, когда вроде бы все слышишь и понимаешь, а открыть глаза, очнуться — невыносимо тяжело и больно. Соседи вполголоса переговаривались. Это мешало, так как каждое слово как бы ударяло по сознанию, заставляло напрягаться, но в то же время и приносило успокоение — значит, они еще здесь, не ушли, значит — еще можно вот так поваляться, подремать.

Потом Вася услышал над головой тяжелые приближающиеся шаги...

— А ты что — спать сюда пришел, что ли? Другие за тебя работать должны?

— Оставь его. Он свое сделал, пусть спит...

Позже, когда по берегу пробежал дежурный с приказанием всем уйти с озера и Васю разбудил командир взвода, Чуткин проснулся с убеждением, что он в действительности слышал и шаги над головой, и этот грубый окрик, и успокаивающие слова взводного. И оттого, что все это, по его убеждению, было, он не почувствовал никаких угрызений совести перед соседями за недозволенную слабость, и был крайне удивлен, когда командир взвода по пути в лагерь подзадержал его:

— Твоя фамилия вроде — Чуткин?

— Да.

— Помню тебя по шокшинскому походу. Ты, парень, знаешь правило, что в походе спать можно только в расположении своего взвода? И с разрешения командира.

Чуткин знал это и промолчал.

— А если бы нас вблизи не было? Или, допустим, ты заснул бы вот так не на берегу, а в лесу? Заснешь и смотри — не проснешься. Ваш Якунин, думаешь, намеренно на посту спать улегся? Нет, конечно. Дал себе послабление, как и ты... Ладно, парень, не унывай, только больше такого не делай, если беды не хочешь.

Вася подавленно молчал. Если бы командир взвода выговаривал ему строго или начал ругаться, он знал бы, как ответить. Тем более, что и взводный не свой, а чу-

жой... Вася-то и фамилии его не помнит. То ли Васильев, то ли Николаев... Но этот взводный был, как видно, неплохим мужиком. Непонятно только, чего ж он сразу не разбудил его. Разбудил бы и дело с концом. Смешно получается — сделал доброе дело, не дал разбудить, а теперь вроде бы попрекает.

В штабе Васю встретили как героя рыбалки.

Каждый, начиная с Григорьева, счел своим долгом попробовать на вес или хотя бы потрогать его четырех окуней — особенно первого, рекордного. Трех окуней тут же забрали в общую долю. Потом Григорьев вручил Васе приз — медную тяжелую блесну, точь-в-точь такую же, на какую ловил сам. Удачливые рыбаки были тут же в шутку зачислены в бригадную рыболовную артель, председателем которой вызвался быть сам комбриг.

Для варки рыбы каждому взводу было разрешено развести по маленькому бездымному костерку.

Свою долю — большой кусок вареного окуня и кружку холодной ухи — Вася Чуткин съел вечером, перед выходом с озера Гардюс. Едва добравшись до отделения, он свалился под куст и проспал весь день. Спал он тревожно. Все время ему слышался тот непонятный и незнакомый голос: «А ты что — спать сюда пришел, что ли?..» Вася вздрагивал, напрягался и все ждал успокаивающего ответа: «Оставь его... Пусть спит». Но ответа не было. Вася просыпался, долго приходил в себя и, успокоившись, забывался снова.

3

В штабе бригады сложился определенный походный распорядок — за час до выхода с большого привала командиры и комиссары отрядов собирались на оперативное совещание. Докладывали о разного рода происшествиях, знакомились с маршрутом на следующий переход, начальник штаба намечал порядок движения, комиссар зачитывал свежую сводку Совинформбюро, потом — несколько минут общего перекура: сидели, вполголоса переговаривались, шутили — и расходились по своим местам.

Командиры так привыкли к этому, что приходили на оперативку, не ожидая вызова. И в отрядах знали: если командир и комиссар направились к штабу бригады, пора готовиться в путь.

У озера Гардюс все шло, как обычно.

К вечеру ненадолго разрешили развести костры, чтобы вскипятить чаю и что-либо сварить перед походом. День отстоял солнечным и жарким, хотя у самого горизонта на северо-западе кучились белые облака. Было тихо и безветренно, но знатоки утверждали, что сухой погоде пришел конец. Солнце сядет в зарю, а это верный признак, что завтра будет ветрено. А где ветер — там и дождь. Если не холодный и не затяжной, то и пора бы. Жара надоела. Третью неделю не просыхаешь от пота. На марше даже ночью преешь так, что кажется, пар от тебя клубится. А тут еще проклятые комары и мошка. Спать приходится, укутавшись с головой в плащ-палатку. Просыпаешься мокрый и очумелый. Тело жжет от укусов. Так и хочется шарахнуть прямо в одежду в воду, чтоб хоть на минуту почувствовать облегчение.

А тут еще подкралась новая беда. Если бы не этот проклятый гнус, ее заметили бы раньше. А так — попробуй разберись, от чего чешется все тело? Думалось, от укусов мошки и комаров, а оказалось — в рубцах на тельной одежде вши завелись.

Вши — не гнус, и люди стыдились их. Каждый считал, что они у него одного. Скрывали беду, где-либо за кустиком пытались тайком от нее избавиться. Трясли рубахи, давили ногтями, стирали в холодной воде.

На озере Гардюс фельдшер отряда «Боевые друзья» Ольга Пахомова обратила внимание, что некоторые бойцы подолгу не засыпали, копошились под плащ-палаткой, потом, раздетые до пояса, уходили в кусты. Она заподозрила неладное и решила сделать поголовный осмотр. И сразу же подозрения подтвердились. После первых десяти — пятнадцати человек ей уже не понадобилось осматривать каждого. Она подходила и спрашивала:

— Есть?

Ее отлично понимали и кивали:

— Есть. Как в Греции — у нас все есть. Могу уступить.

— Много?

— Хватит. Больше, чем овец у доброго хозяина, — шутили ребята и сразу же чувствовали облегчение.

Она осматривала лишь тех, кто давал отрицательный ответ. Таких оказалось меньше половины.

Нужно было принимать срочные меры.

Пахомова доложила командиру отряда Грекову и начальнику санитарной службы бригады Петуховой. Та сразу же велела произвести осмотр во всех других отрядах. Картина оказалась схожей.

В отрядах — оживление. Теперь никому не надо таиться. Одежду прожаривают над кострами, шутят, смеются, словно проверка избавила каждого не только от угнетающей тайны, но и от самой беды. Лишь пожилые пессимисты невесело качают головами.

— Не к добру это... Вошь, она к беде заводится! Смотри-ка, трех недель не прошло, как в бане мылись, а уже развелось столько! А ведь она соленого поту не любит. Коль в поту завелась, то и впрямь к беде!

Санитарный осмотр в отрядах закончился как раз ко времени, когда командиры собрались на оперативное совещание.

Предстояло решить важный вопрос о дальнейшем маршруте. На юге, в пятнадцати километрах прямо по курсу бригады располагалась система соединявшихся друг с другом озер: Сидрозеро, Тумасозеро, Кевязозеро и Унутозеро. Как их обходить — с востока или с запада? Оба варианта имели свои преимущества и недостатки. Западный, конечно, более скрытен, но места там низкие, сырые, много труднопроходимых болот и две реки — Сидра и Тумба, через которые надо наводить переправы.

Восточный вариант более рискован, он приблизит маршрут к населенным пунктам Железная Губа и Юккогуба, в которых значатся небольшие гарнизоны противника. Но зато не понадобится никаких переправ, путь проляжет по сухим высоким местам, которые хорошо знакомы и комбригу, и многим другим партизанам, уроженцам Сегозерского района. Небольшой поселок лесорубов Тумба, который никак при этом не минуешь, с первых дней войны заброшен. В нем нет ни местного населения, ни финского гарнизона. Там люди могли бы хорошо отдохнуть, привести себя в порядок. Кстати, там есть бани, если они уцелели.

Один за другим выступали командиры отрядов, взвешивали «за» и «против», и никто не решался высказаться. Григорьев не понуждал их к этому. Он и сам все еще прикидывал, взвешивал и не мог решиться. В обсуждении он искал не столько большинства голосов, сколько свежих доводов и возражений.

Сообщение об итогах санитарной проверки явилось определяющим доводом в пользу восточного варианта.

Григорьев принял решение: скрытно форсировать дорогу в трех километрах от деревни Железная Губа и идти на Тумбу. В ночь с семнадцатого на восемнадцатое в квадрате 32—90 принять с самолетов продукты, войти в поселок, дать людям суточный отдых и помыть их в бане.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

(г. Беломорск, 17 июля 1942 г.)

1

За год пребывания в Карелии Вершинин успел привыкнуть ко многому, но только не к странному тревожному состоянию, которое охватывало его в период летних ночей, когда терялось ощущение суток. Он жил в крохотной комнатке рядом со служебным кабинетом, мучился от бессонницы и потому привык спать почти не раздеваясь. После полуночи ложился на узкую железную кровать, закрывал глаза, и когда по ночам звонил в кабинете телефон, то не было случая, чтобы дежурный, сидевший за стеной в оперативном отделе, успевал подойти к аппарату раньше комбрига.

Сон приходил под утро, когда пора было уже и вставать. С шести часов начиналась утренняя связь с отрядами. До восьми можно бы и поспать — все равно обработка занимает немало времени. Но какой тут сон, когда ожиданием утренней связи живешь уже с вечера, а ровно в десять надо звонить члену Военного Совета Куприянову, и к этому времени суточное боевое донесение должно быть обдумано и составлено.

Вершинин понимал, что его вынужденный режим понапрасну взвинчивает нервы подчиненным. Каждый уважающий службу офицер не уйдет отдыхать раньше старшего начальника, в отделах люди томятся по вечерам, особенно в дни, когда ничего чрезвычайного не происходит, а поток дневной суеты уже схлынул и в гарнизонном Доме офицеров — концерт, кино или танцы. Вершинин был даже уверен, что подчиненные в такие минуты, конечно же, поминают его недобрым словом, — на их ме-

сте он и сам, наверное, поступал бы точно так же: они молоды, жизнь есть жизнь, и кому же не хочется повеселиться. Месяц назад, когда штаб только начинал формироваться в соответствии с новым расписанием, полученным из Москвы, комбриг намеревался изменить распорядок, установить определенные часы для службы и отдыха, однако потом, подумав, кто они и зачем сидят в этом тихом домике, он сразу перерешил: разве там, в отрядах, ради которых они и сидят тут, можно делить время на службу и отдых?

Вообще-то причиной бессонницы у Вершинина были не столько белые ночи, сколько обнаружившаяся язвенная болезнь.

Приступ начался в июне, когда возвращались из Москвы, с сессии Верховного Совета СССР. Всю дорогу Вершинин провел в салон-вагоне секретаря ЦК компартии КФССР, члена Военного Совета фронта Куприянова. Сидели, разговаривали, делились впечатлениями об однодневной, неожиданной для военного времени сессии, на которой главным вопросом была ратификация заключенных договоров о взаимной помощи между союзниками в войне против Германии. Потом незаметно перешли на партизанские дела. Вершинин побывал у начальника только что сформированного Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Тот выслушал доклад о карельских делах доброжелательно, но без особой заинтересованности — чувствовалось, что есть у него заботы и поважнее. План бригадного похода на Поросозеро одобрил, попросил показать на карте. Вершинин подошел к висевшей на стене, утыканной разноцветными флажками карте европейской части страны, и весь партизанский рейд, к которому столько готовились, вдруг как-то поблек, стал казаться ничтожным — все расстояние от Сегежи до Поросозера легко прикрывалось одним указательным пальцем.

— Правильно! — выслушав, сказал Пономаренко. — Пора и вам начинать действовать...

Это прозвучало обидно — как будто в Карелии партизаны сидели без дела. Пономаренко и сам почувствовал неловкость и поправился:

— Я имею в виду... действовать масштабно.

К просьбам он отнесся внимательно. Тут же приказал выделить карельскому штабу десять раций «Север», обещал прислать начальника узла связи и нескольких ра-

дистов, а главное — без промедления договорился с армейскими снабженцами о выделении карельским партизанам лимита на дополнительные пайки.

Удача с рациями и пайками затмила все другие впечатления от этого короткого визита. Правда, к бригадному походу дополнительные лимиты запоздали. Прижимистые армейские снабженцы выделили партизанам далеко не самое лучшее — часть мясных консервов заменили рыбными, шпика оказалось совсем мало, пришлось компенсировать комбижирами, сахар — тоже не по полной норме, часть его заменили конфетами... Не потому ли вот уже несколько дней Григорьев, с каждым разом все тревожнее, запрашивает, когда можно ждать заброски продуктов, хотя по аттестату все получено по восемнадцатое июля включительно.

Тогда же, на обратном пути в Беломорск, все теперешние заботы были еще впереди. В уютном салон-вагоне было тепло, даже чуть душновато, дорога предстояла долгая, и им с Куприяновым было о чем поговорить.

Прошел почти год партизанской войны в Карелии, многое прояснилось, приобрело организационную структуру и даже опыт, но наступившее лето озадачивало новизной. Командование фронтом настаивало на операциях в глубоком вражеском тылу, на стратегических коммуникациях, где, как считалось, и действовать легче, и результаты могут быть ощутимее. Для этого надо было посылать отряды в далекие рейды. Двести — триста километров надо идти, неся на себе продовольствие и боеприпасы, чтобы на несколько дней оседлать шоссейку, разгромить автоколонну или взорвать мост. Это бы себя оправдало, если бы отряд смог оставаться в том районе длительное время. Но как наладить снабжение, вывозку раненых? Авиаторы многого не обещают. Тихоходные гидропланы могли бы делать посадку на озерах, но такое удастся один-два раза, не больше. Частые полеты быстро демаскируют партизан, особенно сейчас, когда наступили белые ночи...

Потом связь.

В начале июня в тыл врага ушли отряды Кравченко и Бондюка. У обоих есть новенькие рации, но уже через неделю связь стала гаснуть, а затем и вовсе пропала. Теперь сиди и гадай, что там произошло. Радисты подозревают, что все дело в каких-то природных помехах, но кто знает? Не случится ли такое и с бригадой?

Молодой, решительный в суждениях и поступках Куприянов с удовольствием носил форму бригадного комиссара. Все на нем было свежим, добротным, выутюженным, а орден Ленина и значок депутата Верховного Совета придавали ему особо значительный и молодцеватый вид. В Москве он охотно и чуть напряженно козырял в ответ встречным бойцам и командирам, глядя им прямо в глаза и смущая их таким вниманием. В этой уставной четкости угадывался прежде всего штатский человек, недавно надевший военную форму.

От бригадного похода Куприянов ждал очень многого, ежедневно контролировал подготовку, торопил, помогал чем мог, и его воля, уверенность, инициатива постепенно передались другим. Начала похода в штабе ждали как праздника.

Тогда, сидя в вагоне, Куприянов был доволен, что дела не задержали его в Москве, что к моменту выхода бригады он будет в Беломорске и сможет отмечать на своей карте суточные переходы. Он любил карту, за истекший год привык разбираться в ней не хуже заправского штабиста.

За ужином выпили. Теперь-то ясно, что Вершинину следовало воздержаться, в животе и без того побаливало, но уж больно располагающей была обстановка: впереди — целая ночь пути от Обозерской, где поезд словно бы на ощупь тащится по колее зыбкого, недавно отсыпанного полотна, за окном — тихий полусумрак, а на столике — неуловимо прозрачная бутылка с довоенной этикеткой... Тем более, что и закуска была отличная — колбаса, омлет со шпиком, рыбные консервы. Первая стопка приятно согрела желудок и отодвинула все предосторожности. Ужинали долго. Потом неторопливо пили чай, перескакивая в разговорах с одного на другое, перебирая командиров, комиссаров, начальников штабов партизанских отрядов, давая им оценки, вспоминая забавные случаи. В полночь прослушали выпуск последних известий, помрачнели, посидели молча и начали готовиться ко сну.

Вершинин уже отодвинул дверь своего купе, когда Куприянов неожиданно спросил:

— А что, Сергей Яковлевич, Колесник действительно хороший человек?

— Да, он способный боевой командир.

— А человек? Партизанам важно, чтоб и человек был хороший. Плохой не приживется...

Вершинин подумал и ответил:

— Мне он нравится. Прямой и честный парень. Разве что резковат и прямолинеен. За зимние походы орден Красного Знамени получил.

— Орден-то при чем? К орденам-то мы сами представляем, а я о другом спрашиваю. Аристову он что-то не нравится... Не лучше ли развести их, пока не поздно, а?

— Поздно, Геннадий Николаевич. До выхода осталось меньше недели. Неожиданной заменой начальника штаба мы и человека обидим, и породим ненужные толки у партизан. Григорьев убежден, что боевая обстановка примирит их.

— Ладно. Посмотрим. Ну, спокойной ночи!

Но, увы, та ночь спокойной не оказалась. Через полчаса начались болевые схватки. Вершинин принял таблетку, до утра провалялся с грелкой, но боль совсем так и не ушла, где-то под самой ложечкой она как бы сосредоточилась в одной ноющей и пульсирующей точке, вызывая изжогу, тошноту и головную тяжесть.

Вершинин знал, что стоит ему обратиться к врачу, как его немедленно повалят на госпитальную койку, начнут исследовать. Но именно этого ему меньше всего хотелось сейчас, когда пришла самая пора для действий отрядов, а штаб партизанского движения Карельского фронта по существу находился еще в стадии формирования; отделы, службы, люди все еще притирались друг к другу и, к сожалению, не всегда удачно.

В последние годы Вершинину не везло — испытал три перемещения по службе, а четвертого ему не хотелось...

2

Утро семнадцатого июля принесло радость. Наконец-то вышел на связь отряд Кравченко. Связь была неуверенная, с затуханиями и помехами, но из обрывков радиограммы можно было понять, что Кравченко находится в районе Кондоки, возвращается на базу и потерял взвод. Понять, что означают слова «потерял взвод» — потерял он в бою или оторвался от отряда в пути, — было невозможно. На запрос ответа не последовало, связь пропала, даже не поступило подтверждения о приеме запроса.

И все-таки это была радость — после долгого молча-

ния узнать, что отряд цел, не сгинул в лесных дебрях, выполнил боевое задание.

Приказав ежечасно искать связи с Кравченко, Вершинин хотел тут же позвонить Куприянову, поделиться радостью, но потом подумал, что это известие будет солиднее выглядеть в общей суточной сводке. Оставался Бондюк. Если бы объявился и он, то у штаба была бы полная картина. Бригада Григорьева и семь отдельных отрядов находятся в деле, за линией фронта, нити их маршрутов уже протянулись далеко на запад, в трех местах пересекли государственную границу — пусть оккупанты не думают, что их глубокие тылы недоступны партизанам.

Утренняя радиограмма от Григорьева была требовательная как приказ:

«Иду в квадрат три километра севернее поселка Тумба. Шлите полночью продукты. Сигнал три красных ракеты в сторону Сидрозера».

Было в этом что-то настораживающее и странное. Допустим, с продуктами понятно — завтра истекает срок. Но зачем понадобилось бригаде поворачивать к востоку, втягиваться в узкое междуозерье, когда можно спокойно обходить Сидрозеро с запада? По данным разведки, лесопункт Тумба считается пустующим, ближайшие гарнизоны в двадцати километрах... Прямой опасности вроде бы нет. И все-таки это был непонятный маневр. Вершинин искал и не мог найти объяснения, но когда его помощник, подполковник Котляров, прочитав радиограмму, воскликнул: «Это глупо! Сам лезет в ловушку!», Вершинин строго посмотрел на него и оборвал:

— Мы судим по карте, а он принимает решения, исходя из обстановки.

Вспомнив, что именно этот совет — действовать по обстановке — он давал Григорьеву там, в Сегеже, накануне выхода бригады, Вершинин почувствовал себя причастным к этому неожиданному решению, которое наверняка имело какие-то мотивы — не мог Григорьев принять его необдуманно. Но почему он скрыл эти мотивы от штаба?

Наклонившись к столу и незаметно поглаживая ладонью ноющую подложечную область, Вершинин приказал:

— Строго напомните всем командирам отрядов и командиру бригады перечень обязательных сведений для донесений: местонахождение, обстановка, состояние отряда, сведения о противнике, решение на завтра, в случае отклонений — мотивы. Все это в пределах пятидесяти слов, у Григорьева вечером запросите краткое объяснение. Проверьте готовность отправки продуктов.

В Сегеже в расположении отдельной авиагруппы находились партизанские снабженцы и офицер оперативного отдела Филатов. Они готовились к заброске продуктов.

Котляров ушел.

Через два часа он доложил, что только что удалось соединиться с Филатовым, что там все в порядке — самолеты обещаны, продукты упакованы, ровно в полночь назначен вылет.

Проведя короткую «оперативку» с начальниками отделов, Вершинин собирался на полчаса прилечь с грелкой, уже принес чайник с кипятком, как позвонил заведующий военным отделом ЦК компартии Карахаев и по поручению Куприянова предложил собраться в ЦК для обсуждения важного вопроса.

— Есть новости по поводу партизанской спецшколы, — добавил он, словно бы извиняясь за приглашение.

— Нужны какие-либо документы?

— Нет, приходи сам.

Шагая по улицам одноэтажного деревянного Беломорска, Вершинин размышлял о предстоящем разговоре по поводу спецшколы, прикидывал, какие новости ждут его.

Десять дней назад бюро ЦК республики одобрило предложение штаба о создании партизанской спецшколы на триста курсантов с двухмесячным курсом обучения. В каждой операции отряды несут потери. Пополнять их за счет необученных добровольцев стало бессмысленно, ибо сами потери во многом вызывались тем, что в отряды в начале войны пришло много людей, впервые взявших в руки оружие. Теперь, когда стало ясно, что война будет долгой и трудной, партизанское движение не может основываться на стихийном патриотическом порыве людей. Нужны подготовленные бойцы, знающие не только оружие, но и основы тактики, минно-подрывное дело, топографию. И пополнять отряды надо крепкими молодыми людьми призывного возраста. Людские ресурсы республики практически исчерпаны, в армию призваны все, кто подлежит мобилизации. Военкоматы неоккупированных

районов держат на учете каждого подростка, и как только ему исполняется восемнадцать лет, немедленно призывают его в армию. Потом перевести кого-либо из армии в партизаны — целая проблема.

К тому же просто перечислить человека в партизаны нельзя — дело это чисто добровольное, на него, как правило, решаются люди мужественные, смелые, беззаветные — как раз те, которыми дорожит фронт. Понимая это, армейские кадровики нередко цепляются за явно отсталую версию, что партизанское движение — якобы дело стихийное, оно должно расти и пополняться за счет населения оккупированных территорий. Они делают вид, что будто не знают о том, что на огромной оккупированной территории Карелии осталось всего пятьдесят тысяч человек — в основном стариков, женщин и детей.

Вершинин шел, раздумывая обо всем этом, а где-то глубоко в подсознании гнездилась и беспокоило напоминала о себе другая мысль — почему Григорьев изменил маршрут. Если на совещании будет Куприянов, то разговора об этом не избежать и нельзя будет просто пожать плечами в недоумении. Утром при телефонном докладе Куприянов не придавал этому значения, а Вершинин не стал привлекать его внимание — доложил, как свершившийся факт, и все. Но если у Куприянова была свободная минутка и он постоял в раздумье над своей картой, то можно быть уверенным: такая немаловажная деталь не ускользнула от него.

В крохотном кабинете Карахаева собрались втроем: сам хозяин, Вершинин и нарком внутренних дел Баскаков.

Всегда доброжелательный, улыбчивый, начинающий слегка лысеть Николай Федорович Карахаев, как только расселись, без всякого предисловия сообщил, что сегодня Геннадий Николаевич говорил с Москвой, что идея создать спецшколу получила одобрение, в течение месяца надо провести всю подготовительную работу. К концу августа школа должна действовать.

— Поздравляю, Сергей Яковлевич, — улыбнулся он Вершинину и замолчал, ожидая вопросов и зная, что они обязательно последуют.

— Откуда набирать курсантов?

— Тут есть тоже приятная новость. Принято решение, что ЦК ВЛКСМ объявит призыв добровольцев в партизанские отряды. По пятьдесят человек на область.

Юноши, рождения двадцать четвертого года. Комсомольская мобилизация, одним словом,— он улыбнулся и поправился: — Извиняюсь, двумя словами... Ну как, доволен ты, Сергей Яковлевич, таким пополнением?

— Еще бы. Лучше и не придумаешь.

— Ну что ж. Давайте пройдемся еще раз по всем позициям и распределимся, кто чем займется. Первое — дислокация. Тут без изменений. Нет возражений? Нет. Второе — помещение. Одного дома маловато — придется потеснить охрану ББК и освободить второй. Это на тебе, товарищ нарком. Третье — преподавательский и командный состав. Какие соображения у штаба партизанского движения?

Вершинин напомнил, что потребуется не менее двадцати человек старшего и среднего командного состава и три десятка младших командиров. Хорошо бы иметь опытных, обстрелянных, и лучше всего — с боевыми наградами, это имеет большое воспитательное воздействие на молодежь.

— Ну, это ты уж слишком,— улыбнулся Карахаев.— Так тебе сразу — и старших, и средних... Боюсь, нам придется обойтись теми кадрами, которые имеются уже на нашем учебном пункте. Начальник — старший лейтенант Бондаренко, комиссар — политрук Козлов... Аттестация у обоих отличная. Преподавателями — подкрепим. Учебная программа — в расчете на десять часов ежедневно. Срок учебы — полтора месяца...

— Слушай, Николай Федорович! — удивился Вершинин.— Не понимаю, чем же наша спецшкола будет отличаться от обычного армейского учебного пункта?

— А ничем,— охотно подтвердил Карахаев.— Официально нам и утверждена не спецшкола, а партизанский учебный пункт...

— С этого бы и начинал,— засмеялся Баскаков.

— А разве я не сказал об этом? Ну, прошу извинить... Да разве в названии дело. Пусть будет учпункт, но наша задача держать его на уровне хорошей спецшколы. Ну, пойдете дальше...

Так пункт за пунктом прошлись по всему плану, который Вершинин вместе с тем же Карахаевым готовили совместно. Не просто прошлись, а в каждый пункт вносили существенные изменения, от прежнего плана остались рожки да ножки, и было немного странным, что эти изменения легко, свободно, убежденно исходят как бы от

самого Карахаева, но странность эта относилась не к существу предлагаемых поправок, ибо поправки шли выше, а к непривычной совещательной форме разговора, какую избрал Карахаев. Вопрос вроде бы выносится на обсуждение, а все уже решено и согласовано.

После совещания Вершинин пообедал в цеховской столовой.

Подходя к деревянному одноэтажному домику своего штаба, он через открытые окна услышал голоса и едва удержался, чтоб не постоять, не послушать — о чем так оживленно разговаривают его подчиненные. Он много раз ловил себя на желании каким-либо незаметным образом поглядеть, как живут и работают эти совсем недавно собранные под одну крышу и сидящие в одной комнате люди, как обращаются друг с другом в его отсутствие, короче говоря — увидеть их обыденную служебную жизнь такой, какой перестает она быть при его появлении. В том, что такая жизнь существует — он не сомневался. Он сам жил ею в двадцатые годы, когда был молодым командиром, и тогда она ему нравилась. Стала ли она теперь иной? Наверное...

3

В семнадцать часов разведотдел дал ежедневную сводку. В ней были обобщены в основном сведения армейской и авиационной разведок; из партизанских отрядов данные поступали скудно, ценные «языки» не попадались, да и связь работала неуверенно. Несмотря на многократные напоминания, командиры все еще не приучились по пути к месту действия вести разведку широко и основательно, ограничивались разведкой «на себя», а некоторые и вообще сбор разведанных считали делом третьестепенным, посторонним и даже вредным, так как захват «языка» мог привести к преждевременному обнаружению отряда.

Сделав необходимые пометки, Вершинин приказал начальнику разведотдела подготовить ориентировку для отрядов и отпустил его.

С восемнадцати пошли донесения. Вечером, как правило, новостей было мало, днем отряды отдыхали, вели разведку местности. Передвижения совершались в ночные часы. Вершинин прочитывал сводки, очень похожие одна на другую, и в этой похожести была если и не ра-

дость, то своего рода удовлетворение — слава богу, что ничего нового; днем и не должно ничего случаться, днем, если что и происходит, то чаще всего плохое, дневные события — не для партизан, их время — ночь; и как плохо, что ночи на Севере летом такие короткие и светлые.

Кравченко вышел на связь, сообщил, что задание выполнено, возвращается на базу, но о потерянном взводе ни слова.

Бондюк опять не отозвался. Чутье подсказывало, что за этим не скрывается ничего дурного. Скорей всего, не в порядке рация. Случись что — финское радио и газеты не промолчали бы.

В девятом часу принесли радиogramму от Григорьева:

«Нахожусь указанном квадрате. Жду продукты, веду разведку сторону Юккогубы. Ночью войду Тумбу, где есть бани. Людям нужна санобработка. Срочно шлите продукты».

Это успокоило окончательно. Вершинин лишь слегка подсадовал, что Григорьев не счел нужным в утренней радиogramме сообщить эти короткие две фразы, которые делали логичным и понятным его решение.

В двадцать два часа он, не снимая сапог, лишь подстелив под ноги газету, прилег на койку, и сразу думы затянули его в тот привычный и все более мучительный круг, из которого он не знал, как выкарабкаться.

Вот уже год он руководит лесной войной, разрабатывает операции, дает задания, шлет распоряжения, отвечает на запросы «как быть», а сам эту лесную войну представляет лишь умозрительно, по рассказам командиров отрядов и по давнему, явно устаревшему опыту, когда он тоже воевал, но воевал не здесь и не так, как здесь; тоже голодал, мерз, ходил в атаки, был ранен, награжден орденом Красного Знамени, учился, дослужился до высокого чина, но все это теперь не имело, как ему казалось, своего настоящего значения до тех пор, пока он не увидит собственными глазами, что же представляет собой партизанский поход. Он руководит партизанской войной в Карелии, а сам Карелию практически знает лишь по карте, и все эти селения — Вокнаволоок, или Поросозеро, или Юккогуба — жили в его представлении не первой, а второй, понятной русскому слуху частью своего названия.

На первых порах, пока и у самих партизанских коман-

диров никакого опыта не было, его знаний вполне хватало; по крайней мере, их недостаток никем не замечался, и слава богу, что сам Вершинин первым задумался об этом. Он стал покрывать свою карту не только пометками и знаками, но и зримыми представлениями, старался все вообразить, запомнить, ничего не упустить, однако эти картины и представления были все же мертвыми, и оживить их могло участие хотя бы в одном партизанском походе.

Он знал, что этого никогда не случится. Похода ему не выдержать, возраст не тот, да и никто его не отпустит. Было бы странным, если бы он даже заикнулся об этом, но об этой странности трудно было не думать, когда отдаешь приказы, опираясь на опыт тех, кому приказы-ваешь.

Думая дальше, он неизменно приходил к мысли, что все правильно, что по-иному не бывает и не может быть, что любой генерал уступает ротному командиру в знании конкретной обстановки на участке роты, что умение опираться, обобщать опыт многих, принимать решения и составляет основу командирского искусства. Но каждый генерал, прежде чем стать генералом, был взводным, ротным, батальонным, полковым, в его распоряжении — веками накопленная теория стратегии и тактики, правила военного искусства, а какая теория, какие правила есть у партизан, кроме собственного опыта, находчивости и смекалки?! Вся и сложность, что тут чаще всего приходится действовать наперекор правилам.

4

Близко к полуночи в дверь постучал лейтенант Кармакулов и доложил, что прибыл подполковник Котляров и просит срочно принять его. Вершинин быстро поднялся, привел себя в порядок и вышел в кабинет.

Подполковник Котляров должен был с двадцати двух часов находиться в штабе ВВС фронта до получения подтверждения, что выброска продуктов бригаде произведена. Вершинин сразу почувствовал, что случилось что-то неладное.

— В чем дело? — встревоженно спросил он.

— Вылет на сегодня отменен.

— Почему? Кем отменен?

Сбивчиво и торопливо, как бы заранее отводя возмож-

ные обвинения комбрига, Котляров начал жаловаться, что все было готово, но на полевой аэродром неожиданно прибыл командир особой авиагруппы майор Опришко, осмотрел партизанский «багаж», попинал его ногой, пощупал и отменил вылет.

— Почему? Ты можешь говорить точнее? — повысил голос Вершинин.

— Слушаюсь. Он сказал, что багаж требует переупаковки.

— Кто тебе сообщил это?

— Только что звонил Филатов.

Первым порывом Вершинина было — сразу, немедленно звонить командующему ВВС фронта, просить не только отмены неожиданного распоряжения командира авиагруппы, но и наказания его за своеволие. Он несколько не сомневался, что со стороны авиаторов это был какой-то каприз. Комбриг уже подошел к столу, сел в кресло и потянулся к аппарату ВЧ, но тут же сдержал себя, и через мгновение не пожалел об этом, ибо ни объяснить, ни доказать командующему он ничего не мог, он мог только пожаловаться, а никто из начальников не любит жалоб на непорядки в своих войсках.

Можно бы попробовать действовать через Куприянова, он охотно вмешается, но как знать — чем обернется дело, если вдруг выяснится, что у авиаторов есть серьезные доводы.

— Что конкретно сообщил Филатов? — строго посмотрел Вершинин на Котлярова.

— Он сказал, что багаж требует упаковки в более плотный материал.

— Ступай к связистам, и пусть они немедленно соединят меня с командиром авиагруппы. Немедленно, слышишь?!

Прошло не менее получаса, прежде чем Кармакулов доложил, что майор Опришко на проводе.

Они были знакомы. Авиагруппа зимой много раз выполняла просьбы партизан по эвакуации раненых. Вершинин начал разговор так, как будто бы ничего не случилось.

— Как дела, Николай Александрович? Как летается?

— Все в порядке, товарищ комбриг.

— А погода? Надеюсь, хорошая?

— Не совсем. С запада приближается грозовой фронт, так что отдыхаем пока, товарищ комбриг.

— Вот как?! И надолго?

— Синоптики обещают, что часа через три-четыре все будет в порядке.

— Ну и отлично. Значит, нашу «посылку» скоро отправите?

— Нет, товарищ комбриг, сегодня ничего не получится.

— Вот тебе и раз! Почему?

Вершинин и сам почувствовал, что его удивление получилось уж слишком деланным, но поправляться было поздно, и он, слушая, как в трубке вроде бы действительно потрескивают грозовые разряды, терпеливо ждал ответа, чтобы сразу же при случае перевести разговор в более официальный тон.

Но Опришко и тут оказался на коне.

— Товарищ комбриг, вы хотите, чтобы адресат получил груз?

— Странный вопрос!

— Тогда прикажите немедленно переупаковать его в более плотный материал. От ваших сухарей, завернутых в дерюгу, останется одна пыль, если мы будем сбрасывать их даже с бреющего полета.

— Почему же ваши люди не могли предвидеть это вчера или позавчера?

— Своих разгильдяев я уже наказал. Советую вам сделать то же в отношении ваших. Тут не нужно быть большим специалистом, чтоб понимать, что к чему... Ведь не первый раз продукты сбрасываем, товарищ комбриг.

— Наказание наказанием, а адресат ждет посылки.

— Значит, надо поскорей разворачиваться. Я приказал выделить вам старый брезент и парашютное полотно...

— Если мы все закончим к утру, вы сможете начать полеты сразу же?

— А вы разве не боитесь, что дневные полеты демаскируют ваших?

— Но адресат не может двое суток находиться без движения. Это — не менее опасно, не говоря уж о срочности груза.

— Если будет приказ, мы полетим в любое время...

Положив трубку, Вершинин еще раз порадовался, что удержался от звонка в штаб ВВС, уберег и себя, и свое «хозяйство» от неминуемого конфуза, который наверняка получился бы при выяснении дела. Он начал было успо-

каиваться, обдумывать, как быстрее и проще найти выход — просить ли дневных полетов или отложить их до следующей ночи, но, увидев молча стоявшего перед ним Котлярова, чуть ли не вскипел от негодования. Как видно, подполковник все еще надеялся, что комбриг примет его сторону, позвонит высокому начальству и уж оно-то наверняка даст нагоняй несговорчивым авиаторам. Как же иначе? Командиров полков много, а партизанское «хозяйство» одно на весь фронт, да и не службу несет, а воюет. И не где-нибудь, а во вражеском тылу. А кто воюет, тот не может быть ни в чем виноватым, он нуждается в исключительном внимании.

Эта партизанская «болезнь» была знакома Вершинину. Он мирился, когда замечал ее у командиров отрядов, которые иногда непрочь были покичиться своей лихостью и независимостью перед армейцами. Но видеть такое у штабиста было просто невыносимо. По сути дела, человек провалил весьма несложное задание и стоит с невинно-оскорбленным видом. Не хотелось даже тратить слов на выговор.

— Значит, Филатов сказал тебе, что майор Опришко пинал наш багаж ногой? Говорил он тебе это?

— Не то, чтобы пинал... — смешался Котляров. — Он, наверное, на прочность пробовал.

— Так какого же черта ты сочиняешь? Тоже мне художник слова нашелся! стыдно! Немедленно отправляйся на вокзал, садись в первый же грузовой поезд на юг, поднимай людей из отряда Введенского и сам, собственными руками упаковывай тюки. Понятно? Сам, собственными руками! И пока груз не будет доставлен по назначению, сиди там. Здесь справятся без тебя!

— Слушаюсь!

«Это не работник для нашего ведомства, — подумал Вершинин, провожая Котлярова взглядом. — От таких надо поскорей избавляться...»

Было уже за полночь. Вершинин позвонил Куприянову, коротко доложил обстановку. Было в этом звонке что-то неловкое, похожее на перестраховку, ибо сам Вершинин еще не принял определенного решения, когда просить полеты — утром или ночью, но так уж повелось, Куприянов никогда не обижался на подобные звонки, охотно вникал в партизанские заботы и даже не любил, если ему чего-либо не докладывали.

— Демаскировать бригаду дневными полетами не следует,— сказал Куприянов, понимая, что Вершинин ждет от него совета.— Это ведь здорово, что Григорьев до сих пор не обнаружен.

Они попрощались и положили трубки.

Оба еще не знали, что два часа тому назад в положении бригады все круто изменилось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

(координаты 30—92, 17 июля 1942 г.)

1

Потом, когда случится то, что случилось, и когда, в силу этого, все доводы, продиктовавшие комбригу его решение, получат иной вес и иную цену, приказ идти на Тумбу станет представляться не только беспечностью или излишней самоуверенностью, но и явной ошибкой. О нем так и будут судить некоторые командиры. Еще бы! Не надо быть военным специалистом, чтобы понимать, что чем ближе будет бригада держаться к населенным пунктам, тем вероятнее возможность ее обнаружения противником. Казалось бы, чего проще — свернуть вправо, уйти в безлюдные дебри Западно-Карельской возвышенности, скрыться там и потом спокойно двигаться к Поросозеру...

Да, если бы знать наперед, что ждало бригаду, то, возможно, и сам Григорьев избрал бы западный вариант, хотя даже сейчас, через тридцать пять лет, нельзя с уверенностью сказать — избавило бы это бригаду от бед и лишений или принесло бы ей лишь новые?

Целую неделю бригада шла по вражескому тылу, имея перед собой одну главную опасность — угрозу преждевременного обнаружения. Теперь к ней прибавились еще две — надвигающийся голод и угроза эпидемии.

Если обнаружение представлялось Григорьеву хотя и серьезной, но пока еще проблематичной опасностью (он многого не знал и многое зависело от случая), то голод и необходимость срочной санобработки были реальностью, которую не отведешь ни волей, ни силой оружия.

До Поросозера оставалось около ста километров, не меньше недели пути, а голод, истощение, болезни, если

не принять решительных мер, могли стать угрозой завтрашнего дня.

Этими соображениями и руководствовался Григорьев, когда отдал приказ двигаться на Тумбу.

2

Бригада продолжала идти на юг по просекам.

В полночь благополучно перешли развернутым фронтом дорогу Железная Губа — Чиясалми, как всегда, сделали рывок, утром в глухом лесу остановились на двухчасовой привал. Хотя официально никаких объявлений во взводах сделано не было, но все уже знали, что следующей ночью ожидаются самолеты с продуктами. Это воодушевляло людей. Несмотря на усталость, всем не терпелось быстрее добраться к месту выброски, поскорей почувствовать за спиной тяжесть набитых продуктами вещмешков и вновь досыта наесться... А там, говорят, будет суточный отдых, баня, ночь под крышей — без комаров, без мошки, без этого проклятого зуда во всем теле.

Недалеко отошли от места привала, как слева неожиданно загремели выстрелы. Один, другой, третий... Прокотали короткие пулеметные очереди.

Отряды уже начали разворачиваться в боевой порядок, как пришла команда двигаться дальше. Выяснилось, что боковое охранение из отряда «Боевые друзья» наткнулось на спокойно пасшихся в низине лосиху и теленка. Увидев неподвижно застывших людей, животные не бросились бежать, а сбились поплотнее друг к другу. Командир охранения дал команду залечь и послал человека в штаб за разрешением стрелять. Однако, когда лоси начали медленно уходить в лес, он взял ответственность на себя и приказал открыть огонь.

Аристов негодовал. Он требовал немедленного предания виновных суду.

— Из-за какого-то куска мяса мы проваливаем всю операцию! — громко и непримиримо, чтоб слышали другие, сказал он, не глядя на виновато стоявшего перед ним командира дозора.

Григорьев видел в случившемся лишь один крупный просчет — стрельбу из пулемета. Несколько одиночных выстрелов из винтовки не могли демаскировать бригаду. Населенные пункты отсюда далеко: до Железной Губы

километров десять, а до Юккогубы и еще дальше. Выстрелы там, конечно, не слышны. А если где-то в лесу и оказались случайно люди, то винтовочные выстрелы не могли бы насторожить их. Гораздо хуже, если кто-либо слышал пулеметные очереди.

Оставалось надеяться на лучшее. Тем более, что уже поднялся сильный ветер, и он, конечно, как-то скрал звуки пулеметных очередей.

Как это часто бывает, когда люди хотят сделать лучше, а получается хуже, прямого виновника определить было трудно. Выяснилось, что командир охранения не давал команды пулеметчику открывать огонь. По лосихе стреляли из винтовок двое — он сам и еще один меткий боец. Но когда испуганный лосенок бросился бежать, пулеметчик Прястов не выдержал и двумя короткими очередями свалил его.

Чтобы успокоить расходившегося Аристова, Григорьев сурово посмотрел на виновных и сказал:

— Вопрос о наказании будем решать после возвращения из похода! Идите!

— Вы оба должны своей кровью оправдать этот проступок, — добавил им вслед Аристов.

В полчаса туши, не снимая шкур, разделали и поделили сначала по отрядам, потом по взводам, потом — по отделениям. Каждому бойцу досталось по небольшому куску мяса.

После полудня начался дождь. Быстро заволокло небо, глухо в вышине зашумел лес, стало темно и прохладно. Все приуныли. Если такая погода продержится долго, то самолетов ждать бесполезно. А ведь ненастье может стоять и день, и два, и три... Где-то далеко на северо-западе пророкотал гром. Он приближался все усиливающимися накатами. И оттого, что он догонял, а партизаны как бы уходили от него, и с каждым разом он грохотал все сильнее и резче, у всех росло ощущение какого-то беспокойства, словно за спиной что-то уже происходит и надо как можно скорей отрываться, убегать, прятаться...

Гром и ливень догнали их. Все кинулись прятаться под деревьями, но елей было мало, а под соснами — какое укрытие? Ливень был такой сильный, что, пока доставали плащ-палатки, успели промокнуть.

Гроза и ливень обогнали их и ушли вперед, а мелкий дождик продолжался почти всю дорогу. На привал в

квадрат 30—92, где должны были ждать сброски продуктов, пришли усталые и мокрые, но счастливые и тем, что добрались наконец-то, и особенно тем, что на западе вновь прояснело и даже выглянуло солнце. А это означало, что погода может быть летной.

Больше часа неподвижно сидели, ожидая, пока будет произведена разведка местности. Потом по цепочке зашелестела команда: «Привал!», и отряды разошлись в отведенные им сектора.

Разрешение развести по одному костру на отделение все восприняли как вполне заслуженную награду за этот утомительный суточный переход. Теперь можно и обсушиться, и сварить, наконец, злополучное мясо, которое давно уже не давало покоя голодному воображению.

Все шло отлично, и ничто, казалось, не предвещало беды.

Место для привала оказалось сухим и удобным. На западе сквозь редкие стволы соснового бора поблескивало широкое Сидрозеро. Его противоположный берег проступал сквозь синеватую дымку. С востока — в километре — было труднопроходимое болото. Год или два назад в этих местах прошел низовой пожар, трава и кустарник выгорели и еще не успели подняться. Снизу даже обуглились стволы кондовых сосен. Слабый ветерок с озера легко проникал сюда, и комаров поэтому почти не было.

Костры, как и положено, развели в ложбинках и укрытиях. Дежурный по отряду специально расхаживал от отделения к отделению и присматривал, чтоб и костер был небольшим, и чтоб дыму не было.

Этому партизан учить не надо. Дай только разрешение — такой костерок держать будут, что и в двадцати шагах не заметишь. Промокшую сверху валежину специально отешут топором, чтоб не дымила; щепки аккуратно высушат и все до единой сожгут, а сами двойным кольцом так плотно усядутся вокруг, что издали и не поймешь — то ли есть у них костер, то ли по лености да усталости решили без него обойтись.

Не прошло и четверти часа, как вся бригада разбилась на шестьдесят таких групп, в центре каждой, над огнем, висели на рогулинах вплотную друг к другу по пять-шесть котелков.

Какие это мучительные и счастливые минуты! Лицо уже пылает от сухого жара, одежда курится легким парком, а ты сидишь, куришь, сознавая свое законное

право вот так сидеть и курить; смотришь на огонь, на воду в черном котелке, сквозь которую проступают куски багрового мяса, выделенного тебе и двум твоим пайщикам,— и эти куски кажутся пределом твоих желаний. Ты понимаешь, что быть таким жадным нехорошо даже голодному, ты стараешься делать вид, что тебе безразлично и ты просто отдыхаешь, ты пытаешься поддерживать разговор, но вновь и вновь ловишь себя на том, что смотришь в одну злополучную точку и мучительно ждешь, ждешь... А ждать придется долго. Мясо — не рыба, на костре оно упрет не скоро, вся вода выкипит — придется не один раз добавлять, и все равно с трудом будешь рвать его зубами. Уже подкрадывается коварная мысль — зачем ждать, чего возиться, покипит немного и хватит, сырое, говорят, еще питательней. Если бы ты был один, то, может, и не выдержал бы. Но вас в паю трое. Возможно, каждый думает так же, как и ты, но раз трое — приходится ждать. Тем более, все ждут, а в походе нельзя по-иному — надо делать как все.

За последние дни Чуткин наголодался больше других. Что он ел за эти сутки? Вчера вечером — рыбу. Хотя и не досыта — вволю теперь, поди, не скоро наешься, но кусок был большой, а главное, кто-то оставил ему, спящему, небольшую дольку сухаря. Совсем крохотную, со спичечный коробок, а все же во рту остался вкус хлебного. Вроде бы отблагодарили его за рыбацкую удачу. Интересно, кто так расщедрился? У его пайщиков — молодых ребят — сухарей не было. А сегодня весь день на подножном корму. Из питательного только и перепало две горсти сырого пшеничного концентрата.

Чуткин глядел в костер, ждал и незаметно все сильнее надавливал ногой на рогулину, прижимая свой котелок поближе к огню.

От глазастого Живякова ничего не укроется.

— Смотри, опрокинешь и костер зальешь,— тихо и вроде бы безразлично произнес он.— Протер бы лучше винтовку, ржавчиной после дождя возьмется.

Вася ничего не ответил, но ногу убрал. Конечно, винтовку не мешало бы протереть, и он обязательно сделает это — оружие беречь надо, а то оно и подвести может,— однако делать это лучше после ужина, а еще лучше, когда на пост пойдет. Там времени хватит, все равно лежать, посматривать да прислушиваться, со сном бороться — все-таки будет занятие. Разбирать винтовку он, ко-

нечно, не станет, на посту не место для этого, а так, сверху протрет масляной тряпочкой... С нарядами на караульную службу Васе везет. Вчера из-за рыбалки вообще не ходил, а сегодня — его вторая очередь. Только не бывавшие в дальних походах могут считать: дескать, не все ли равно, когда доведется отстоять на посту свой час — первым, вторым или десятым? Вася, когда был новичком, тоже радовался, коль ему выпадала далекая очередь. Но теперь-то он понимает разницу. Нет смены лучше первой. Вроде бы наоборот должно быть. Ведут тебя на пост, а ты — голодный, усталый после перехода, еле ноги волочишь вслед разводящему. Так и кажется, что стоит занять место в секрете, сразу и глаз не разомкнуть — хоть распорки между веками вставляй. А получается по-иному. Лежишь, посматриваешь, минуты на глазок отсчитываешь, а позади ощущаешь — не слышишь, а именно спиной чувствуешь, — как не спит, живет, двигается лагерь. Оттуда и дымком потянет, а иногда тихо, еле слышно дужка котелка звякнет. Значит, ребята уже и костер сообразили, и за варево принялись. С поста придешь — в самую пору. Перекусишь — и кум королю до конца привала. Одно это сколько бодрости прибавляет...

Но быть на посту — в секрете ли, в дозоре, — когда все спят — нет большей муки. Сам заспанный, и позади — сонное царство. Костры уже погашены, нигде ни звука, глаза слипаются, и только проклятая мошка, которая с ходу стегает, как осколками, и беспрерывно лезет за шиворот, заставляет шевелиться, отмахиваться, пожегиваться. Да еще страшная мысль, что вот заснешь — и никогда не проснешься...

Вася сидел у костра, размышлял, глотал слюну, поглядывая на кипевший котелок, и успокаивал себя тем, что нет худа без добра. Теперь уже ясно, что на пост придется идти голодному, но зато к возвращению будут ждать его сразу две радости — и еда, и сон до конца привала. А если к тому времени прилетят самолеты да сбросят продукты — то чего еще и желать? Погода опять наладилась. Солнце уже село, а в лесу светло, как днем, потому что небо — чистое, ясное, голубое, словно в мае, перед началом белых ночей. В такую ночь отчего не летать? Через часок сгустятся синеватые сумерки, кой-где даже звезды, которые поярче, проглянут, а ночь-то все равно будет белая... Хоть и не такая, как в июне, но еще светлая, тихая и теплая.

— Чуткин, собирайся на пост!

Вот и прошел час привала. Незаметно проскочил, словно короткий перекур на марше,— так бы вот там, на посту, время летело.

Собираться на пост — это значит свернуть и выкурить сигарку, чтоб там не томиться. Другого собирать нечего — винтовка под рукой, две гранаты на боку, а мешок здесь, у костра, останется.

— Пошли, Чуткин!

Вася сделал последние торопливые затяжки, кинул окурок в костер и поднялся. Потуже затягивая пояс-патронташ, не без сожаления посмотрел на все еще кипевший котелок и пошел за Живяковым.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

(координаты 30—92, 17 июля 1942 г.)

1

С того момента, когда бригада, проведя три дня между Сегозером и Елмозером, так и не смогла перейти линию охранения и двинулась в обход, на север, комиссара Аристов не покидало чувство тревоги и неуверенности. Он жил с ощущением, что все идет не так, как положено, и впереди надо ждать еще худшего.

Аристов не был военным человеком. Из-за плохого зрения его даже не призвали в армию, что явилось немалым ударом по самолюбию молодого парня, только что начавшего самостоятельную жизнь. В 1930 году он вместе с группой ленинградских комсомольцев приехал на лесозаготовки в Карелию, работал лесорубом-возчиком, здесь вступил в члены партии, вскоре был назначен начальником сектора в отделе кадров Карпотребсоюза. Это была ответственная служба, связанная с работой по изучению деловых и политических качеств людей, она во всем требовала четкости, обязательности, инициативы. По крайней мере, так казалось Аристову, и за четыре года маленький по штату сектор он сделал почти необходимым при решении нескончаемых кадровых перестановок, которыми во все времена славилась потребительская кооперация. Свою службу он считал очень важной и обзавелся серой суконной гимнастеркой, широким командирским ремнем, диагональными брюками-галифе и хро-

мовыми сапогами. Большие глубокие очки, так недавно смущавшие его, придавали скуластому лицу солидность и сосредоточенность. В свое время он окончил первый курс промышленно-экономического техникума, и пока этого для Карпотребсоюза вполне хватало, но Николай Павлович, позанимавшись на вечернем рабфаке, поступил в пединститут, через год вынужден был бросить учебу, однако и этот год дал многое не только в знаниях, но и в анкетной графе об образовании.

По тем трудным временам его образование было немалым. Деловые качества — четкость, сосредоточенность и даже многозначительная замкнутость, которые нелегко давались молодому и горячему по натуре человеку, но которые он не без усилий все-таки воспитал в себе, — не остались незамеченными. За три года Аристов прошел четыре важных ступени: в 1936 году стал инструктором Петрозаводского горкома партии, потом заведующим отделом школ и политпросветработы и, наконец, в 1939 году был избран первым секретарем райкома.

Он и сам понимал, что возвышение было слишком стремительным, ни на одной из должностей он не успевал освоиться, развернуть своих способностей, и некоторые из числа недоброжелателей, конечно, имели повод видеть во всем этом что-то карьеристское. Но таковы были обстоятельства, а себя он карьеристом не считал, во-первых, потому, что в действительности не был им, ибо работал везде, не щадя ни времени, ни сил, а во-вторых, потому, что среди близкого окружения он и не видел людей, более способных и достойных занять открывшуюся вакансию.

Доверие и поддержка со стороны первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Куприянова окрыляли его. Кроме порученного дела, кроме постоянной бесконечной работы для Аристова ничего не существовало. Район попался трудный, бездорожный, с тремя небольшими МТС и мелкоконтурными, каменистыми полями, где техника была почти бессильна; от деревенских забот он успел отвыкнуть, да и условия на его родине в Галичском районе на Ярославщине были иными; дни и ночи проводил он в колхозах, вникая, осваиваясь, обживаясь. Самым трудным на первых порах было то, что везде от него чего-то ждали: совета, помощи, приказа. Зато трогала и волновала обстановка полного повиновения. Первую посевную Аристов провел довольно-таки успешно — лучше, чем ожидалось.

Летом Куприянов сделал ему предложение перейти на работу в аппарат недавно созданного Центрального Комитета компартии Карело-Финской ССР.

Аристов попросил не трогать его из района, дать возможность поработать, приобрести опыт.

Глубокой осенью 1941 года Заонежье было оккупировано врагом. Партизанский отряд, созданный райкомом партии, в трудных условиях по неокрепшему льду вынужден был перебраться сначала на Климецкий остров, потом на пудожский берег, где вскоре началось формирование первой партизанской бригады.

Аристову вызвали в Беломорск и решением бюро ЦК КП(б) республики назначили комиссаром бригады.

Гордый оказанным доверием, возвращался он в Пудож. По пути многое обдумал, прикинул, наметил. В ушах еще звучали напутственные слова Куприянова. «Комиссар — это не только воспитатель. Это партийное око и партийный ум, которые должны все видеть, все знать, все направлять. Помнишь ленинскую мысль о комиссарах?»

В Челмужах Аристов встретил своих земляков — секретаря Заонежского райкома комсомола Николая Тихонова, Павла Спящего и Степана Кузьмина, которые готовились пойти через залив в глубокую разведку. Он тут же договорился о командовании и всех троих забрал с собой, решив назначить их своими помощниками в партизанской бригаде.

Все складывалось хорошо, но первые месяцы принесли и разочарование.

Как и у всех, кто никогда не служил в армии, у Аристова еще с довоенных времен жило представление, что воинская часть — это абсолютно выверенный, четкий механизм, где нет и не должно быть места каким-либо случайностям, сбоям, отклонениям от установленного порядка, где человек должен так подчинять себя долгу, делу, службе, что все остальное просто не должно существовать. Боевое подразделение представлялось ему той идеальной формой соединения людей в коллектив, которая в состоянии максимально проявить их усилия для достижения общей цели и управлять которой не представляет особых трудностей.

В ней самой заключены все условия и предпосылки для точного выполнения всех возложенных на нее функций. Коль все в армии заранее определено и строится по

четкой системе «приказ — исполнение», то успех дела зависит от командира, от его умения найти самое верное решение. Его обязанность, как комиссара, проследить, чтобы принятое решение было действительно не только верным, но и единственно приемлемым.

С первым командиром партизанской бригады В. В. Тиденом он так и строил свои отношения. Он знал Владимира Владимировича еще по Петрозаводску, когда тот был директором Онежского завода. Правда, знакомство было чисто шапочным, их служебные интересы, даже когда Аристов работал в горкоме партии, не скрещивались, но директор завода был в городе фигурой заметной, его уважали, с ним считались, избирали в члены бюро горкома. Когда-то Тиден был кадровым командиром, носил звание майора, и это тоже имело для Аристова немало важное на первых порах значение.

Тиден командовал, предлагал свои планы и разработки, Аристов подвергал их детальному разбору, ничего не навязывая и лишь обращая внимание на слабые стороны. Тиден оказался человеком мягким, уступчивым, и вскоре их отношения перепутались. Комбриг стал ждать от Аристова каких-то определенных предложений, словно комиссар обязан принимать окончательные решения и нести ответственность за них. До открытых распрей дело не дошло, но оба чувствовали взаимную неудовлетворенность, которую не устранила даже успешная Клименецкая операция, когда партизаны одновременно ударили по шести гарнизонам и почти весь остров оказался у них в руках. Сопrotивление продолжали лишь два финских гарнизона, которые можно было разгромить, задержавшись на сутки и подтянув освободившиеся отряды. Правда, был риск, что финны тоже подтянут подкрепления, и бригада может ввязаться в долгие бои, отходить придется по открытому озеру, а значит — с неизбежными потерями, которые сведут на нет весь смысл быстрого и почти бескровного для партизан налета.

Командир и комиссар наскоро, впервые за сутки после выхода с базы, обедали в крестьянской избе, ели молча, думая, наверное, об одном и том же, и уже заканчивали пить чай, как вдруг Тиден весело сказал:

— Дело сделано! Что думает по этому поводу комиссар?

Аристов достаточно хорошо помнил фильм «Чапаев»,

чтобы уловить и шутливую, и серьезную сторону этого вопроса.

— Комиссар думает, что командир уже принял решение,— произнес он, чуть помедлив, и про себя усмехнулся: «Тоже мне, Чапай выискался».

Тиден помрачнел, допил чай, поднялся и отдал приказ на отход с острова.

На командирском разборе операции Аристов выступил последним. Ему показалось, что и комбриг, и командиры отрядов слишком удовлетворены успехом, словно бы все прошло так, как было задумано, а тот факт, что два отряда так и не справились с заданием, они расценили как вещь вполне допустимую и даже неизбежную.

Сдерживая волнение и готовя себя к главному, Аристов спокойно и удовлетворенно оценил действия тех отрядов, которые добились успеха, отметив у них лишь отдельные недостатки, потом выдержал паузу, протер очки и резко, едва справляясь с возмущением, заговорил о разболтанности, недисциплинированности и даже трусости, которые проявились среди некоторых командиров в этом походе.

Командиры настороженно притихли, ожидая каких-то неизвестных им фактов в поведении отдельных партизан. Но комиссар замахнулся на большее.

— Мы хвалим отряд Грекова. Да, он разгромил гарнизон в Сенной Губе. Да, он понес при этом самые минимальные потери. Мы даже склонны гордиться этим. Но почему же мы так беззубо оцениваем тот факт, что Греков начал операцию с восьмичасовым опозданием, что половина финского гарнизона из Сенной Губы успела за это время уйти на помощь своим в деревню Кургеницы, и в результате Кукелев, встретив двойное сопротивление, не выполнил задачи. Что это — ротозейство, неумение командовать или маленькая хитрость? Тут говорят, дескать, Греков заблудился в лесу, у него был, дескать, самый далекий путь, и это с каждым может случиться. Надо еще разобраться в причинах всего этого, и мы, конечно, разберемся, но ясно одно — так воевать нельзя. Вопрос стоит так: или мы покончим с безалаберностью и научимся воевать, или нам надо признать, что командовать мы не умеем.

Аристов знал свою особенность — говорить на совещаниях резко, категорично, не щадя ни себя, ни других. На заседаниях в райкоме это производило сильное впе-

чатление, люди уходили с бюро подтянутыми, сосредоточенными на упущениях, с чувством внутренней вины и ответственности.

Тогда, после Клименецкой операции, партизаны весело и воодушевленно переживали свой успех, ибо это была первая столь крупная по масштабам операция, она закрепила уверенность в своих силах, рождала надежды на еще большее, и Аристов, закончив речь, даже пожалел, что не сдержался, что в воспитательных целях, возможно, и не следовало ему портить людям настроение, ведь в целом операция была все-таки удачной и он сам в политдонесении в Беломорск так оценил ее. Но жалеть о сделанном он не умел, тут же легко и быстро нашел оправдание. На разборе присутствовал представитель штаба из Беломорска — пусть там знают, как сурово и критично расценивают в бригаде свой успех.

Через три недели Тиден был отозван из бригады. Аристов не считал, что причиной этому послужило его отношение к комбригу, внешне, для других, их отчуждение никак не проявлялось, но эта мысль иногда приходила ему, и уже весной, когда бригада передислоцировалась в Сегежу, он, будучи в Беломорске, спросил об этом Куприянова. Спросил неловко, с оттенком виноватости и робости; Куприянов заметил это, и его реакция была неожиданной:

— А что? Разве Григорьев хуже Тидена?

— Нет, я просто интересуюсь причиной.

Куприянов помедлил, от докуренной папиросы прикурил новую и коротко сказал:

— Значит, замена целесообразна.

С новым комбригом было интереснее и труднее. Веселый, подвижный, чуть ироничный к себе и другим, Григорьев умел все делать легко и решительно, как бы между прочим, а все получалось у него, как надо. Финны стали чуть ли не ежедневно бомбить Чажву — он, долго не раздумывая и не боясь подозрения в трусости, в один день перебазировал штаб в Теробовскую, сам начал обучать партизан стрельбе по воздушным целям и добился своего — один самолет сшибли, и налеты стали не такими нахальными. Во время отдыха ввел обязательную утреннюю зарядку на лыжах, сам первым выходил на нее и, несмотря на сорокалетний возраст, ни на шаг не отставал от молодых в трехкилометровом пробеге. Постепенно в эти занятия пришлось втянуться и штабникам,

никому не хотелось попадать под язвительные насмешки комбрига.

Временами эта легкость пугала Аристову. Казалось, что все радостное в ней идет от удачливости, от какого-то непонятого везения, а строить жизнь целого партизанского соединения на таком весьма зыбком основании представлялось чуть ли не авантюрой. Невольно возникала настороженность. Помня историю с Тиденом, Аристов не позволял ей развиваться, всячески помогал укреплению авторитета комбрига в глазах подчиненных, благо делать это было нетрудно — Григорьев так скоро пришелся партизанам по сердцу, что это рождало добрую зависть, — но в глубине души все время жила смутная тревога, что рано или поздно везение может кончиться.

Началом этого и стала во мнении Аристову неудача бригады при переходе линии охранения противника.

Рассуждая про себя, он приходил к выводу, что ничего страшного не произошло, было бы куда хуже, если бы бригаде пришлось проникать в тыл противника с боями и тем самым делать дальнейший поход на Поросозеро бессмысленным, однако ощущение, что кем-то что-то сделано не так, как полагалось бы, что эта первая неудача является предвестницей еще худшего, не покидала его. Аристов не привык и не умел покоряться обстоятельствам, считал это уделом слабых и почти преступлением перед долгом, за которое кто-то должен нести ответственность. Выходило так, что сам он в сложившейся ситуации оказывался виноватым без вины, ибо кто же, если не они с Григорьевым, ответственны за бригаду и за поход? Один — по долгу командира, второй — по партийной совести. С Колесника никто ничего и спрашивать не станет, он лицо второстепенное, и если сует свой нос в решение важных вопросов, то делает это от излишнего самомнения. Аристову злила та легкость, с которой Григорьев подчинился обстоятельствам. Перемену маршрута комбриг воспринял как дело естественное и привычное. Почертыхался, поплевался на устаревшие разведданные, посоветовался, принял новое решение и — словно бы старого варианта никогда не существовало: вперед-вперед, быстрее-быстрее... Такая уступчивость не сулила ничего хорошего.

Вообще Григорьев в этом походе стал непонятен Аристову. До перехода линии охранения был мрачен, неразговорчив, на привалах много ходил по отрядам и взво-

дам; неожиданно поднимется, кивнет связному: «Макарихин, пошли!» и пропадает где-то час, а то и два. После того как бригада наконец-то пересекла дорогу Кузнаволок — Коргуба и сделала рывок в сорок километров, Григорьев стал весел, оживлен, даже шутлив, словно главное сделано, все трудности позади. Штабную палатку велел ставить на самом приметном месте, чтоб в отрядах знали, что штаб тут вот, рядом, на виду у всех. Было в этом что-то ребяческое, похожее на пионерскую игру, но, чувствуя радостное настроение комбрига и сам радуясь этому, Аристов лишь иронично заметил:

— Ты бы еще красный флаг повесил.

— А что, может, когда-нибудь и до этого доживем, — вполне серьезно ответил Григорьев и даже оглядел ближайшее дерево, словно прикидывая, как бы выглядел на нем флаг, если бы он был и если бы его можно было вывесить.

Когда повернули на юг и в квадрате 72—88 проходили мимо заброшенной лесной избушки, стоявшей на берегу ручья, Григорьев, дав команду продолжать движение, неожиданно свернул к ней, вошел внутрь, минут десять пропадал там и лишь потом, догнав штабную цепочку, пояснил Аристову, как бы извиняясь:

— Понимаешь, в двадцать седьмом году два месяца прожил тут. Одного финского лазутчика выслеживали.

Аристов даже покраснел от этой глупой, никому не нужной и недостойной сорокалетнего человека сентиментальности; тем более, что объяснение Григорьева могли слышать не только работники штаба, но и шагавшие сзади связные из отрядов. И, наверное, поэтому, щадя авторитет комбрига, он спросил не без усилия над собой:

— Ну и как, выследили?

— Нет. Вышел на другую заставу, там его и взяли.

— Не повезло, значит?

— Почему не повезло? Взяли же...

Потом — эта дурацкая причуда с рыбалкой на озере Гардюс!? От пойманной рыбы даже костей не осталось в тот же вечер, а риск какой? Шестьдесят человек проторчали полдня на берегу озера с удочками!..

Наконец — история с лосями, в которой командир бокового охранения проявил такое головотяпство, что оно граничит с прямым преступлением. Там, на ничейной земле, расстреляли Якунина за сон на посту — и посту-

пили правильно! — а здесь, в тылу врага, оставили без последствий проступок куда более тяжкий.

Аристов уже не мог сдерживаться и твердо решил серьезно поговорить с комбригом на первом же большом привале.

Такой случай скоро представился.

2

Питались попарно — каждый со своим связным. В одном котелке варили пшенный концентрат, или гороховый суп-пюре, или то и другое пополам, заправляя двумя-тремя ложками свиной тушенки — получалось что-то непонятное на вкус, но жирное и плотное по ощущению. Другой котелок — для чая. Тут уж никаких смесей или эрзацев не допускалось. Пока был запас, берегли каждую чашку, заваривая ровно на две кружки, но покрепче; давали хорошо настояться, плотно прикрывали котелок крышкой и даже на время окапывали его снизу нежаркой золой. Давно проверено, что без кружки чая нет у походного обеда ни вкуса, ни ощущения сытости.

Забота о пище была делом связных, и эту свою обязанность они чувствовали до тонкостей. Варили каждый отдельно и вроде бы свое, а у всех получалось одинаковое — если каша, так у всех троих каша, коль суп — так суп, а если Аристов случайно примечал, что его связной Боря Воронов замешивает «болтушку», то мог быть уверен, что точно такой же обед будут сегодня есть и командир и начальник штаба. Была ли в этом договоренность между связными или сказывались какие-то иные соображения — понять трудно, но одинаковое меню у штабного костра вроде бы объединяло, рождало чувство, что все живут одним общим столом, к чему привыкли на базе. Да и расход продуктов был у всех равным и как бы сам собою контролировался.

Вечером 17 июля эта традиция впервые нарушилась.

Как всегда на долгом привале, штаб бригады оказался в центре огромного многослойного круга, образованного сначала редкими точками отрядных штабов, потом подалее — цепочкой взводных костров и, наконец, линией боевого охранения. Все это сложное построение нельзя было увидеть, ибо отряды и взводы, не говоря уже об охранении, располагались достаточно далеко друг от друга и тщательно маскировались, особенно с внешней

стороны. Но именно так все оно выглядело на схеме, которую Колесник наскоро набрасывал, как только бригада приближалась к месту привала.

Пока связные разжигали костер и готовили пищу, начальник штаба обходил отряды, уточняя линию обороны, комбриг долго и тихо колдовал чуть в сторонке с радистами, ожидая выхода на связь с Беломорском, а комиссар просто пережидал, чтоб отправиться в отряды чуть попозже, когда уляжется суматоха, люди распределятся с делами и нарядами, комиссары отрядов и политруки взводов разберутся со всеми происшествиями и будут готовы доложить о них.

Сегодня можно было не торопиться. Привал ожидался долгим, с утра отряды должны по очереди отправляться в Тумбу на помывку и суточный отдых. В полночь надо обязательно прослушать последние известия, записать их, провести инструктивное совещание политработников, а завтра в каждом взводе — развернутую беседу о положении на фронтах. В последнюю неделю изрядно подзапустили это, надо наверстывать.

Костер долго не разгорался. Сидеть без дела, когда другие чем-то заняты, было неловко, да и трава не обсохла еще после дождя, и Аристов, несмотря на усталость, медленно прохаживался с записной книжкой в руке. Потом окликнул помощника по комсомолу Колю Тихонова, приказал на завтра готовить комсомольские собрания в отрядах, сделать упор на дисциплину в бою и походе, отпустил его и сразу же подозвал другого помощника, секретаря партбюро бригады Степана Кузьмина, велел на завтрашнем отдыхе проконтролировать выпуск в каждом взводе «боевых листов».

Помощники молча выслушали его и отправились по отрядам, оставив свой костер и ужин на попечение девушек из санчасти. С костром у девушек сегодня не ладилось. Аристов подошел к их костру, молча взялся за топор, нарубил и наколол сушняка, раздобыл бересты, наладил огонь, минуту-другую постоял и вернулся.

Наверное, он и себе не признался бы в этом, но предстоящий разговор с комбригом, который он сам же твердо решил начать сегодня, явно угнетал его. Там, на переходе, все представлялось ясным и необходимым, но теперь время словно бы сняло всю остроту и убежденность, как будто вместе с опостылевшим вещмешком спала с плеч и прежняя душевная тяжесть. В бригаде ниче-

го не случилось. Бригада пришла, расположилась, ждет продуктов, настроение у всех приподнятое, и надо ли терзать себя и других какими-то объяснениями, разговорами, опасениями?

Но согласиться с этим — значило бы признать все прежние суждения несправедливыми, а себя неправым. Ведь разговор с комбригом уже начат, пусть намеками, полушуткой, но Григорьев не такой простак, чтоб не понимать этого. Да и как вести себя дальше, если промолчать? Имеет ли право коммунист и комиссар молчать, если он замечает слабости и упущения у комбрига, тоже коммуниста — правда, принятого в партию лишь перед походом.

Возможно, Аристов и не довел бы себя до прежнего накала, но в это время он увидел, что Боря Воронов вынул из мешка кусок багровой лосятины, который достался при дележе им двоим и о котором он успел даже и забыть. Думая о своем, Аристов какое-то время безразлично наблюдал, как Боря счищает финкой прилипший к мясу мусор, как, экономя воду, ополаскивает его из котелка, и вдруг, словно очнувшись, позвал:

— Борис, поди сюда!

Тот удивленно посмотрел на комиссара, подошел.

— Вари сегодня «болтушку».

Связной удивился еще больше.

— Николай Палыч, у нас осталось всего три брикета.

— Прекрати разговоры. Делай, как сказано... Мясо отдай в санчасть... Ясно?!

Вдогонку добавил:

— Пусть подкормят «доходяг»...

Это была вынужденная уступка, ослабевших в полном смысле этого слова пока еще, к счастью, не было; на марше люди как-то подравнялись, тянулись из последних сил, но в каждом отряде насчитывалось по десятку-другому бойцов, у которых продукты кончились до срока, и шли они на подножном корму. Таких Аристов и называл «доходягами». Втайне он ненавидел их, считал, что они сами должны расплачиваться за свое бедственное положение, клеймил позором при каждом удобном случае и ругал взводных политруков, что недоглядели, упустили, не проконтролировали.

Распоряжение связному было, конечно, отступлением от воспитательных принципов, но этот злосчастный кусок

мяса был так ненавистен ему в плане иных, более высших и важных соображений, что он был рад неожиданно явившемуся поводу проявить принципиальность, последовательную и поучительную. Он был уверен, что его поступок не останется незамеченным ни в штабе бригады, ни в отрядах. Пусть его смысл по-разному истолкуют для себя комбриг и, допустим, какой-либо «доходяга», которого пригласят в санчасть и угостят дополнительной кружкой мясного навара. В итоге каждый из них поймет то, что ему полагается.

Оставаться у костра и смотреть, как Боря с сожалением понесет мясо в санчасть, а потом станет заваривать «болтушку», было бессмысленно.

Аристов раньше времени отправился в обход и, уже подходя к одному из костров отряда «Боевые друзья», вдруг подумал, что, вполне вероятно, ужин в штабе опять получится одинаковым. Григорьев такой человек, что, не задумываясь, откажется от своей мясной порции, за ним, конечно, последует Колесник, который, надо полагать, будет при этом иронично улыбаться.

Во взводах варили лосятину. И хотя сам по себе этот факт продолжал раздражать, но бодрое настроение бойцов, вызванное и предстоящим горячим ужином, и благополучным завершением длинного перехода, и радостным ожиданием первого сброса продуктов, о котором не говорили вслух, хотя и подразумевали, незаметно передавалось Аристову, оттеснило прежние думы, и он, может быть впервые за этот поход, позволил себе вот так вот, запросто и без дела, посидеть у костра в плотном окружении, послушать незамысловатые партизанские шутки, посмеяться со всеми.

Сегодня обхода не получилось. Он как присел у костра во взводе Михаила Николаева, так и просидел до тех пор, пока за спиной не вырос Боря Воронов и не прошептал на ухо:

— Николай Палыч, вас комбриг просит, и ужин готов.

Вопреки ожиданию, ужин готов был только у комиссара. Связные Григорьева и Колесника все-таки варили мясо. Даже не варили, а тушили: сложили все четыре порции в один плоский котелок, плотно закрыли крышкой, закопали в угли, а сами занимались приготовлением к ночлегу.

Это было уж слишком! К черту мясо, пусть жрут! Но ничто в поведении комбрига не задевало Аристову так больно, как непонятное его дружелюбие к Колеснику. Что он нашел в нем? Что их сближает? Разве служба в погранвойсках?.. Так ведь все это теперь в прошлом: у Колесника — надолго, у Григорьева — навсегда. Шесть лет назад его уволили из погранвойск, исключили из партии... Неужели бывшая служба так дорога его сердцу, что он готов дружить с этим ироничным зазнайкой? Ишь, даже на общий котел перешли...

Аристов молча присел в сторонке.

Радостный Григорьев сообщил, что самолеты будут в полночь, сегодня и завтра обещано больше тонны, а это значит, если продукты пришлют калорийные, что бригада обеспечена на четыре дня...

— За четыре дня мы под Поросозером окажемся, — весело заключил комбриг, и его самоуверенность опять уколола Аристову. Невозможно было понять, то ли комбриг и впрямь за четыре дня рассчитывает пройти сто километров, то ли зачем-то приободряет себя и других.

Аристов промолчал. Колесник доложил о разработанном им порядке приема продуктов. Поскольку хозяйственный взвод был возвращен назад на третий день похода, то обязанности контроля, учета и распределения продовольствия он просил возложить на составленную им команду отрядных старшин.

Григорьев согласился.

Посидели, помолчали, Григорьев принялся переобуваться, достал сухие портянки, осмотрел сапоги, попробовал на прочность подошвы, остался недоволен, задумался с сапогом в руках, и Аристову показалось, что комбриг готов приняться за ремонт, только не знает, где найти необходимые принадлежности.

— Иван Антоныч, прогуляться не хочешь? — предложил Аристов.

— Да вроде бы и нагулялся за день.— Комбриг посмотрел комиссару прямо в глаза, понял смысл приглашения и стал обуваться.— А и то дело. Сходим к озеру, умоемся перед ужином. Сколько же времени? Ого, уже одиннадцатый. Колесник, проследи, чтобы через час ни одного костра не было.

— Николай Палыч, заваруха остынет,— напомнил Воронов.

Аристов сделал вид, что не услышал.

Не глядя друг на друга, комбриг и комиссар медленно, словно прогуливаясь в городском парке, вышли к расположению отряда «За Родину» и, сопровождаемые любопытными взглядами сидевших у костров партизан, направились вдоль линии обороны в сторону озера. В отдалении, стараясь оставаться незаметным, шел за ними связной Макарихин.

Разговор никак не налаживался. Перебрасывались случайными фразами, и оба чувствовали непривычную настороженность. Один ждал, когда же начнется, наконец, то главное, ради чего его и пригласили на эту необязательную прогулку; другого это самое ожидание путало, сбивало с решительного тона, к которому он готовил себя, на доверительный, в котором не видел много проку и никогда не чувствовал себя уверенным.

Когда вышли на побережье, Григорьев остановился, долго вглядывался в темную гребенку леса на другой стороне и неожиданно сказал:

— Знаешь, раньше в Сидрозере даже лосось водился.

— Уж не думаешь ли ты опять рыбалкой заняться?

— А что? Были бы сети, завтра можно бы и перегородить протоку... Лосося, конечно, не возьмешь, не время, а другой рыбы, уверен, взяли бы. Раньше селецкие мужики сюда рыбачить приезжали.

— Ты рассуждаешь так, будто прибыл в отпуск приятно провести время.

— Угадал,— засмеялся Григорьев.— Я тут, знаешь, сколько не бывал? В Паданах — каждый отпуск. А сюда давно не добирался. Последний раз приезжал из Туркестана... И точно — восемь лет... Как раз поселок Тумба строили.

— Коль уж ты сам, Иван Антонович, заговорил о Туркестане, то скажи, за что тебя из погранвойск уволили?

— Будто не знаешь? — усмехнулся Григорьев.— Знаешь, поди.

— В общем — знаю, а конкретно — нет.

— Нарушителя проворонил. Это — конкретно. А в общем... То ли дядя со стороны отца, то ли дядя со стороны матери — одним словом, кто-то из неблизких родственников оказался причастным к «поросозерской республике». Знаешь, была такая в годы гражданской войны. Типичный кулацкий выверт карельских националистов... Ты об этом и хотел поговорить? Не стесняйся. Об этом со

мной столько разговаривали, что я уже привык. Только ты мог бы начать разговор и пораньше, в Шале или Сегеже.

— Я не об этом. Извини за любопытство.

Они тихо тронулись вдоль берега, навстречу красному зареву заката, и теперь Аристов чувствовал себя уверенней; он подумал, что Григорьев уже не станет уклоняться от прямого разговора, не укроется за шуткой или иронией, и спросил:

— Скажи, Иван Антонович, как ты оцениваешь положение бригады?

— Странный вопрос! Разве ты не присутствовал на последнем командирском совещании?

— Присутствовал. Совещание совещанием, а мне хотелось бы знать твое личное мнение.

— Значит, ты считаешь, что у нас с тобой должно быть два мнения — одно для всех, другое друг для друга? Так, что ли? Вот уж никогда не думал об этом.

— Брось, Иван Антонович! Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

— Как раз и не понимаю. Если у тебя есть что — давай, выкладывай. Зачем ходить вокруг да около?

— Есть.

— Говори, не стесняйся. Парень ты прямой и честный, не бойся — не обижусь.

Последняя фраза комбрига слегка задела Аристова своей снисходительностью, но разговор наконец-то попал в желаемый и удобный тон, и Аристов чуть ли не по пунктам начал выкладывать все, что зрело у него в последние дни. Свои претензии он все же не решился адресовать прямо Григорьеву, употреблял множественное число — «мы упустили», «мы проявили близорукость», — однако и сам он, и комбриг отлично понимали, кто это «мы».

Григорьев выслушал не перебивая. Давалось это ему нелегко, по его открытому добродушному лицу пробегала тень то ли недоумения, то ли внутреннего страдания, светлые глаза прятались под нависшими надбровными дугами, взгляд сумрачно замирал на одной точке, но комбриг ни разу даже не сделал попытки прервать комиссара, шел себе рядом и терпеливо слушал.

Аристов выговорился и умолк. Молчание Григорьева уже беспокоило его. Ожидая возражений, внутренне он подготовил себя к более резкому напору, но комбриг, как

бы очнувшись, остановился, посмотрел на него и грустно улыбнулся:

— Черт возьми, как легко быть умным задним умом, а? Все видишь, все знаешь — тут уж ошибиться никак нельзя! Ты не думай, это я не в обиду тебе, Николай Палыч. Я вот слушал тебя и думал, как бы я вел себя, если бы мы вдруг поменялись ролями... Может, и я стал бы так же драконить тебя. Как думаешь? А к Колеснику ты зря цепляешься, ей-богу. Парень он совсем неплохой, дело ведет грамотно. Ты уж меня ругай, если хочется, ладно? А его пощади, ему и так трудно — новичок! Знаешь что? Давай-ка умоемся как следует. Смотри, какая губа отличная. Потом и поговорим.

Не ожидая ответа, Григорьев начал спускаться к воде.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

(координаты 30—92, 17 июля 1942 г.)

1

Пост их взводу достался — лучше и не придумаешь: наблюдать со стороны озера. Берег в этом месте вспучивался каменным горбом и далеко, метров на двадцать, вдавался, словно волнорез, в воду. Пожар сюда не достал. Мысок кудрявился молоденькими березками, кустами малиника и шиповника. Ягод было мало, да и те еще не вызрели, лишь начинали слегка белеть, были тверды и безвкусны, но и это бесполезное пока соседство приносило Васе Чуткину тихое удовлетворение.

Укрывшись за валуном, он поглядывал на успокаивающееся озеро, радовался удаче с постом и неторопливо раздумывал, что голодная пора в лесу, слава богу, кончается. Если постоит ведро, через недельку поспеет малина, а там, глядишь, пойдут и грибы. Нет, грибов в сухую погоду ждать трудно. Тут уж одно из двух — или малина, или грибы. Правда, бывают года, когда и того и другого не оберешь, однако ягоды в таком случае, хотя и крупные, но водянистые и кислые. Потом вспомнилось, что начало лета в этом году было холодным, даже снег выпадал, пришлось это на самую пору цветения малины, и Вася решил, что ягод ждать нечего, лучше рассчитывать на грибы; но для грибов нужны дожди, а коль зарядят они, то бригаде придется совсем плохо. Как ни раскинь — хорошего мало!

Вася раздумывал об этом, сокрушался, что вот с погодой, грибами и ягодами нескладно вроде получается, а душу все равно подмывало предчувствие близкой радости.

И радость эта не была для него чем-то смутным и неопределенным. Он четко знал, в чем она состоит. У костра его ждет кусочек мяса, потом прилетит самолет с продуктами, а завтра — день сытого и спокойного отдыха...

Но так уж повелось у Васи — хорошее даже в мыслях он приучал себя оставлять про запас, расчетливо полагая, что коль оно предстоит, то никуда не денется и думать о нем — немного проку. От радости никто не умер, а сколько погибли только потому, что слишком уповали на эту близкую радость.

А коль быть до конца откровенным, то Вася и сам сознавал, что, думая так, он лукавит. Разве его жизнь не состояла из непрерывного чередования надежд и ожиданий? Сколько их похоронено за девятнадцать неполных лет? Они нарождались и умирали ежедневно, даже по многу раз в день. Большинство он хоронил сам — умом и рассуждением. Иные же держались подолгу, он расставался с ними неохотно, и уходили они медленно, оставляя в душе тоску и горечь невозполнимой потери.

Одна из них — мечта стать моряком, капитаном дальнего плавания — умирала уже пятый год, с тех пор как Вася после седьмого класса бросил школу. Нет, школы он тогда не жалел, учился он так себе, только лишь чтоб не остаться на второй год. Наверное, поэтому председатель колхоза из всех деревенских ребят и выбрал его. Приехал поздно вечером, в доме ужинали, мать растерялась, не знала, куда посадить гостя, бросилась искать чистую миску, чтоб попотчевать хотя бы парным молоком. Председатель был весел, добродушен, за стол сел и молока с черным хлебом похлебал, и даже похвалил — вкусное, дескать, в вашей деревне молоко, пастбища хорошие, травы ароматные. Потом, как бы между делом, спросил, обратившись к Васе по-взрослому:

— Ну как ты, Василий? Кончил семилетку?

— Кончил, кончил, — обрадованно закивала мать.

Председатель в ее сторону и не посмотрел, глаз с Васи не спускал.

— Дальше что делать думаешь? Решил уже, поди?

Вася молчал. Не станет же он так вот сразу выкладывать постороннему человеку то, чего никому не говорил.

Отец и мать притихли: им самим, наверное, интересно было узнать, что скажет Вася в таком серьезном разговоре.

— Федор,— обернулся председатель к отцу,— ты, по-ди, знаешь, что недавно энтэс нам тракторную косилку на лето выделил?

Откуда отцу, рядовому конюху, знать о таких новостях, но то ли от стеснения, то ли желая сделать председателю приятное, он еле слышно выдохнул:

— Говорили, вроде...— и раскашлялся.

— Паренька в прицепщики подбираю. Бойкого надо, разворотливого. Подрастет — потом и на машиниста сенокосилки выучится... Зимой на курсы пошлем, глядишь, трактористом станет, в штат энтэс возьмут. Хорошее дело! Как, Василий, не хочешь пойти? — И председатель глаза в глаза уставился на Васю.

Тут Вася совсем смутился. Молчал он не потому, что предложение не нравилось: скорей наоборот — на такое внимание к себе он и не рассчитывал. С тех пор как каждую весну в колхоз стали приходить из МТС тракторы, кого из мальчишек не будоражила мысль — сделаться трактористом? Почетней должности и не было в деревне. Даже старики к парням в замасленных комбине-зонах обращались только по имени-отчеству.

Председатель не торопил, дал подумать... А Вася уже боялся, как бы тот сам не перерешил или отец с матерью не воспротивились. Сколько раз подвыпивший отец похвалялся перед гостями в праздники: «Пока силы есть, учить буду парня. Время такое — ума надо набираться». Мать, счастливая, раскрасневшаяся, при этих словах согласно кивала ему головой...

Поэтому, когда председатель повторил вопрос, Вася не показал своей радости и посмотрел на родителей:

— А мне чё? Надо, так пойду...

Все сразу оживились. Вася тогда и не догадывался, что для отца с матерью этот приход председателя не был неожиданностью.

Ни машинистом сенокосилки, ни трактористом Вася так и не стал. Тракторная косилка колхозу не сгоди-лась — покосы мелкие, конная еле разворачивалась, а чтоб поступить на курсы трактористов — надо было ждать, пока исполнится семнадцать лет. Так Вася и ра-ботал все эти годы: летом — прицепщиком, зимой — куда пошлют, а чаще всего возчиком на лесозаготовках.

Из года в год все собирался — вот подготовлюсь и поступлю учиться на моряка; в Ленинграде, говорят, есть такой техникум, куда с семьей классами принимают; но когда в финскую погиб на фронте отец — замерз, говорили, в окружении под Питкярантой, — и эта надежда отпала: не бросишь же семью.

Оставалось одно — ждать призыва в армию, а там уж добиваться, чтоб обязательно определили на флот. Говорят, там можно попасть в какую-то школу, после которой оставляют на сверхсрочную и люди становятся моряками.

Вообще-то Вася и сам понимал, что надежда эта слишком уж смутная, он почти и не верил в нее, но совсем расставаться с ней не хотелось.

То, что жизнь шла своей дорогой, а его мечта оставалась сама по себе, Васю не сбивало с толку. Он уже привык к этому. Даже война, оборонные работы, уход в партизаны несколько не разрушили его надежду, а лишь отодвинули ее исполнение на «после войны», тем самым придав ей какую-то определенность во времени. Правда, пришлось внести поправку. Поскольку военным моряком теперь ему уже навряд ли стать, то он будет гражданским — торговым или полярным.

В одном отношении Вася долго чувствовал себя неловко — он никогда не видел моря. Конечно, он хорошо его представлял себе и по книгам, и по кинофильмам — особенно по картине «Балтийцы», когда торпедные катера идут в атаку и поднимают такую волну, что их самих не видно... Да и Онежское озеро — это не какая-либо лужница, штормы бывают такие, что каменные шокшинские берега вздрагивают. И все же настоящее соленое море оставалось большим пробелом в Васиных планах...

Теперь и это позади. Когда бригада переезжала в эшелоне из Няндомы в Сегежу, Вася увидел его — серую, близко сливающуюся с небом полосу воды, мелькнувшую за окном вагона и очень похожую на Онего в непогоду. Большого ему и не требовалось, тут важно было лишь увидеть, чтоб иметь право сказать, что видел...

Остальное придет после. А если и не придет, то разве он не вправе уже сейчас считать себя тем самым «неизвестным по фамилии, дальних плаваний моряком», который воевал на суше и о котором с патефонных пластинок так здорово пел Леонид Утесов?!

Вася не умел и не любил петь. Это была единствен-

ная, пожалуй, песня, которая каждым словом и звуком жила в его памяти:

Вместе с ними в тучах пыли
Шел и он сквозь дым и мрак,
Неизвестный по фамилии,
Дальних плаваний моряк...

На западе совсем разъяснело. Ветерок, приятно обвевавший лицо, постепенно затихал, он едва морщил воду у ближнего берега, а вся остальная поверхность озера уже отсвечивала серой матовой гладью.

Противоположный берег потемнел и, опрокинувшись в воду, стал ближе и загадочней. Часов у Васи не было, но он чувствовал, что скоро должна прийти смена. В солнечный день он смог бы определить время с помощью компаса. Вася сам разработал этот метод и гордился своим открытием. В книжечке «Спутник партизана» объяснялось, как без компаса ориентироваться в лесу при помощи часов. Дело нехитрое, но для Васи совершенно бесполезное, так как часов у него не было. Зато у него был компас. Коль часы и солнце могут заменить компас, то не могут ли компас и солнце заменить часы?

Стоя однажды на посту, Вася впервые задумался над этим. День был солнечным. Рассуждая от обратного, Вася поделил всю окружность компаса на двенадцать часов, по тридцать градусов в каждом часе. Цифру 30°, означающую час дня, поместил под южной стрелкой компаса и тенью от тонкой соломинки определил направление солнца. Все удивительно совпадало. Стрелка мысленных часов показывала где-то около половины одиннадцатого. Потрясенный своим открытием, Чуткин принялся повторять опыт. Проверая себя, он окликал прохожих, спрашивал время, и снова все сходилось. «Часы» работали безотказно, правда, с точностью в пределах десяти — пятнадцати минут. Но дело было не в точности, а в самом открытии.

Как жаль, что солнце уже скрылось за горизонт. Да, день заметно стал убывать — короткое лето покатится теперь к закату...

2

Справа у самой воды заскрежетал под сапогами мелкий галечник.

— Стой! Кто идет? — вполголоса окликнул Чуткин, развернувшись в сторону звука.

— Свои,— тихо ответили ему, и по голосу Вася узнал командира бригады. Осторожно выглянув из-за укрытия, Вася увидел, как Григорьев, постояв в раздумье, вдруг торопливо разделся до пояса, снял сапоги, вошел в воду и стал умываться. Комары тучей висели над ним, на фоне воды это было особенно хорошо видно, и комбриг все норовил забросить себе на спину побольше воды, это ему плохо удавалось, и комариная стая лишь слегка взмывала вверх и снова толкалась у его спины.

— Николай Павлыч, иди освежись, вода прелесть! — позвал Григорьев, и Вася заметил, что наверху под деревом сидит, отмахиваясь от комаров, комиссар Аристов. В его очках отражалось красноватое зарево заката.

— Потом,— неопределенно ответил Аристов.

Григорьев умылся, прополоскал рот и с явной неохотой вышел из воды. Натягивая гимнастерку, спросил в сторону мыска, зная, что постовой услышит:

— Кто на посту?

— Чуткин, из третьего взвода...

— А-а, Чуткин... Ну как тут? Все тихо?

— Тихо, товарищ комбриг.

Одевшись, Григорьев поднялся к Аристову, сел с ним рядом. Несколько минут они молчали, потом комбриг вполголоса сказал:

— В главном он прав. Если завтра удастся создать запас продуктов, то нам надо рассредоточиться и двигаться к цели поотрядно.

— А приказ штаба? — спросил Аристов.— Да и до цели осталось, ты сам говоришь, четыре-пять суточных переходов.

— Что приказ?! — повысил голос Григорьев.— Я до сих пор думаю, почему Поветкин и Вершинин настаивали на таком движении? Только потому, что отрядам не хватает раций? Отрядами мы легче просочились бы через линию охранения. Псу под хвост выкинули десять суток, а теперь вот сидим, ждем у моря погоды.

— Говори потише,— предостерег Аристов.— Давай лучше пройдемся вдоль берега, комары одолели... Ломать теперь трудно, да и незачем. Колесник зря мутит воду, а ты его слушаешь. Не нравятся мне его настроения.

Они поднялись, сделали несколько шагов, и в этот момент Вася Чуткин уловил какой-то посторонний, монотонный звук.

Он оглянулся — нигде ничего. Но звук приближался,

становился отчетливым, его слышали Григорьев и Аристов. Задрав вверх головы, они оглядывали небо, но мешали кроны деревьев.

— Макарихин, быстро ракетницы,— громко и радостно закричал Григорьев, быстро повернулся и бросился к мыску, на котором лежал Чуткин.

С севера высоко в небе приближался самолет. Он еще был едва заметной точкой и летел прямо на юг в стороне от партизанского лагеря, потом стал медленно разворачиваться, расти, приобретать очертания, и вскоре уже было ясно, что это биплан типа У-2.

Связной комбрига уже держал наготове ракетницу. Не снижаясь, самолет сделал огромный круг, потом второй поменьше.

— Ракету! — крикнул Григорьев.

Макарихин вскинул руку и выстрелил. Красная ракета по пологой траектории взлетела чуть повыше деревьев и с шипением упала в озеро в сотне метров от берега.

— Вторую! Бери круче!

Вторая держалась дольше, ее отсветы трепетали на напряженных лицах, и, когда она упала, Чуткину показалось, что вокруг заметно потемнело.

— Третью! Быстрее!

Самолет начинал третий круг, затем резко пошел на снижение и начал облет партизанского лагеря на крутом вираже.

Чуткин считал, что так и надо. Он привстал и глаз не сводил с самолета, ожидая, когда же начнется выброска продуктов. Станным было только то, что самолет был один, да и маленький, много ли в него погрузишь на всю бригаду. Но может, это поисковый, а за ним прилетят другие?

— Черт побери! Это же финский! — вдруг пробормотал Григорьев, и было странно увидеть на его лице растерянность. Однако это продолжалось недолго.— Макарихин! Быстро сюда пулемет! Погасить костры! Быстрее, черт побери!

Макарихин и Аристов бросились к отрядам. В это время в глубине леса раздалась первая пулеметная очередь, и сразу, словно дождавшись команды, стрельба загрохотала в других местах лагеря. Трассирующие пули еле заметными светлячками прошивали небо, перекрещивались где-то высоко вверху, гасли, вдогонку им неслись новые, и было удивительно, что самолет — неуклюжий,

распластанный на вираже, словно подставляющий всего себя под партизанский огонь,— неуязвимо продолжает полет. Чуткину показалось, что он различает даже летчика, спокойно перегнувшегося через борт кабины и глядящего вниз. Вася почти не сомневался, что самолету не удастся уйти. Сбили же партизаны ружейным огнем самолет над Шалой. Правда, случилось это не сразу, а уже под весну, когда финны вовсе обнахалились, стали летать совсем низко, а наши догадались поставить пулеметы на специальные турели. Пулеметчики так наострились в стрельбе по финским самолетам, что вскоре, не разобравшись, подбили и свой, летевший в сторону Вытегры. Хорошо, что свой только повредили и он благополучно опустился на лед Водлы.

Вася так ждал этого, что, когда самолет начал взмывать вверх, он не выдержал, вскинул винтовку и, целясь чуть впереди винта, которого не видел, но знал, что он где-то там, сделал три выстрела.

— Прекрати! — вяло произнес Григорьев, даже не оглянувшись на Васю.— Делай свое дело.

Самолет уходил. По нему еще стреляли, но все реже, короткими и теперь уже, наверное, более прицельными очередями, так как самолет вновь постепенно превращался в малоподвижное черное пятно и целиться стало легче, но пули уже навряд ли могли принести ему какой-либо вред.

Все это длилось минуту, не больше.

Приходя в себя и вновь устраиваясь между камнями, Вася вдруг подумал, что самолет так и не закончил свой третий круг над лагерем, ушел куда-то в сторону, и в этом было какое-то непонятное утешение, словно неожиданно появившийся самолет должен был натворить еще больших бед.

Медленно и устало, засовывая в колодку маузер, Григорьев поднимался по крутизне берега, где поджидал его связной Макарихин.

И в том, что комбриг шел медленно, не спешил, не суетился, а, поднявшись на берег, даже оглянулся и постоял в раздумье, Вася увидел добрый знак и, успокаивая себя, стал размышлять — а что же, собственно, произошло? Ну, прилетел самолет. Ну, заметил партизан, даже не самих партизан, а, наверное, костры. Конечно, это плохо, но в конце концов рано или поздно это должно было случиться. Шестьсот человек в безлюдном лесу не

могут остаться незамеченными. Но лес большой. Скорей бы получить продукты, а там — поминай как звали, ищи снова, разыскивай. Укрыться, слава богу, есть где.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

(пос. Тумба, 18 июля 1942 г.)

1

Появление финского самолета выглядело для партизан случайностью, хотя на самом деле таковой не было.

Григорьев не знал и не мог знать, что еще 7 июля взрывы мин в полосе между Сегозером и Елмозером, при которых было ранено четверо партизан, не остались для противника незамеченными. Охрану этого участка нес 5-й финский пограничный егерский батальон. Командир батальона майор Кивикко, как только ему доложили о взрывах, сразу же приказал направить в этот район большую разведгруппу. Группа назавтра вышла в нейтральную полосу, через сутки обнаружила следы партизанского лагеря возле озера Мальярви, но не смогла правильно определить, куда направились русские, посчитала, что они повернули назад, и решила проводить их до советской линии охранения. Неподалеку от озера Тухкаярви финны нагнали партизан, несших в свой тыл раненых, напали на них и, запасшись свидетельствами своей победы, вернулись и доложили командованию о разгроме советских «десантников».

Неделю на финской стороне царили тишина и спокойствие. Наступала самая пора сенокоса, солдаты рвались в отпуска, и поскольку никаких активных действий не предвиделось, командование разрешало по очереди десятидневные отлучки.

Все были довольны, что ожидавшееся летнее наступление русских, слухи о котором ходили среди офицеров и солдат, этим летом не состоится. На юге, где-то там, в далеких донских степях, русским приходилось совсем не сладко, а это обещало еще один год хотя и нудной, но зато совершенно безопасной жизни.

15 июля патрульный отряд самокатчиков 14-й финской дивизии, проезжая из Коргубы в Кузнаволоок, обнаружил следы. При тщательном осмотре местности было определено, что дорогу пересекло около ста человек и двигались они в западном направлении. Самокатчики по рации до-

ложили об этом в Коргубу командиру своего батальона майору Ханнила, тот связался по телефону с командиром 5-го пограничного егерского батальона майором Кивикко, и к полудню два отряда егерей уже были направлены на поиски партизан. Один шел по следу бригады, второй был выдвинут на запад, в район деревни Лазарево.

Потом было установлено, что партизаны двигаются в южном направлении, что их число несколько превышает ранее предполагавшуюся цифру, но истинных сил бригады финны не знали. Майор Кивикко получил приказ уничтожить проникший в тыл партизанский отряд и к операции привлек еще две роты своего батальона.

В тот момент, когда финский самолет кружился над партизанским лагерем, в пятнадцати километрах от него, в деревне Юккогуба, уже находилась рота егерей. Утром она должна была двинуться к поселку Тумба и далее — к реке Сидра, чтобы закрыть партизанам путь на юг. Другая рота была переброшена в деревню Сельга и должна была идти на перехват партизан с юга.

Все это станет известным и понятным много позднее, когда можно будет сопоставить документы и действия обеих сторон, а пока эпизод с самолетом выглядел досадной случайностью, благодаря которой финнам удалось обнаружить бригаду, и партизаны именно так восприняли его.

Конечно, настроение было подавленное. Упрекали пулеметчиков — если уж открыли стрельбу, то надо было сбивать самолет. Казалось — случись это, и все в порядке. Как всегда, сразу же нашлись оптимисты, которые стали предполагать, что самолет вроде бы и не скрылся за горизонтом, а упал в лес, так как за ним якобы тянулся хвост дыма. Им никто не верил, но никто и не оспаривал, лишь коротко обрывали: «Брось трепаться!» — и, наряду с досадой, чувствовалось в этом желание надеяться — а вдруг человек действительно что-то видел и все это правда!

Возбуждение быстро схлынуло, ибо была у партизан другая забота — более важная для них и желанная: когда же, наконец, прилетят наши самолеты с продуктами?

Казалось, что после этого все беды, переживания и огорчения рассеются сами собой.

В эту ночь в штабе бригады никто не сомкнул глаз, ждали своих самолетов — сначала с полной уверенностью, потом — с убывающей надеждой, которая постепенно, с наступлением утра, превратилась в досаду и наконец во всеобщее раздражение по адресу беломорских снабженцев. Недовольство усиливалось тем, что люди в отрядах фактически не отдохнули, не выспались, зря потратили ночь, а главное — могли потерять уверенность в снабжении бригады на будущее. Надо было как-то успокоить их, поддержать вчерашнее бодрое настроение, и Григорьев, посоветовавшись с Аристовым, решился на небольшую хитрость.

В пять утра он дал команду готовиться к выходу на Тумбу, и хотя сеанса связи с Беломорском еще не было, велел передать в отряды, что продукты будут сброшены туда. Разведывод был направлен в Тумбу заранее, с приказом срочно готовить бани. Как установила ночная разведка, в поселке сохранилась не только небольшая общественная баня, но и две крохотные черные баньки на самом берегу озера.

Было ясно, что помыться как следует всей бригаде не удастся и за двое суток. Поэтому был установлен следующий порядок: первыми моются сандружинницы, за ними, по выбору санчасти, те, у кого обнаружена вшивость, остальные купаются и стирают белье в озере, благо день обещает быть теплым.

Бригада уже двигалась к поселку, когда радист Мурзин закончил выстукивать в Беломорск радиограмму:

«Поздно вечером прилетел финский самолет. Обнаружил бригаду. Объясните причину задержки продуктов. Вхожу в Тумбу. Буду там до вечера. Срочно шлите туда продукты. Связь через три часа. Григорьев».

Для себя комбриг уже принял твердое решение. Если сегодня удастся обеспечить бригаду продуктами хотя бы на четверо суток, — а сомнений в этом он не допускал, — то ночью бригада рассредоточится и будет двигаться к Поросозеру поотрядно. За день вместе с Колесником они наметят маршруты для каждого из шести отрядов, успеют проработать их с командирами. Сбор в одной точке можно назначить на ночь, с 22 на 23 июля, где-либо в десяти — пятнадцати километрах от цели. Конечно, возник-

нет при этом немало своих трудностей, но в сложившейся ситуации выигрыш будет двойной — и движение ускорится, и возможности для маскировки иные. Штаб бригады придется распределить по отрядам. Разведвзвод, санчасть и отряд имени Антикайнена составят основное ядро, с которым придется идти самому комбригу. Самое слабое место — связь. Тут уж что-либо придумать трудно, и придется на три-четыре дня каждому отряду нырнуть в безвестие.

Но теперь иного выхода Григорьев уже не видел, и главным было получить продукты.

Отряды один за другим переправились через неширокую протоку, втянулись в поселок и разошлись по баракам. Бани уже топились, и по тому, каким легким, полупрозрачным и дрожащим был над ними дым, Григорьев сразу определил, что топятся они давно, что каменки, наверное, успели хорошо прокалиться, и ему нестерпимо захотелось хоть на пять минут, хоть в угаре и копоти, но взобраться на полок и до изнеможения отхлестать себя горячим веником.

— Петухова, начинай помывку! — приказал он врачу, входя в барак, где расположились штаб, разведвзвод и санчасть.

Колесник, как всегда быстро и четко, выставил с трех сторон по взводу в прикрытие, каждому отряду отвел полосу обороны, назначил наблюдателей за воздухом. Отдавая командам распоряжения, он боковым зрением наблюдал, как расторопно и воровато обшаривают партизаны поселок в поисках съестного. Было в этом что-то жалкое и даже оскорбительное, ибо делалось без команды, а команду давать уже незачем, так как разведвзвод все обшарил до прихода отрядов и, кроме бочки с остатками тухлой соленой ряпушки, ничего не нашел. Колесник поморщился и сказал:

— Через десять минут чтоб никто без дела на улице не болтался. Начинайте повзводно приводить людей в порядок. Стирка, мытье на озере — все организовано и при оружии. В двенадцать — совещание у комбрига.

Аристов даже не вошел в штабной барак, отдал рюкзак связному и отправился по отрядам. Настроение у него было скверное, с ночи к усталости прибавилось чувство раздражения, которое возникало в нем всякий раз, когда он не мог найти прямых виновников случившейся беды. История с финским самолетом, которую он считал

полным конфузом и даже позором для бригады, предвещала, конечно, немало неприятностей, но все же она никак не связывалась со срывом доставки продуктов и ничего не объясняла. Всякий раз, когда какая-либо накладка случалась по вине сверху, Аристов терялся, нервничал, переживал так, как будто в этом была его собственная вина. Не мог же он, комиссар, объяснять людям, что виноват кто-то там, в Беломорске. Стоит допустить такое хоть раз, и все покатится к чертям — и дисциплина, и уважение к командованию, и уверенность в будущем. Он понимал, что вышестоящее начальство тоже может ошибаться и даже нередко ошибается — в этом он убедился, работая в райкоме. В таких случаях он не боялся спорить с начальством, но никогда не допускал, чтобы другие, подчиненные ему работники, в его присутствии позволяли себе критиковать или ставить под сомнение полученные директивы. Если надо — критикуй, оспаривай, убеждай меня, а дальше моя забота — спорить или соглашаться с вышестоящим начальством. В этом он видел основу внутренней порядочности, дисциплины и организованности.

По этой его логике выходило, что вину перед бойцами за напрасное ожидание самолетов с продуктами, за бессонную ночь и потерю времени должно взять на себя командование бригады — в том числе и он, комиссар.

Григорьев, как всегда, поступил слишком легко и слишком просто. Утром Аристов согласился на его хитрость, но в душе считал, что таких уловок он, комиссар, допускать не должен. А что, если и сегодня случится срыв? Ведь пока неизвестно, что произошло там, в Беломорске...

Вообще-то, в сложившихся условиях всякие разговоры о продуктах надо бы пресекать. Вольно или невольно, но они пахивают обсуждением действий командования. На будущее надо это учесть, и никаких сведений не выпускать за пределы штаба. Чтоб приободрить людей, пошли на уступку — и вот результат! Теперь ищи каких-то оправданий... Нет, чем меньше люди будут знать, тем лучше и для них самих, и для командования.

Первыми, к кому зашел Аристов, были «антикайненцы». Он любил этот отряд. Здесь было много его знакомых по Заонежью: и командир Николай Кукелев, работавший до войны секретарем райисполкома, и комиссар Николай Макарьев, и начштаба Лопаткин. Половину

людей он знал еще до войны, с другой познакомился за зиму, — в этом отряде помимо обычных прав, которые давала ему комиссарская должность, он ощущал свои особые личные права, идущие еще с довоенных времен. Это отнюдь не вело к панибратству или каким-либо побрякам. Скорее наоборот. К «антикайненцам» Аристов был более строг и взыскателен именно потому, что это был отряд из его района и за него он, комиссар, нес как бы дополнительную ответственность. Он считал, что люди обязаны сознавать это.

Поэтому, когда после доклада он дал команду «вольно» и присел на шаткую трехногую табуретку, а люди заинтересованно притихли, Аристов внутренне был готов к самому решительному разговору. Он не знал еще, что скажет, но важно было взять инициативу в свои руки.

— Ну, как дела, товарищи? Как настроение?

Аристов снял очки и начал медленно протирать их носовым платком, который держал специально для этого. Близорукими глазами он смотрел на людей, вместо лиц видел белые пятна, шурился и ждал ответа.

— Настроение-то хорошее, только жар в печке зря пропадает — кипяток варим.

По голосу Аристов угадал Николая Чурбанова, удивился и торопливо надел очки. Знал он его как парня, хотя и смелого, но не очень-то большого любителя до разговоров.

— Что ж так бедно? Иль лишнего переел?

— Так ведь и самолеты вчера не прилетели...

Чурбанов, как видно, уже не рад был, что ввязался в разговор, и примирительно улыбнулся.

Аристов тоже улыбнулся, но не в ответ ему, а своей догадке.

— А ты почему, Чурбанов, считаешь, что самолеты вчера должны были доставить тебе продукты?

— Так вроде говорили.

— Ты, Чурбанов, сколько классов кончил?

— Ну, семь.

— Значит, арифметику проходил... Иди-ка сюда, считать будешь. Иди, не бойся. Когда ты получил продукты?

— Двадцать седьмого вроде.

— Когда двадцать седьмого? Утром, днем, вечером?

— Вечером.

— А двадцать восьмого тебя из котла кормили или нет?

— Кормили.
— Хорошо. А когда мы вышли?
— Двадцать девятого.
— Память хорошая. А на сколько дней дали тебе продуктов?

— Как всем. На двадцать, говорили...

— По норме получил?

— Так мы ж не вешали. Как всем, так и мне.

— Теперь загибай пальцы и считай... Нет-нет, не стесняйся, а считай по пальцам, когда эти самые двадцать дней должны закончиться.

— Товарищ комиссар,— с улыбкой вступился командир взвода Фулонов.— Неужто думаете, что мы не считали? Каждый денек по десять раз пересчитан.

— А ты, Фулонов, погоди. Я с Чурбановым разговариваю. Ну как, Чурбанов? Сосчитал?

— Восемнадцатого, товарищ комиссар.

— А сегодня какое число, кто знает?— Аристов с улыбкой оглядел бойцов и остановился взглядом на фельдшере Вале Канаевой.

— Сегодня и есть восемнадцатое,— ответила та.

— Слышишь, Чурбанов! Сегодня и есть восемнадцатое. Так что зря ты, Чурбанов, пустой кипяток варишь! Мог бы и каши наварить, если б почаще дни считал да пореже мешок развязывал. Неужто ты думал, что интенданты тебе лишний день скостят? Нет, брат, такое не положено. Так что, Чурбанов, подвела тебя арифметика, слаб оказался. Ясен тебе этот вопрос или дальше говорить будем?

— Ясен, товарищ комиссар... Ну, а сегодня будут самолеты? Завтра по арифметике день-то уж интендантский.

— Будут.— Аристов согнал с лица улыбку, встал и сурово оглядел «антикайненцев».— Только делайте выводы, товарищи. В наших условиях перерасход продуктов приравнивается к сознательному подрыву боевого состояния бригады. Будь иная обстановка, не такой нам надо бы вести разговор. В дальнейшем спуску никому не будет, а вам, земляки, в особенности.

— Поход больно тяжкий выдался, товарищ комиссар,— вздохнул Фулонов.— Я уж так тянул! Всю дорогу впроголодь, а на последний день тоже не натянул. Надо бы тут снабжение какое-то...

— Дальше легче не будет!— оборвал его Аристов.—

Вы помните, что нам говорилось на выходе? Не к теще на блины идем! Так что — делайте выводы... Канаева, у тебя много к первоочередной помывке назначено?

— Семнадцать человек, товарищ комиссар.

— Проследи, чтоб как следует вымылись. Пусть верхнюю одежду над каменной прожарят. К вечеру чтоб все как перед причастием были. Проверку сделаем.

Радуюсь и наглядной поучительности разговора, и своей удачной находке с арифметикой, Аристов попрощался с «антикайненцами», вышел в сопровождении Кукелева и Макарьева на крыльцо, недолго постоял и решил обойти все остальные отряды.

Время близилось к полудню, когда он в хорошем настроении возвращался в штаб. В поселке кипела бесшумная суетная жизнь. Дымили трубы над бараками, люди бегали от домов к озеру и обратно, грели воду, стирали, мылись, развешивали мокрое белье — и все это было похоже даже не на подготовку к празднику, а на сам праздник, ибо впервые за двадцать дней они ощутили покой и удобства, какие дает человеку крыша над головой.

Аристов уже ступил на невысокое крыльцо, когда за протокой дружно, как по команде, ударили пулеметные очереди. В первую секунду казалось, что все это случайная стрельба, такая же, как вчера по лосям, что сейчас все кончится и опять наступит умиротворяющая тишина июльского дня.

Но к пулеметам присоединилась автоматная трескотня, забухали одиночные винтовочные выстрелы. Редкие шальные пули долетали до поселка и верещали над крышами.

Выскочивший из барака Григорьев крикнул:

— Колесник, команду в ружье! Занять оборону!

Сам вместе со связными побежал в сторону протоки, в сектор отряда «Мстители».

3

Взвод Бузулуцкого был выставлен боевой заставой в полукилометре от поселка, на дороге, ведущей в деревню Юккогуба. Теперь это была уже не дорога, а заросшая травой широкая тропа, петлявшая по обочинам болот, по берегам озер и пригодная летом лишь для проезда на волокушах. Другого пути отсюда не было. Разве что на лодке по озеру до маленькой речушки, а по ней потом можно выбраться на озеро Селецкое, на берегу которого

стоят на проселке две деревни — Сельга и Пряккила.

Андрей Бузулуцков был нездешний. Он родился на Дону. В Карелию его забросила кадровая служба в армии, после которой он и остался здесь. Военный опыт его был невелик, командиром он стал лишь в партизанском отряде. Среднего роста, поджарый, белокурый, Бузулуцков был характером горяч и даже вспыльчив. Зная этот свой недостаток, он старался держаться во взводе несуетливо и рассудительно, был точен в исполнении приказов, и пока все у него получалось хорошо и ладно.

Вот и теперь он сделал все, как надо.

Линию обороны выбрал на взгорье, перед неширокой, протянувшейся к северу ложиной. Каждому определил позицию. Оба ручных пулемета поставил на флангах с таким расчетом, чтоб и дорогу держать под кинжальным огнем, и в случае обхода — отсекал противника от занятой взводом высоты.

Начальник штаба бригады, пришедший с проверкой, остался доволен позицией, только велел выдвинуть чуть вперед спаренный наблюдательный пост. Он предупредил, что в случае чего сюда же подойдут два других взвода отряда «Мстители» и эту позицию придется держать до отхода бригады из поселка.

— В затяжной бой здесь вступать бригаде нельзя, — сказал он. — Чуть что, надо поскорей вырваться из этой ловушки между озерами.

— Долго тут стоять будем? — спросил Бузулуцков.

— К вечеру должны сбросить продукты. Сразу же и тронемся. Здесь костров не разводи. Если есть что варить, отправь кашеваров, человека два-три, в поселок.

Посидели, выкурили одну на двоих сигарку остатного комсоставского табаку, и Колесник со своим связным ушел.

День выдался не солнечным, но жарким. Земля парила, и все вокруг дрожало в голубоватом зыбком мареве. В лесу зверствовали комары — было их здесь так много, что казалось, именно от этого нескончаемого изматывающего слух гудения и дрожит тихий утренний лес.

Морило в сон. Бузулуцков, чтоб не заснуть, спустился по склону и принялся медленно прохаживаться из конца в конец вдоль линии обороны, то и дело тихо повторяя:

— Не спать, ребята, не спать...

Не спать было трудно. Это он чувствовал по себе и никого из уснувших не будил — знал, что стоит раздаться

первому выстрелу, и все сразу очухаются. Его предостережение относилось в первую очередь к самому себе и к тем нескольким наблюдателям, которые были назначены в каждом отделении.

Так проходил час за часом. Напряжение, которое всегда бывает, когда взвод займет боевую позицию, уже начало постепенно спадать. Ничто не сулило ни беды, ни тревоги. Бузулуцков уже решил было разбудить Живякова, назначить его дежурить, чтоб самому подремать пару часиков, как с наблюдательного поста вполголоса донеслось:

— Финны!

Бузулуцков быстро, на четвереньках, поднялся к греб-

ню, выглянул из-за укрытия и ничего вначале не понял. Три минуты назад он из конца в конец оглядывал лощину, всматривался в заросли на другой стороне, и там ничего настораживающего не было.

А теперь — три финских солдата с рюкзаками и автоматами гуськом переходили по валежине ручеек уже на середине лощины. Похоже, это был головной дозор. Так и есть, там, на противоположной высоте, спускалась по тропе целая цепочка. Судя по тому, что дозорные не хотели зря мочить ног, они не видели впереди ничего для себя подозрительного.

— Приготовиться! — сдавленным шепотом произнес Бузулуцков, оглядываясь вправо и влево и замечая, что

там уже тоже видят противника, двигаются, расталкивают спящих, выползают к огневому рубежу. В несколько мгновений предстояло решить нелегкую задачу: ждать ли, пока основная масса финнов втянется в ложину, и потом открывать огонь? А если им удастся зацепиться за этот берег? Готовы ли пулеметчики? Все теперь будет зависеть от них.

И вдруг Бузулуцков увидел, что финнов немного, не больше взвода, и он твердо решил ждать, опасаясь лишь, что у кого-либо из партизан не выдержат нервы и он откроет огонь раньше времени.

Если бы Бузулуцков знал, что то, что он принял за основные финские силы, была лишь головная походная застава, а основные силы — усиленная рота егерей, прибывшая ночью на машинах в Юккогубу, — находятся в километре от его позиций, он, вероятно, не чувствовал бы себя так спокойно.

Но иногда и незнание приносит удачу.

Шквальным огнем двух пулеметов, пяти автоматов и двадцати партизанских винтовок финский взвод был положен в ложине. Вначале трудно было понять — кто убит, кто ранен, кто попросту сам укрылся в высокой траве и затих. Ответного огня не было, и казалось, что взвод выбит вчистую. Но вот зашевелилась осока, уцелевшие, кто ползком, кто перебежками, начали выбираться на противоположную сторону, и сразу же оттуда застрекотали короткие автоматные очереди.

К высотке подтянулся весь отряд. Вместе с ними прибежал и комбриг Григорьев.

— Ну что тут у тебя? — спросил он у Бузулуцкова.

— Бригада может спокойно мыться в бане. — Бузулуцков, довольный и собой, и делом, которое его взвод только что сделал, показал на ложину, где в порыжелой высокой траве можно было разглядеть около десятка серо-голубых бугорков. Шла охота: если бугорок начинал шевелиться и ползти, то тут же с разных точек раздавалось несколько очередей.

Взвод торжествовал. Первая встреча с врагом и первая победа — такая легкая и совсем безнаказанная, ни у кого ни одной царапины. Партизаны настолько считали дело сделанным, что не торопились забирать у убитых рюкзаки. Каждый держал это в голове, но никто не спешил, ждали, пока укрывшиеся на той стороне автоматчики совсем прекратят огонь.

В результате рюкзаки так и остались там. Огонь с той стороны постепенно усиливался, становился гуще и дружнее. Короткими лающими очередями ударяли оттуда пулеметы. Партизаны поняли, что финнам подошло подкрепление, и ждали с минуты на минуту атаки.

— Прекратить пальбу, беречь патроны,— передал по цепи Григорьев.

Однако происходило что-то непонятное. Несколько раз разгоралась яростная перестрелка, но никакого продвижения финны не предпринимали. Они явно чего-то выжидали. Но чего? Новой подмоги или просто вызывали партизан на бессмысленную трату боеприпасов?

Григорьев, естественно, еще не знал о том, что другая финская рота в эти минуты уже спешила к Тумбе с юга, со стороны деревни Сельга, чтобы закрыть бригаде выход с узкой междуозерной полосы. Комбриг мог лишь предполагать о возможности такого маневра. Он ясно понимал одно: время работает на противника и надо как можно скорее уходить.

— Попов, через пять минут начинай отход! Взводы пусть по очереди прикрывают друг друга. Курс из поселка прямо на юг...

4

Отряды один за другим снимались и поспешно отходили на юг. Финны с северо-востока просочились на берег неширокой губы и держали под непрерывным огнем дома поселка.

Взвод Бузулуцкого, отступивший за поселок, отвечал сдерживающим огнем и ждал момента, когда можно будет начать отрыв. Бригада уже втянулась в лес, но одиночные растяпы неизвестно почему все еще продолжали выскакивать из-за домов и мелкими перебежками от укрытия к укрытию пробирались к лесу.

— Скорей, скорей, идиоты! — во всю глотку кричал Бузулуцкий, готовый огнем своего автомата подогнать ротозеев.

Наконец в поселке никого не осталось. Бузулуцкий подал команду на отход, а сам, опасаясь, как бы финны не обтекли взвод по берегу и не отрезали бы его от бригады, вместе с пулеметчиком ползком выдвинулся на пригорок и залег за камнями. Оглянувшись, он с радостью убедился, что и его ребята начали отход и отходят грамотно, перебегая и отстреливаясь. В последний раз он внима-

тельно оглядел поселок, больше всего боясь увидеть не столько даже убитого, сколько раненого, которому практически в этих условиях помочь было уже невозможно. Финны уже перешли протоку и рассредоточились по перешейку. К счастью, ни убитых, ни раненых он не заметил, облегченно вздохнул и приказал пулеметному расчету:

— Отход перебежками. Будем прикрывать друг друга.

— Комвзвод, смотри! — воскликнул пулеметчик, указывая на ближний к лесу дом.

Там творилось невероятное. От угла к углу металась жалкая одинокая фигура с серым партизанским вещмешком. Дом пока служил надежным укрытием, но как только партизан выскакивал из-за угла и попадал в обстреливаемую финнами полосу, он сразу бросался на землю, замирал и торопливо отползал назад.

Бузулуцков выматерился и приказал снова развернуть пулемет.

— Бей короткими влево, привлекай огонь на нас!

— Да что мы, мишень какая?! — возмутился пулеметчик. — Постреляют, как куропаток!

— Бей, говорю! — с угрозой прошипел Бузулуцков и дал несколько автоматных очередей. Он стрелял, а сам то и дело косил взглядом на крайний дом, ожидая, когда же этот несчастный растяпа поймет наконец, что его прикрывают, и осмелится преодолеть опасную зону. Тот лежал у самого угла, вдоль завалинки, озирался по сторонам и все никак не мог решиться. Он не видел, что финны уже проникли к соседним домам и скоро уйти станет невозможно.

— Ползи сюда, сволочь! — во всю глотку заорал Бузулуцков.

Партизан услышал его, повернул на голос лицо, попробовал выползти из-за дома, но как только впереди него веером рассыпались пули, вздымая фонтанчики песка, трусливо повернул обратно.

— Погибать из-за него будем, что ли! — взвыл пулеметчик.

Бузулуцков тщательно приложился и дал короткую очередь, целясь чуть позади затаившегося партизана и надеясь хоть этим подогнать его. Партизан вздрогнул, оглянулся и вдруг поспешно пополз назад, к крыльцу.

— Трус, сволочь! — орал Бузулуцков и вдруг скомандовал: — Бей по нему!

— Пулеметчик не сразу понял, даже огонь прекратил. Секунду-другую они смотрели друг на друга.

— Огонь по предателю!

Бузулуцков прыгнул к автомату, но было уже поздно — в ту самую секунду ноги в зеленых обмотках мелькнули и скрылись за бревенчатым срубом крыльца.

Все было кончено. Страшно матерясь, Бузулуцков торопливо пополз вслед за пулеметчиком к ольховым зарослям, за которыми начинался спасительный лес, пули свистели где-то высоко над головой и с сухим треском разрывались впереди, осыпая на землю ветки, но это уже были чужие, нестрашные пули, пускаемые противником наугад для острастки, — Бузулуцков был почти убежден, что по открытому месту финны не станут преследовать, они не любят лишних потерь, а судя по плотности огня, их было не так уж и много; бригада, если бы решилась принять бой, легко раздавила бы их, и это особенно злило Бузулуцкова, ибо бой, начавшийся для его взвода столь успешно, закончился таким постыдным случаем.

Радовало одно: оставшийся в поселке предатель — по-другому Бузулуцков теперь не называл его — был бойцом не его взвода: все-таки позора меньше.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

(квадрат 24—94, 18 июля 1942 г.)

1

Минут через двадцать взвод прикрытия догнал бригаду. О случившемся Бузулуцков сразу же доложил командиру отряда Попову. Александр Иванович заметно побледнел, несколько секунд молчал, глядя на двигавшуюся мимо цепочку бойцов, потом справился с растерянностью и вполголоса, как он делал всегда, приказал еще раз проверить людей, а командирам взводов лично доложить ему о потерях. Связной Ваня Соболев, придерживая правой рукой автомат, а левой — вещмешок, побежал в голову колонны. Слышавший все это комиссар отряда, ни слова не говоря, направился в противоположную сторону, чуть ли не поименно пересчитывая шагавших ему навстречу партизан.

Вскоре выяснилось, что не хватает бойца Симакова,

который пришел в отряд в Сегеже, за две недели до выхода, вместе с пополнением. Кто он — трус или предатель? Когда стали разбираться, то оказалось, что и политрук, и командир взвода, и товарищи по отделению знают о Симакове совсем не так много, как теперь хотелось бы. Тихий, замкнутый, исполнительный, он пришел в партизаны добровольно, за плечами имел девять классов, любит читать и даже в этот поход взял с собой одну книгу. Политрук интересовался книгой — это был роман Алексея Толстого «Черное золото».

Услышав это, Андрей Бузулуцков насторожился. До прихода в партизанский отряд он служил библиотекарем в воинской части, однажды при регистрации новых поступлений обратил внимание на эту книгу, так как она имела двойное название, начал ее читать, но почему-то бросил, однако второе название хорошо запомнил, ибо оно-то и привлекло его тогда, в сороковом году, а теперь вдруг приобрело особый смысл и значение.

— Пошли на доклад к комбригу! — приказал Попов Бузулуцкову, когда все сведения о Симакове были собраны. Они вышли из цепочки и начали обгонять колонну.

— Неудивительно, что он таскал с собой эту книгу, — раздумчиво произнес Бузулуцков. Он уже несколько не сомневался, что Симаков не трус, а предатель, только странно как-то вел себя в поселке.

— Почему? — спросил Попов, обернувшись к нему.

— У этой книги есть второе заглавие. Она называется «Эмигранты».

— Ты читал ее? О чем она?

— Да нет. Теперь жалею, что бросил... А о чем — ясно из заглавия. О беляках, предателях Родины...

Выслушав доклад Попова, Григорьев вскипел. Резная тросточка, с которой он не расставался в походе, нервно защелкала по сапогу.

— Ты что, не мог пристрелить этого труса, что ли? — повернулся комбриг к Бузулуцкову и посмотрел на него взглядом, не обещавшим ничего хорошего. — Смалодушничал, рука не поднялась?

— Я стрелял, но запоздал... Он успел скрыться. Да и кто знал, что он предатель.

— А ты зачем в прикрытие оставлен был? Думаешь, чтоб только от финнов отбиваться? Нет. Обеспечить полный отход бригады — вот главное. В общем, ты, Бузулуцков, задачу свою выполнил наполовину... Вернемся на

базу, будем разбираться. Другие потери есть? — обратился комбриг к Попову.

— Нет. Двое легко ранены.

— Идти могут?

— Могут. Ранения пустяковые, царапины.

— Ступайте по своим местам!

Комиссар Аристов неожиданно мягко напутствовал:

— Об этом случае прошу не распространяться. Не надо будоражить людей. Политруку взвода передайте мое замечание о недостаточной воспитательной работе. Вам ясно?

— Ясно, — за двоих ответил Попов.

Когда командиры из отряда «Мстители» отстали, Аристов попросил:

— Иван Антоныч, отойдем в сторонку.

Григорьев подтянул повыше вещмешок и недовольно сошел с тропы. Связные Воронов и Макарихин двинулись следом, но Аристов остановил их:

— Не ходите. Мы сейчас догоним.

Бригада шла по пологому каменистому склону, поросшему сосняком. Параллельно ей, на расстоянии видимой связи, по гребню кряжа двигалась редкая цепочка правого боевого охранения. Где-то внизу, почти невидимое отсюда, пробиралось сквозь кусты и мелколесье левое охранение, которому сегодня не повезло, так как кряж тянулся нескончаемо и все время с севера на юг, прямо по курсу бригады. Иногда угадывалась близость Унут-озера — над верхушками леса внизу распахивались ширь и простор, но самого озера так ни разу и не увидели — ведущему было приказано не подходить к берегу.

— Иван Антоныч, — сказал Аристов, поправляя очки, — боюсь, что с такими случаями нам придется иметь дело и дальше.

— Это еще почему?

— Есть тут одно обстоятельство, — мягко улынулся Аристов. — Я виноват, что не сказал тебе раньше, но с бригадой двигается несколько фронтовых разведчиков. Одни из них должны незаметно скрыться, другие — сдать в плен. Подробности я и сам не знаю. Но пришли они к нам с пополнением в Сегеже. Возможно, Симаков из них.

— Это уж черт знает что! — возмутился Григорьев. — Командир бригады последним узнает о таких делах.

— Не последним, а третьим, — поправил его Ари-

стов.— Да ты не сердись, дело это деликатное, сам понимаешь.

— Кто еще знает?

— Занимается этим Ситников. Только прошу тебя, об этом никому ни слова.

— Вершинин знает об этом?

— Возможно, и нет. Все это идет по другим каналам. Меня доверительно предупредил Куприянов.

— Вот что, комиссар. Коль так, то ты мне ничего не говорил и я ничего не слышал. Теперь, после случая с Симаковым, я еще строже прикажу стрелять по каждому, кто будет замечен в трусости или попытке перейти на сторону врага. Ясно?

— Ну и отлично,— улыбнулся Аристов.

— Не понимаю, чему ты радуешься. Ведь мы постреляем этих разведчиков.

— Это уж как выйдет. На то их и готовили, чтоб уметь сделать свое дело. В противном случае, кто из финнов им поверит?

— Ну, смотри. Задал ты мне задачу. Уж лучше не говорил бы совсем. Будто других забот у меня мало... Через час привал и совещание командиров. Будем думать, что делать дальше.

Григорьев сказал «будем думать», а сам уже держал в голове твердый план. Он решил как можно скорее вывести бригаду к глухому озеру Пизанец, занять круговую оборону и ждать продуктов. Озеро большое и там возможна посадка гидропланов, а главное — вокруг на десятки верст ни селений, ни дорог, ни троп. На подходе к озеру он развернет бригаду фронтом, чтоб не оставить никаких следов. Такой маневр наверняка введет в заблуждение финнов, а главное — избавит партизан от переправы через реку, соединяющую Пизанец и Тумбасозеро. Речушка невелика, но переправ Григорьев не любил. По опыту пограничной службы он знал, что следы даже небольшой группы людей легче всего обнаруживаются при переправах.

Район озера Пизанец выгоден и в другом отношении. Если теперь, после обнаружения, командование решит изменить задание, сочтет нецелесообразным дальнейшее движение бригады к Поросозеру, то отсюда нетрудно будет развернуть диверсионные действия на дорогах Совдозеро — Паданы, Поросозеро — Медвежьегорск и даже Паданы — Масельская. При случае можно будет разгро-

мить гарнизоны в селениях Янгозеро, Совдозеро и Сельга.

Конечно, Григорьев пока еще не имел никаких оснований рассчитывать на такой поворот событий, но на всякий случай прикидывал и этот вариант...

Сейчас главное — поскорее выйти из междуозерья, получить возможность свободного маневра.

Однако сделать это незамеченными не удалось...

2

Произошло странное преобразование.

Короткий бой у поселка Тумба, принесший столько забот и трудностей командованию бригады, на рядовых партизан подействовал самым неожиданным и отрезвляющим образом. После двадцати дней молчаливого блуждания по лесам, в котором все было непонятно, таинственно и потому напряжено до предела, он как бы вернул их в знакомое и привычное состояние.

Через двери и окна люди выскакивали из барачков, недомывшиеся в бане наскоро натягивали на мокрое тело белье, хватали вещмешки и оружие и все бежали к линии обороны: одни по команде, другие, кто не слышал команды, по нехитрому воинскому правилу действовать так же, как действует товарищ. Люди разных отрядов бежали навстречу друг другу, и эта сумятица в первые минуты была похожа на панику. За протокой слышалась яростная пальба из пулеметов и автоматов, случайные пули посвистывали над головами, и никто еще не знал, где противник и сколько его. Не все еще успели добежать и залечь в оборону, как поступила новая команда: поотрядно сниматься и отходить к лесу. Бой за протокой начал стихать, он перешел в размеренную перестрелку, потом перестрелка стала опять нарастать и приближаться к поселку, но это никого уже не страшило и по-своему даже успокаивало: отряды в сборе, а отходить под звуки боя спокойней — по крайней мере знаешь, где противник. Все это не один раз было испытано во время зимних операций на Онежском побережье, и потому привычно.

Отстающих не было. Реальная близость противника заставляла даже ослабевших действовать быстро и на пределе сил. Вначале шли ходко, почти беглым шагом, потом приняли обычный походный ритм с частыми остановками для коротких разведок.

Стрельба позади давно уже затихла, тучи гнуса ви-

лись над потными людьми — все было, как вчера, как пять — десять дней назад, и вместе с тем все было по-иному. Стычка с врагом, пусть короткая и не совсем понятная по исходу, так как участвовал в ней лишь один взвод, а вся бригада зачем-то стала поспешно отходить, все же эта стычка была началом дела, ради которого партизаны вот уже третью неделю бродят по лесам. Не успел взвод Бузулуцкого догнать бригаду, как по отрядам неведь каким образом распространился слух, что засада вышла удачной, что пулеметчики кинжальным огнем положили в болотине целую гору трупов, что финнам теперь уже не до преследования — и все это радовало, воодушевляло, так как нет ничего хуже для настроения людей в таком походе, чем неудачное начало. Эта короткая радость затмила на время все другие заботы. Потом, когда одна за другой опять потянулись долгие лесные версты, усталость и голод вновь напомнили о себе, первое воодушевление схлынуло, и все, что произошло в Тумбе, не то чтоб утратило свое значение, а как-то постепенно начало отдаляться, и вновь разговоры на коротких остановках стали вертеться вокруг старой и по-прежнему самой острой темы — о продуктах, о самолетах, об оставшемся пути.

Когда человек знает так мало, как мало знали рядовые партизаны о целях и задачах своего секретного похода, каждая примета наполнена для него особым и многозначительным смыслом. И то, что бригада столь поспешно покинула поселок и без привалов двигалась куда-то на юг, родило предположение, что продукты уже сброшены в другом районе, что комбриг торопится как можно скорее туда — и это оправдывало в глазах людей все.

О случае с Симаковым знали немногие. Андрей Бузулуцкий еще заранее предупредил пулеметчиков до времени не болтать лишнего, а теперь, после напутствия комиссара бригады, настрого приказал держать язык за зубами. Он знал, что в Сегеже в бригаду влилось несколько десятков новичков, и для себя слова комиссара истолковал таким образом, что предательство Симакова может вызвать подозрение к новичкам со стороны старых партизан. Сам по себе этот случай он считал скорее позорным, чем опасным. Что может сообщить противнику рядовой партизан, да еще новичок? В лучшем случае, примерный численный состав бригады и фамилии коман-

диров. Конечно, если он не был завербован заранее как шпион. Но что-то непохоже на это...

Раздумывая об этом, Бузулуцков с каждым разом все отчетливее припоминал жалкую одинокую фигурку, мечущуюся у барака, винил себя за нерасторопность и негодовал, что эта сволочь из чужого взвода лишила его ребят заслуженной похвалы комбрига.

Когда люди долго находятся в лесу, живут тесной, замкнутой в себе жизнью, то, кажется, нет и не может быть такой тайны, которая со временем не стала бы известной всем. И она неизбежно обрастает самыми невероятными подробностями. Так случилось и на этот раз. Через час-другой уже мало кто не знал, что в бригаде произошел случай предательства. Говорили, что предателей было якобы двое, но одного комвзвода Бузулуцков из отряда «Мстители» скосил из автомата, а другому, к сожалению, удалось скрыться.

Как водится, последним о таких слухах узнают командиры. Во время одной из остановок командир отряда имени Антикайнена Николай Кукелев подошел к штабу.

— Правда это? — спросил он у Аристова.

— Что правда? — удивился тот.

— Будто нашлись два предателя...

— Так уж сразу и два, — попытался Аристов отделаться шуткой. — И одного по горло хватает.

— Один, значит, есть?

— К сожалению, есть... Трус остался в поселке.

Кукелев помолчал, сумрачно покусал губу, подбирая слова:

— Надо людям правду сказать... А то бродят дикие слухи.

— Скажем. Будет привал — скажем. Проведем короткие летучки. А слухи надо пресекать.

— Привал когда намечается?

— Пойдем до озера Пизанец без ночевки.

— Долго идти, километров пятнадцать. Окончательно вымотаем людей.

— Другого выхода у нас нет...

— Люди уверены, что идем к месту выброски продуктов.

— Так оно и есть.

— Все считают, что продукты уже сброшены.

— Возможно и это. Через час будем держать связь с Беломорском. Попросим поторопиться.

— Да, начинаются дни золотые...

Из всех командиров отрядов такой разговор с комиссаром бригады мог позволить себе только Кукелев, да и то лишь в последние полгода и наедине. Они знали друг друга с довоенных времен, но тогда секретаря РИКа и первого секретаря райкома партии разделяла солидная служебная дистанция. В партизанском отряде командирский авторитет Кукелева рос из месяца в месяц, и Аристов, который в январе рекомендовал его на эту должность, сам удивлялся и гордился этим. Кто бы мог подумать, что из скромного, ничем не приметного риковского работника выйдет такой прекрасный партизанский командир — всегда собранный, уравновешенный, мужественный в бою и справедливый в общении с подчиненными. Ему бы чуть побольше образования и военной подготовки — то и цены не было бы! Зимой, после Клименецкой операции, Аристов первым пошел на дружеское сближение с Кукелевым, уже зная, что тот не превратит эту близость в панибратство. Так оно и вышло. До сих пор, даже в разговорах наедине, Николай Иванович стеснялся обращаться к комиссару на «ты», обходился какими-то безличными вопросами и фразами.

Вначале такая манера коробила Аристова, она выглядела не очень уважительной и даже грубоватой, но постепенно он привык, даже стал видеть пользу, так как за этим стояли прямота и откровенность, на которые не каждый решится.

Кукелев, как видно, собирался не то спросить, не то сообщить еще что-то, но в это время цепочка, пропадавшая за поворотом, зашевелилась, дрогнула и стала натягиваться, потом это шевеление и растягивание докатилось до штаба, Аристов, как и все, прежде чем сделать первый шаг, подкинул, поправляя на плечах, вещмешок, шевеление поплыло назад, и началось движение.

Кукелев заспешил вперед, к своему отряду, который шел направляющим.

В семнадцать часов бригада вышла на траверс южной оконечности Унутозера, пересекла старую, давно не хоженую тропу, свернула чуть к востоку, чтобы обогнуть усеянную валунами полуголую высоту.

Колесник, определив местонахождение и отметив его на карте, застегивал планшет, когда неожиданно движение остановилось и потом впереди загревели выстрелы...

Первый взвод отряда имени Антикайнена шел в головной заставе. Три бойца во главе с командиром отделения — дозором чуть впереди, по бокам — парные наблюдатели, а сам комвзвода все время сверял по компасу азимут, выбирая для бригады скрытый и удобный путь. Тропа петляла, вслед за ней змеялась цепочка людей, и каждый шел, почти в точности повторяя движения товарища. Время от времени головной взвод замедлял шаг и высылал вперед метров на триста разведку. Разведка уходила вперед, и минут через пять, если все было тихо, движение возобновлялось в прежнем ритме. Такие остановки лишь изредка замечались в бригаде. Сейчас как раз подошло время для новой разведки. Командир взвода уже хотел позвать к себе очередных разведчиков, чтобы дать им задание, как боковой наблюдатель вполголоса крикнул:

— Комвзвод, слева финны!

Партизаны без команды начали расползаться в укрытия, занимая оборону.

Ниже по склону, наискосок к бригадному курсу, двигалась змейка финских солдат. Было их совсем немного, человек двадцать, и шли они медленно, как бы неохотно, командир взвода успел подумать, что это, наверно, тоже дозор или разведка. Но в ту же секунду словно ток пробежал по вражеской цепочке, она без команды рассыпалась, пропала, и сразу же затрещали автоматы.

Выбора не оставалось, и командир взвода приказал открыть огонь. Партизаны, обрадованные, что наконец-то можно опробовать новые пулеметы и автоматы в настоящем бою, открыли такую пальбу, что загрохотала вся округа. Финны, отстреливаясь, начали отступать. Это подзадорило партизан. Перебегая от укрытия к укрытию и ведя огонь, они стали преследовать их. Ведь за плечами у финских солдат были рюкзаки, и кому не хотелось поживиться продуктами за счет врага? Три рюкзака достались взводу, но когда скоротечный бой затих и постепенно улеглась горячка, то все увидели, что трофеи обошлись недешево. Два партизана были тяжело ранены и не могли сами двигаться. Из плащ-палаток и жердей быстро соорудили носилки. Посланный на подмогу второй взвод из отряда имени Антикайнена помог разведчикам, и вся группа заторопилась догонять бригаду, которая уже изменила курс и огибала высоту с запада.

Вторая за день встреча с противником могла бы показаться случайной. Но то, что произошла она в глухом лесу, вдали от селений и дорог, что финны двигались на пересечение с курсом бригады и без всяких опознавательных окриков первыми открыли огонь, говорило о многом. Подробно выпросив об обстоятельствах боя, Григорьев понял, что это было не то вражеское подразделение, с которым они имели дело в Тумбе. То было покрупнее, оно навряд ли успело бы сюда, да и вело бы себя осторожней. Скорее всего, головной дозор столкнулся с поисковой группой противника, не случайно она не приняла боя, стала отходить, хотя со стороны партизан в перестрелке участвовало примерно равное ей количество людей. Выходит, финны знали, с кем имеют дело, они были специально направлены на поиски бригады, и, судя по всему, надолго. В трофейных рюкзаках находилось по восемь дневных пайков, аккуратно, фабричным способом упакованных в непромокаемую бумагу. Несколько пайков голодные партизаны успели распотрошить, пока догоняли бригаду, вероятно, и все остальное быстро разошлось бы по рукам и желудкам, но вовремя вмешался комиссар Макарьев. Значит, движение бригады на юг уже не составляло для финнов никакого секрета и подобных стычек можно ожидать в любую минуту.

Подумав об этом, Григорьев уже пожалел, что в Тумбе, пытаясь скрыть от противника свои истинные силы, уклонился от боя, хотя разгромить и рассеять по лесу тумбинскую группировку не представляло особой трудности.

«Интересно, сколько таких поисковых групп бродит по лесу?» — подумал Григорьев, представив себе положение финнов, вдруг обнаруживших в своем глубоком тылу крупное партизанское соединение.

Ответа на этот вопрос долго ждать не пришлось. Едва бригада миновала высоту 151,8 и взяла курс прямо на юг, как вновь возникла перестрелка. На этот раз финны вышли на середину колонны и завязали бой с левым охранением. Отряд Грекова развернутой цепью ринулся туда и больше километра гнал по лесу отходящего противника.

На этот раз, кроме нескольких рюкзаков и еще двоих раненых партизан, приволокли к штабу бригады плен-

ного — помятого в свалке совсем молоденького белесого парнишку с расширенными от испуга и боли голубыми глазами. Он был ранен в живот и ногу, долго отстреливался, метнул в подбегавших к нему партизан гранату, но та почему-то не взорвалась.

Из допроса выяснилось, что его егерская пограничная рота находилась в деревне Сондалы. Позавчера им выдали походный боезапас и на машинах перебросили в деревню Сельга. Ночью на лодках они переправились по Селецкому озеру на западный берег, километров шесть шли вдоль реки, а потом разбились на взводы и углубились в лес. Им сказали, что идут они на поиски десантников. У каждого взвода есть рация, и они держат по-

стоянную связь со штабом пограничного батальона. О других гарнизонах пленный или ничего не знал, или не смог уже отвечать. Боль в животе, как видно, усилилась, он беспрерывно стонал, скрипел зубами, мотал головой, теряя сознание, и трудно было понять, слышит ли он вопросы комбрига. Колесник послал за бригадным врачом. Петухова прибежала со шприцем в руке, хотела сделать укол, но Григорьев сумрачным взглядом остановил ее:

— Побереги лекарство. Еще пригодится...

Он поднялся и дал команду двигаться дальше.

— Комбриг, что делать с пленным? — спросил Колесник.

— Если можешь, позвони в «скорую», пусть пришлют карету... Видишь же, что уже не жилец...

Григорьев повернулся и, обгоняя строй, зашагал вперед, где уже были подняты на плечи носилки с четырьмя ранеными партизанами...

Шли прямо на юг. Раненые еще не были большой проблемой для шестисот человек. Но и они заметно замедляли движение. Выделенные для их переноски бойцы менялись каждые десять минут, однако они — голодные и усталые — быстро выдыхались, то и дело в цепочке получался разрыв, приходилось одних сдерживать, других поторапливать, так прошли еще два часа, и комбриг, выбрав широкую, поросшую редким сосняком возвышенность, объявил привал.

Приспевала черника, и была надежда, что люди хоть немного подкормятся этой слегка посиневшей, но еще твердой и невкусной ягодой, которой, казалось, здесь было в избытке. Комбриг понимал, что ягода не еда для голодного человека, она не дает сытости, а только развивает аппетит, и что для такой оравы не хватит и трех ягодных сопок, — но ничего другого он предложить не мог; до озера Пизанец оставалось еще не меньше пяти километров, а там — он-то отлично знал это — никаких продуктов еще нет, их предстояло затребовать, ждать, и неизвестно было, прилетят ли самолеты на этот раз или получится так же, как в прошлую ночь.

Как только развернули рацию, комбриг передал радистам текст для радиограммы:

«За день имел три стычки разными группами противника. Имею четырех раненых, которых необходимо эвакуировать. Жду посадки самолетов с продуктами на озере

Пизанец. Сигнал три костра в линию по западному берегу».

Пока передавали радиogramму, возник новый план — не тащить к озеру всю бригаду, не делать лишних километров, а послать туда один отряд, пусть он примет продукты, передаст раненых авиаторам и вернется к бригаде. Конечно, это в том случае, если штаб в Беломорске не изменит задания.

Комбриг обдумывал это, а самого не покидала другая мысль. Он не мог еще утверждать с ручательством, но был почти уверен, что, пока бригада движется на юг, финны не станут предпринимать против нее каких-либо решительных действий. Однако и не оставят ее в покое, будут терзать «блошиными» наскоками, подобно сегодняшним. Они подождут, пока партизаны приблизятся к их коммуникациям, и тогда сразу получают огромное превосходство за счет возможностей быстрого маневра и использования техники.

Было еще не поздно рассредоточиться, разойтись поотрядно, оторваться от противника и продолжать движение скрытно, разными путями.

Но теперь для этого нужно было осуществить уже не одно, а два условия: получить хотя бы минимальный запас продовольствия и эвакуировать раненых.

Еще вчера хватало одного...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

(оз. Шаргил, 22 июля 1942 г.)

1

Первые продукты были сброшены лишь двадцать второго июля. Как выяснилось позже, до этого самолеты вылетали дважды: в первую ночь летчики вообще не смогли обнаружить партизан, была низкая облачность и шел дождь, потом, через двое суток, в заданном квадрате загорелось столько сигнальных костров, что пилоты заподозрили неладное и улетели обратно. Можно представить себе состояние партизан, когда шум моторов начал удаляться и наконец затих. В Беломорск одна за другой летели требовательные и даже гневные радиogramмы. Одну из них Аристов адресовал непосредственно

члену Военного Совета фронта, секретарю ЦК партии республики Куприянову с просьбой немедленно вмешаться. Григорьев посоветовал не отправлять ее. Это было похоже на жалобу, а жалоб он не любил.

Следующая ночь опять выдалась ненастной. Дождя не было, но холодный северо-западный ветер нескончаемо гнал по небу низкие облака. Люди мерзли, можно было бы разрешить костры, хотя бы по одному на взвод, но даже в такую ночь ждали самолетов, что стало почти привычкой, и на всякий случай жгли лишь сигнальный «треугольник», у которого согревались раненые и по очереди сменившиеся с постов и секретов бойцы. Сна и отдыха все равно не было. В третьем часу ночи Григорьев, боясь простудить людей, поднял бригаду и медленно повел ее на юг, к озеру Шаргил, оставив на тропе засаду. В отрядах все больше и больше появлялось ослабевших, которых приходилось сначала освобождать от груза, потом вообще вести под руки. Жили надеждой, что прилетят наконец самолеты и все изменится. В семь утра держали очередную связь с Беломорском, а ближе к полудню неожиданно появились самолеты. Они шли с севера, низко над лесом, словно придерживаясь бригадной тропы,— эти два маленьких и привычных биплана. На таких до войны в петрозаводском аэроклубе по праздникам катали ударников труда. Григорьев просигналил ракетой, хотя чувствовал, что на этот раз сигналов не потребуется, что летчики уже заметили партизан и, как ему показалось, первый даже помахал рукой. Самолеты прошли над бригадой, сделали круг, спустились ниже, а пилот все еще продолжал делать какую-то отчаянную отмашку.

Наконец Григорьев догадался.

— Всем в укрытие, освободить площадку! Занять оборону, черт побери! — закричал он и сам первым побежал в сторону.

На третьем заходе самолеты сбросили по два тюка, которые с шипением и свистом полетели не прямо к земле, а куда-то вперед, наконец все-таки ударились о землю так, словно лопнули воздушные шары. Все ждали еще, но самолеты развернулись, еще раз, теперь уже в обратном направлении, пролетели над бригадой, прощально покачались с боку на бок и ушли на север.

Да, тюки, которые так тщательно готовили в Сегеже, упаковывали и переупаковывали, уже не были тюками. Они походили на изодранный брезент, кем-то небрежно

накинутый на бесформенную кучу сухарных обломков и помятых консервных банок, вокруг которых брусничник был усеян хлебными крошками и пылью. Повезло лишь одному тюку, который случайно угодил в болотце, его нелегко было извлечь из воронки, так как сухари начали разбухать, но зато оказался он в полной сохранности и даже ремни не лопнули.

Самолеты вернулись на базу, и штабной снабженец успел радостно доложить в Беломорск, что первая партия продуктов доставлена по назначению, а партизаны все еще ползали на коленях по берегу озера, ощупывая буквально каждый брусничный кустик, ибо под ним мог оказаться обломок сухаря, так как один из мешков ударился о дерево и это было похоже на разрыв шрапнели, даже осколки свистели в воздухе.

Когда все, что можно собрать, было собрано, подсчитано, распределено и роздано, то на долю каждого пришлось по полкотелка сухарных обломков, по две столовых ложки сахара, по горсти махорки и банка свиной тушенки на троих. Это было близко к дневной норме, и если бы авиаторы сделали еще три-четыре таких выброски, то можно было бы приступать к осуществлению задуманного Григорьевым плана.

Комбриг отдал строгий приказ: разделить полученные продукты на четыре порции и расходовать их только под контролем командиров. Для раненых и ослабевших создали в санчасти небольшой резерв, но держали это в тайне, так как среди шестисот голодающих всегда найдутся охотники правдой или неправдой получить лишний кусок.

Пока шел сбор, распределение и дележ продуктов, в отрядах царило счастливое оживление. Каждый кусочек сухаря был в такой цене, что от одного его вида люди испытывали приятное головокружение.

Но еще дороже был сам факт появления самолетов: он подкрепил пошатнувшуюся веру, придал ей силу практической реальности, и теперь, казалось, все наладилось и все будет в порядке.

Ждали еще три часа, но самолеты больше не появились. Когда вернулись одна за другой группы разведчиков и доложили, что противника обнаружить не удалось, комбриг дал приказ сниматься с привала.

Чтобы скрыть следы, развернутым фронтом с километр шли на запад, потом приняли обычный походный

порядок и взяли курс на юго-запад, к озерам Большое и Малое Матченъярви.

Уже больше суток противник никак не обнаруживал себя. Это и радовало, и рождало тревожное предчувствие. Последний бой был вчера днем, когда бригада вброд переходила небольшую речушку. Финны наскочили сзади и завязали перестрелку с тыловым охранением. Григорьев выматерился, развернул два отряда, приказал одному слева, другому справа глубоко обойти противника, зажать в кольцо и уничтожить. Он знал, что в такой схватке будут у партизан и убитые, и раненые, которые еще больше осложнят положение бригады. Но постоянные наскоки надоели. И особенно злило то, что финны словно издеваются над ними, нахально применяют их партизанский метод: наскок — отход, наскок — отход. Уж кому-кому, а самому Григорьеву этот метод был хорошо знаком. Он успешно использовал его осенью прошлого года, когда командовал отрядом спецназначения при отходе наших войск на Медвежьегорск. Сто пятьдесят человек не давали покоя целому полку. Теперь, по иронии судьбы, он сам должен был переживать то же, что испытывал тогда командир финского полка, когда больше всего хочется втянуть противника, наконец, в решающий бой и как следует проучить его.

Маневр не удался. Почувяв неладное, финны вдруг начали поспешный отход и скрылись. Преследовать их не имело смысла — силы у людей и так были на пределе.

И вот целые сутки — тишина.

Двигаться становилось все труднее. Путь медленно и почти незаметно шел все вверх и вверх; спереди, справа и слева виднелись высокие каменные увалы — бригада уже втянулась в широкую полосу, которая на географических картах значилась как Западно-Карельская возвышенность. В другое время на это никто не обратил бы внимания: обычная гряда холмов с редкими высотами, чаще всего плоскими, с нагромождениями камней и со светлыми сосновыми борами, — но теперь каждый шаг давался с таким трудом, что подъемы и спуски были мукой.

На одном из привалов, пока люди, не расставаясь с оружием и вещмешками, «паслись», ползая по недозрелой чернике, Григорьев собрал военный совет, вызвав всех командиров и комиссаров отрядов. Он не собирался выносить на обсуждение вопрос — как быть дальше? —

хотя и сам он, и Аристов, и Колесник, конечно же, беспрерывно думали об этом. Пока еще этот вопрос не был дискуссионным — в радиogramмах из центра не содержалось даже намека на изменение боевой задачи, а голод — он что ж? Он весом и доказателен здесь, в глухом лесу, в окружении противника, и наверняка представляется совсем не таким страшным издали, особенно когда подумаешь о тех трудностях, которые переживает теперь вся страна... Ежедневные сводки с фронтов были такими, что даже думать о каких-то своих лишениях было стыдно. В такие минуты хотелось одного — действия. И если Григорьев ждал изменений и новых распоряжений, то не ради возвращения назад «не солоно хлебавши», а ради возможности поскорее действовать.

Обсуждался вопрос — как быть с ранеными? Тащить их на себе дальше — лишь усугублять и без того тяжелое положение бригады. Отправить в этих условиях назад — это практически погубить не только их, но и тех, кто их понесет. Выход один — эвакуация по воздуху. Но штаб в Беломорске в отношении гидросамолетов ничего конкретного пока не обещает. Созрел план: на берегу глухого озера, пригодного для посадки гидропланов, оборудовать скрытый лесной лазарет, оставить там раненых и нескольких ослабевших партизан для их охраны. В Беломорск сообщить точные координаты. Если вывезти их не удастся, то бригада на обратном пути зайдет за ними. Надо полагать, за это время они подлечатся, окрепнут...

План всем понравился. Командиры и комиссары заметно оживились — неожиданно и просто с плеч спадала немалая забота. Все понимали, какой опасности подвергнется «лазарет», если финны обнаружат его, но об этом не говорили, это разумелось само собой и говорить не имело смысла — другого решения не было.

Лишь впервые присутствовавший на таком совете бригадный военфельдшер Чеснов неожиданно спросил:

— Раненых оставлять будем с оружием?

— Не понимаю вопроса, — удивленно посмотрел на него Григорьев, но Аристов неожиданно перебил:

— Зато я отлично понял! И до крайности поражен, что услышал это от советского военфельдшера! Видно, товарищ Чеснов плохо знает наши партизанские порядки. Ни один партизан не может оставаться без оружия в тылу врага! Понятно тебе, товарищ Чеснов? Мы пришли сюда воевать, и рассчитывать на какое-то милосер-

дне врага — это позор! Как ты мог даже подумать такое, товарищ Чеснов? Разве вас этому учили в военно-медицинских училищах? Откуда у тебя подобные настроения?

— Кончаем, товарищи! — поднял руку Григорьев. — Все, кто в состоянии держать оружие, должны биться до конца... Подготовку лазарета поручаю начальнику штаба. Вместе с Петуховой подберете людей.

Время, отведенное для отдыха, заканчивалось, когда бригадный врач доложила, что числившиеся в ослабевших бойцы Федоров и Уличев скончались от полного истощения сил. Это было так неожиданно, что Григорьев не поверил:

— Как это умерли? Ведь их на руках донесли до привала. Неужели вы ничем не могли поддержать?

— Поздно. Сухая форма алиментарной дистрофии. Ее не сразу различишь...

Она продолжала что-то объяснять, а Григорьев слушал и думал: какая это нелепая, загадочная и даже неправдоподобная вещь — смерть от истощения. Идет человек, живой и внешне здоровый, такой же, как и все — исхудавший, землисто-серый, с пятнами шелушения на лице; идет себе и потихоньку начинает отставать; его подбадривают, уговаривают, освобождают от груза, забирают все, включая оружие; он еще долго тянется, шатаясь, как на востру; его берут под руки, он идет, переступает ногами, а в глазах уже стеклянный, безразличный ко всему блеск, он словно ничего не видит и не смотрит даже под ноги; затем неожиданно вздрогнет, напряжнется, как бы расталкивая ведущих его товарищей, тут же обмякнет. Его кладут на носилки, из последних сил тащат до привала — и, выходит, все зря, ему уже ничто, выходит, не поможет, даже размоченные сухари из скудных медицинских припасов.

И это — за неделю голодного пути! А что же будет дальше?..

— Следить надо, доктор! Тщательно следить! Накажите медикам, на каждом большом привале пусть делают обход и докладывают о состоянии бойцов...

Он понимал, что говорит самые общие и бесполезные слова, но что он мог сказать еще?

Слушавший все это Аристов быстро и размахисто писал что-то на листе бумаги. Когда Петухова отошла, он протянул лист Григорьеву:

— Надо немедленно радировать. Если ты не согласен, я подпишу один.

Григорьев прочел, молча подписал.

Вечером в Беломорск была направлена необычная радиограмма:

«Куприянову.

С 18 июля выполняем задание без продуктов питания. За это время сбросили с самолетов на день продуктов питания. Бойцы голодные, операции проводить негде, охотиться нельзя, противник двигается следом. Имеем два случая голодной смерти. Сегодня движемся направлении цели. Сообщу новые координаты.

Просим Вашего вмешательства о снабжении нас продуктами на 10 дней, чтобы мы могли дойти до цели.

Григорьев, Аристов»

2

Вася Чуткин снова едва не попал в разряд «доходяг». Во время недавнего боя, когда вместе с отрядом он из последних сил мчался по лесу в надежде окружить противника, насевшего на хвост бригаде, то, прыгая с камня на камень, неожиданно оступился и подвернул ногу. В горячах особой боли он не ощутил, бежал как все, обливаясь потом и не отставая, ожидая, что вот-вот полоснет встречная автоматная очередь и тогда кончится этот изнуряющий бег, можно будет наконец упасть, отдышаться, осмотреться, открыть ответный огонь, и уже не ты будешь для противника бегущей мишенью, а он для тебя.

Они бежали, а перестрелка слева не приближалась, она даже удалялась, уходила куда-то вперед, командиры тихим окриком «Быстрее! Быстрее!» подгоняли бойцов, сами первыми прибавляли шагу, и конца бегу не было. Наконец стрельба оборвалась как-то сразу, минуту или две они по инерции еще бежали, потом поняли, что финны оторвались и их не догонишь. Незаметно перешли на тихий настороженный шаг, и в этот момент Вася почувствовал глухую тяжкую боль в голеностопном суставе.

Пока еще он не думал, что это серьезно, и лишь удивлялся тому, что нога как-то странно подворачивается и не держит. Помнится, в детстве был подобный случай.

Похромал пару дней, и все. Правда, бабка ночами долго и сердито парила ему ногу в настое из березовых листьев, он даже дремал в бане, отвалившись к стене и просыпаясь, когда ногу опускали в шайку с новой порцией нестерпимо горячей воды.

Потом Вася подумал, что здесь нет и не будет ни бабки, ни шайки, ни горячей воды, и стало вдруг не по себе. Стараясь делать это незаметно, он легонько щупал стопу, даже сквозь кожу ботинка ощущал болезненную припухлость, и ему казалось, что будь голенище потверже, нога перестала бы подворачиваться и идти было бы куда легче. А боль — тут уж никуда не денешься, терпеть придется, коль сам оплошал.

О своей беде Вася никому не сказал и делал все, чтоб ее не заметили. На обратном пути подобрал себе сухую ольховую палку, благо в этом тоже не было ничего особенного — многие в бригаде уже обзавелись такими палками, сам комбриг с первых дней не расстаётся с легкой резной тросточкой.

Но от внимательных глаз Живякова ничего не укроешь.

— Что случилось? — спросил он, выйдя из цепочки и пропуская мимо себя отделение.

— А чё? Ничего...

— Почему хромаешь? Зачем палку взял?

— Ногу пришиб, когда бежали...

— Осторожней надо быть. — Живяков пригляделся к Васиному шагу, ничего особенного не заметил, но все ж добавил: — Смотри, парень...

Часа два Вася не шел, а мучился, но было в этом и свое благо — он как бы начисто забыл о голоде, голова была занята одним, как бы ступить половчее, чтобы боль была полегче, приноравливался и так и этак, ждал привала не столько для отдыха, хотя устал, наверное, больше других, сколько для того, чтобы снять наконец ботинок, осмотреть ногу и что-то придумать...

Ночью ждали самолетов. Противник не тревожил, в сторожевое охранение Васю на этот раз не назначили, он разулся, ощупал горячую стопу, приладил ее больным местом к мягкому прохладному мху и долго лежал, радуясь, что серьезного вроде ничего не случилось, что боль потихоньку легчает, и мысли его постепенно вернулись к прежнему, к тому, чем и он, и все другие жили последние дни. Вспомнилось, как еще мальчишкой был он по-

слан от колхоза в пионерский лагерь, как там иногда на завтрак давали какао — до этого Вася лишь читал о нем в книжках. Оно действительно оказалось вкусным — густым, сладким и жирным: но не какао вызывало теперь в нем запоздалое сожаление, а целая гора белого хлеба с маслом, которая оставалась на столе, когда они по команде вожатой вставали и уходили из столовой. «Неужто я не хотел хлеба с маслом?» — сам себе удивлялся Вася. Он-то знал, что так оно и было, но сейчас сам не верил этому.

Вася стал вспоминать другие случаи, когда никто не смотрел ему в рот и можно было есть сколько хотелось, и выходило, что за свою жизнь он наделал немало глупостей. «Конечно, — рассуждал он, — съеденный тогда лишний кусок не сделал бы меня сытым теперь, но он наверняка сберег бы какую-то капельку сил. Не будь весной в Шале этих проклятых двух недель на корюшке, может, мы и не были бы такими доходягами».

Вася поползал вокруг своего пустого вещмешка, в полусумерках на ощупь обобрал все ягоды, потрогал в кармане подаренную комбригом блесну со шнуром и решил, что к восходу солнца надо попроситься на рыбалку. Озеро — вот оно, совсем рядом. Погода-то, конечно, плохая, и солнца никакого не будет, но вдруг повезет...

— Чуткин, ты где? — слышался из-за кустов голос Живякова. — Вот он, Екатерина Александровна. Чуткин, иди сюда, покажи доктору ногу.

«Успел уже!» — с неприязнью подумал Вася и, подхватив ботинок, поднялся.

Бригадный врач Петухова присела на землю, положила себе на колени Васину босую ногу:

— Что случилось?

— Да так... Оступился вроде.

Вася всегда почему-то стеснялся и своих недугов, и докторов. Было темновато, Живяков хотел посветить спичкой, но Петухова приказала сопровождавшей ее медсестре:

— Достань фонарик!

Прикрывая ладонью свет, та поднесла фонарик к самой ноге. Вася наклонился поближе и обрадовался: нога как нога, только чуть припухла вокруг лодыжки.

Петухова долго щупала, осторожно вертела стопу вправо, влево, спрашивая: «Больно так?», и поглядывала на Васю, который и сам не понимал — больно ему или

нет, терпеть было можно, и он терпел. Врач даже рассердилась.

— Да ты что, не чувствуешь ничего, что ли?

— Чувствую.

— Почему молчишь?

— А чё говорить! Ходить могу, и ладно.

— «Могу, могу»... И не можешь, так придется. Карет-то мы с собой не захватили, сам видишь... Ну слава богу, ни перелома, ни вывиха нет. Обычное растяжение сухожилий... Тося,— обернулась она к сестре,— сделаешь массаж, спиртовой компресс и тугую повязку, хорошо бы фиксирующую, но как идти парню? Ботинки-то у тебя просторные?

— Добрые ботинки, только мягкие.

— Походишь пока без портянки, а ты, Тося, забинтуй его потуже. Хорошо бы попарить ногу, да негде.

Последние ее слова так пришлись по душе Васе, что он осмелел:

— Попарить и в котелке можно.

— Как это в котелке? — удивилась Петухова.

— Котелок у меня широкий. Пяткой вниз как раз влезет.

— А что? Почему не попробовать? — улыбнулась она и приказала: — Ступай к медицинскому костру. Тося, проводи его.

Нет худа без добра. Часа два Вася провел в бригадной санчасти, в тепле и сухости, грел в чужом котелке воду, переливал ее в свой, тайком, чтоб не заметили, подсовывал туда сорванные по дороге березовые листья, и ноге заметно полегчало. По крайней мере, так казалось ему, ибо вода бывала поначалу такой горячей, что пятка с трудом выдерживала, и верхняя жгучая боль словно бы перекрывала ту внутреннюю, глубокую и ноющую.

Ночью, когда тронулись в путь, Вася шел как все, не отставая и в открытую опираясь на палку. Была команда взять у него лишний груз, но он не отдал, ибо мешок-то уже мало чего весил, он походил на торбу деревенского нищего, а винтовку и патроны кто отдаст в чужие руки?

Утром был долгий привал, днем прилетели самолеты, в мешке вновь запахло съестным, жизнь потихоньку налаживалась, а перед следующим утром, когда опять остановились надолго, как гром среди ясного неба приказ:

— Чуткина откомандировать в распоряжение санчасти!

Повторилась такая же история, как и в начале похода, только теперь Живяков уже без зависти и даже с какой-то настораживающей грустью проводил Васю:

— Ничего, парень, держись...

— А мне чё? Делать им нечего, вот и вызывают. Нога-то вон совсем разошлась...

Конечно, Вася говорил неправду. И нога изрядно побаливала, и сам он был серьезно встревожен столь необычным приказом, но делать вид, что его ничем не прошибешь, давно уже стало привычкой. Особенно перед Живяковым, который, кажется, будет рад любой Васиной неприятности.

Раненые опять были собраны все вместе, в центре лагеря. Неподалеку, в полном почти составе, расположился разведвзвод, а с другой стороны тесной кучкой сидело человек двадцать партизан из разных отрядов. Все держались так, словно не было объявлено большого привала, и нужна лишь команда, чтобы люди поднялись и тронулись в путь.

Вася забеспокоился. Картина была слишком знакомая, и он без труда определил, что слева сидят «доходяги» — их узнаешь сразу, у них на лицах все написано, и сам Вася, наверное, был таким в глазах других в начале похода.

Начальства поблизости не было. Один раз пробежала от штаба к палатке санчасти и обратно Петухова, Чуткин хотел остановить ее, но она и слушать его не стала:

— Садись и жди! Пойдешь со всеми!

Наконец одна малознакомая медсестра то ли из «Буревестника», то ли из «Боевых друзей» сказала Васе, что организуется лесной лазарет, вместе с ранеными остаются ослабевшие, что их на Большую землю будут эвакуировать гидросамолетами.

— А я-то тут при чем? — искренне удивился Вася.

— Твоя фамилия как? Чуткин? Ты тоже значишься в списках как больной... Что у тебя? Нога вроде?..

— Ну уж дудки! Тоже мне нашли «доходягу»...

Вася так и не сел рядом с другими, держался где-то посередине между разведвзводом и ослабевшими. Стоял и думал, что до смешного не везет ему, второй раз отбояриваться придется. Стоило идти двести верст, чтобы снова попасть в число «доходяг». Само это слово представлялось ему оскорбительным. Конечно, у кого нет больше

сил, тому все равно, тот и не такую кличку молча проглотит, но у Васи-то совсем другое положение.

Последнюю поверку ослабевшим делал начальник штаба бригады. Ладный, побритый, с портупеей через плечо, он быстро шел к ним в сопровождении Петуховой, командира разведвзвода Николаева и двух медсестер. Кто-то из «доходяг» подал команду «встать», некоторые начали подниматься, но Колесник остановил их:

— Сидите, сидите...

Он внимательно, чуть улыбаясь, оглядел всю компанию, покачал головой:

— Что-то многовато вас, ребята... Тут целая эскадрилья понадобится. Как настроение? Знаете, зачем вас собрали?

— Знаем,— глухо выдавил единственный Васин знакомый среди «доходяг», Сеня Ложкин, с которым зимой доводилось вместе патрулировать по Онежскому побережью.

— И все же, ребята, вас многовато. Нужно отобрать шесть человек, не больше. Я знаю, что вы не сами сюда явились, вас назначила медслужба, и все же спрашиваю — может, есть среди вас такие, кто еще чувствует в себе силы продолжать поход?

— Есть,— откликнулся Чуткин. Он незаметно приблизился и стоял теперь крайним справа.

— Кто такой? Доложись как следует!

— Чуткин из отряда «Мстители»...

Вася и сам не подозревал о своей известности:

— А-а, знаменитый рыбак... Тебя и не узнать! Ты что, не моешься, что ли? Совсем опустился, а ведь девушки рядом. Посмотри на себя, каков ты?

— У меня нет зеркала, товарищ капитан, чтоб смотреться.

— У девушек попроси... Что ты хотел сказать?

— Я готов продолжать поход.

— Что с ним? Почему он тут? — повернулся Колесник к Петуховой.

— Хромает. Растяжение связок правой ноги.

— Разве это так серьезно? — нахмурился Колесник. — У кого из нас не бывало? Два-три дня — и проходит.

— В покое — да, проходит... Но если тревожить постоянно, то дело может пойти на ухудшение.

— Лечите, помогайте... Так вот, Чуткин! Мы посоветовались с доктором и решили удовлетворить твою просьбу.

бу, разрешить тебе продолжать поход. Жаль, конечно, что в лазарете не будет такого рыбака, но что поделаешь! Можешь идти. О том, что слышал здесь, лишнего не болтай, понятно? Ну, есть еще, кто может продолжать поход? Давайте быстрее!

Пока Вася, из любопытства замедляя шаги, удалялся, нашлось еще два-три желающих, был среди них и Сеня Ложкин, но его желание не удовлетворили.

Живяков, как видно, или знал, или догадывался, зачем вызывали Чуткина в санчасть. Увидев возвращающегося Васю, он даже покачал сокрушенно головой:

— Опять вернули... Теперь уж и не пойму я тебя, парень! Дурак ты или хитрец? Поди, хитрец, а? Все выгадываешь чего-то, а дураком только прикидываешься. Так, что ли, чего молчишь?

— Не, я дурак,— улыбнулся простодушно Вася.— Ты же сам говорил, что дуракам везет.

— Ты считаешь, что тебе повезло?

— А мне чё? Раз дурак, значит, должно везти.

Живяков сощурился, серьезно и вдумчиво поглядел на Васю.

— Опасный ты человек, Чуткин... Потому опасный, что не знаешь, какую штуку от тебя ждать можно.

3

Лазарет устроили на берегу большого лесного озера, в трех километрах западнее партизанской тропы. В скальной расщелине, прикрытой со стороны озера густыми зарослями труднопроходимого березового молодняка, оборудовали шалаш, приготовили хворост для сигнальных костров, наметили место для поста скрытного наблюдения за озером и подходами к нему, все тщательно замаскировали, и партизаны ушли, оставив на берегу четверых раненых, шестерых ослабевших и двух девушек медсестер.

Отойдя метров двести, разведчики залегли и с полчаса лежали, наблюдая за лесом и вслушиваясь в каждый звук. Все было тихо, спокойно и неприметно. Потом командир вспомнил о тропе, которую оставили за собой, когда несли раненых, решил заминировать ее. На высоких местах тропа была едва заметна, примятый брусничник уже начал выпрямляться, один дождливый день, и

все будет скрыто, но в низинах кое-где просматривались четкие следы. Эти-то места он и решил заминировать.

Когда уже поставили первую мину нажимного действия, неожиданно пришла мысль сделать обманную петлю, показать, что именно с этого места партизаны повернули обратно. Все вокруг попримяли, вытоптали, как это бывает на привалах, и проложили четкий след на север, снова заминировали в двух местах и, довольные придумкой, обходным путем вернулись в бригаду.

Они знали, что самолетов с продуктами не было, звук моторов они слышали бы и за пять километров, и все же первым вопросом к окликнувшему их постовому было:

— Продукты не сбрасывали?

— Нет. Ждут вроде...

Но в этот день продукты прождали напрасно. Разведчики вернулись к концу привала. Чтобы дать им хоть немного отдохнуть, Григорьев на два часа задержал выход. Задержка оказалась счастливой. Колесник составил радиограмму:

«Больных и раненых в количестве двенадцати человек оставили квадрате 86—06. Нужна эвакуация гидросамолетом».

Григорьев подписал радиограмму и уже вызвал радистов, как неожиданно воспротивился Аристов:

— Мы слишком часто выходим в эфир. Это сообщение можно передать и завтра, во время очередной связи.

— Почему? — удивился Григорьев.

— Я убежден, что противник слушает нас. Говорят, уже появились такие установки, которые способны засекают работающие рации и определять их местонахождение.

— Какие там установки, — засмеялся Григорьев, — когда противник висит у нас на хвосте...

— И все же надо поменьше выходить в эфир.

— Эту радиограмму я прошу передать отдельно и как можно скорей, — вмешался Колесник. — Речь идет о судьбе двенадцати человек.

— Можно подумать, что один начальник штаба печется о судьбе людей, — не глядя в его сторону, сказал Аристов.

— Перестаньте спорить, — нахмурился Григорьев. Младший радист Мурзин стоял в нескольких шагах от

командиров и, конечно, слышал этот никчемный разговор.— Коля, возьми и передай немедленно.

Радиограмму передали, и вслед за подтверждением о приеме из Беломорска сообщили, что вчера в квадрате 86—02 сброшено двести пятьдесят килограммов продовольствия.

— Вот это дело! — обрадовался Григорьев.— Уже сброшено и главное — прямо по нашему курсу, даже сворачивать никуда не придется. Вот так бы давно действовали. А ты, Николай Павлыч, еще не хотел связи. Нет, я верил, что у Колесника счастливая рука. Надо сообщить в отряды, что продукты сброшены, это воодушевит людей. Дело-то вроде налаживается, а? Как ты считаешь, Николай Павлыч?

Однако не успела бригада сняться с привала, как в небе появился финский самолет. Он летел на большой высоте, и казалось, пройдет мимо, но самолет начал делать большие, ровные круги. Целый час люди лежали неподвижно, слушая надоедливо ровное гудение мотора. Когда самолет наконец взял курс обратно на север, Аристов мрачно поднялся, протер очки и сказал Григорьеву так, чтобы слышал и Колесник:

— Вот она, счастливая рука, видишь?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

(оз. Матченъярви, 26 июля 1942 г.)

1

От захваченного в Тумбе пленного финское командование установило, что в их тылу находится партизанская бригада, и определило ее численность в 750 человек. Однако оно не смогло выяснить ни боевой задачи бригады, ни дальнейшего маршрута ее продвижения.

Наличие таких крупных сил в глубоком тылу не на шутку встревожило штаб Масельгской группы войск, а затем — и Ставку главного финского командования. Как свидетельствуют печатные источники, Маннергейм ежедневно требовал рапорт о развитии операции по уничтожению «плавающего русского отряда».

Командующий Масельгской группой войск, генерал-майор Лаатикайнен первоначально возложил это задание на командира 4-й дивизии, а тот поручил ее коман-

диру 5-го пограничного егерского батальона, придав ему усиление из других частей.

Но егерский батальон не смог охватить заслонами обширный лесной район, он едва справлялся с преследованием бригады, часто терял с ней соприкосновение, хотя партизаны двигались медленно. Создавалось впечатление, что партизаны словно бы поджидают новое подкрепление, и возникла необходимость плотно закрыть все проходы между Масельгским и Ругозерским направлениями фронта. Нужно было вводить в действие более крупные силы. В качестве основного резерва финского Главного командования на Масельгском направлении находилась 12-я бригада полковника Мякиниэми.

По приказу Ставки генерал-майор Лаатикайнен 25 июля возложил на полковника Мякиниэми задачу по уничтожению партизанской бригады. «Принять все меры к тому, чтобы ни одна группа, ни один партизан не вернулись на свою сторону», — говорилось в приказе. Для этой операции в распоряжение Мякиниэми поступали:

- 2-й и 4-й батальоны 12-й бригады;
- егерские взводы из 1-го и 3-го батальонов бригады;
- два отделения из роты связи;
- два егерских взвода из 25-го пехотного полка;
- 5-й пограничный егерский батальон;
- разведотряд 4-й дивизии;
- разведотряд 14-й дивизии;
- 4-й эскадрон из Хямясского кавалерийского полка

под командованием ротмистра Путконена.

Кавалеристы были выделены по личному указанию Маннергейма, который вообще был неравнодушен к коннице и считал, что при выполнении такой «подвижной» операции она найдет себя как нигде в другом месте.

Общая численность финских сил составляла около 2500 человек. Считалось — этого вполне достаточно, чтобы уничтожить 750 партизан, которых на самом деле было менее 600.

В ночь на 26 июля 1942 года полковник Мякиниэми приступил к выполнению задания.

Случилась новая неприятность — прервалась связь с Беломорском. Радисты бригады уже привыкли, что и на основных, и на запасных волнах одновременно работало

по три-четыре чужих рации, отстроиться от которых им не всегда удавалось. Однако и в этой какофонии они находили свой, нужный им сигнал, и хотя волна «гуляла», сигнал то затухал, то вновь пробивался сквозь писк чужой морзянки, они постепенно прилаживались, и прием проходил благополучно.

Теперь прием исчез начисто. Казалось, они слышали весь мир, десятки и сотни радиостанций, но того единственного, необходимого им голоса беломорского передатчика «Джек» поймать не удавалось. Удлиняли антенну, закидывали ее на самые высокие деревья, ставили запасное питание — все было напрасно. Отведенные по программе волны клокотали и свистели от напряжения и насыщенности, словно где-то вблизи кипел огромный котел, — и тогда у радиста Николая Мурзина возникло предположение, что противник прибегнул к глушению.

Когда радисты доложили обо всем комбригу, тот отнесся к их предположению с насмешкой:

— Ну, Маркони, и выдумщик же ты! А рация-то у тебя в исправности?

— Рация в полном порядке.

— Какого дьявола в порядке, когда связи установить не можешь! Тоже мне порядок... Как же они это делают? Разве это возможно?

— Возможно. При помощи сильного, точно направленного сигнала. Нам еще в школе радистов говорили, что немцы с начала войны так забивают английские передачи.

— Выбрали, дьяволы, самое подходящее время... Ладно, сворачивай свою бандуру, будем ждать. Что еще остается? Погоди-ка, а может, в Беломорске нас слышат, коль ты говоришь, что рация в порядке?

— Трудно сказать. Подтверждения о приеме нет.

— Откуда ж ему быть, коль ты их поймать не можешь. Вот что, Николай! Нашу радиограмму ты передай. И не один раз. Дай-ка я ее исправлю. Вот так: *«Вас не слышу. Жду посылку на высоте 264,9. Выбрасывайте побольше и заранее. Положение трудное»*. Нет, последнюю фразу сними, укажи лучше координаты. Действуй! А дальше работай в положенное время только на прием. Ищи Беломорск. Надо выждать, надоест же им в конце концов глушить попусту.

Эту радиограмму старший радист Александр Паромов передал без подтверждения о приеме сначала на

основной, потом на запасной, а затем — и на аварийной волнах...

Для партизанского штаба в Беломорске потеря связи с бригадой была самой непоправимой бедой. Вершинин не знал, что и думать — о плохом не хотелось, да и не было к тому оснований, как ему казалось, но отсутствие вестей от Григорьева рождало невероятные предположения и час от часу угнетало все сильнее. Он давно уже понял, что чем дальше уходит бригада во вражеский тыл, тем меньше у него и возможностей, и прав активно влиять на ее действия даже при наличии ежедневной связи. Конкретные обстоятельства, в которые попадала бригада, ежедневно рождали проблемы; их почти невозможно предусмотреть заранее, их трудно даже представить себе на расстоянии по кратким фиксирующим радиограммам, и эти проблемы неизбежно приводили к тому, что у бригады возникала своя, обособленная инерция в действиях, влиять на которую становилось все сложнее и опаснее.

Вершинин верил в Григорьева. Он знал его упорство, находчивость и предельную самоотверженность при выполнении боевых заданий. Командир бригады был из породы тех, для кого не существует невыполнимого, если он убежден, что так надо. Такие люди, как правило, берут всю ответственность на себя и меньше всего нуждаются в поводах. Для руководства партизанским рейдом эти его качества и были как нельзя более подходящими. Такой справится с любыми обстоятельствами. Успех дела в Поросозере зависел от внезапности. Для этого имелся один шанс из ста, ибо перейти незаметно линию охранения и скрытно провести целое соединение сто пятьдесят верст в условиях долгой стабильности фронта — вещь практически почти неосуществимая.

Теперь не было и этого шанса, а бригада все продолжала двигаться на юг. Ее обнаружение противником несколько не смутило начальника разведотдела фронта полковника Поветкина. Он признался Вершинину:

— Честно скажу, я думал, что ее обнаружат значительно раньше. Чего ты огорчаешься? Это немалый успех сам по себе, иметь в глубоком тылу такую занозу для врага.

Тогда-то он и раскрыл новый замысел — бригада должна приблизиться и как бы нависнуть с севера над единственной финской дорогой, соединяющей Масельгское направление фронта с Поросозером и тылами. Это заста-

вит финнов предпринять решительные меры, отвлечет крупные силы с фронта.

В этом предположении армейские товарищи, кажется, не ошиблись. По данным разведки и авианаблюдений, противник действительно зашевелился: усиливает гарнизоны, ведет переброску частей в селения, расположенные на дорогах. Армейцы просили теперь ни в коем случае не рассредоточивать бригаду, держать ее до поры до времени в кулаке, и то, что они рассматривают бригаду не как реальную силу, способную к партизанским действиям, а как своего рода загадочный для врага объект или приманку,— было Вершинину неприятно. Но он не имел оснований обижаться. Наверное, на их месте и он сам поступил бы так же, коль того требуют интересы фронта. Не обижало его и то, что его собственная роль в отношении бригады свелась в последние дни к функциям снабженца.

Огорчало другое — снабжение никак не удавалось наладить, а теперь, с потерей радиосвязи, все еще больше усложнилось.

Вершинин торопил авиаторов. Те, когда выдавалась погода, вылетали безотказно, но теперь стало проблемой найти бригаду. Летчики уверяли, что на всей территории от озера Селецкого до Гимольского ночами горит столько костров — и «треугольников», и «ромбов», и в «линию», что нужны какие-то другие, более точные сигналы. Но как уговориться о них, коль нет связи? Вершинин дал указание не привозить посылок обратно, искать приметные точки, фиксировать их на карте и делать выброску. В одну ночь сделали две таких выброски, но сразу же запротестовали партизанские снабженцы — лимитов не хватит, на весь лес продуктов не напасешься. Дневные полеты стали сложными — в районе между Ругозером и Паданами отмечено постоянное усиленное патрулирование вражеских истребителей.

Через сутки после потери связи Вершинин обо всем доложил по телефону Куприянову. У того, видимо, были свои немалые заботы — он слушал непривычно молчаливо, ничего не переспросил, не поправил, не уточнил, как это делал всегда, лишь изредка покашливал в трубку, как бы давая понять, что слушает.

Когда Вершинин смолк, Куприянов сказал:

— Бригаду надо возвращать. Отдай приказ Григорьеву, пусть возвращается.

— С Григорьевым со вчерашнего утра нет связи,— напомнил Вершинин, посчитав, что Куприянов не обратил на это внимание.

— Я не глухой и все слышал,— вдруг строго, ровным голосом произнес Куприянов.— Неужели я должен заниматься еще и связью с бригадой?! Нет радиосвязи — ищите другой способ. Но бригада должна вернуться! Хватит забот с ее снабжением на обратном пути.

Куприянов помолчал и вдруг спросил:

— Позавчера была радиограмма на мое имя... Вчера Столяров доложил мне, что все в порядке и самолеты полетят. Что сделано?

— Вчера сброшено семьсот килограммов продуктов.

— Где?

— В квадрате 86—04. Сегодня, если будет погода, отправляем еще два самолета.

— Подтверждение о получении есть?

— Со вчерашнего утра у нас нет связи.

— Что ты, Сергей Яковлевич, твердишь мне одно и то же? Надо действовать. Быстро и оперативно. Если в течение суток не будет уверенной обоюдной связи, направляйте парашютистов, пусть ищут бригаду, указывают места выброски. Меня удивляет медлительность работников штаба. А ведь положение крайне серьезное. Сколько нужно сбрасывать, чтоб бригада получала дневную норму?

— Четыреста килограммов в день.

— Это два легких самолета в день?

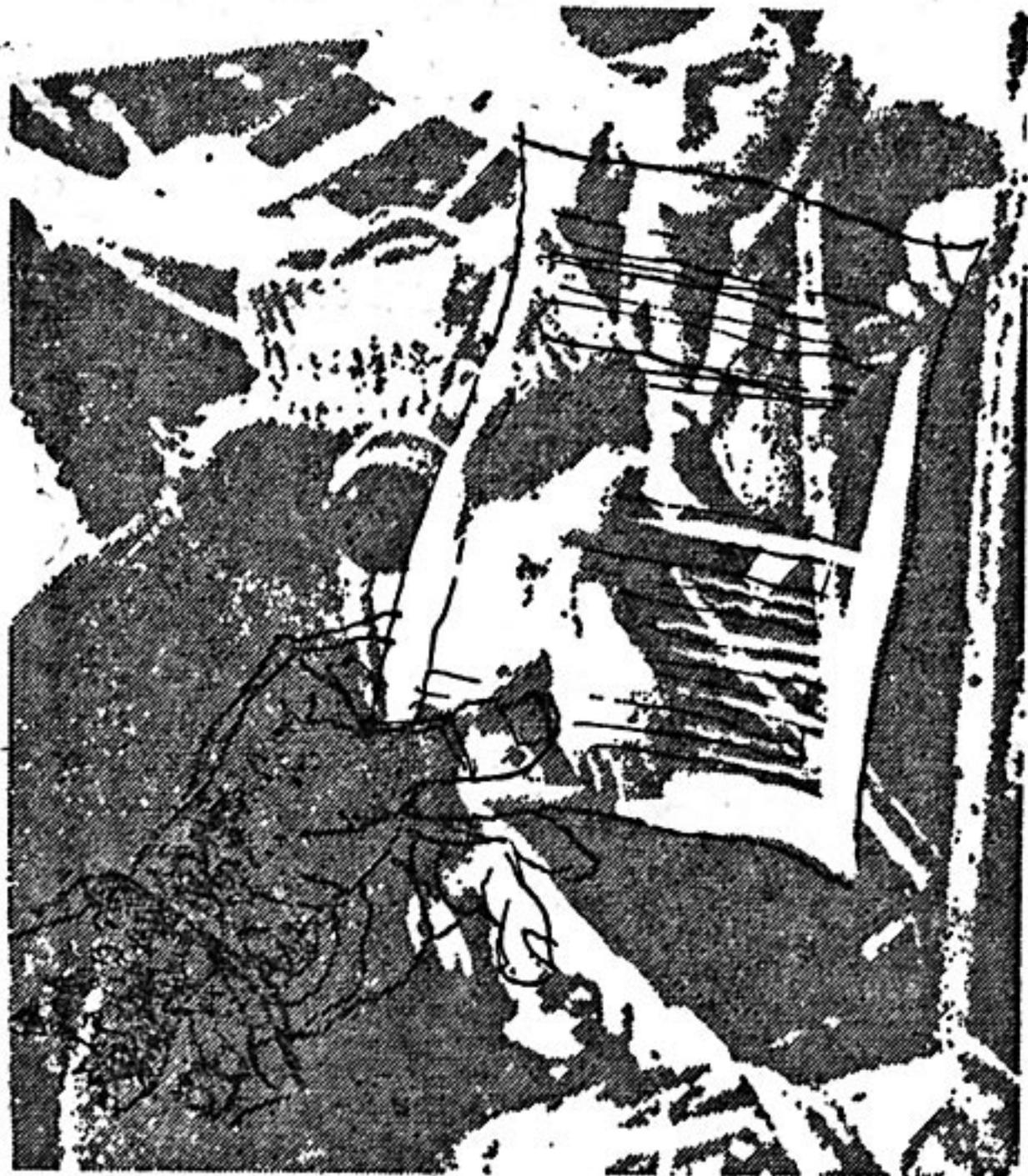
— Да.

— И мы не можем этого обеспечить?

— Мы выбросили более двух тонн. Но есть опасение, что какая-то часть продуктов могла достаться противнику, другие выброски еще не найдены бригадой, подтверждение имеем о получении лишь трех самолетов.

— Передайте содержание нашего разговора командире авиагруппы Опришко. От моего имени предупредите его о важности снабжения бригады. Григорьева немедленно возвращайте! Всего хорошего!

Радиоузел постоянно прослушивал эфир в поисках позывных бригадной рации и в условленные часы выходил на передачу. Вернувшись к себе, Вершинин составил и велел многократно повторить следующую радиограмму:

«Григорьеву. Аристову.

Дальнейшее питание вас самолетом будет невозможным. Если состояние личного состава чрезмерно истощено, питание достать на месте невозможно, разрешаю остановиться, отдохнуть, возвращаться маршрутом Ребольская дорога, Чирка-Кемь, Лехта. Срочно радируйте решение».

Эта радиограмма была передана в эфир в 13 часов 27 июля 1942 года и зарегистрирована под номером 26.

К этому времени бригада уже находилась на высоте 264,9. Она едва дотащилась сюда, с трудом преодолев за ночь восемь километров. В отрядах начались смерти от истощения — вчера на берегу Матченъярви похоронили еще двоих.

Рано утром, когда до высоты 264,9 осталось километра четыре, над бригадой появился самолет с подвешенными тюками. Он летел чуть левее курса и так низко, что партизаны хорошо видели пилота, склонившегося из кабины в их сторону. Ему махали пилотками, радостно кричали, и рев мотора, гул пропеллера и свист воздуха в плоскостях покрывали эти призывные крики. Одна за другой в небо взвились три сигнальные ракеты. Все ждали, что самолет вот-вот развернется и начнет выброску, ждали даже тогда, когда он скрылся за лесом в южном направлении и шум мотора постепенно затих.

Потом, опасаясь, что летчик может не довериться ракетам, наскоро разложили костры, но самолет так больше и не появлялся.

Григорьев, вспомнив свою последнюю радиограмму в Беломорск, решил, что пилот сделал выброску на высоте 264,9, велел погасить костры и двигаться туда. Радостным было уже то, что самолет определенно шел в назначенный квадрат, а это означало, что их в Беломорске слышат.

Высота 264,9 — это широкое, вытянутое овалом плато с каменистым обрывом с севера и с пологими, мягкими спусками в другие стороны. С края обрыва открывается просторный вид на озера и болота внизу, на небольшую речку Тяжу, протекавшую слева, на соседние горы, темневшие на горизонте, — место чистое и светлое, где даже легкий ветерок сдувает мошкару и комаров, а огромные обомшелые валуны могут служить удобным укрытием при обороне.

Сюда шли с уверенностью. Уж здесь-то наверняка ждут бригаду сброшенные продукты. Последние километры тянулись изо всех сил, даже не делали остановок для отдыха.

С ходу развернутым строем прочесали все плоскогорье — продуктов не было. Заняли круговую оборону и начали искать на склонах — никаких признаков выброски. Во все стороны направили разведгруппы, и они вер-

нулись лишь с грибами. Появление грибов порадовало — под предлогом поисков продуктов стали посылать в разведку все новые и новые группы, которые приносили грибы. Противника поблизости не было, и разрешили развести костры. Варили грибницу — это нехитрое партизанское варево: котелок плотно набивали грибами и без воды подвешивали на огонь, потом, когда выступал грибной сок, его крепко солили и ждали, пока упрет и загустеет. Соль стала на вес золота.

Внешне жизнь текла обычным походным порядком. Как только останавливались на привал, командиры проверяли состояние бойцов, распределяли наряды. Те, кто посильнее, добровольно брали на себя дополнительные нагрузки, не было ни счетов, ни споров, ни пререканий. Даже завзятые нытики и «филоны» поняли, что судьба всех и каждого зависит теперь от предельной взаимовыручки и самоотдачи.

Политруки ежедневно проводили во взводах беседы. Вести с фронтов были неутешительные, о них сообщали коротко и строго, без лишних слов и поучений, и эта сосредоточенная краткость здесь, в глубоком вражеском тылу, действовала на людей безотказно. Все обретало как бы иной смысл и значение. Даже их месячное полуголодное блуждание по лесам. Даже то, что вот уже столько дней нет самолетов с продуктами. Даже смерть от голода, ибо там, на юге, ежедневно погибали тысячи и тысячи...

У штабного костра тоже варили грибы. В рюкзаке у Григорьева хранилась банка свиной тушенки, последняя из тех, что были получены в Сегеже. По армейской привычке оставил ее в качестве «энзэ» на тот крайний случай, который тогда даже он, выросший в карельских лесах, представлял себе скорее лишь теоретически. Умереть от голода летом в лесу — это казалось почти абсурдом. Для этого надо быть совсем уж ленивым или непредприимчивым человеком. Тем более, если у тебя в руках винтовка с достаточным запасом патронов, а в рюкзаке — полно тола. Если не можешь выследить зверя или птицу, то, казалось, брось в ламбушку шашку взрывчатки и собирай рыбу, вари уху, жуй слоистую окуневую спинку, обсасывай мягкие кости и зарывай их поглубже в мох. А грибы, а ягоды? Нет, бывалый человек не пропадет летом в карельском лесу, не может пропасть, не было такого случая! Зимой — дело другое...

Такой — не очень-то сложной и острой — представлялась эта проблема в Беломорске, когда готовился бригадный поход. Что греха таить, идея «подножного корма» казалась выходом из «крайнего случая» и самому Григорьеву. Она даже нашла официальное подтверждение в боевом приказе.

Теперь он не мог себе простить этого легкомыслия! Как он, опытный и многое повидавший человек, выросший в лесу и знавший его, не учел тогда одной-единственной, но чрезвычайно важной вещи?! Да, в лесу не пропадет, не умрет с голода один человек! Худо-бедно продержатся пять или даже десять; но никакой лес не в состоянии прокормить двести, а тем более шестьсот человек, если будут держаться они вместе. Вокруг не хватит ни дичи, ни рыбы, ни ягод, ни грибов, даже если только заниматься их добычей.

Григорьев понимал, что это его упущение никакого практического значения не имело. Что можно было изменить? Разве что Вершинин, возможно, согласился бы сделать выброску продуктов заранее, да и то навряд ли — бригада снабжалась строго по норме, а создание баз на ее пути — это уже выглядело бы роскошью.

К вечеру усилился мелкий и теплый обложной дождь, и Григорьев дал разрешение посменно рыбачить на озерах. Ламбушки лишь сверху казались чистыми и красивыми, на самом деле они затыгивались от берегов зыбким торфяником, и водились в них лишь мелкие окушки — черные горбатые уродцы, которых влезало по полсотни на котелок. От такой ловли усталости больше, чем проку. Но все же люди удили с голодным азартом, у костров запахло ухой, и это была короткая радость.

Ждали до полуночи. Все еще жила надежда, что радиограмма в Беломорске получена и самолеты прилетят. Григорьев уже не рассчитывал на какой-либо, даже самый скромный запас — сейчас важно было получить хоть что-то, чтоб поддержать у людей убывающие силы и настроение, ибо долгая бесцельная стоянка действовала удручающе.

Связи с Беломорском все еще не было, хотя радисты по очереди беспрерывно прощупывали эфир.

Земляк Григорьева, паданский карел Федор Лиликов подошел к штабному костру:

— Командир, у ламбушки есть лосиная тропа.

Григорьев сразу понял, что имеет в виду Лиликов,

даже обрадовался, внутренне ожил, и хотя надежда была слишком маловероятной, но она прерывала томительное бездействие, он пристально посмотрел на земляка и, скрывая заинтересованность, спросил:

— След-то свежий?

— Вроде совсем свежий. Ходят лосиха с лосенком.

— Действуй. Возьми еще одного охотника и действуй. Посторожи до рассвета.

— Хорошо, командир. Только прикажи, чтоб к этой ламбушке никто не подходил.

— Да уж спугнули мы их, наверно?

— Тут уж как выйдет. А пробовать надо.

— Ладно. Действуй.

Потом ждали рассвета. Погода не менялась, видимость была минимальной, все вокруг отсырело, стало грузным и скользким, трогаться в такой обстановке с места не хотелось, было жаль гробить у людей последние силы, но, когда с востока потянуло наконец свежим ветерком и стало понемногу проясняться, Григорьев вызвал командира отряда «Боевые друзья» Грекова:

— Федор, оставляю эту высоту тебе. Покрепче прикройся с юга и востока и жди. Должны же они, черт возьми, прилететь... Ты понял меня, Федор?

Они были почти ровесниками — самые старые по возрасту командиры в бригаде, знали друг друга с довоенных времен, и это давало им право держаться без субординаций.

— Понял, Иван Антоныч. Только ждать — долго ли?

— Сутки жди. Потом догоняй нас.

— Не потеряться бы нам...

— Ты что? Ты думаешь, я далеко успею уйти? Встретимся на высоте 234,8, вот здесь неподалеку, в пяти километрах. Получишь продукты — сразу снимайся. Много сбросят — шли связных, помощь пришлем... Да мы и сами услышим выброску... Без нас ни крошки не расходуй. У тебя много ослабевших?

— Хватает.

— Может, их с нами отправишь?

— Не стоит. Да и как их определить — кого отправлять. Среди своих лучше.

— И то верно. У меня тут есть лишний груз. — Григорьев порылся в рюкзаке, достал заветную банку, про-

тянул Грекову: — Возьми, пусть твоих ослабевших подкормят грибами с мясным бульоном.

— Зачем, Иван Антоныч? Неужто пайковая твоя?

— Бери, говорю... Мало ли что пайковая. Вовремя не съел, а теперь под плащ-палаткой ее жрать, что ли? Вот что, Федор! Мы уйдем, сразу обороной займись. Все продумай. Когда навесь разнесет, костры потуши, чтоб сигналы не запутать.

— Ясно, Иван Антоныч. Все сделаем.

Греков ушел. Уже совсем рассвело, с востока заголубела кайма чистого неба, нижний край сплошной мутно-серой облачности наливался радостной позолотой, вот-вот должно было выглянуть из-за горизонта солнце, а Григорьев минута за минутой оттягивал команду на выход, словно в следующее мгновение должен был наконец раздаться от озера тот единственный выстрел, который будет означать пусть маленькую, но такую нужную теперь удачу.

— Колесник! Выход через полчаса. Порядок движения прежний! — тихо сказал он начальнику штаба. Тот кивком головы показал, что все понял, молча поднялся и пошел к головному отряду.

И эти полчаса прошли в ожидании. Когда Григорьев заметил возвращавшегося в разведвзвод Лиликова, он вышел ему навстречу.

— Ну что, охотник! Не повезло?

— Командир, надо бы еще ждать. Они подходили, были где-то близко, я чуял их, командир! Разреши, командир, остаться...

— Нет, брат, хуже занятия, чем ждать да догонять.. Занимай свое место, сейчас трогаемся.

Григорьев стоял на склоне, пропуская мимо себя отряд за отрядом.

Партизаны шли — один за другим, отделение за отделением, взвод за взводом. Шли медленно и долго, каждый поднимал глаза на комбрига, они встречались взглядами, и Григорьев мысленно, как заклинание, повторял: «Ребята, надо держаться. Надо держаться, ребята!» На виду у комбрига люди бодрились, шли ровнее и увереннее, но даже короткого взгляда было достаточно, чтобы определить, кто — «еще ничего», а кто — «совсем плох», и «плохих» получалось через двоих на третьего, и больно было думать, что впереди ждет их, возможно, еще худшее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

(высота 234,8, 28—30 июля 1942 г.)

1

До Поросозера оставалось сорок километров. Вчера начальник штаба бригады Колесник созвал командиров отрядов, роздал каждому очередной лист карты, и все вдруг увидели, что долгожданная цель — вот она, рядом, в двух нормальных суточных переходах. Лист включал в себя и Ключину Гору, и Кудагубу, и Совдозеро, он обрывался на юге где-то вблизи Суоярви, но все это было неважно, эти пункты не имели сейчас никакого значения, глаза командиров были устремлены в одну точку, где скрещивались важные шоссейные дороги, где было все — и река, и озеро, и школа, и почта, и больница, и леспромхоз. Казалось, нет на свете селения важнее этого, столько о нем думали последние недели, так жаждали увидеть его, и наконец это желание стало реальным.

Вот оно, это далекое и почти несбыточное Поросозеро.

Потом взгляды заскользили по прямой вверх, к высоте с отметкой 264,9, и воодушевление заметно поубавилось. Два дня — это если бы переходы были нормальными, но в их положении и недели может не хватить, а многим — коль не будет решительных перемен к лучшему — и жизни не хватит, чтоб преодолеть эти несчастные сорок километров.

Весь день 28 июля не шли, а паслись, делая долгие привалы. Ели все — чернику, недозрелую бруснику, зеленые и твердые, как орех, ягоды дикого шиповника. Ягоды уже не запихивали сразу в рот, а, глотая слюни, собирали в кружки и пилотки и съедали большими горстями — так казалось сытнее.

К вечеру остановились на большой привал на высоте 234,8.

Радисты сразу же развернули рацию. В последние дни они чувствовали себя без вины виноватыми и не жалели сил — лазали с антенной на деревья, часами хмуро сидели у аппарата, подсоединяли дополнительное питание, по многу раз меняли позицию. Пытались выходить на связь даже на коротких остановках, но все было напрасным: сигнал из Беломорска не пробивался.

Аристов, Кузьмин и Тихонов, как всегда в начале при-

вала, разошлись по отрядам, Колесник делал обход линии обороны, корректируя расположение огневых точек, в штабе никого не осталось, и Григорьев, искоса наблюдая за стараниями радистов, одиноко сидел, привалившись спиной к стволу сосны, корни которой, как чудовищные щупальца, широко расползли поверху земли во все стороны.

Это было могучее и красивое дерево, наверное долго боровшееся за жизнь и наконец отвоевавшее себе приюль и изобилие. Под его жирной раскидистой кроной уже не было ничего живого — только бурые опавшие шишки и толстый слой мертвой хвои, которые постепенно превращались в перегной и, наверное, скоро вновь станут питать живительными соками эти цепкие причудливые корни. Как и всякий выросший в лесных краях человек, Григорьев не любил в лесу ничего бесполезного, а эта жирная и сытая сосна была неприятна уже тем, что он искал и не находил никакого ей применения. Она была столь раскидиста и суковата, что даже порядочной доски из нее не выпилишь.

«Неужели возможно это? — с удивлением подумал Григорьев. — Возможен этот замкнутый в себе круг жизни? Неужели оно и боролось за жизнь лишь для того, чтобы расти в сытом и бессмысленном одиночестве? Что дает она лесу, земле, людям? Разве что семена из этих ощерившихся шишек? А если семена родят новых подобных чудовищ, которые задавят все вокруг себя и будут стоять в довольстве и без проку?»

Где-то наверху перебирался с сука на сук радист Мурзин, пристраивая антенну.

— Ну как? — спрашивал он Паромова.

— Давай еще выше, если можешь...

— Отчего не мочь? Тут как по лестнице... Ой, товарищ комбриг! — неожиданно воскликнул Мурзин. — Вижу большое озеро и вроде там деревня какая-то... Вроде крыши белеют. Неужто и вправду деревня?

— Где, в какой стороне? — поднялся Григорьев.

— Вон там, на юго-востоке... Озеро-то начинается совсем рядом, километра четыре отсюда, а деревня далеко, километров восемь, а то и больше... Вроде крыши белеют. Возможно это, товарищ комбриг?

— Возможно. Это, наверное, Янгозеро, если ты скалу за крыши не принял. Вот что, Маркони, давай-ка слезай оттуда, я заберусь, посмотрю.

— Сейчас, только антенну пристрою... А на востоке, товарищ комбриг, дымки вижу. И тут вот, и северней... И прямо на север, по нашему курсу, дымит. Костры это, что ли? Отсюда здорово все видно, только ветки мешают.

— Слезай поскорей...

— Сейчас, сейчас, товарищ комбриг.

— Макарихин, давай сюда твою спину!

Да, это дерево рождено было для наблюдения. Наверное, на таких соснах в старые времена прилаживали бочки со смолой, чтобы поджечь их в нужную минуту и дать сигнал о приближающейся опасности.

Мурзин не ошибся: на юго-востоке хорошо просматривалась в бинокль серая крыша, но это была не деревня, а одинокий барак, почему-то не обозначенный на карте, а деревня была отсюда далеко, и ее навряд ли увидишь, так как расположена она в глубине залива и закрыта с севера лесом. Да и расстояние туда немалое — километров двадцать. А вот дымки — это совсем рядом, и тут ошибки нет: горят костры. Сколько их — сосчитать невозможно, но три бивуака налицо, это точно, и несомненно — все они вражеские. Греков не должен жечь костры, да он и не жжет, высота 264,9 хорошо видна.

Григорьев поудобнее уселся на суку, раскрыл планшет и стал определять, хотя бы примерно, координаты видимых дымок. «Почему в последние дни они не приближаются, держатся в отдалении, словно чего-то ожидают? — вновь задал он себе этот вопрос. — Неужели решили взять нас на измор, без боя? А что — тут есть резон... Финны никогда не любили открытых боев, они будут искать возможности обойтись без потерь. Эх, если бы у людей были силы! Как хорошо бы подобраться и устроить им шурум-бурум! Совсем обнаглели, сволочи!»

— Где комбриг? — слышался голос Аристова. Он незаметно подошел и устало опустил на тот самый корень, на котором сидел недавно Григорьев.

— Комбриг там, — ответил Макарихин, показывая рукой вверх.

— Где, где? — обеспокоенно вскочил Аристов и, вглядевшись, увидел Григорьева. — Иван Антоныч, ты чего? Что ты там делаешь?

— Антенну пристраиваю, — тихо отозвался тот, начиная осторожно спускаться.

— Да ты что? Некому другому, что ли? Вы что это себе позволяете? — повернулся Аристов к радистам.

— Не шуми, Николай Павлыч!

Макарихин вновь подставил спину, Григорьев, повиснув на руках, дотянулся ногами до нее, осторожно оперся и спрыгнул на землю.

— Ну вот, комиссар, и все... Что нового в отрядах? Что так скоро вернулся?

Григорьев отряхнул и поправил обмундирование, взял у Макарихина свою палку и сел рядом под деревом.

Аристов долго и сумрачно молчал, потом неожиданно выматерился вполголоса.

— Что с тобой? — удивился Григорьев.

— А то, что, как говорится, довоевались мы до ручки, товарищ комбриг... Люди как тени, сил не хватает от комаров отмахиваться, а до цели идти еще надо... С кем Поросозеро громить собираешься?

— Ты что, виновного ищешь, что ли?

— А чего искать? Виновные вот они — мы с тобой, виновных искать недолго. А вы чего здесь торчите? — повернулся Аристов к связным. — Занимайтесь своим делом! Стоять-то долго здесь думаешь? — спросил он Григорьева.

— Пока не получим продуктов.

— Костры разрешишь разводить?

— Разрешу. Поближе к вечеру, часика на два... Да что с тобой, Николай Павлыч? Что случилось?

— А то, что этих проклятых продуктов мы можем век не дожидаться, если связи не будет. Сегодня семеро идти не могут, завтра их будет семнадцать, послезавтра семьдесят...

— Ты что-то хочешь предложить?

— Надо спасти бригаду.

— Как?

— Не знаю... Давай думать вместе...

Аристов умолк. Григорьев понимал, что его остановило, и тоже молчал, ожидая — решится ли комиссар первым высказать мысль о возвращении или будет его вынуждать к этому. Ему очень хотелось, чтоб комиссар высказался не только категорично, но и до конца, его с давних пор коробила принципиальность с примесью дипломатии, на этом он не раз бывал бит и учен в прошлом, и сейчас в их положении больше всего хотелось доверия друг к другу и откровенности...

«Неужели ты, дорогой комиссар, считаешь, что я побоюсь бы отдать приказ о возвращении, если бы видел в

этом выход? — думал Григорьев с огорчением. — Плохо же ты меня знаешь... Или, наоборот, хорошо. Знаешь, что не остановлюсь на полуслове. Тогда зачем же боишься, что я стану укрываться за твоей спиной... Не бойся. Не до этого теперь, не о том мои заботы».

Григорьев знал свой недостаток. Он хорошо понимал и чувствовал своих собеседников, многое схватывал на лету, легко и охотно рассуждал про себя, но как только начинал говорить, его мысли странно сворачивались в короткие, слишком определенные фразы, категоричность которых он привык скрашивать иронической или вопросительной интонацией. «Думать вместе» он не умел и не любил.

— Вот что, комиссар, — пересилив себя, сказал Григорьев. — Возвращаться мы не можем...

Аристов удивленно сверкнул очками в его сторону, но Григорьев предупреждающе поднял руку:

— Дело не в нарушении приказа... Мы не можем идти назад, пока не получим продуктов. Люди не выдержат пути.

— А если мы их не получим вообще?

— Будем искать другой выход.

— Какой еще есть выход?

— Ждем эту ночь. Завтра отбираем несколько групп из ребят повыносливее и направим добывать продукты. Одних на дорогу, других — к Янгозеру, третьих — на финские группы, которые сопровождают нас... Вон их дымы, километрах в пяти от нас.

— И этим ты думаешь обеспечить бригаду?

— Нет, не думаю... Хотя кое-что наверняка добудем. Тут другое важно. Люди воевать должны. Они ведь воевать шли сюда.

— Ну, такая возможность была у нас и поближе, — усмехнулся Аристов. — В Барановой Горе, в Кузнаволоке. Стоило ли идти так далеко? Повоевать и там можно. Не за этим же нас сюда послали.

— Ты не хуже меня знаешь, зачем нас сюда послали, — рассердился Григорьев. — Чего же умничаешь теперь?! Свою вину я без тебя знаю. На твои плечи не стану ее перекладывать.

— О какой вине ты говоришь? — насторожился Аристов и принялся протирать очки.

— А о той, что смалодушничал я в начале похода. Не рассредоточил бригаду поотрядно, когда выяснилось, что

линию охранения между Сегозером и Елмозером не перейти...

— Ну это ты брось! Не бери на себя лишнего. У нас был строгий приказ, и все было сделано как надо. Наши беды начались позже, с поворота на Тумбу... Эти проклятые вши, эти лоси, которых хватило лишь на понюшку, эта глупая история с самолетом... Вот тут мы, действительно, допустили промашку.

«Мы... допустили». Это великодушие было неприятно Григорьеву, он уже жалел, что ввязался в никому не нужный разговор, и решил промолчать. Аристов и сам почувствовал никчемность этих напоминаний.

— Ну да ладно... О чем мы говорим? Давай ближе к делу. Ты, значит, решил завтра действовать?

— А ты против? Говори прямо. Я готов обсудить это на совете командиров.

— Только этого нам и не хватает, чтоб командир и комиссар не нашли общего языка. Нет уж, Иван Антонович, давай обходиться без этого. Есть у нас проблемы поважнее...

«Если он скажет сейчас свое любимое «ты командир, тебе решать», то я не выдержу и обложу его матом», — успел подумать Григорьев. Но Аристов не сказал этого, они посидели молча, потом подошел Колесник с докладом о состоянии отрядов, за обычными делами разговор постепенно отодвинулся, потерял свою остроту, и Григорьев уже спокойно вспомнил о нем, лишь когда они вновь остались вдвоем и Аристов спросил:

— Если готовиться к действиям, то надо бы провести в отрядах партийно-комсомольские собрания.

— Надо, — отозвался Григорьев.

— Я займусь этим. Вечером и проведем. Ты сам-то выступишь в каком-либо отряде?

— Хорошо.

— Боря! — крикнул Аристов своему связному. — Через полчаса комиссарам отрядов и секретарям партбюро быть у меня. Быстро!

Успели натянуть штабную палатку. Григорьев залез в нее, рассчитывая вздремнуть хотя бы часок, в последнее время он спал мало — как только закрывал глаза, наплывали думы, одна цеплялась за другую, и конца им не было; они тянулись утомительной и привычной чередой, а сон подолгу не приходил, хотя в эти минуты он особенно остро чувствовал, как безмерно устал, как заметно

убывают силы. Хватит ли их? Через три месяца ему стукнет сорок. До недавних пор он никогда не задумывался о своем возрасте — жил, держался и чувствовал себя так же, как двадцать лет назад, когда начинал службу в погранохране. Привык верить, что силы — дело наживное: отдохнул, выспался и снова как огурчик... Да и теперь о силах, о возрасте и усталости думалось не для себя — он идет и будет идти не хуже двадцатилетних. Есть у него для этого и воля, и привычка. Но быть как другие — этого ему мало. Поход еще так долог, самое трудное еще только начинается, и каждый боец, чтоб самому держаться, вправе видеть своего командира всегда бодрым, уверенным, веселым.

Сегодня утром, когда уходили с высоты 264,9, он, кажется, впервые отступил от этого правила.

«Надо держаться...» — он мысленно чуть ли не умолял их.

Выходит, надо держаться прежде всего самому — не раскисать, не поддаваться бесполезному, расслабляющему людей состраданию, во всяком случае, не показывать этого, как неволью он сделал сегодня утром — не этого хотят они сейчас от командира. Надо быть таким, как всегда, а вот хватит ли на это сил?

Григорьев так и лежал с закрытыми глазами, пытаясь расслабиться, чтобы заснуть, но слух четко фиксировал каждый звук, доносившийся снаружи, и он вперемежку с думами почти зримо представлял, что там происходит. Вот вернулась дальняя разведка, он хотел подняться, но тут же понял, что этого можно и не делать, — она не принесла ничего нового. Приглушенным голосом Николаев докладывал Колеснику, что дошли они до берега Янгозера, долго наблюдали, ничего не обнаружили, по пути не попало никаких следов присутствия людей, только с южной стороны слышали недолго гул самолета, он прошел где-то вдалеке и низко над лесом — сколько ни смотрели, самого самолета не увидели.

— Самолет какого типа? — спросил Колесник.

— Я же говорю, мы его не видели...

— А по звуку?

— Трудно сказать, погудело с минуту-другую и затихло.

— Ладно, пусть бойцы отдыхают.

— Костры можно разводить? Ребята грибов собрали.

— Пока приказа комбрига не было. Ближе к вечеру.

— А комбриг где?

— Отдыхает, — помедлив, с оттенком удивления тихо ответил Колесник.

«Кажется, привыкает парены!» — улыбнулся про себя Григорьев. Еще недавно Колесник не позволил бы подчиненному таких вольностей в разговоре, а тем более — любопытства. Григорьев и сам не любил излишнего, распространенного среди партизанских командиров панибратства, но теперешние отношения Колесника и Николаева его порадовали.

Ненадолго снаружи затихло.

...Все чаще приходили мысли о семье, и в походе думалось о ней все нежнее и трогательней. Целых полгода, до марта, Григорьев не знал, где семья и жива ли она. В последний раз случайно виделась в сентябре в Медвежьегорске, когда маленькому Коле не было и девяти месяцев. Да, какая это радость — занять наконец сына! Дочки — это тоже замечательно, но сын!.. Теперь неловко даже признаваться, однако когда не было вестей, он больше всего беспокоился о Коле — об этом крошечном и неразумном существе, которое при встрече в Медвежьегорске даже не признало сразу отца. Почему-то казалось, что беда в первую очередь должна коснуться его.

Теперь Коле уже полтора годика, Ольга Ивановна писала, что он уже бегает и пытается что-то лепетать. Люда хорошо помогает матери, закончила четвертый класс, учится в музыкальной школе. Младшая — Ляля — ходит в садик... Спасибо тебе, далекий и незнакомый Уржум! Хотя почему незнакомый? Этот крошечный городок помнится по книге «Мальчик из Уржума» — ведь там родился Киров! Спасибо... Хоть и трудно, но все живут, работают, учатся, растут... Теперь станет полегче — есть командирский аттестат, и второй секретарь ЦК партии Сорокин, старый знакомый по Петрозаводску, не только помог отыскать семью, но и написал в Уржум, чтоб получше устроили с жильем...

Начали сходитьсь комиссары и парторги, они располагались где-то в сторонке, Григорьев слышал и даже угадывал их голоса. Как всегда на таких совещаниях, Аристов по очереди заслушивал краткие политдонесения, задавал вопросы, кому-то выговаривал, кого-то хвалил, затем минут десять слышался лишь его ровный и строгий инструктирующий голос, и совещание закончи-

лось. Рядом с палаткой Макарихин чистил свой автомат «Суоми». Он делал это часто, Григорьев много раз наблюдал эту процедуру и теперь не только живо представлял его хмурую сосредоточенную позу, но по щелчкам, лязгам и шарканью угадывал, чем именно в данную секунду занимается адъютант. Вот он протер спусковой механизм и принялся за ствол. Обычно он ствол вынимает из кожуха, вставляет на время чистки запасной — любит, чтоб оружие всегда было в боевом положении. Аккуратный парень... Так и есть — запасной ствол вставлен, короткий щелчок крышки, лязг отведенного и спущенного затвора, еще один щелчок вставленного диска — и автомат готов к бою, положен у ног, а сам Макарихин наверняка уже накручивает на кончик шомпола полоску тряпицы. Ствол он будет тереть долго, до зеркального сияния, при котором спиральная нарезка короткого дула покажется на глаз легкой, сбегаящей к центру паутинкой. А потом все повторится еще раз: запасной ствол будет вынут и на его место вставлен основной, хотя какая между ними разница — никому, кроме Макарихина, неизвестно.

Однако дожидаться окончания процедуры Григорьеву на этот раз не довелось. Послышались поспешные шаги, и в палатку просунулась голова Колесника:

— Комбриг, есть связь с Беломорском...

Радисты ликовали. Мурзин работал на прием, и строчки цифр в блокноте уже росли одна за другой. Вот он исписал первый листок, быстро оторвал его и, не глядя, сунул лежавшему рядом Паромову.

Подбежал Аристов, не спрашивая, понял, что произошло, минуту-другую все трое наблюдали за радистами и молча отодвинулись в сторону, чтобы не мешать.

Когда Григорьев сидел на корточках рядом с Мурзиным, ему показалось, что он тоже слышит слабый торопливый писк морзянки; он знал, что это не так, сигнал был слишком слабый, чтоб услышать его без наушников, но сам факт связи с Беломорском разве не был похож на чудо? Почему же не случится и другим чудесам, поменьше?

Глядя на радистов, Григорьев ощутил прилив такого благодарного умиления, какого он давно не испытывал: «А ведь добились же своего, черти! Добились! Эх, парни, золотые вы мои... А тебе тоже спасибо! — подумал он, скользя взглядом к вершине сосны, куда убегала серая

ниточка антенны.— Вот на что ты все же сгодились. Спасибо и извини!»

Мурзин все писал и писал. Потом перешел на ключ, и все это было бесконечно долго, несравненно дольше, чем раньше, когда связь была надежной и постоянной.

Наконец Паромов вручил Григорьеву радиограмму:

«Григорьеву, Аристову.

Немедленно организуйте вывод бригады свой тыл, маршруту старому, проводить тщательную разведку, пути движения уничтожайте гарнизоны противника. Ежедневно доносить свое местонахождение.

Вершинин, Поветкин»

2

Стояли еще больше суток. Связь пока была уверенной, и не хотелось уходить отсюда, не получив продуктов хотя бы на первые дни возвращения. Опасались, что стоит двинуться с этой счастливой высоты, и вновь рация «оглохнет».

Григорьев не отказывался от своих планов, выслал в сторону деревни Янгозеро и на дорогу две небольшие разведывательные группы. Они ходили долго и принесли неутешительные вести. В деревне располагался большой гарнизон, который, судя по всему, находился в состоянии боевой готовности. Подходы со стороны леса очищены от кустарника и, надо думать, заминированы; в подпольях некоторых домов замечены свежееоборудованные амбразуры, мыс обнесен колючей проволокой. О штурме гарнизона без больших потерь нечего было и думать.

На дороге — тишь и благодать. За несколько часов наблюдения не прошло ни одной машины. Подходящих объектов для диверсий тоже не было. Разведчики на всякий случай взорвали небольшой мост через ручей, свалили несколько телефонных столбов довоенной установки и вернулись, довольные, что хватило сил дотянуть до своего лагеря.

К вечеру 29 июля со стороны высоты 264,9 послышался бой. Он начался одиночным винтовочным выстрелом, потом — несколько секунд напряженной тишины, и вдруг разом загремела перестрелка, которая с каждой минутой нарастала, усиливалась, словно бы приближаясь; забухали частые и короткие разрывы, и неожиданно все начало

затихать. Бой еще продолжался, но разрывы уже прекратились и звуки как бы постепенно погружались в воду.

Григорьев, взобравшись на знакомую сосну, хорошо видел в бинокль высоту, на которой остался отряд Грекова. Он уже предполагал, что финны предприняли атаку с поддержкой минометным огнем и, судя по всему, атака захлебнулась, что партизаны сами перешли в контратаку и бой сместился за гору, потому-то выстрелы стали глуше, и он больше всего боялся, как бы Греков не увлекся и не попал в окружение. Лесной бой требует быстрых ног; тут — кто проворен, тот и силен, а кто знает, как велики силы финнов? Хорошо, если это очередной наскок группы сопровождения, но откуда взялись минометы? Если перестрелка начнет разгораться вновь, то надо спешить на выручку.

Но скоро на севере все затихло, и постепенно пришла уверенность, что там все в порядке.

Через два часа пришел связной от Грекова и подтвердил, что атака финнов действительно отбита, что взвод Михаила Николаева фланговым ударом заставил их поспешно отойти за болото, что потери партизан невелики — один убит и шестеро ранены, а продуктов все нет и нет. Отряд «Боевые друзья» идет на соединение с бригадой.

«Зря только Греков силы потратит на лишние десять верст туда и обратно», — подумалось Григорьеву. Но оставлять отряд на отшибе теперь тоже было опасно. Финны, конечно же, разобрались, что на высоте 264,9 не вся бригада, и они не успокоятся...

Весь день над расположением бригады висел высоко в небе финский самолет-наблюдатель. На час-другой он пропадал и появлялся вновь. Окончательно скрылся лишь к вечеру, когда горизонт начало затягивать низкими тучами и опять пошел дождь; да и то, словно в издевку, дважды крест-накрест пронесся над самыми верхушками леса.

Каждые четыре часа рация выходила на связь с Беломорском. Вершинин повторно передал те сообщения, которые в последние дни посылались без подтверждения о приеме:

«27 июля 1942 г.

Григорьеву.

Ночью 27 июля координаты 86—04 сброшено 700 килограммов продуктов. Проверьте. Сегодня следите до

6 часов утра за воздухом. Сигналы четыре костра, белое полотнище, ракеты.

Вершинин»

«27 июля 1942 г. 23 час. 40 мин.

Григорьеву.

Предполагаем послать «Дуглас» сопровождении истребителей две тонны продуктов. Срочно радируйте, есть ли вблизи вас наземный противник, тоже воздушный. Ваше местонахождение, сигналы.

Вершинин»

«29 июля 1942 г. 3 часа 34 мин.

Григорьеву.

Повторяю 27 июля координат 86—04 сброшено двух самолетов 700 килограммов. 28 июля сброшено координат 86—94 продуктов один самолет 300 килограммов. Немедленно проверьте.

Вершинин»

Тонны и сотни килограммов лишь вызывали теперь раздражение. Прошло двое суток, а ни «Дугласа», ни даже тех трехсот килограммов, которые выброшены в районе высоты 264,9 не было, а до тех семисот, что сброшены в районе Большого Матченъярви, не дойти и за двое суток, если они не попали в руки противника.

Вечером 29 июля Григорьев радиовал:

«Вершинину.

Остановились у высоты 234,8. Два человека умерли от голода, идти больше не можем. Сегодня вышлите самолет с продуктами питания. Выбросьте концентрат. Сигнал 4 костра. С получением продуктов возвращаемся обратно. В 22 часа ждем ответ».

Ждали до утра, шел непрерывный дождь. Самолета не было. Утром 30 июля была принята радиограмма, которая делала дальнейшее ожидание бесполезным:

«Григорьеву

Плохой погоды самолеты задерживаются вылетом. Продолжайте смотреть воздухом 30—31 июля. Ваши сигналы старые, наши — самолет покачивает крыльями.

Немедленно произвести разведку возможной посадки гидросамолета озеро Кужламби, вывозки раненых и больных. Укажите другие озера более подходящие. Сообщите.

Вершинин»

Григорьев сразу же ответил:

«Вершинину.

Продукты не получили. Вечером от голода умерло 4 человека. Противник подтягивает силы. Сколько возможно, сегодня возвращаемся обратно. В 18 сообщу новые координаты. Ждем продуктов питания».

Как только радист закончил передачу, Григорьев дал команду трогаться. Шли в стороне от старой тропы. Держались надеждой, что, может быть, удастся разыскать эти злополучные триста килограммов возле высоты 264,9.

Двигались из последних сил, делая лишь частые короткие остановки для передышки. Ослабевших вели под руки, несли на носилках. К вечеру на высоту не взошли, а едва втащились, помогая друг другу.

Связь, к счастью, была и, не дожидаясь назначенного часа, Григорьев передал радиограмму:

«Вершинину.

Возвратились на высоту 264,9. Ждем здесь продукты питания. Положение тяжелое, имею еще 2 случая смерти. Спешите. Мы все погибнем, но не уйдем отсюда, пока не получим продуктов.

Григорьев».

Это была последняя радиограмма, которую послал командир партизанской бригады Иван Григорьев начальнику Карельского штаба партизанского движения комбригу Вершинину.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

(высота 264,9, 30 июля 1942 г.)

1

К 30 июля все части, подчиненные полковнику Мякиниэми, занимали позиции согласно его замыслу. Две роты 5-го егерского пограничного батальона, рассредото-

ченые на поисковые группы, уже много дней двигались вслед партизанской бригаде, широким фронтом прочесывая леса. В их задачу входило не терять соприкосновения с противником, вести наблюдение, мелкими стычками сковывать движение, а когда стало ясно, что партизаны терпят бедствие с продовольствием, то и всячески мешать снабжению их по воздуху. Каждая группа имела рацию, и полковник, располагая к тому же данными авиаразведок, мог постоянно следить за продвижением партизан.

Главную ударную силу составлял 4-й батальон 12-й бригады под командованием майора Айримо. Его четыре роты уже находились в непосредственной близости от партизан, охватывая их с трех сторон. Рота капитана Ремеза наступала с севера, рота лейтенанта Перттула — с востока, рота капитана Сегерстрёля — с юго-востока, а подчиненная батальону рота лейтенанта Исомаа должна была отрезать русским путь на юг. 2-й батальон под командованием майора Пюёкимиеса составлял оперативный резерв и находился в деревне Сельга. При необходимости на помощь атакующим могли быть быстро подтянуты кавалерийский эскадрон ротмистра Путконена и два егерских взвода, расположенные в деревне Янг-озеро.

Сил было достаточно, но начинать решительные действия в глухих бездорожных краях полковнику не хотелось. Он считал, что отсутствие сносных коммуникаций как бы уравнивало возможности, ибо партизаны имели важное преимущество — свободу маневра. Для бесспорного успеха необходимо было или прижать их к какому-либо жесткому непреодолимому рубежу, или оттеснить в район, ограниченный дорогами, когда свободу быстрого маневрирования получают уже финны.

В последние дни партизаны двигались так медленно, что создавалось впечатление, будто они потеряли всякую способность к маневрированию. Поисковые группы докладывали, что среди партизан царит страшный голод, на их пути обнаружено несколько могил, где захоронены умершие, судя по всему, от истощения. Это же подтверждали и перехваченные радиogramмы. Две специальные радиоразведывательные группы вели непрерывное прослушивание, фиксировали каждый выход в эфир партизанских раций.

Когда выяснилось, что партизанская бригада остановилась в районе реки Тяжа и ждет снабжения продуктами

ми по воздуху, финское командование решило не медлить.

30 июля в 18.00 майор Айримо дал приказ всем подчиненным ему ротам начать быстрое продвижение с трех сторон к высоте 264,9, окружить, атаковать и уничтожить партизан. Как свидетельствуют финские источники, этот приказ был воспринят в ротах с радостным облегчением. Многодневное бесплодное блуждание по лесам порядком измотало солдат, особенно егерей из пограничного батальона, которые уже две недели не видели крыши над головой, однако все понимали, что путь в уютные и спокойные казармы лежит для них только через уничтожение партизанской бригады, которая, как казалось им, неизвестно чем и держится, разве что упрямством командиров и политруков, да еще тем отчаянием, какое испытывают люди, попавшие в безвыходное положение. Солдаты считали — чем скорее это произойдет, тем будет лучше, в успехе никто не сомневался, и даже надоедливый морозящий дождь сулил удачу.

2

Когда возвращались к высоте 264,9 и подошли к ее пологому восточному склону, то правое боковое охранение заметило за нешироким болотцем что-то похожее на полосу обороны: неглубокие окопчики, пулеметные гнезда, выложенные камнем ячейки для автоматчиков. Впечатление было такое, словно противник только что закончил оборудование позиций и почему-то отошел. Сделано все аккуратно, с финской предусмотрительностью: дно окопчиков выложено еловым лапником, а сектора обстрела для пулеметов расчищены от подроста. Оборона рассчитана примерно на роту. Ясно, что здесь готовились к серьезному бою, но когда и с кем?

— Греков, тебя минометы не отсюда долбили? — спросил Григорьев.

— Вроде нет, товарищ комбриг. Откуда-то северней били.

— А взвод Николаева к этому болотцу не выскакивал, когда контратаковал с фланга?

— Нет. Он теснил их к другому болоту.

— Ну, значит, повезло Николаеву.

Григорьев уже не сомневался, что здесь была подготовлена засада с целью выманить партизан с высоты и

огнем из укрытия расстрелять их. Но где противник сейчас? И почему он оставил свои позиции, хотя мог бы теперь навязать бригаде невыгодный для нее бой?

Долго раздумывать было некогда. Важно как можно скорее занять господствующую высоту — слава богу, она свободна.

Почти сутки не прекращался дождь, он лишь стихал ненадолго и вновь начинал барабанить по затвердевшим плащ-палаткам с удручающей монотонностью. Назад шли в стороне от старой тропы, дождливая навесь скрыла все приметы местности, и далеко не все партизаны знали, что бригада вновь приближается к высоте 264,9.

Но когда поднялись на плоскогорье и отряды заняли свои прежние секторы обороны — тут уж сомнений не оставалось, и каждый вернулся в свою ячейку, как в родной дом.

Несмотря на безмерную усталость, отдыхать не пришлось. Начальник штаба Колесник ходил вдоль линии обороны и повторял:

— Зарываться! Зубами камень грызи, а зарывайся!

Окапывались кто как мог, жались поближе к корням деревьев и к холодным камням, благо было их здесь столько, что и до земли не доберешься. Через час дождь прекратился, стало поуютнее, потом разрешили развести костры по одному на отделение, и посменно стали ходить сушиться.

Поисковые группы обшаривали склоны, искали те злополучные триста килограммов, которые, согласно радиограмме, были сброшены еще три дня назад, до первого прихода партизан на высоту. Не было не только продуктов, но и следов их выброски. Выслушивая доклады командиров групп, Григорьев раз от разу матерился все ожесточеннее, командиры оторопело озирались, не понимая, чем заслужили такую немилость, а комбриг досадливо махал рукой:

— Да не тебе это, мата не слышал, что ли? Иди отдыхай!

В половине восьмого, когда стало ясно, что искать эти триста килограммов бесполезно, Григорьев решил отправить взвод на север, в квадрат, где сброшены продукты для раненых. Если они действительно сброшены, то не могли же двенадцать человек съесть за несколько дней семьсот килограммов. Из отряда имени Тойво Ан-

тикайна отобрали двадцать пять добровольцев во главе с командиром взвода Гришуковым.

Взвод ушел, а минут через двадцать с северо-запада донеслась яростная перестрелка. Она быстро приближалась. Вскоре одиночные выстрелы и короткие пулеметные очереди загрохотали из сектора отряда «Боевые друзья», огонь нарастал, распространяясь по северному обводу высоты, вот уже в бой включился отряд «Мстители», и стало ясно, что финны предприняли наступление.

— Занять оборону! Погасить костры! Приготовиться к бою! — привычно выкрикнул Григорьев, и относилось это скорее к работникам штаба, чем к отрядам, которые при первых выстрелах должны были без команды и занять оборону, и погасить костры, и подготовиться к отражению атаки, а работникам штаба надлежало теперь быть на местах и проследить — все ли сделано, как надо.

Это было непонятным — наступать на высоту с севера, где склоны были столь круты, обрывисты и каменисты, что обороняющиеся имели явное преимущество, но тем не менее наступление шло оттуда: противник вел интенсивный огонь по всей северной дуге; пули свистели, верещали, дзинькали над головами даже здесь, на середине плато, где располагались штаб, санчасть и разведвзвод, и, подбегая вместе со связным к командному пункту Грекова, Григорьев увидел, что с линии обороны уже оттаскивают первого раненого.

«Неужели финны и рассчитывали на то, что отсюда мы меньше всего будем ждать их? — подумал Григорьев. — Нет, тут что-то не так! Тут что-то другое!»

Командный пункт Грекова располагался в пятнадцати метрах позади цепи, у огромного растрескавшегося валуна, за которым можно было не только лежать, но и сидеть, поглядывая по сторонам и по звуку определяя, где противник давит в данную минуту сильнее всего.

— Что у тебя? — спросил Григорьев Грекова.

— Метров на пятьдесят подошли. Перли с ходу. Еле отбились. Теперь вроде ничего. Тут справа внизу скала, так человек десять в мертвое пространство проскочили, пуль не достать, так там и сидят. Беды-то от них никакой, а неприятно все-таки...

— Гранатами не пробовал?

— Пробовали, да никак не подкинуть туда, скала-то голая, из лесу под огнем ее держат, жаль людей тратить понапрасну... Да ты, Иван Антоныч, больно-то не высо-

вывайся, этот камень откуда-то тоже достают. Слышишь, как рикошетит. Моему Арсену мешок уже продырявили.

Видимость отсюда была плохая. Григорьев ползком пробрался в цепь, понаблюдал за ложиной внизу, прислушался к интенсивной, но очень уж ровной перестрелке, какая бывает, когда первая горячка уже схлынула, обе стороны залегли в оборону и ведут огонь лишь потому, что стреляет противник.

Еще раз подивился Григорьев всей нелепости финского наступления именно отсюда, с севера, когда южный пологий склон словно нарочно предназначен для этого, вспомнил брошенные противником окопы на соседней сопке за болотцем и вдруг понял — что к чему. Черт побери, да это же совсем просто! Финны, конечно же, не рассчитывают, что бригада будет держать долгую оборону, каждый час боя им на руку, они попробовали надавить с севера, а вдруг мы начнем отход? Куда мы можем отходить? Конечно, на восток или на запад. На западе — река Тяжа. Значит, только на восток, мимо того самого болотца, на которое нацелены все огневые точки брошенной обороны. Можно голову дать на отсечение, что теперь те позиции уже заняты... Их задача — не пустить нас на север, теперь это понятно как дважды два.

— Прекратить пальбу! Беречь патроны! Стрелять только по видимой цели! — приказал Григорьев Грекову, вернувшись к камню.

— Слушаюсь, товарищ комбриг.

— Тот десяток постарайся не выпустить, раз сами залезли в ловушку.

— Стемнеет — не углядишь.

— Когда стемнеет, их гранатами можно взять.

— И то правда.

— Потери?

— Трое убито, четверо тяжело ранены.

— Ладно, Федор, держись. Если снова напирать станут, подмогу пришлю. Я — к Попову. Вася, пошли.

— Ты осторожней, Иван Антоныч, — предупредил Греков. — Они уже успели пристреляться.

Да, финны не жалели патронов. Пулеметы с соседней высоты били длинными очередями по каждой точке, где замечалось какое-либо движение. Конечно, безопасней было бы отползти назад, поглубже в лес, куда прицельный огонь не доставал, но делать долгий крюк на виду у бойцов не хотелось, и Григорьев, где ползком, где пе-

ребезками, добрался до отряда Попова. Успокаивая дыхание, несколько минут полежал за корнем вывороченной ветром сосны и двинулся дальше. Здесь все шло так же, как и у Грекова. Встретив сильный огонь, финны прекратили атаку, залегли на другой стороне неширокой ложбинки и поливали позиции партизан автоматными очередями. Что они думают делать дальше — бог весть, но что-то, наверное, думают, ибо не зря же они положили в этих атаках, как минимум, полтора десятка солдат. Конечно, эти подсчеты слишком приблизительны и даже условны, но коль обороняющиеся имеют уже семерых убитых, то наступающие должны потерять в два раза больше. Не зря же атака захлебнулась.

Григорьев полз, перебегал, раздумывал обо всем виденном и случившемся, а в сознании крепла мысль, что главное теперь развернется не здесь, не на этих неудобных склонах, а где-то в другом месте, перед фронтом других отрядов, которые пока что ждут, вслушиваются в перестрелку и нервничают в бездействии.

Они уже выбрались из опасной зоны, поднялись на ноги, связной Макарихин не отставал ни на шаг. Они молча начали стряхивать с одежды прилипшие мокрые листья, как вдруг над сопкой пронесся короткий, как удар в металлическую сковороду, звук, над головой что-то зашелестело, и в то же мгновение далеко впереди раздался сухой, трескучий взрыв.

Этот звук был настолько неожидан и противен, что Григорьев невольно передернулся, словно стреляли ему в спину, и хотя он тут же определил, что по сопке ударили из миномета, что мина дала большой перелет и разорвалась где-то за расположением бригады, все еще продолжал чего-то ждать и вслушиваться.

Тут же скрежетнуло снова и снова. Разрывы уже ложились на высоте. Пока бежали к штабу, Григорьев насчитал восемнадцать разрывов: он уже понял, что бьют три миномета, он даже начал их различать по звуку выстрела, ибо били они из разных точек; он успел мимоходом подумать, что совсем недавно в бригаде была своя минометная рота, и хотя понимал, что минрота никак не могла оказаться на этой сопке, но все же на секунду пожалел, что ее нет теперь.

Многое успеваешь промелькнуть в голове, когда под звуки разрывов бежишь по каменистой сопке, а осколки

свистят то справа, то слева, стригут сосновые ветки, и метелки хвой осыпают тебя.

Уже подбегая, Григорьев услышал, как слева началась перепалка в секторе отряда имени Чапаева, и в этот самый миг очередная мина ударила на глазах в крону дерева, комбриг успел упасть на землю, но градом сверху сыпанули осколки вперемешку с хвоей и сучьями, больно стегануло сначала по спине, потом по левой щеке.

— Комбриг, ты ранен? — закричал Макарихин, бросаясь к нему и запоздало пытаюсь прикрыть его своим телом.

— Не кричи! Чего панику разводишь?!

Григорьев и сам не знал — ранен он или нет. Щека и шея в крови, спина саднит, словно от ожога, в ушах — звон, но голова, руки, ноги — в порядке, действуют вроде, да и боль какая-то странная, будто с горы сверзился, о камни поцарапался.

К нему, разрывая на ходу обертку перевязочного пакета, уже мчалась сандружинница из разведвзвода Тося Пименова. Следом за нею бежали комвзвода Николаев и несколько бойцов. Разведчики располагались неподалеку от штаба, и они, конечно, видели эту глупую сценку.

Григорьев медленно поднялся, рукавом вытер окровавленную щеку, пошевелил спиной — все как будто в норме, глубокой боли нигде не было, и звон в ушах постепенно затихал.

— Николаев, рассредоточь людей! Что они у тебя табором сидят? Хочешь, чтоб одной миной всех накрыло! — крикнул он и с деланной суровостью повернулся к сандружиннице: — А ты куда летишь? Марш на место!

Но не так-то просто было остановить Тосю Пименову. Волевая, решительная, а если надо, то и резкая в словах и поступках, она до войны работала в Пудожском детском доме, привыкла там к безоговорочному повиновению и к партизанам относилась так же, как некогда к своим воспитанникам. Тем более что несколько бывших ее детдомовцев зимой были зачислены в бригаду.

Ни слова не говоря, она чуть ли не силой усадила комбрига под изувеченное разрывом дерево, наскоро обтерла и смазала йодом ранки на щеке и шее, хотела наложить бинт, но он остановил ее:

— Лейкопластырь есть?

— Есть.

— Потом наклеишь... Посмотри, что на спине?

Она задрала гимнастерку и ахнула: вся спина была в мелких ссадинах.

— Чего ахаешь? Что там?

— Я Екатерину Александровну позову.

— Не ерунди. Выковыривай, что сможешь, оботри, замотай бинтом и все. Занозы, поди? Щепки от дерева?

— Не занозы, а осколки. Много их, товарищ комбриг.

— А тебе хотелось, чтоб был один да побольше? Так, что ли, а? Чего молчишь? Давай, девка, выковыривай поскорей!

Григорьев уже понимал, что на этот раз ему здорово повезло. С десятков мелких, как бекасиная дробь, осколков накрыли его, и были они, как видно, на излете, так как силы у них хватило лишь продырявить одежду и впиться в кожу на спине; крупные же просвистели мимо, и лежи он чуть дальше от разрыва, возможно, на его долю достались бы осколки и покрупнее.

Неизвестно каким образом, но находившийся в отряде имени Антикайнена Аристов узнал о ранении Григорьева. Не успела Тося закончить перевязку, как он примчался — расстроенный и запыхавшийся. Шагах в десяти споткнулся, уронил очки, руками шарил по земле, а близорукими глазами силился рассмотреть, что с комбригом, жив ли он и как себя чувствует. Весь этот шум по поводу пустячного ранения уже начал злить Григорьева, однако такое отношение комиссара не могло не тронуть его. Стало даже неловко, что вот сейчас Аристов нащупает свои очки, увидит его живым и здоровым и вынужден будет устыдиться этой шумихи и беготни.

Так оно и вышло.

Связной Боря Воронов подал комиссару очки, тот надел их, выпрямился и увидел поднявшегося ему навстречу Григорьева. Несколько секунд Аристов оглядывал комбрига и, как бы не веря, все искал чего-то серьезного; на наклейки на щеке он не обратил внимания, в них было не больше серьезности, чем в порезах при бритье, потом улыбнулся широко и обрадованно, тут же смутился, стал протирать очки и, когда вновь их надел, то был уже привычным Аристовым — деловитым, сосредоточенным и настороженным.

— Осколки? — кивнул он на раненую щеку.

— Пустяки, царапина... Хорошо, хоть люди в разгоне были. Надо же, девятнадцатая мина и чуть ли не в штаб,

будто целились. Гляди, палатку во что превратили. Теперь и от дождя не спрячешься.

К этому времени яростная перестрелка в восточном секторе, где держали оборону отряды имени Чапаева и «За Родину», начала стихать. Вернувшийся оттуда Колесник сообщил, что финны вели атаку силой до роты, вначале продвигались перебежками от дерева к дереву, не открывая огня. Лес там редкий, партизаны еще издали заметили приближение егерей, вероятно, можно было выждать, подпустить поближе, но сил противника никто не знал, была опасность, что ему удастся зацепиться за какой-нибудь рубеж вблизи партизанской обороны, и пулеметчики открыли огонь. Минут десять финны действительно пытались удержаться, поливали партизан из автоматов, дали такую плотность огня, что весь лес кипел от разрывных пуль, потом, когда у них стали появляться убитые и раненые, начали отходить к зарослям у болота. С десятков вражеских трупов и теперь лежит в сосновом бору. Командир отряда имени Чапаева Шестаков и комиссар Ефимов в горячах хотели преследовать противника, но Колесник не разрешил.

— Правильно сделал,— одобрил Григорьев, вновь вспомнив загадочно пустующие окопчики, ячейки и пулеметные гнезда на высоте за болотом.

Посидели, наскоро посовещались, вслушиваясь в размеренную редкую перестрелку и невольно вздрагивая при разрывах мин. Обстановка немного прояснилась. С трех сторон бригада окружена, до сих пор никак не проявил себя лишь юго-западный сектор. Важно определить — не успели финны замкнуть кольцо или сознательно оставили его открытым. Если они рассчитывают покончить с бригадой на этой высоте, то вскоре заявят о себе и с юго-запада, чтобы заставить партизан держать сплошную круговую оборону, а главную атаку предпримут в одном неожиданном месте. Так может быть. Но возможно и другое. Вполне вероятно, что поочередными атаками с трех сторон они хотели запугать партизан возможностью полного окружения, заставить их, пока не поздно, воспользоваться открытым проходом и покинуть эту выгодную для обороны высоту. Уж больно ненастойчивыми были эти атаки. Разве что первая, на участке Грекова, была похожа на настоящую. Правда, атаковать в открытую финны не любят — это Григорьев знал еще с первых месяцев войны. Коль уж они с трех сторо

пились в бригаду, то наверняка придумают какую-нибудь каверзу. Тем более что им долго голову ломать незачем. Подбросят еще десяток минометов, начнут долбить, и никакой атаки не потребуется. От мины здесь не спрячешься, в землю не зароешься на этом проклятом каменном яйце.

Значит — надо с высоты уходить. Но как уйдешь, коль большинство еле волочит ноги, если вновь появились тяжелораненые, которых надо нести? Ведь финны, возможно, только и надеются на то, что мы двинемся с сопки, начнем отходить не туда, куда нам нужно, не на север, а снова на юг, где мы наверняка сами подохнем с голоду. Выходит, надо ждать, пока самолеты сбросят наконец продукты. Не может быть, чтобы в Беломорске не поняли всей тяжести положения бригады. Должен же в конце концов Вершинин делом отозваться на последнюю радиограмму. Но как ждать, если каждый час промедления может обернуться еще большей бедой: финны подтянут подкрепление, окружат бригаду кольцом, и прорыв станет невозможным...

Сидели, прикидывали так и сяк, а по сути вертелись в заколдованном кругу, и, наверное, это был первый за время похода случай, когда между Аристовым и Колесником не возникло разногласий. Это скорее печалило, чем радовало Григорьева, ибо он понимал, что их нежелание спорить и придирааться друг к другу вызвано не только крайней остротой момента, но и невозможностью найти приемлемый выход. Они люди ответственные, и они правы. Посовещались, порассуждали, дважды уперлись лбом в стенку — а решать должен командир.

Но что он может сказать, что предложить, если и сам пока что не видит выхода?

Чувствуя, что дальше молчать вроде бы и неловко, Григорьев коротко, как приказ, произнес:

— Уходить нельзя. Первое — продукты. Второе — мы должны отбить у них охоту преследовать нас. Хотя бы на один-два дня. Без этого мы далеко не уйдем. Все! Думайте, как действовать. — Сказал и сразу как-то легче стало на душе. Тут же повернулся к Макарихину:

— Вася, быстро ко мне комиссара Ефимова из «восьмерки»! Сигнальные костры готовы? — спросил он Колесника.

— Все в порядке. Я схожу еще проверю.

— Николай Павлыч! Всех тяжелораненых надо со-

брать в одно место, где побезопасней, сделать им какие-то укрытия от дождя. Займись, прошу тебя, этим, проследи.

— Хорошо, Иван Антонович.

— Колесник, выбери место для переправы через реку Тяжу. На случай, если отходить придется туда. Ясно?

Вскоре прибежал комиссар Ефимов — рослый, красивый, подтянутый. Григорьев увидел его издали и, пока он приближался, наблюдал за ним. Вот и не военный человек — мелиоратор из Олонцкого района, — а держит себя так, что глядеть любо. Матерчатая фуражка со звездочкой, португепя через плечо, телогрейка, рюкзак — все ладное, пригнанное, опрятное, словно вчера в поход вышел. Не то, что иные рохли, которые считают, что коль вошел в лес, то можно на дикобраза походить. А главное — воюет хорошо: весело и находчиво. Это он, Яков Ефимов, с сорока партизанами положил финский диверсионный отряд на льду у Василисина острова в марте, а сам не потерял ни одного человека. И не простых солдат, а специально подобранных и подготовленных лыжников-диверсантов. За такие дела надо не медалью награждать, а звание Героя Советского Союза присваивать.

— Садись, — кивнул он Ефимову, когда тот доложил о прибытии. — Не надоело, парень, в обороне сидеть?

— Тут уж как приходится, — смущенно улыбнулся Ефимов.

— А я вот думаю, что оборона не партизанское дело. Согласен со мной? Ну и отлично. Высотку за болотом, где финские позиции, видел?

— Видел.

— Уже начинает смеркаться. Бери-ка ты, Ефимов, взвод, с южной стороны зайди поглубже в лес, обойди финнов и выйди к этой самой высотке... Не дает она мне что-то покоя, уж больно она противно для нас расположена. Понял меня?

— Понял... А дальше что, товарищ комбриг?

— Понаблюдай. Если занята она, то ухитрись им там «шурум-бурум» сделать. Но людей под огонь не подставляй. Если пусто, то все эти окопчики и гнезда заминируй и тихо отойди. Поброди у них по тылам. Где можно — разведай, где можно — пощекочи им нервы. Часа через три возвращайся. Как видишь, даю тебе партизанскую свободу действий.

— Есть, товарищ комбриг.

— Пулеметы не бери, оставь в обороне. Они тебе ни к чему, только свяжут в движении...

Ефимов бегом направился к отряду, а Григорьев, проводив его взглядом, приказал:

— Макарихин, ко мне быстро Кукелева и Грекова!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

(высота 264,9, 30 июля 1942 г.)

1

Вася Чуткин лежал на отшибе от своих, на самом стыке с отрядом имени Чапаева, соседей хотя и чувствовал, но не видел, и все время поглядывал вправо, боясь, как бы ему не остаться неприкрытым сбоку. Моросил мелкий дождь, в скальной выбоине, где он лежал, скопилось вода, было холодно и мокро. Лужица была уже тогда, когда они взошли на высоту и распределились по линии обороны; он сразу обратил на это внимание и подумал, что надо бы наломать веток и вымести воду, а еще лучше — подстелить елового лапника, но куда-то идти и что-то делать не было сил, сам бой казался делом неясным, то ли будет он, то ли нет, а если и будет, то наверняка недолгим, и в конце концов Вася решил, что не сахарный же он, не растает, потерпит час-другой и в этой лужице, все равно одежда мокрая.

В начале боя, когда финны двинулись к высоте и Живяков истошно закричал: «В оборону!», Вася плюхнулся в эту лужицу и ничего не почувствовал. Держа палец на спусковом крючке, он вглядывался в поросшую редколесьем низину, искал цель и никого там не видел. Справа со взгорка загрохотал короткими очередями пулемет «Браунинг» из отряда Чапаева. Он бил не прямо по фронту, а куда-то во фланг, пули проносились перед самым Васиным носом так близко, что он вроде бы ощущал лицом толчки жаркого воздуха. «Ошалели они, что ли? Вот и воюй с такими соседями!» — подумал Вася и, решив, что пулеметчики, возможно, и не видят его, заорал:

— Эй, вы! По своим бьете, что ли?

Однако, тут же глянув влево, он увидел, что пулемет бил отнюдь не по своим. Серо-голубые, едва приметные в белесой мгле егеря легко и быстро перебежали от укры-

тия к укрытию, падали на землю и словно бы растворялись — лишь частый автоматный стукоток и судорожное мелькание дульного пламени выдавали их. Вася знал, что резону от такой стрельбы было немного — автомат на расстоянии в двести метров дает такое рассеивание, что в цель летит лишь первая пуля, а последующие — куда бог пошлет. Потом он подумал, что егеря навряд ли вообще видят партизан так хорошо, как партизаны их. Стреляют наугад, создают плотность огня, чтоб подобраться поближе. И хотя финские пули начали все чаще повизгивать над головой и, ударяясь о ветки, сухо лопаться позади, страх первых секунд миновал, родилось даже чувство злорадства: хватит, побегали от них, пусть-ка теперь эти хваленые егеря сами испытают, каково было партизанам, когда приходилось зимой штурмовать их гарнизоны.

Вся оборона вела беглый огонь, а Вася сдерживал себя, не торопился. По слабым вспышкам замечал дерево, за которым укрылся вражеский автоматчик, и подолгу выжидал, следя сквозь прорезь прицельной планки. Там внизу, справа и слева, спереди и сзади, перебегали другие автоматчики, это нервировало. Вася, не выдержав, быстро, не успевая прицеливаться, стрелял туда и, конечно, мазал, чертыхался, вновь выбирал одну, невидимую пока цель и замирал, ощущая пальцем податливую упругость спускового крючка. Долго из такой охоты ничего не получалось. Поймать на мушку делающего перебежку от дерева к дереву человека оказалось не так уж и просто. Этот момент, когда он выскакивал из-за укрытия, был таким коротким и всегда неожиданным, что Вася каждый раз запаздывал, и стрелять приходилось по бегущей цели. К тому же мешали деревья: лес, хотя и был редким, но на такой дистанции оставлял слишком уж узкие просветы для видимости. Наконец-то Чуткин скорее почувствовал, чем увидел, что именно его пуля попала в цель: бежавший влоборота к нему солдат вдруг споткнулся, упал на колени и, развернувшись к Васе спиной, медленно свалился на бок.

Чем ближе становилась дистанция, тем реже перебегали егеря, ожесточенней и дольше вели огонь из укрытий. Потом движение вообще прекратилось, стрельба с обеих сторон слилась в сплошной непрерывный гул. Партизаны попробовали применить гранаты, сверху это казалось удобным, но расстояние было еще слишком

большим, гранаты не долетали, иные, ударяясь о деревья, разрывались совсем близко от обороны, однако егеря начали медленно отползать и закрепляться в отдалении, то ли выманивая партизан на контратаку, то ли опасаясь ее.

Тут-то и передали по цепи приказ — беречь боеприпасы и стрелять только по видимой цели.

Напряжение начало спадать, но финны патронов не жалели, и на позиции было неуютно. Хотелось отползти назад и найти более надежное укрытие. Очереди одна за другой стегали по скале, разрывные лопались как каленые орехи, обычные — рикошетили и с визгом неслись черт знает куда.

Вася плотнее вжимался в свою каменную, казавшуюся теперь слишком мелкой выемку, а когда ударили минометы и осколки стали ложиться все ближе к линии обороны, он уже пожалел, что вовремя не соорудил себе что-либо наподобие бруствера. Что стоило прикатить десяток небольших валунов, ведь и думал об этом, а понадеялся на авось и даже, дурак, успокоил себя тем, что нагромождение камней будет слишком привлекать внимание противника. Теперь вот лежи и жди, пока какая-нибудь дурная пуля или осколок полоснет по тебе. Если в голову, так тут что скажешь, тут и жалеть не придется. А если в ноги? Ранения в ноги Вася боялся больше всего на свете. Боялись этого и другие, разговоры об этом велись в открытую, но они боялись со стороны, а Чуткин за последнюю неделю на себе испытал, что значит обезножить в походе. Чего это ему стоило — знает только он сам. Боль и теперь еще чувствовалась, стопа держала слабо, но опухоль уже опадала, косточка хорошо прощупывалась, и последние переходы Вася выдерживал не хуже других. Правда, и ходили мало, больше отлеживались. Стыдно подумать, но не один раз Вася даже радовался, что по-другому бригада ходить уже и не может... Ковылял через силу, сжав зубы и опираясь на палку, считал каждый шаг и молил бога, чтоб поскорей был объявлен привал. А тут еще Живяков над душой висит: «Чуткин, не отставай! Чуткин, прибавь шагу!» Каждый день, словно между делом, не упускал случая Васину ногу посмотреть — нет ли филоновства? И все потому, что по приказу командира отряда Вася был на время освобожден от всех нарядов и караульной службы. Смешной

он, этот Живяков! Считает, что в подчинении у него сплошные филоны.

На последнем переходе, когда идти было скользко и особенно трудно, связной командира отряда Ваня Соболев, пробегая мимо и услышав, как Живяков опять попускает Чуткина, не выдержал, миролюбиво сказал:

— Чего ты, Живяков, к человеку пристаешь? С большой ногой ведь идет, понимать надо...

До этого похода Соболев был рядовым бойцом во взводе, и его замечание особенно разозлило Живякова:

— А ты чего не в свое дело нос суешь? Рад, что от строевой службы отвертелся? Смотри, надолго ли?

Соболев обиженно посмотрел на него, ничего не сказал и убежал, а Живяков, как бы приглашая Васю в сообщники, стал ядовито и поучительно выговаривать, что вот есть же такие люди, молоко на губах не обсохло и ничего еще не видели, а уже стараются притереться поближе к начальству, ищут легкой жизни, да и нос к тому же задирают.

— Из таких вот подлецы и выходят! — неожиданно закончил он.

В отношении своего одноклассника и друга Вани Соболева Вася не был согласен ни с одним словом Живякова, но спорить он не умел, шагал себе, стараясь ступать поосторожней, и молчал: пусть бормочет, что угодно, только не подгоняет, надоело до тошноты. Однако последняя фраза отделенного задела его.

— Какая ж у связного легкая жизнь? — с трудом нашел он что сказать. — Я в связные ни за что не соглашусь!

Живяков даже приостановился и всохотнул:

— Ты? В связные? Да кому ж ты нужен, доходяга? Ну, Чуткин, и учудил! Шагай, шагай, чего оглядываешься?

Этот его смех Вася даже теперь не мог вспоминать без обиды. Да, не повезло ему с командиром отделения. Другой бы на месте Живякова радовался, что боец с больной ногой сам идет, другой, может, похвалил бы, подбодрил, поддержал, а этот будто боится, что у него помощи попросят, заранее рычит, чуть не силой подгоняет.

Вася попробовал представить себе, какая у него была бы жизнь, если бы на месте Живякова оказался другой человек, вспомнил все свои многочисленные стычки с отделенным, и вдруг совершенно неожиданная мысль пришла в голову: а может, как раз наоборот, ему повезло с командиром?

Если бы не Живяков, он, может, давно бы уже и раскис — еще там, на нейтральной полосе, когда попал в «доходяги», или теперь, когда подвернул эту проклятую стопу. Может, в боевой обстановке так и надо — быть беспощадным и к себе, и к другим. Недаром же в отделении у Живякова нет ни случаев голодной смерти, ни «доходяг», которых надо тащить. Все идут, все держатся... Сам он — недавно высокий, стройный и красивый — стал худющим, как жердь, одна кожа да кости,

но все равно ни минуты покоя не знает, зыркает во все стороны огромными запавшими глазищами, всех видит, всех на счету держит. И не дураком он какой-нибудь, есть у него подход к людям и своя линия, вот только в отношении Васи он как-то уж больно несправедлив.

Стоило подумать об этом, как опять вспомнился живяковский хохоток, на душе стало противно, и Вася решил: вот вернемся из похода, пойду к командиру отряда и скажу — все, переводите куда угодно, только подальше от Живякова. Командир, конечно, первым делом спросит — почему? — а Вася тут ему все и выложит.

Где-то в глубине сознания Вася понимал, что ничего этого не будет: и идти к командиру он не решится, и выложить ничего не сможет — не умеет он говорить, да и в жизни ни на кого не жаловался, но думать сейчас о своем будущем решительном шаге было приятно, эта возможность снимала обиду и как-то уравнивала его в отношении Живякова...

Начало чуть заметно смеркаться. Пальба не прекращалась, но стала она ровной и привычной, и эта ровность и привычность обманчиво успокаивала, рождала надежду, что если уж первые горячие пули оказались не твоими, то и дальше будет так... Вася осторожно приподнял голову, поглядывал вперед, влево, вправо: внизу ничего не происходило, разве что заметнее и ярче стали вспышки автоматных очередей. Он делал один-два выстрела, винтовка била упруго и гулко, звук словно бы уносился вперед вместе с пульс, и на короткое мгновение казалось, что вокруг стихало. Уже прижавшись щекой к камню, Вася торопливо клацал затвором и замирал в ожидании ответной очереди. Иногда ответ приходил сразу же, пули выдвигались по скале настоящую свистопляску, но, если его и не было, Вася подолгу лежал, опасаясь, что финский снайпер выслеживает его.

В такой момент и застал его голос Живякова:

— Чуткин, ты жив? Эй, Чуткин!

— Жив,— отозвался Вася, медленно перекатываясь с боку на бок.

Живяков лежал метрах в десяти, их разделяла открытая скала, и Вася понял, что ползти к нему он не собирается.

— Что же ты, мать твою, за полем боя не следишь? Спишь, что ли? Почему огонь не ведешь? Сколько патронов израсходовал?

В магазин у Васи была вставлена пятая обойма, но он не знал — много это или мало и чего вообще хочется Живякову. Поэтому он привычно пробурчал:

— А я чё, считал их, чё ли?

— Сосчитай. Мне надо расход боеприпаса знать.

— Вроде пятая вставлена.

— Врешь, поди. Мне показалось — мало ты огня давал... Попадания имеешь?

— Одного вроде... Вон, сам посмотреть можешь.

— Ладно, так и запишем... Как чувствуешь себя, Чуткин? Нога не болит?

— Чего ей болеть? Лежим ведь...

Живяков помолчал и вдруг, понизив голос, сказал:

— Коверский за жратвой собирается, когда стемнеет. Пойдешь с ним?

— Куда?

— Туда, — кивнул он головой вперед. — Куда еще?

Вася сразу догадался, что имеет в виду Живяков. Он и сам много раз подумывал, что в рюкзаках у убитых егерей наверняка есть харчи и неплохо бы добраться до них. Но как? Для этого ему пришлось бы под огнем спускаться со скалы. Допустим, со скалы можно и спрыгнуть, а дальше? Как преодолеть эти сто метров, если не больше? Тут такое начнется, что никаких харчей не захочешь.

— Ну как, Чуткин? Пойдешь?

— Нога у меня...

— Что нога? Бегать не придется. По-пластунски надо. А мы огоньком прикроем. Я сюда пулемет выдвину, соседей попрошу поддержать. Жрать-то, поди, хочется?

— Будет приказ — пойду...

— Приказа не будет. Кто ж в таком деле приказывать станет? Тут дело добровольное. Коверский вон сам попросился.

— Ладно, — сказал Вася и тут же пожалел, что согласился.

— Готовься. Свой мешок здесь оставь. Я скажу, когда начинать. Может, тебе автомат лучше взять? Хотя не надо, у Коверского автомат...

Живяков уполз, а Вася стал прикидывать план действий. Он уже решил, что добираться будет к своему егерю. Вон он, виднеется едва заметным бугорком. Надо точно наметить путь, а то в темноте как искать... Перво-наперво удачно спрыгнуть со скалы, чтоб не досадить больную ногу. Потом быстро на бок и катиться по скло-

ну до можжевельного куста. Там отдышаться за камнем и ползти чуть вправо, к вывороченной сушине. А дальше — как получится. Там лес редкий, и одна надежда на темноту. Вася поползет к своему финну, а Леше Коверскому придется брать левее, там тоже бугорок виднеется.

Смеркалось медленно, и Чуткин уже дрожал то ли от холода, то ли от нетерпения. Мысленно он бессчетное число раз уже побывал внизу, ощутил в руках плотный брезент трофейного рюкзака и про себя решил, что съестное пусть как угодно, а рюкзак он никому не отдаст, егерские рюкзаки сработаны на совесть: швы заделаны в кожу, везде чехлы и карманчики, а главное — ляжки из толстого ремня и с пряжками. Носить такой на плечах — одно удовольствие и тяжести не замечаешь, вон комбриг носит — просто загляденье.

Об опасности он не то чтобы не думал — она сама по себе неотступно держалась в голове. Постепенно он свыкся с ней: раз надо, так надо, тут ничего не изменишь. Одно было Васе непонятно: почему Живяков опять выбрал именно его? Его и Лешку Коверского, которого и в отряд долго не хотели зачислять, очень уж тщедушным и слабосильным выглядел. Правда, за зиму Леша заметно возмужал, оказался он парнем живым, компанейским и на все согласным. Сам захотел быть вторым номером у пулеметчика, таскать полупудового «дегтяря» и диски, это его и доконало в походе — быстро ослабел с голоду. Последние дни стал тихим и будто бы виноватым в чем-то. Не потому ли и выбрал его Живяков?

Еще не совсем стемнело, но видимости уже не было, когда Вася опять услышал позади голос Живякова:

— Чуткин, ты как, готов?

— Готов.

— Ползи влево, здесь спуск получше. Коверский уже внизу, ждет. Я займу твою ячейку.

В руках у Живякова Вася увидел пулемет с надетым пламегасителем.

— Я здесь спущусь.

— Ну как хочешь. Пойдешь за старшего.

Чуткин быстро выдвинулся к самому краю скалы, но прыгать в темноту раздумал, сполз на животе ногами вниз, ободрал ладони, не удержался на ногах, ткнулся боком об острый камень, однако все обошлось благополучно и через несколько секунд он уже лежал у можжевельного куста.

— Леша, где ты? — позвал он, оглядевшись.

— Я здесь, — тихо откликнулся тот.

— Двигай сюда, поползем вместе.

Кажется, их спуск прошел незамеченным для финнов. Здесь под скалой было даже спокойней, пули посвистывали где-то высоко, отблески редких минометных разрывов сюда не доставали, но, пообвыкшись, Вася увидел, что в лесу не так уж и темно, как казалось сверху. Метров на пятьдесят движущегося человека разглядеть можно. Если Живяков не предупредил соседей, то по ним могут полоснуть и свои.

Ползли по намеченному Васей маршруту. Чуткин впереди, Коверский — в нескольких шагах за ним. Добравшись до какого-либо укрытия, отдыхали и подолгу не решались двигаться дальше. Все время казалось, что огоньки автоматных очередей приближаются быстрее, чем они с Коверским продвигаются им навстречу, и Васю не покидало опасение, что финны, пользуясь темнотой, могут начать оттаскивать убитых. Страх не убывало, а прибавлялось. Когда лежишь, уткнувшись носом в землю, и над тобой сзади и спереди перекрещиваются трассирующие пули, то ничего больше уж не хочется — ни сухарей, ни рюкзака, ни похвалы товарищей, хочется поскорей куда-нибудь укрыться и замереть в неподвижности. Чуткину не раз приходилось бывать под огнем, но под двойным огнем он оказался впервые. Если бы не Коверский, который молчаливо рассчитывает на него, то Вася, может, и назад повернул бы: пропади они пропадом эти финские харчи, если даже они есть там. Да и где он, этот проклятый бугорок? Попробуй разгляди его, когда каждая кочка теперь на него похожа.

Но нет худа без добра.

Они были уже за половиной пути, когда где-то северней, где бой опять начал нарастать, в воздух одна за другой пошли ракеты. Слабые полосатые тени заматались по лесу. Вскоре ракета взлетела и над ними. Она горела неправдоподобно ярко и упала у самого подножия скалы. Через две минуты — новая, потом еще и еще, слева, справа. Вася понял, что это надолго, в следующий раз осмелился, приподнял от земли лицо и увидел, что его бугорок вот он, совсем рядом, в каких-то двадцати шагах.

Коверский отставал. Вася и сам уже выбился из сил, дождался, пока Леша приблизится, и прошептал:

— Лежи здесь. Прикроешь, если что...

Очередная близкая ракета застала его у самой цели. Он прыгнул к земле, замер, отсчитывая сердцем те шесть-семь секунд, пока догорит или упадет на землю потрескивающая над головой ракета, и когда наконец это случилось, сзади словно бы стая убегающих во тьму мышей зашуршала по жесткому брусничнику. Вася понял, что это полоснула по земле автоматная очередь, но была ли она случайной или их заметили, он не знал.

Егерь, скрючившись, лежал на боку, и снять плотно подогнанный рюкзак с успевшего окоченеть тела оказалось непросто. Лямку с верхнего плеча кое-как удалось стянуть, нижняя не поддавалась, нужно было переворачивать труп, а делать это опасно, каждую секунду могла взлететь новая ракета, да и сил явно не хватало, ведь работать приходилось лежа. Изрядно повозившись и уже перерезав ремень ножом, Вася сообразил, что этого можно было и не делать: лямки у рюкзака были на пряжках, и ничего не стоило их просто расстегнуть. Собственная недогадливость разозлила его, он дернул к себе рюкзак, оказавшийся и небольшим, и не очень тяжелым, и уже пополз назад, когда вдруг услышал сдавленный стон.

Подумав, что это стонет очнувшийся раненый финн, Вася прислушался. Стон повторился, был он тихим и мучительным, словно человек сдерживал себя через силу, и предчувствие беды охватило Чуткина. Закинув на одной лямке рюкзак за спину, он пополз так быстро, сколько хватило сил.

К несчастью, предчувствие его не обмануло. Леша Коверский лежал вверх лицом, весь выгибался от боли, нища облегчения. Был он близок к беспамятству, и трудно было понять, как могла случайная очередь прошить ему живот, если лежал он в укрытии. А может, та очередь не была случайной, может, Леша решил не терять времени, пополз влево, ко второму намеченному ими егерю, и ракета застигла его на открытом месте?

Вначале Чуткин растерялся. Надо было хоть чем-то помочь товарищу, а что он мог сделать?

— Счас, счас, ты потерпи,— заторопился он, не зная, за что приняться. Потом, ухватив его под мышки, попробовал тащить, для этого им обоим надо было развернуться головой в другую сторону, Леша громко вскрикнул и сразу как-то обмяк. Мешал рюкзак. Вася скинул его ко всем чертям, подсунулся под Лешу, взвалил на спину,

благо был тот легок и податлив, и пополз. Весил Леша едва ли многим больше того «сидора», который пришлось нести Чуткину в начале похода, но тащить его было несравненно труднее. Васе казалось, что он и не ползет, а, задыхаясь, попусту сучит по земле ногами в надежде найти опору. Когда такая опора попадалась, то удавалось на полметра продвинуться. Минут через десять он вспомнил, что не захватил автомат Коверского, пришлось, оставив раненого, возвращаться, искать автомат, тем более, что автомат принадлежал не Леше, а был взят у кого-то только на вылазку.

На глаза попался рюкзак, Вася и его на всякий случай приволок поближе.

До скалы было совсем уже близко, выбери миг затишья, крикни хотя бы вполголоса — и товарищи могли услышать. Но и затишья не было, и кричать не хотелось. Вася чувствовал, что если он снова взвалит Коверского себе на спину, то уже с места не сдвинется. Тогда он расстелил плащ-палатку — благо была она у Леша, свою он оставил на скале, — закатил на нее бесчувственное тело товарища, протолкнул вперед автомат, затем — рюкзак и винтовку, ухватился за угол плащ-палатки и подтащил к себе. Так и продвигался, давно уже потеряв ощущение и времени, и расстояния, радуясь каждому попавшемуся кусочку ровного пространства, по которому плащ-палатка скользила полегче. Он уже ничего не различал. Темные круги бесконечно расплывались перед глазами, лицо саднило от пота, каждый удар сердца больно отдавался в висках.

Со скалы его заметили.

— Чуткин, ты? — услышал он голос Живякова.

— Я, — слабо отозвался Вася.

Двое спустились вниз, подхватили плащ-палатку, ползком быстро утянули ее, а Вася, как бы не веря, что все кончилось, продолжал лежать, и мелкий дождь приятно смывал с лица едкий пот.

— Чуткин, где ты? Скорей! — встревоженно позвал сверху Живяков.

И тут Вася не выдержал, поднялся в рост и зашагал, хромя и пошатываясь, к скале.

Сзади по-прежнему мягко стрекотали автоматы «Суоми», пули с пичужьим посвистом проносились где-то совсем близко, глухо и коротко взлаивали в ответ партизанские «браунинги» и «дегтяри», предостерегающе

кричал и матерился Живяков,— но все это теперь словно бы не касалось его, все стало удивительно безразличным, да и шел как будто не он, а кто-то другой, а сам он, опираясь о землю содранными в кровь локтями и коленями, все еще продолжал ползти. Его подняли на скалу, оттащили в затишье.

— Полежи, отдохни пока,— мягко и сочувственно сказал Живяков, опускаясь рядом.— Значит, так и не добрались до харчей?

— Почему не добрались? Добрались... Один рюкзак сняли.

— А где же он? — не поверил Живяков.— Ну-ка, ну-ка, расскажи, парень.

Рассказывать Васе не хотелось, но в тоне отделенного он уловил не то недоверие, не то подозрительность, и это обидело его:

— А я чё — двужильный, чё ли? Ты думаешь, Лешку просто было? Да еще автомат, да винтовка... Сам бы попробовал...

— Ты не ори! Мешок-то, мешок где?

— Там остался.

— Где там?

— Чуть ближе, где Лешку ранило...

— В конце концов ты можешь рассказать толком или нет? — повысил голос Живяков.— Докладывай все по порядку.

Пришлось рассказывать. Живяков слушал, кивал головой, а сам хмурился, сопел и безотрывно смотрел на Чуткина.

— Вот уж воистину говорят,— тяжело вздохнул он,— заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет... А я все ждал, когда же ты, Чуткин, поумнеешь?

— Чё я опять не так сделал? Ты скажи!

— Тебя, Чуткин, я ведь за делом посылал. Не для того, чтоб лишним куском брюхо набить. Это ты хоть взял ли в толк? Ты хоть видел ли, куда Коверского ранили?

— Чё, я слепой, чё ли?

— А ты знаешь, что с такой раной человек уже не жилец? Вот так-то... О живых ты и не думал! Тащил себе мертвеца и наплевать тебе, что без жратвы завтра все живые не подымутся.

— Бросить надо было, чё ли?

— Зачем бросать? — Живяков помедлил и нашел-

ся:— А вот скажи, парень, как бы ты поступил... Вот если бы вас не за жратвой, а, допустим, мост взрывать отправили, и Коверского так же ранили. Ты что же — тоже на задание бы плюнул и потащил бы его назад?

— Сравнил — мост и жратву...

— Какая разница? Задание есть задание. А для нас, может, жратва теперь поважнее любого моста... Попали в такой переплет, что дай бог хоть кому-нибудь в живых остаться. Сам рассуди — выходит, Коверский зря погиб, без пользы, и все из-за того, что ты слюняем оказался.

Вася никак не хотел соглашаться с Живяковым; было в рассуждениях отделенного что-то такое, что противно было его представлениям о войне, о долге и товариществе, однако найти какой-то довод и возразить он не мог и оттого чувствовал себя все более виноватым. Вылазка за продуктами стала казаться ему позором.

— Может, там и продуктов-то не было?

— Ты даже это не посмотрел? — удивился Живяков.— Ну, парень, и где ты только вырос таким!

— Я отдохну, сползаю за мешком.

— Куда ты гож. Без тебя сползают. Скажи, где он?

— Туда, наверное, целая борозда осталась.

Живяков ушел, а через несколько минут, ровно в полночь, началась вторая попытка финнов ворваться на высоту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПО РАССКАЗУ КОМИССАРА ЯКОВА ЕФИМОВА

(Сегежа, сентябрь 1942 г.)

Еще когда комбриг Григорьев ставил мне задачу, я решил, что возьму с собой третий взвод. И не весь взвод, а человек пятнадцать повыносливей.

Вернувшись в отряд, докладываю о задании командиру, приказываю комвзвода Климакову собрать и подготовить побольше мин, вместе с политруком Врублевским решаем, кто пойдет, кто останется в обороне.

Минут через десять все готово. Люди собраны, двадцать пять мин переданы командиру отделения, который хорошо знаком с минно-подрывным делом. Быстро и скрытно отходим в глубь сопки, выдвигаемся к юго-западному склону, где держит оборону отряд «Буревест-

ник», и начинаем спускаться. Здесь тихо, а позади на севере идет сильный бой. Каждую минуту там рвутся три-четыре мины, а пулеметные и автоматные очереди сливаются в сплошной гул.

Уже стемнело. Мы резко поворачиваем на восток и позади финских позиций огибаем высоту. Трассирующие пули, но уже наши, то и дело мелькают перед глазами, а над сопкой, где осталась бригада, творится невообразимое. Со всех сторон, наперекрест друг другу, несутся трассирующие очереди, багрово вспыхивают и гаснут разрывы, взлетают осветительные ракеты. Гул боя то накатывается на нас, то удаляется, доносятся какие-то вскрики — то ли команды, то ли вопли раненых.

Казалось, с наступлением темноты бой должен затихать, а получилось обратное. Финны в темноте еще раз предприняли попытку прорваться на высоту. Давили с трех сторон и вели такой интенсивный обстрел, какого и днем не было.

Честно говоря, я очень опасался — удастся ли нам сразу и без блужданий выйти к цели, ведь ночью в лесу ориентироваться очень трудно. Поэтому и держался поближе к линии боя, сокращая этим путь.

Все получилось удачно. Примерно через полчаса мы сначала наткнулись на болотце, а потом впереди справа разглядели и ту высоту, где была оборона. Скрытно приблизились, залегли, несколько минут понаблюдали. Вроде пусто, никого нет.

Даю команду занять вблизи круговую оборону и приступить к минированию.

На высоте, где бригада, все еще идет жаркий бой. Со стороны болота несколько раз слышу хлюпанье, это совсем недалеко, и хочется полоснуть туда автоматной очередью, но огонь не открываю.

Наконец минирование закончено. Поставлено девятнадцать противопехотных мин. Можно бы и отходить, но мне почему-то кажется, что бой на главной высоте вот-вот начнет затихать, сколько же можно безуспешно атаковать, а в том, что финские атаки безуспешны, легко было определить по перестрелке. Рассчитывал — как только финны начнут отходить по болоту к этой своей обороне, открою по ним огонь, а сам быстро отскочу в южном направлении и стану выбираться к своим.

Ждем десять минут, пятнадцать, двадцать. Бой продолжается. Даю команду — боевым порядком двигаться

через болотце, и, если удастся, ударить по противнику с тыла, чтобы с боем прорваться к своим.

Впереди двигаются двое дозорных, за ними — мы с Климаковым, потом остальные, а замыкает колонну политрук Врублевский.

Идем осторожно, но метров через сто дозорные останавливаются: на противоположном краю болота — противник. Я тихо командую развернуться вправо и влево, в это время над нами осветительная ракета и сразу окрик:

— *Tunnussana?*¹

Я сразу же падаю в болотную жижу, открываю на голос огонь, бойцы следуют моему примеру. Противник беспорядочно отвечает, но постепенно его огонь становится интенсивней. Тяжелое ранение в шею сразу же получает командир взвода Климаков. Вперед уже не прорваться, надо отходить, и я принимаю решение отойти за болото в лес, севернее высотки, которую мы минировали. Нас спасла темнота. Финны продолжали стрелять, но правее нас, по тому курсу, которым мы подходили к ним.

Четверо бойцов несут Климакова, с каждой минутой ему становится хуже.

Наконец выбираемся в лес, начинаем решать, как быть дальше. Надо как можно скорей пробираться к своим. Но как? Куда идти? Прорваться с боем мы уже не сумеем, нас сильно затруднял раненый Климаков. Все твердо сказали, что его не оставят, пока сами будут живы. Врублевский предложил двигаться на северо-запад, добираться до лагеря раненых и больных в квадрате 88—04, оставить там Климакова, а потом уж возвращаться к бригаде. Помня наказ комбрига, я отклонил это предложение.

Решаю до рассвета скрываться и маневрировать в тылах противника, искать случай пробиться к своим. Людей предупреждаю, чтоб огонь открывали в исключительных случаях, только по видимой цели и с близкого расстояния. Важно и патроны беречь, и не выдавать противнику наших сил.

Мы находились в ста метрах от высотки, которую минировали, но теперь с севера от нее. Кругом — противник, мы все время слышим голоса. Пули с линии нашей

¹ Пароль? (фин.)

обороны на главной высоте то и дело посвистывают вокруг нас. Климакову совсем плохо.

В это время, получив отпор и не добившись успеха в атаках, противник начал отходить и стягиваться отдельными группами к малой высотке, где у него была оборудована оборона. С разных сторон на болоте слышалось хлюпанье, окрики, стоны раненых. Там наверху бой еще продолжался, но уже стихал, а здесь царила какая-то неразбериха. Как только первые несколько групп добрались до высотки, там начали взрываться наши мины. За десять минут мы насчитали двенадцать взрывов. Брань, крики, ругань. Некоторые группы стали

сворачивать к нашему лесочку. Я даю команду двигаться по болоту на юго-запад. Слева и справа наперерез нам двигаются финны, тоже несут раненых, пыхтят, ругаются. Пока мы перебираемся через болото, встречаемся с тремя группами противника. Принимая нас за своих, они вяло окликают: «Туннуссана?» Я отвечаю: «Хей, хей», — и открываю на голос огонь из автомата. Они матерятся, тоже стреляют и разбегаются.

Выбрались из болота, повернули на юго-восток, чтобы сбить с толку финнов, если вздумают преследовать. Положение наше стало незавидным. Сил нести командира взвода уже не было, кругом противник, бойцы едва

держатся на ногах. Появились нытики, начались разговоры, что мы все равно погибнем, зачем мучить себя, мотаться по лесу, надо или уходить подальше, или пробовать пробиваться к своим.

Пришлось собрать всех, пристыдить и пристрожить. Настроение чуточку поднялось. А в это время на руках у бойца Дготинцева скончался командир взвода Климаков...

Было около двух часов ночи. Выкопали неглубокую могилку, положили в нее комвзвода, не успели засыпать, как на нас наткнулась группа финнов. Опять спрашивают пароль. Я решил не отвечать и не отходить, пока похорошему не зароем могилу. Бойцы, как бы поняв мое решение, стоят молча с оружием наизготовку, двое продолжают зарывать могилу. Вторично кричат: «Туннусана?» И тут я не стерпел, крепко выругался по-фински и дал очередь. Они тоже выругались, ответили короткой очередью и откатились. Похоронив комвзвода, двинулись дальше на юго-восток и в километре от главной высоты опять наткнулись на окопы противника. В окопах никого не было, но метрах в пятидесяти горел костер и там находилось человек до тридцати. Они нас заметили, первыми открыли огонь, пришлось отскакивать в глубь леса, менять маршрут. Слава богу, обошлось без потерь. Хотя опасность и подстегивала, но сил у людей уже не оставалось. Бодрее других чувствовали себя политрук Врублевский, бойцы Наумов и Гаврилов. Двое последних были всегда при мне, беспрекословно выполняли любое приказание и шли куда угодно.

Местность, где нам пришлось маневрировать, была болотистая, лишь изредка попадался суходол. Высокие места занимал противник.

Прошли на юг еще около километра, недалеко заметили костер. Одновременно услышали, как за болотом какая-то колонна продвигается на юг. Время было близко к рассвету. Подумали, что это отходят наши, так как бой на высоте стал затихать. Решили установить, чей костер и кто двигается за болотом. У костра никого не оказалось, но по бумажкам и почтовому конверту мы поняли, что был здесь противник. Приказав бойцам обогреться у костра, — а были мы все мокрые, озябшие, — я с бойцом Наумовым пошел наблюдать за болотом. По ту сторону болота, метрах в восьмидесяти от нас, двигалась гуськом на юг большая колонна. Шла она по опуш-

ке леса и тянулась бесконечно долго. Было еще сумеречно, моросил мелкий дождь, и трудно было понять — наши там или финны. Потом мы поняли, что это передвигается противник. На носилках несли раненых и убитых. Мы наблюдали минут пятнадцать, а колонна все шла и шла, было их не меньше двухсот человек.

И вдруг на нашей стороне болота у опушки леса, метрах в пятидесяти от нас, левее, замечаю трех человек. Потом вижу, как от идущей колонны отделяются какие-то люди, пересекают болотце, мимо часовых поднимаются на нашу высотку, а там — шалаш и палатка. Признаюсь, в первую секунду я оцепенел. Надо же — оказаться в самом логове врага. Бойцы продолжали греться у костра. Мы с Наумовым метнулись к ним. Я приказал залечь и выждать, а сам лихорадочно решал — что же делать? Уже думал начать скрытный отход на север, но в это время из шалаша вышел офицер. Пройдя в нашу сторону метров десять — пятнадцать, он принялся справлять «малую нужду», а я стал медленно и тщательно целиться. Я хорошо видел его мясистое лицо и блестящие знаки на петлицах. Короткая очередь — и он рухнул на землю без единого вскрика. Из шалаша выбежал еще один, с автоматом, окликнул и стал озираться по сторонам. Он не видел, что тот, кого он окликает, лежит в пяти метрах на земле. За ним выскочили еще пять человек в черных плащах, и я решил не ждать. Несколькими автоматными очередями я свалил еще двоих, пуля политура Врублевского настигла третьего, а пуля бойца Наумова — четвертого. Двое залегли в кусты и выжидали, боясь обнаружить себя. По болоту уже бежали в нашу сторону солдаты. Мы быстро-быстро, сначала пригнувшись, потом в открытую сколько было сил помчались на север, и, к счастью, ни одного выстрела не прозвучало нам вдогонку.

Стало уже совсем светло. Мы на открытом месте, кругом на высотах — финны, а по нашей тропе идет группа преследования. Выхода не было, и я решил идти прямо к бригаде, от которой нас отделяло километра два. Мы не знали, что там происходит, хотя чувствовали, что происходит что-то серьезное. Яростная перестрелка вспыхивала то в одном, то в другом месте, но минометы давно уже не били. Несколько раз мы натыкались на финнов, нас обстреливали, мы отвечали и уходили.

На высоту 264,9 попали часов в девять утра, когда

бой совсем затих. Вышли через то самое болото, на котором ранило Климакова, долго шли по пологому склону. Вокруг ни одной живой души. Потом стали попадаться убитые. Сначала финские, а потом на высоте — наши. Невыносимо тяжелое это зрелище — поспешно оставленное поле недавнего жаркого боя.

Мы почти напрямик пересекли высоту, с юго-востока на северо-запад, спустились с отвесной скалы и, решив, что наши, хотя и отошли, наверное, на запад, но потом обязательно повернут на север, мы взяли азимут 335° и двинулись дальше. Переправились через речку, прошли с километр и потом наткнулись на бригадную тропу...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

(высота 264,9, 31 июля 1942 г.)

1

Второе наступление финнов продолжалось почти до рассвета.

Началось оно с усиленного минометного налета по линии обороны на северном участке, и он сразу же стал приносить партизанам ощутимые потери. Мины рвались на поверхности, люди жались к камням, к корням деревьев, но укрыться от осколков было трудно. Беспредельно над сопкой взмывали ракеты, было светло как днем, автоматный и пулеметный огонь достиг такого накала, что, казалось, нет на высоте места, не прошиваемого пулями. Потом минометный огонь был перенесен в глубину и финны с трех сторон начали давление на оборону.

У партизан других команд не было — только одна, и ее постоянно передавали по цепи:

— Держаться!

Ее можно было и не повторять, каждый знал, что отступать некуда, высота, как казалось, окружена, рубеж единственный, и стоит финнам ворваться наверх, как все пропало.

Раненые не просили о помощи. Кто мог еще держать оружие, продолжал огонь, другие, у кого не было сил, корчились от боли у своего рубежа, и девушки-сандружинницы сами находили их по тихим стонам.

На некоторых участках финны подобрались к оборо-

не совсем близко и залегли, продолжая вести интенсивный огонь. Партизаны понимали, что они накапливают силы и вот-вот двинутся в атаку — ведь разделяли их какие-то сто метров, — приготовили гранаты, вторые номера торопливо перезаряжали пулеметные диски, но решающего штурма все не было.

Проходил час за часом, обе стороны несли потери. Когда огонь чуточку ослабевал, снизу кричали по-русски и по-фински:

— Григорьев, сдавайся! Греков, сдавайся! Живыми не уйдете!

В разгар боя над высотой появились два самолета. Григорьев приказал разжечь опознавательные костры, сразу же на их свет ударили вражеские минометы. Один из костров тут же накрыло прямым попаданием. Как было условлено, Григорьев одну за другой выпустил четыре сигнальные ракеты. Невидимые во мгле самолеты сделали несколько огромных кругов и улетели, не сбросив продуктов.

...Вернувшись, летчики доложат командованию, что в указанном квадрате видимости практически не было, но, судя по всему, там шел бой, который вели, вероятно, партизаны; распознать, где какая сторона, возможности не было, отмечено множество костров и ракет; опасаясь, что продукты могут попасть к противнику, от выброски решили воздержаться.

Никто ни словом не упрекнет летчиков, да и за что их упрекать? Разве за то, что они не знали всей трагичности положения партизан в эти часы?

Но в эти часы и самой бригаде было уже не до продуктов...

Небольшой группе финнов удалось скрытно проникнуть на высоту с юга. Они начали прокрадываться в тыл обороны, но наткнулись в ложбине на нескольких раненых партизан, которым делала перевязку медсестра. Раненые были с оружием, они открыли огонь. Егеря перебили всех, включая медсестру. Услышав перестрелку на самой высоте, Григорьев направил туда автоматчиков из единственного своего резерва — из разведзвода. Разведчики быстро окружили вражескую группу и почти полностью уничтожили. Захваченный в плен раненый вьярикки¹ держался надменно, сразу же заявил, что он

¹ В я н р и к к и — прапорщик, младший офицерский чин.

не финн, а швед, словно бы это делало его личность неприкосновенной, и предложил партизанам сдаться, обещая отношение к ним в соответствии с конвенцией о военнопленных. Допрос через переводчицу вел Колесник. Григорьев сидел неподалеку. Его мутило, жаром полыхала спина. Недавно еще один осколок — теперь в ключицу — зацепил его, и левая рука почти не действовала.

Колесник уже кипел от ярости.

— Мать твою разэтаки! — не выдержал он. — А раненых ты перестрелял тоже в соответствии с твоей конвенцией? Переведи ему!

Пленный выслушал и так же высокомерно ответил:

— То была война, мы защищали свою жизнь. Когда сдадитесь — войны не будет. Зачем ненужное кровопролитие!

В это время приблизился Григорьев. Он присел, слушал.

— Черт побери! Он еще дипломата корчит из себя! — по-фински произнес он и начал медленно вынимать из колодки маузер.

Пленный, теперь уже торопливо, повторил, что он не финн, а швед, и у него нет враждебных чувств к русским.

— Значит, доброволец? — Григорьев отвел предохранитель.

— Нет-нет... Я не из Швеции. Я родился в Финляндии.

— Меня интересует, не где ты родился, а с кем ты водился. Номер части, фамилия командира, численный состав, вооружение, когда и откуда прибыли? Ну!

— Я ранен. Мне нужна помощь.

— А я разве не ранен? Ты не видишь?

Секунду они молча, в упор смотрели глаза в глаза, и вняврикки не выдержал, опустил взгляд к руке, поднимавшей маузер, потом выпрямился, заговорил. Он сообщил, что против партизан действуют сейчас четыре роты из двух батальонов, сам он из егерского взвода батальона пять-восемь, подчинен командиру роты Перттула из четвертого батальона, что из Сельги и Янгозера вызвано подкрепление и к утру будет здесь.

— Какое?

— Не знаю... В Сельге остался второй батальон.

— А в Янгозере?

— Там эскадрон и два егерских взвода.

Колесник, как только ему перевели ответ, воскликнул:

— Запугивает, наверное... Сейчас опять о сдаче в плен начнет говорить, паразит...

— Не знаю,— покачал в сомнении головой Григорьев.— Уж больно на правду похоже... Почему бы этому подкреплению и не идти сюда, коль оно есть поблизости...

Медленно рассветало. Небо было затянуто серыми, как промокшая вата, пятнистыми тучами, они постепенно темнели, отслаивались, оседали, и день не обещал летной погоды.

Бой затихал. Стрельба слышалась по всему кругу обороны, но была она вялой и после недавнего напряжения казалась уже затишьем. Чувствовалось, что финны занимаются какой-то перегруппировкой своих сил.

Когда надежд на получение продуктов не осталось, Григорьев принял решение прорываться. Около шести часов утра он собрал командиров отрядов и изложил свой план. Один взвод отряда «Боевые друзья» немедленно приступает к наведению переправы через реку Тяжа. Разведвзвод по северо-западному склону проникает в тыл финнам и одновременно с отрядом «Боевые друзья» начнет атаку с целью прижать противника к болоту, под огонь отряда «Мстители». Отряды имени Антикайна и «Буревестник», под общей командой Кукелева, осуществляют прорыв в южном направлении и, развернувшись, атакуют противника вдоль восточного склона. В это время происходит быстрая эвакуация раненых. Когда противник будет сбит и отброшен, все отряды начинают отход на запад. В прикрытие на высоте останется отряд «Мстители»...

Все понимали, что осуществление этого плана даже при самом благоприятном исходе сулит немалые потери, но никто не высказал ни сомнений, ни возражений — это был приказ, и лучшего варианта не было.

Григорьев, сделав паузу, повторил мысль, которую он уже высказал вечером комиссару и начальнику штаба:

— Просто отойти мы не можем... Мы должны хотя бы на время отбить у противника охоту преследовать нас. Конечно, атаковать в двух направлениях — это нахальство с нашей стороны. Но именно поэтому оно и может принести успех. Важно действовать решительно и с той быстротой, на какую мы способны... Для эвакуации раненых каждый отряд направит в распоряжение сан-

части по отделению. Дело это настолько трудное, что им займется комиссар бригады. Все! По местам и готовьтесь к прорыву!

Тут же все командование бригады распределилось на время прорыва по отрядам: комбриг пойдет с «чапаевцами», комиссар — с отрядом «За Родину», его помощники Кузьмин и Тихонов — с «антикайненцами» и «Буревестником», а Колесник будет согласовывать действия разведзвода, «Боевых друзей» и «Мстителей».

Поручение комбрига обидно укололо Аристову. Даже не само поручение — тут ничего особенного не было, эвакуация раненых действительно серьезная проблема, и кому-то из командования бригадой ею надо заниматься. Удивило, как оно было дано. Григорьев мог бы заранее по-товарищески предупредить, что хочет, чтобы этим делом занялся комиссар. А то выдал при всех, без согласования, и чуть ли не в приказном порядке, словно комиссар сам не знает своих обязанностей.

Как только командиры разошлись, Аристов собрался объясниться или хотя бы намекнуть комбригу — не хотелось перед таким трудным боем оставлять на душе даже пустяковой недоговоренности, — но, глянув на Григорьева и увидев его воспаленное, все в наклейках лицо, его беспокойные, даже тоскующие глаза, тут же передумал, решил отложить до более удобного времени, а потом и вовсе устыдился своего намерения: «Черт возьми! О чем я? Об этом ли надо думать теперь?!»

Григорьев посидел, вслушиваясь в звуки неутихающей размеренной перестрелки, попросил закрепить левую руку на перевязь и ушел вместе со связным.

— Пройдусь по отрядам, — сказал он. — Как только сделают переправу, пусть сразу доложат.

Аристов снова — в который уже раз! — побывал в лазарете. Два часа назад там уже числилось двадцать шесть тяжелораненых, доставленных из отрядов. Человек десять кое-как, вплотную друг к другу, разместились в шалаше, остальные, накрытые плащ-палатками, лежали прямо под дождем. Бригадный врач Петухова, ее помощник военфельдшер Чеснов и несколько сандружинниц разрывались на части в попытках облегчить им страдания. Раненые продолжали прибывать, и Аристов был удивлен, когда узнал, что на данное время в санчасти находится двадцать три человека.

— Восемь человек уже скончались от ран,— с виноватой грустью пояснила Петухова.

— Скончались от ран,— машинально повторил Аристов. Он словно бы забыл, что люди могут не только мгновенно догибать на поле боя, но и умирать от полученных ран, находясь уже в санчасти.

— Да, мы были бессильны... Ранения бывают безнадежными.

— И много осталось... таких?

Петухова неожиданно заплакала.

— В наших условиях они все погибнут... Большинству нужны операции, ампутация конечностей... Где их проводить, когда, с кем? Мы успеваем только перевязывать. Почистим, перевяжем и все. Это ужасно, это ужасно!

— Успокойся, Екатерина Александровна... Никто не винит тебя,— проникаясь жалостью к ее слезам, сказал Аристов и, подумав, а что же будет, когда начнется прорыв, на мгновение растерялся и тут же, как это бывало с ним, вскипел и на себя и на собеседницу: — Что ты нюни распускаешь? На тебя люди смотрят. Соберись с духом, слышишь! Дай мне фамилии, кто умер, кто вновь поступил.

Аристов обошел всех раненых. Кто был в сознании и узнал его, тому сказал несколько ободряющих слов, кто лежал с закрытыми глазами или метался в бреду — над тем молча постоял, вглядываясь, узнавая и не узнавая его. Знал он многих. Вот и тот пулеметчик Прястов из «Боевых друзей», о котором недавно рассказывал комиссар отряда Поваров. В начале второго наступления он был тяжело ранен в грудь, но продолжал вести огонь и на попытки сандружинниц оттащить его от пулемета ответил: «В разгар боя коммунисты не уходят!» Стрелял, пока не потерял сознание... Теперь вот лежит он неподвижно с закрытыми глазами, часто и судорожно дышит, и две слабые струйки крови сбегают с уголков рта. Вспомнив, что он дал указание Поварову по возвращении оформить документы на награждение Прястова орденом, Аристов склонился к самому лицу пулеметчика и сказал:

— Ты слышишь меня, Прястов? Ты вел себя как настоящий коммунист, ты будешь представлен к ордену!

Ничто не шевельнулось в ответ на бледном, безжизненном лице. Аристов поспешно, кусочком бинта, вытер

струи крови и зашагал в расположение штаба, а в сознании все еще звучал голос Петуховой: «Скончался от ран...»

Вернувшись, он приказал вызвать Колчина.

Рослый, широкоплечий, с голубыми веселыми глазами, Колчин был первым красавцем в бригаде. Он пришел в партизаны из Пудожского истребительного батальона; зимой, когда штаб бригады стоял в Чажве, а потом — в Теребовской, служил комендантом штаба, был примером исполнительности и находчивости, добровольно ходил в разведки, но проштрафился по женской линии, запутался в амурных историях с девушками из санчасти и был переведен в отряд с понижением в должности. В отряде служил хорошо, вел себя безупречно. Аристов много раз интересовался мнением о нем и получал положительные отзывы.

Теперь, когда возникла мысль создать группу для эвакуации раненых, лучшей кандидатуры для командования ею Аристов не видел. Такой найдет выход из любого положения.

Колчин явился, с готовностью выслушал задание и спросил:

— Разрешите вопрос, товарищ комиссар?

— Да, слушаю.

— Сколько всего раненых?

— Сейчас двадцать три человека...

— А сколько бойцов будет в моем распоряжении?

— Считай сам. По отделению из каждого отряда.

Значит, человек около тридцати.

— Как же нести, товарищ комиссар? Даже по два человека на каждого раненого не приходится.

— А ты что хотел бы? — рассердился Аристов. — Чтоб полбригады тебе дали? Кому-то надо и воевать... Там есть раненые, которые с помощью и сами могут двигаться.

— Наверное, будут и еще раненые? Бой-то вон все идет.

— Будут, наверное.

— На прорыв пойдем, еще больше появится?..

— То не твоя забота. О них позаботятся в отрядах...

Не узнаю тебя, Колчин! Ты что — торговаться сюда явился, что ли?

— Я не торгуюсь, товарищ комиссар. Я думаю. Не-

ужто и совсем безнадежных понесем, товарищ комиссар? И их, и себя мучить...

— Что ты предлагаешь?

— Неужто нет у наших докторов каких-то порошков, чтоб люди зря не страдали?

— Хватит болтать попусту, Колчин! Тебе ясно задание? Выполняй. Еще раз повторяю, чтобы ни один человек — больной или раненый — не остался на высоте. Головой ответишь.

2

Последний час перед прорывом Григорьев провел в странном состоянии нетерпения и внутренней оцепенелости. Ломило в висках, по спине то и дело прокатывался озноб, каждое неосторожное движение резкой болью отдавалось в раненом плече, он чувствовал, что силы были на исходе и надо бы поберечь их, посидеть и согреться; раз-другой он даже пытался сделать это, но как только опускался на землю, сразу туманилось в голове, клонило в сон. Быстро-быстро набегали тревожные видения, он вздрагивал, резко поднимался и вместе с болью возвращалась ясность сознания, а с нею — желание куда-то идти, что-то делать.

Но делать практически было нечего. Все распределено, все намечено, и все теперь будет зависеть уже не от него, а от этих ребят, которые всю ночь, голодные, усталые, израненные, провели под огнем и теперь, по его сигналу, поднимутся в последнюю атаку. Бой будет таким, что он, комбриг, в случае неудачи на каком-либо участке даже не успеет помочь, подбросить подкрепление. Да и где оно? Все в деле, каждый человек на счету, а единственный его резерв — разведзвод — первым пойдет на прорыв.

Если бы только прорыв! Простой прорыв осуществить было бы легче: навалиться всей бригадой в одном направлении — и все! Но ведь насядут на хвост, будут отрывать кусками, по частям затянут в бой... Истощенным людям не уйти от свежих и сытых егерей. Нет, удачу Григорьев видел не в простом прорыве, а в таком, чтобы финны не смогли прийти в себя хотя бы сутки... Будет ли она? А если вся эта хитрость обернется лишь дополнительными потерями? Имеет ли он, комбриг, право тре-

бовать от своих людей так много, коль они безропотно отдали ему практически все — и веру, и силы, и жизни?

Раньше ему никогда не приходилось задумываться над этим. Ведь случались же и прежде ситуации, когда нужно было мучительно думать и выбирать. Почему же тогда не приходили в голову мысли о праве, о долге, о совести? Не потому ли, что там все оправдывали сами обстоятельства, они были ясны и понятны каждому. А может быть, потому, что этот бой может оказаться для бригады последним. Когда превосходство и инициатива в руках врага, легко оправдать любую неудачу, и никто не станет строго судить командира. Но когда командир берет инициативу на себя и терпит неудачу — тут совсем иное дело, тут судей хватит, и главным из них будет твоя совесть. Вспомнилось, как на базе, когда доводилось выпивать и они с комиссаром оставались с глазу на глаз, Аристов, делавшийся удивительно мягким, уступчивым и даже расслабленным, любил повторять: «С тобой, Иван Антонович, хорошо воевать. Ты честен и удачлив!» Было даже странно слышать о себе такое, странно и приятно. Григорьев лишь грустно усмехался в ответ. Честным и неунывающим в жизни — он, возможно, и мог бы считать себя, а удачливым — вряд ли... Ни разу не принял всерьез этого полупьяного откровения, а вот сегодня, острее, чем когда-либо, захотелось, чтоб оно казалось правдой. Как нужна она сегодня, эта удача! Не для себя, не для чести и славы, а для этих вот, дорогих и близких, безоглядно веривших ему людей, которых сюда, на эту каменистую, обильно политую кровью высоту привел он, и он теперь в ответе за все!

Григорьев сознавал, что и то, что теперь представлялось ему удачей в их положении, дорого обойдется бригаде, за нее придется заплатить слишком безвозвратную цену; это сидело в душе, как заноза, заставляло искать дела, двигаться, страдая от боли и безысходности дум, — но иного выхода он не видел, и он двигался, перебирался из отряда в отряд, спрашивал о самочувствии, подбадривал, улыбался, и мучительным утешением стало для него видеть на изможденных лицах ответные, полные надежды улыбки. Поэтому, когда ему наконец доложили, что переправа готова, Григорьев с каким-то внутренним облегчением дал команду начинать...

Через тридцать лет финский военный историк Хельге Сеппяля в своей книге «Советские партизаны во второй

мировой войне», рассказывая довольно подробно о поросозерском походе партизанской бригады Григорьева, напишет о бое в ночь с 30 на 31 июля 1942 года всего несколько фраз:

«В конце июля бригада остановилась в финском тылу в ожидании подкрепления. И тогда финны силой до батальона предприняли атаку на партизан, однако в действительности сами оказались в трудном положении».

Со щадящей самолюбие своих соотечественников деликатностью он не решится сказать большего и не назовет даже цифр потерь, хотя в других случаях, при описании партизанских операций куда более мелких, он обязательно приводит потери с той и другой стороны.

Трудно предположить, чтобы такой сведущий специалист не знал, как в действительности закончился бой на высоте 264,9.

...Разведвзвод почти бесшумно скатился по западному склону, смял редкий заслон финнов, проскочил на соседнюю высоту, развернулся и повел быстрое наступление во фланг, вдоль северного обвода главной высоты. Следом за ним вступил в действие отряд «Боевые друзья». Судя по всему, финны и впрямь не ожидали такой дерзости и проявили удивительную беспечность. На рассвете они оставили на позициях половину сил и дежурные огневые точки, которые непрерывно обстреливали партизанскую оборону, а другая половина отошла в глубь леса, разожгла костры, сушилась и завтракала в ожидании подкрепления. Считалось невероятным, что днем партизаны решатся на прорыв, да еще в северном направлении.

Неожиданность принесла успех.

Сбитые с позиций солдаты разбегались, отступали на восток, а паника усилилась, когда они попали под фланговый огонь сначала отряда «Боевые друзья», потом — «Мстителей». Они вынуждены были отходить через открытую низину на север, и это стало похоже на разгром: пулеметные очереди из десятка стволов сразу же заставили их залечь на голом месте, потом под шквальным огнем ползком и перебежками добираться до кустов. Успех был бы еще большим, если бы разведвзвод, боясь оторваться слишком далеко и оказаться отрезанным от бригады, не прекратил преследования.

Одновременно на южном участке начали действия отряды «Буревестник» и имени Антикайнена. Не встре-

тив серьезного сопротивления и почти незаметно они совершили такой глубокий обход, что неожиданно в лесу наткнулись на финский командный пункт, смяли его и повели быстрое наступление вдоль юго-восточного обвода высоты. В руки партизан попала штабная рация. Связной командира отряда Дмитрий Востряков меткой пулей сразил убежавшего офицера, вместе с комиссаром Николаем Макарьевым они наскоро собрали документы, и наступление продолжалось. Разрозненные группы финнов, отстреливаясь, уходили на север, между высотой и озером, к той самой горюшке за болотом, на которой еще вчера были обнаружены их подготовленные позиции.

В это время комбриг Григорьев находился на правом фланге отряда имени Чапаева. В ста метрах правее и чуть впереди залегли остатки взвода Мелехова из отряда «За Родину». Недавно, чтобы ввести в заблуждение противника и обозначить попытку прорыва якобы в этом месте, Мелехов водил взвод в атаку и понес потери. Еще правее, невидимые отсюда, располагались готовые к броску вперед взводы Самсонова и Мурахина.

Приближались решительные минуты. Григорьев ждал этого момента, волновался и дрожал от озноба и нетерпения.

— Вася! — крикнул он связному. — Мигом к Колеснику. Пусть атакует одним взводом в сторону болота! Постой, дай-ка мне автомат!

— Товарищ комбриг! Я пошлю кого-нибудь другого! Я не оставлю вас...

— Я что сказал?! Быстро!

Сил было маловато. В отряде имени Чапаева оставалось всего два неполных взвода, третий, ушедший с Ефимовым, так и не вернулся. Но когда Григорьев по звуку стрельбы понял, что финны уже приближаются к болоту, вот-вот они начнут обходить его и дальше станут недостижимыми, он не выдержал, дал ракетой сигнал к общему прорыву и закричал командиру взвода «чапаевцев»:

— Вперед! Поднимай взвод! За мной!

Он побежал первым, даже не оглянувшись, но твердо зная, что люди обязательно поднимутся за ним.

— Взвод, за мной! — услышал он позади голос, остановился, увидел действительно поднявшихся людей, на секунду мелькнула тревожная мысль: «Не рано ли?», но менять что-либо уже было нельзя, да и сильного встречного огня противник пока не открывал, пули посвистыва-

ли вокруг, но были они скорее всего случайными, и радостно подумалось, что финны, стоявшие против них, возможно, уже снялись с места, что до кромки болота недалеко и взвод успеет отсечь путь противнику, которого теснит сюда Кукелев.

Бежали бесшумно, все плотнее стягиваясь друг к другу. Кто-то обогнал комбрига, кого-то позади ранило, он вскрикнул и начал звать медсестру; на ходу Григорьев оглянулся влево-вправо и тут же споткнулся, едва не упал; болтавшийся на груди автомат больно стукнул по раненой руке, и сразу закружилась голова, по левой стороне груди потекло что-то липкое и теплое. Григорьев ухватился правой рукой за ствол молоденькой сосенки, секунду-другую постоял, уже понимая, что не автомат причинил ему боль, а наоборот — он спас его, ибо это пуля срикошетила от кожуха и снова задела раненое плечо.

До ольховых зарослей, обрамлявших болото, оставалось меньше ста метров. Впереди сквозь серую мглу слабо проступала та злополучная горушка...

— Комбриг, что с тобой? — спросил подбежавший комвзвода.

— Ничего. Вперед! Разворачивай взвод вправо. Не пускай их к той высотке!

— Я пришлю ребят!

— Не надо! Не теряй времени! Вперед!

Вслед за ним комбриг успел пробежать несколько десятков шагов. Он заметно отставал, сил уже совсем не было.

Взвод, разворачиваясь на ходу, бежал под прикрытием кустов наперерез отходящему противнику, Григорьев остался позади, и в это время длинная пулеметная очередь с горушки за болотцем сразила комбрига. Он медленно и бесшумно осел на землю и больше не шевелился.

Оглянувшись, командир взвода увидел позади неподвижного Григорьева, понял, что произошло. Одного за другим он послал к комбригу двух бойцов, но оба тут же на глазах погибли под пулеметными очередями, а через несколько минут спереди приблизился противник и стало уже не до этого.

Много финнов полегло возле этого болотца, но и из взвода, с которым пошел в атаку комбриг, удалось пробиться к своим лишь двум бойцам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

(высота 264,9, 31 июля 1942 г.)

1

Еще до начала прорыва отделение Живякова назначили в распоряжение санчасти для эвакуации раненых.

В походе это была самая тяжелая и неблагодарная работа. Чертыхаясь, Живяков отвел своих ребят с позиции, по привычке пересчитал — из девяти человек в строю оставалось шестеро. Несколько минут посидели в укромном затишье, вытрясли из кисетов остатки махорки, выкурили одну на троих и поплелись разыскивать санчасть.

На подходе их заметил комиссар бригады, быстро бегавший вместе со связным им наперерез, в юго-восточный сектор обороны.

— Почему бродите? Из какого отряда? — издали крикнул он.

Живяков подошел, четко доложил.

— Почему так поздно? Быстро в распоряжение Колчина! Где носилки? Почему без носилок? Для вас их дядя делать будет, что ли? Стыдно, Живяков.

— Все сделаем, товарищ комиссар...

Изготовить походные носилки — дело немудреное: были бы под рукой жерди, а натянуть между ними плащ-палатку — тут и пяти минут хватит. Топор в отделении был, Живяков уже начал высматривать на ходу годные молоденькие березки, но их как назло не попадалось; так они дошли до санчасти, а здесь уже было не до носилок.

Эвакуация началась. Чтобы не терять времени, Колчин дал команду перетаскивать раненых к западному склону и спускать вниз, поближе к переправе. Людей явно не хватало, и он рассчитывал, что когда начнется отход, то там-то, у переправы, отряды не оставят их без помощи. Отправил на носилках пятерых и увидел, что таким образом ему с делом не справиться: свободных рук почти не осталось, а когда возвратятся ушедшие — кто знает. Расстояние невелико, и километра не будет, но обессилевшим людям и за час не обернуться.

— Отставить носилки! — приказал он, решив в первую очередь эвакуировать тех, кто хоть как-то, пусть с

посторонней помощью, но в состоянии подняться и двигать ногами.

— Ребята! — сказал он, обращаясь к раненым — Скоро пойдем на прорыв. Нести некому. Кто может встать на ноги — поднимайтесь, поведем под руки. Надо хоть ползком добраться до переправы. Это недалеко. Там помогут отряды. Кто в силах — поднимайтесь!

Лазарет заметно поубыл. Первыми начали подниматься те, у кого была целой хотя бы одна нога. Им наскоро ладили что-то похожее на костыли, давали сопровождающего и показывали дорогу на запад. Глядя на них, с трудом и чужой помощью, вставали на ноги раненые в грудную клетку — их повели тоже.

Оставалось еще полтора десятка — самых трудных. Четверо — совсем безнадежны, они лежали в беспомощности и только числились в живых, их Колчин в расчет уже не брал. А вот с десятков, хотя сами двигаться не могли, но находились в сознании, и Колчин, не зная, что делать дальше, машинально повторял:

— Ребята, нести некому. Кто может — поднимайся. Скоро отход, ребята! Не могу же я вас здесь оставить.

Он заглядывал в шалаш, там была полутьма, лиц он не успевал различить, но видел, что больше никто не старается выбраться наружу — лишь стоны, бормотания и всхлипы были ему ответом. Он понимал, что никто из находившихся в шалаше уже не жилец на этом свете, им не выжить, даже если бы нашлась возможность тащить их; день, другой, третий — и пищи пропало. Внутренне он давно уже свыкся с этой неизбежностью, его мысли занимали не столько эти, оставшиеся здесь, сколько те, кого удалось отправить к реке, ибо если начнется быстрый отход, то и на них не останется ни сил, ни времени. Но приказ оставался приказом, время еще было, и Колчин ждал, надеясь, что, может быть, носильщики успеют вернуться и удастся перебросить к берегу еще хотя бы пятерых. С основной группой раненых ушли к переправе бригадный врач Петухова и ее помощник военфельдшер Чеснов. Здесь остались лишь две медсестры.

— Эй, Колчин! — услышал он из шалаша голос. — Помоги вылезти наружу! Почему я должен подыхать в этой проклятой берлоге?!

— Тут дождь моросит, — ответил Колчин, еще не разобравшись, кто окликнул его.

— А мне теперь все равно... Хоть на небо погляжу в последний разок.

— Лежи пока! И не сей панику!

— Помоги, говорю! Я ведь знаю тебя, Колчин. Помнишь, перед войной мы первомайские встречали в одной компании? В Медвежке. Неужто забыл? Ты еще на «бэ-бэка» тогда служил, помнишь?

— Почему забыл? Я тебя помню, Орехов. Мы ведь и потом много раз встречались, уже в бригаде.

— Так помоги же наружу выбраться, черт побери!

— Ну, пожалуйста, если хочешь...

Вместе с медсестрой они вытащили Орехова из шалаша. Его обе ноги от паха до пят были накрепко примотаны к грубым самодельным шинам; он сжимал зубы от нестерпимой боли, но когда выбрался на воздух и улегся неподалеку от еще тлевшего костерка, на лице его появилась счастливая улыбка.

— Я поговорить с тобой хочу, Колчин... Худо мне. Всю ночь промучился.

— Давай поговорим, пока время есть...

— А ты верно помнишь меня, Колчин?

— Почему не помню. Хорошо помню. Ведь я сразу назвал тебя по фамилии.

— Это точно, назвал. А почему ж ты до этого ни разу ко мне не признакомился? Я уж думал, что ты или забыл, или знаться не хочешь.

— Сам не знаю почему. Как-то уж так вышло, само собой...

— А я уж думал — оттого, что мы с тобой поссорились тогда на празднике, и ты вроде злился на меня. Помнишь?

— Что-то не помню...

— Как не помнишь? Весь вечер цапались, по каждому пустяку... А потом и рассорились, чуть драку не устроили. Ты паникером меня обозвал.

— Паникером?! Вот уж не помню. С чего это — паникером?

— Да уж и я плохо помню. Вроде бы я сказал, что война скоро будет, и ты стал спорить, доказывать, что не будет...

— Я не мог этого говорить. Я всегда считал, что война будет, я еще в финскую это понял.

— Ну, может, наоборот... Может, я по пьянке другое

что сказал... А паникером ты меня тогда обозвал, это точно.

— Кто его знает теперь...

— А знаешь, Колчин, почему я к тебе тогда цеплялся? Это ведь я во всем виноват,

— Почему?

— Я ведь тогда с невестой своей был. С Зоей. Помнишь ее? Красивая такая. Самая красивая в компании была. Высокая, в светлом костюме, с зелеными глазами.

— Что-то вроде припоминаю...

— Ты это правду говоришь, Колчин? Ты не врешь мне?

— Ну почему я буду тебе врать?

— А потому, что знаешь, как мне важно. Я же ведь Зою тогда к тебе приревновал. Показалось мне... А как же? Оба вы красивые, песни весь вечер на два голоса пели, все время друг другу улыбались. Это-то ты хоть помнишь, Колчин?

— Песни вроде припоминаю... Так ведь песни я где хочешь пою. Люблю я песни. И на баяне играю.

— А я ведь, Колчин, и не женился на Зое из-за тебя. В тот вечер наговорил ей всякого, она обиделась, я уехал в Сегежу, а тут и война.

— Выходит, дураком ты оказался, Орехов...

— Выходит... А Зою ты что — действительно не помнишь?

— Говорю тебе, смутно как-то...

— Ты в Сегеже перед походом на картине «Александр Пархоменко» был?

— Был.

— Артистку Татьяну Окуневскую видел? Она с Махно за компанию.

— Видел.

— Ну вот она и есть копия Зои. Две сестры. Только одна постарше лет на десять. Один раз мы в Петрозаводске с Зоей были. По улице идем — все оборачиваются на нее. Ну, вспомнил теперь? Что, нет? Ну, Колчин, неправду ты мне говоришь, скрываешь что-то, а раз скрываешь — то, значит, было между вами, было... Скажи хоть по-честному напоследок. Сам ведь видишь, мое дело — швах.

— Клянусь, ничего не было, Орехов. Не такой уж я кобель, чтоб за каждой гоняться.

— Ну, Зоя, положим, не каждая... Такие, как она, все наперечет... Ну да ладно, Колчин. Что теперь об этом...

Он помолчал и вдруг задорно и грустно начал нараспев:

— Эх, ноженьки вы мои, несчастные ноженьки. Уж как жалел я вас, как берег! Пуще головы. Лучше б сразу в голову, Колчин, а?

— Не расстраивайся, Орехов. Придут люди, отправлю тебя первым.

— Куда, Колчин? Нет уж, понимаю, что крепко не повезло. Тут и здоровым дай бог выбраться. Жить-то, конечно, хочется... Нет-нет, Колчин, ты не думай, что я чего-то прошу. Это я так. Все понимаю, голова-то у меня свежая, и столько в ней за ночь провернулось!

— Помолчи, Орехов. Не тяни душу, и так тошно!

2

В это время подошло отделение Живякова. Не успел Колчин «выдать» им за опоздание, как на севере загрохотало, стрельба слилась в сплошной гул, отряды пошли на прорыв, из штаба бригады прибежал связной:

— Начинайте отход! Скорей!

Под горячую руку Колчин выматерил связного, крикнул ему вдогонку:

— С кем отходить? Не видишь, что ли? Пусть подмогу шлют!

Наступил решительный момент. Колчин оглядел свою команду — шестеро бойцов и две медсестры.

— Живяков! Назначаю тебя своим заместителем! Остаешься здесь, со мной! Остальные слушай мою команду! Четверо берите носилки, кладите вот этого парня, — он указал на Орехова, — тащите к переправе!

— Не надо, Колчин, — слабо запротестовал тот. — Зря людей будешь мучить! Ребята, подайте-ка мне лучше автомат, он в шалаше где-то.

— Прекратить разговоры! Берите и тащите! Чтоб через пять минут никого здесь не было.

Орехова взвалили на носилки, четверо подхватили их и, не поднимая на плечи, потащили. Тащили тяжело, сил не было, через каждые пятьдесят — шестьдесят метров опускали на землю, передыхали, меняли руки, медсестры помогали с боков, группа постепенно удалялась, но было

видно, что далеко ей не уйти,— дай бог выбраться за переправу.

Вася Чуткин остался не у дел. Он стоял позади Живякова и Колчина, как и они, смотрел вслед удаляющимся носилкам, чувствовал, что здесь должно что-то произойти, уже почти догадывался, что именно, но об этом даже думать было страшно, и он заставлял себя не думать — стоял, смотрел, слушал нарастающий со всех сторон грохот боя, а сознание все четче и больнее отмечало звуки, доносившиеся из шалаша. Он понимал всю никчемность своего здесь присутствия, и ему больше всего хотелось быть сейчас в той, удаляющейся группе, но приказ касался четверых, а он не полез первым — и оказался пятым.

— Пить! Дайте же воды! Есть там кто-нибудь живой или все сбежали? — услышал он позади голос, рванул с пояса флягу и едва не наступил на выползавшего из шалаша раненого. Тот выбирался на четвереньках, волоча отставленную в сторону, забинтованную по бедру ногу.

— Тебе воды?

— Не-е... В шалаше второму справа...

В протянутую руку Вася отдал флягу и поскорее вылез обратно.

— Колчин,— тихо позвал раненый в ногу.

— Да. Чего тебе? Идти хочешь?

— Попробую. Помоги встать и дай кого-нибудь в помощь.

— Давно бы так. Где ж ты раньше был? Эй, парень,— позвал Колчин Чуткина,— бери-ка его справа, помоги подняться. Живяков, обрубь-ка ему костыли! Короче, короче, чтоб под мышки как раз. Парень-то, видишь, роста невеликого... Ну, тронулись! Смелей, смелей! Опирайся ему на плечо, не бойся! Как твоя фамилия?

— Терехин,— отозвался раненый.

— А твоя? — обратился Колчин к Васе.

— Чуткин,— ответил за него Живяков.— Он у меня тоже хромоногий, ногу подвернул.

— Ничего. Две ноги на двоих лучше, чем одна на одного, не так ли? Вот что, Чуткин! Веди Терехина, и головой мне за него ответишь... Чем дальше уйдете, тем лучше для вас, ясно тебе?

...Так начался для Васи тот кошмарный день в его

жизни. Поначалу он полагал, что все его муки кончатся, как только они доберутся до переправы — там люди, они помогут. Люди на переправе действительно были, но они помогли Васе лишь перетащить Терехина на другой берег и показали тропу: двигайтесь, дескать, дальше, да поскорее, вот-вот финны начнут преследование.

Бой позади совсем затих, раздавались лишь редкие одиночные выстрелы, потом и они смолкли: над мгlistым, оцепеневшим в неподвижности лесом стояла такая тишина, что приглушенные голоса, потрескивание валежника слышны были издали; они вначале обнадеживали, что вот-вот догонит какая-либо группа и возьмет Терехина, но группы если и догоняли, то уходили вперед, у каждой была своя ноша, и все торопились, а положение Васиного подопечного, который стоял на ногах и кое-как передвигался, не представлялось чем-то необычным: есть сопровождающий — и хорошо, шевели ногами, пока хватит сил.

Терехин оказался на редкость терпеливым парнем. Ранение у него было в бедро, рана кровоточила, не только бинт, но и остатки левой штанины до самой обмотки были темными от крови, однако долгое время он лишь сопел и скрежетал зубами, потом начал тихо постанывать при каждом шаге и все грузнее наваливаться на плечо Чуткина. Вася не знал, сколько они идут и много ли прошли. По себе он давно бы не выдержал, рухнул на землю и дал бы долгий отдых онемевшему бесчувственному телу, но Терехин все шел и шел, он уже не стонал, а беспрерывно выл прямо в Васино ухо и, казалось, начинал терять сознание.

— Все,— тихо сказал Терехин и начал медленно, держась за Васю, сползать на землю.

Несколько минут полежали. Мимо них прошли две группы с ранеными, и кто-то из командиров крикнул:

— Двигайтесь, двигайтесь! Что разлеглись?

Вася и сам понимал, что в их положении отдых не даст облегчения, только расслабит еще больше, а Терехин теперь может вообще не подняться... Удивительно крепкий он парень! Нет, уже не парень, а мужик — лет тридцать ему, не меньше. Наверное, и семья есть — жена, дети. Интересно, из какого он отряда? Голос вроде знакомый, а по лицу теперь никого и не узнаешь, все на одно лицо — носатые, бородатые, с черными опухшими губами.

— Вставай! — сказал Вася и поднялся первым.

Терехин открыл глаза, но не пошевелился.

— Идти надо! — Вася наклонился, чтобы помочь ему.

— Слушай, Чуткин. Не мучай меня. Не дойти мне.

— Так чё? Брошу я тебя, чё ли?

— Брось... Отведи в сторону и брось... Сам помру...

А ты иди, иди... Ты, может, еще и выживешь. Чего тебе из-за меня погибать? Иди, Чуткин.

— Ну уж дудки! Погибать, так всем погибать! Вставай!

— погоди, Чуткин... Будем гнаться за бригадой — погибнем, поверь мне... Ты тоже хромой... Ну сколько мы еще пройдем — километр, два, три. А идти сколько? Двести верст идти. Нести некому. Колчин никого тут не оставит. У него приказ, и он, Колчин, такой... Давай, Чуткин, свернем в сторону, переждем. Вдвоем-то мы, может, и выберемся потихоньку. А помрем — так все равно помирать. Давай, Чуткин, а?

— Ты чё, в плен захотел, чё ли? Вот ты какой! Думаешь, там сладко будет! Думаешь, там в живых оставят! А ну, вставай и пойдём! Теперь-то уж сам пропаду, а тебя не брошу! Не стыдно тебе, Терехин? Ведь можешь идти, можешь!

— Не могу... Погляди на мою ногу.

— Ведь шел же?

— Пока мог — шел, а больше не могу. Чего я мучить себя буду, коль все равно погибать. Да и ты, глупый, о себе подумал бы.

Вася не знал, что и делать. Некоторое время оба молчали, не глядя друг на друга.

— Вставай, Терехин... Я никому не скажу, что ты мне предлагал... Идти надо. Скоро, наверное, привал будет, доползем как-нибудь.

Терехин не отвечал, застывшим взглядом смотрел куда-то вдаль, но когда позади послышались шаги — их догоняла очередная группа — он сел, потянул к себе костыль. Вася, ни слова не говоря, помог ему подняться, и они заковыляли по набитой сапогами тропе.

Потом их нагнали Колчин и Живяков. Какое-то время они шли в отдалении, затем приблизились. Колчин отстранил Чуткина, подставил раненому свое плечо, а Живяков сказал:

— Ты, Чуткин, иди, догоняй отделение, Мы приведем его сами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗ ИВАНА СОБОЛЕВА

(г. Новошахтинск, ноябрь 1970 г.)

Командный пункт нашего отряда «Мстители» располагался за большим камнем. Я, как связной, залег чуть в сторонке от командира, у корня упавшего дерева, хорошо приладил автомат на стволе дерева и имел отличный сектор обстрела. Бой нарастал, уже слышны были стоны раненых. Два раза я сменил в своем «Суоми» разогревшийся ствол. Патронов было много, и я снова набил полные запасные диски. Финские минометы все ближе и точнее накрывали нашу цепь. Командир отряда Александр Иванович Попов повернулся ко мне и крикнул: «Иван, передай командирам взводов — приготовиться к атаке. Сигнал — красная ракета!»

Маленькими перебежками, от камня к камню, от кочки к кочке, я побежал вдоль линии обороны. Передал Бузулуцкову, бегу дальше. Ищу комвзвода Сидорова — нет его, говорят, убит. Добираюсь ползком до помкомвзвода Давыдова, голову поднять нельзя — пули так и свистят. Он сидит за камнем, чуть отвалившись спиной к другому. «Давыдов!» — кричу. Он молчит. Трясу за рукав — не шевелится. Глянул в лицо — у него в зубах самокрутка, немного обгоревшая с конца. В одной руке — сгоревшая спичка, в другой кусок коробка, а прямо на лбу кровавое вздутие, и струйка на левую щеку и ниже, в расстегнутый ворот гимнастерки. Я чуть не заплакал — Давыдов был моим отделенным в зимних походах, командир нашей разведки, хороший, боевой товарищ!

Неподалеку был Коля Егоров, комсорг отряда: «Коля, принимай команду, готовь взвод к атаке!» А самому надо еще до третьего взвода бежать. Передал приказ туда и подбираюсь к своему месту. Александр Иванович увидел меня и говорит: «Иван, осторожно, место пристреляно!» А мне надо всего — перекинуться с левого бока на правый, чтоб за камнем укрыться... Но именно в этот момент обожгла меня автоматная очередь. Словно кипятком плеснули на бедро правой ноги. Схватился я обеими руками за ногу и тихо взывал не столько от боли, сколько от отчаяния: ведь у нас, у партизан, вся надежда в ногах... «Александр Иванович, — говорю, — меня ранило», —

«Я ведь предупреждал, — отвечает, — что место пристреляно...»

За камнем медсестра начала мне делать перевязку. Ведро прострелено навывлет. Три пули прошли по мякоти. Вдобавок мелочи от разрывных пуль, как пшена, десятка два в ту же правую ногу. Забинтовала медсестра и спрашивает: «Где еще?» Говорю: «Запястье правой руки вроде задело». Только руку забинтовала, чувствую — что-то и с левой ногой не в порядке. Посмотрели — оказалась задета коленная чашечка, и ногу теперь не согнуть. Ниже, в голени, два крошечных осколка пулевых. Перевязала медсестра вторую ногу и на лицо показывает: «А тут что?» На лице у меня кровь: кончик левого уха прострелен. «На это бинт не порти», — говорю, вытер рукавом, взял автомат и пополз на высоту. Там в лощине был сделан из еловых веток большой шалаш. В нем санчасть располагалась. Вполз я в эту санчасть, огляделся. Вижу — у догорающего костра, где две или три головешки теплятся, облокотившись на колени сидит наш бригадный врач Петухова. Кругом, под стенками шалаша, — много тяжелораненых: кровь, бинты, лиц и не разглядишь... Огляделся я, думаю: нет, мне тут не место! Так же ползком разворачиваюсь и на выход. Ни Петухова мне ничего не сказала, ни я ей...

На выходе — политрук Лонин. «Ну как, Соболев?» — спрашивает. Я и говорю ему: «Спиридон Петрович, сделай мне костыли». Он достает нож, принимается за дело, а я, как голодный кобель, уставился на него, лежу, жду.

Лонин был лет на десять постарше меня. Спокойный, добрый, выдержанный человек — никогда не кричит, даже если кем-либо бывал и недоволен. Я, когда во взводе был, считался вроде его заместителя. Помогал ему в политинформациях, в выпуске «Боевых листков». Спиридон Петрович еще недавно мне говорил: «Иван, на случай гибели моей, бумаги из полевой сумки заberi, не оставь их!»

И вот теперь строгаёт Лонин костыли, а сам с тоской на меня посматривает.

Бой не утихал. То в одном месте, то в другом разгоралась яростная пальба.

Протянул мне Лонин костыли: «Ну, Иван, раз можешь идти, то вот в этом направлении и держись. Наш отряд в прикрытие оставлен. А ты, девка, — повернулся

он к медсестре,— бери-ка его автомат, вещмешок и пойдешь с ним!»

Поднялся я на свои палки, медсестра все мое на себя взяла, и мы тронулись: она впереди, а я следом. Может, и не много мы прошли, но долго показалось. В том же направлении двигались и другие. Шли молчком. Кто с палочкой, кого под руки вели. Вот, смотрю, и Коля Егоров. Он и без этого был худой, здоровьем слабенкий, а тут — то ли вконец обессилел, то ли ранен в бою был — совсем парень оплошал. «Иван, говорит, не бросай меня, пойдём вместе». — «Пойдем, Коля, держись меня».

Справа озерко лесное, ковыляем тропкой по самому берегу, по камням да кустам пробираемся. Надо бы вверх подняться, там двигаться легче, да подъем крутоват, как на костылях одолеешь? Ползком, цепляясь за корни деревьев, за камни, за ветки, выбрались мы наверх, встали на ноги. А тут, смотрю, нас обгоняет наш отряд. Я к Попову: «Александр Иванович, не бросайте нас, до привала доберемся, а там, может, покушать что придется... Я пойду, я чувствую в себе силы еще, из последних сил пойду».

Александр Иванович посмотрел на меня, поискал глазами Лонина и говорит: «Лонин, Соболева доставишь до привала!» Чувствую, не очень хотелось Спиридону Петровичу от отряда отставать, тяжело вздохнул он и пошел ко мне: «Пошли, Иван». Я тогда рад был, что мужчину командир в помощь дал, и говорю медсестре: «Ты иди, Вера, с отрядом, там ты нужней будешь...»

Так мы втроем и двигаемся: впереди Лонин, за ним, метрах в двадцати, я, за мной, метрах в семи-восьми, Коля Егоров. Долго мы так шли — с час наверное, а то и больше. Вскоре догоняют нас Живяков и еще один, незнакомый, не из нашего отряда. Живяков за мной пристраивается и подгоняет: «Давай, давай быстрее, финны преследуют». Я отвечаю — «Я иду, я могу», а сам и действительно стараюсь из последних сил, на боль в ранах уже давно внимания не обращаю, как во сне иду. Живяков с тем незнакомым несколько раз минировали нашу тропу. И потом каждый раз подгоняли нас все сильнее: «Скорей! Что мы, погибать должны из-за вас! Скорей!» Так мы двигались с полчаса. Впереди уже давно никого не видно и не слышно.

Смотрю, Лонин перескочил через упавшую сосну, оглянулся и идет дальше. Подошел к дереву и я, перенес

через него свой костыль, чтоб и самому перевалиться, и вдруг — удар в голову!

Я повернулся, увидел лицо Живякова, все понял и крикнул: «Пристрели! Чего патроны жалеешь!» Уже теряя сознание, услышал голос Лонины: «Что же ты делаешь, Живяков?! Совесть есть у тебя?»

Это я запомнил, потом — второй удар... Тут уж боли я не чувствовал, как по мешку пришелся этот второй...

...Было это часов в 10 утра 31 июля 1942 года. Очнулся, дело идет к вечеру. Лежу, голова свисла по одну сторону дерева, ноги — по другую. Начинаю припоминать, что же произошло, и тут теряю сознание. Опять прихожу в себя. Левая рука протянута вдоль дерева. Лежу животом на дереве и думаю: жив еще, значит.

Переваливаюсь через дерево, пытаюсь ползти вокруг него, то ли помню, то ли чувствую, что тут где-то Николай должен быть. Левый глаз ничего не видит — сильный отек и опухоль. Наконец подполз к Николаю, слышу, он стонет в беспомощности. «Коля, друг, вставай, ты не один, нас двое», — тормошу его, но так ничего и не добился. Посмотрел по сторонам своим единственным тогда глазом, вижу — винтовка Николая отброшена, вещмешок, плащ-палатка... Пополз, нанизал все это на руку, волоку к нему, а он уже не стонет... Словно оборвалось во мне что-то. Уткнулся лицом в землю и долго так лежал. Во рту все пересохло, язык опух, не пошевелить им. Помню, внизу озерко вроде было, пополз к нему. Отсунул ладонью зелень на воде, прямо ртом в воду уткнулся и пью, пью... Отдохну и снова пью. Разворачиваюсь, чтоб ползти обратно, смотрю: в пяти-шести метрах стоит лосиха — большая, красивая, и маленький лосенок возле ее задней ноги. Издала она звук какой-то и в кусты. Лосенок за ней. Пожалел я тогда, что не было с собой оружия...

Настала ночь, хотя и не очень темная...

Вернулся я к Николаю, пристроился метрах в двух-трех от него, укрылся плащ-палаткой и проспал до утра.

Просыпаюсь — яркое солнце, тепло, и есть страшно хочется. Ползаю по этому светлому сосновому бору, собираю чернику, бруснику полуспелую, и все в рот. Нашел несколько штук грибов, думаю — сейчас огонь раз-

веду и будет завтрак. Полез в карманы, а спичек нет... Последний коробок оставался — и нет его.

Тут я вспомнил совет одного старого партизана перед походом. Был такой у нас в отряде — еще в гражданскую воевал... «Ребята,— говорит он,— идем на трудное дело и сами не знаем, сколько ходить будем. Возьмите каждый несколько спичек и кусочек чиркалки, заклейте их так, чтоб не промокли, даже если в воду попадут, и спрячьте подальше...»

Вспомнил я это, и руки задрожали от волнения — цела ли моя захоронка? Полез в маленький брючный кармашек — цела! Вытаскиваю и самому не верится — одиннадцать спичек и терка, в кусочек лейкопластыря заклеенные...

Приготовил сухого материала, чтоб не испортить лишнюю спичку, чиркнул и, когда сучки запотрескивали, от радости готов был вскрикнуть... А может, крик то и не получился бы у меня тогда!

Надеваю на палочку грибы, лежу, жарю. Нагрею, закопчу дымом и глотаю...

Трое суток ползал я по этой высоте, все поддерживал свой костер, грибы жарил. Сползаю к озеру, напьюсь и снова за грибы и ягоды. Вроде бы полегче мне стало.

Около Николая его перочинным ножом начал землю царапать, олений мох выдирать. Хотел могилу сделать, но не получилось. Подо мхом скала оказалась. Рядом был гладкий камень. Ножом выцарапал на нем, кто кем похоронен здесь, перекаптовал к нему Николая, взял у него маленький медный компас, часы кировские карманные, отрезал кусок плащ-палатки, накрыл своего друга и давай мхом и мелкими камешками обкладывать. Сверху еловыми ветками накрыл. На другое сил не было.

Пополз к той злосчастной валежине, забрал свои костыли, вещмешок, винтовку и впервые за трое суток на ноги поднялся.

Взял курс на восток.

Много я пройти не смог. Часто останавливался. Сложу все около пня, а сам ползаю, пасусь, собираю, что попадет под руку.

В первый день пути, к вечеру, погода испортилась. Надвинулись тучи, лес стал черный, дремучий. Начал я подыскивать место для ночлега. Нашел вывернутую с корнем ель, на корнях дерн — что-то похожее на шалашик. Расстелил сверху кусок плащ-палатки, чтоб не ка-

пало, собрал мху, веток. Тут и грибы попадались, боровики. Только начал костер налаживать, ударил ливень. Пришлось костер чуть ли не в шалаш передвинуть. Гром, молния, льет как из ведра, а я жарю грибы на палочке и больше всего за костерок боюсь, его укрываю плащ-палаткой... Поел, поставил винтовку на боевой взвод, вставил запал в гранату и прилег. Мысли в голову разные лезут, а за всеми одна, главная: как выбраться? Я отчетливо понимаю, что бригаду мне уже не найти. Да и нужен ли я там такой — только лишней обузой буду, им, наверное, и без меня нелегко приходится. А мне спасение одно — перебираться через линию фронта, идти на восток. Я ведь даже не знал, где нахожусь и сколько до нее, до линии фронта? Может, пятьдесят верст прямую, а может — и все сто... Дойду ли, хватит ли сил? Только бы раны не начали гноиться — тогда совсем беда.

Думал-думал и сам не почувствовал, как уснул. Перед походом в Сегеже показывали нам несколько кинофильмов: «Александр Пархоменко», «Свинарка и пастух», «Василиса Прекрасная». Наверное, уже задремал я, только вдруг вижу: баба-яга тянет через костер ко мне свои цепкие пальцы и вот-вот за горло схватит. Откуда у меня и силы взялись — метнулся из своего шалаша, схватил винтовку, а баба-яга вроде в мой шалашик через костер перепрыгнула. Вскинул я винтовку и не целясь — бах туда! Клацнул затвором — и еще раз, только эхо по лесу покатилося. Опомнился — стою с винтовкой, и мертвая тишина вокруг, только в ушах звенит от выстрелов. Гляжу, костер совсем заглох. Раздул золу — есть искорка, есть головешки. Воскресил свой огонь, так до утра и не сомкнул больше глаз.

Утром двинулся дальше. Снова на восток. Направление держал и по компасу, и по солнцу, и по деревьям, и по муравейникам. Один раз речку вброд перешел. Много лесных избушек видал, но ночевать в них не решался. Осмотрю везде, нет ли чего из еды, и дальше. В избушках финны останавливались. Обязательно кострища вокруг, пачки из-под сыра, коробки из-под сигарет, пустые консервные банки. Еды совсем не находил.

Однажды подхожу — небольшая речушка, и возле нее на бугорке избушка, как баня карельская: каменка-печка, полати, на них сено. Видать, спал кто-то. На каменке — спички, коробка неполная. Попробовал — горят. Обрадовался, а то у меня две спички осталось, я уже не

каждый день костер развожу. Вышел я из избушки, смотрю, на болоте что-то чернеется. Присмотрелся, а это медведь. Морошку, видно, ест. Положил я винтовку на полусгнившее бревно, целюсь, но ничего не получается. Дрожу от волнения, да и глаз еще не прошел, плохо им вижу. Все же выстрелил. Медведь подхватился и пошел прыжками...

Наткнулся на лесной барак — наверное, до войны лесорубы жили, — под нарами нашел девять коробок спичек. Наши, довоенные, фабрики «Пролетарское знамя». Надеялся хоть на сухарик какой, но, видать, мыши вперед меня тут поработали.

Потом набрел на стоянку финскую. Светлый сосновый бор и, как городок, шалаши в ряд, хвоей сверху укрыты, а внутри травы постелено. Стоянка эта недавняя и, видно, на несколько дней была рассчитана. Хоть и побаивался мин, но начал по шалашам лазать, еду искать. В одном картонном ящике нащупал что-то, на раскисшие галеты похожее. Подхватил в горсть и, не раздумывая, в рот. Вывернуло меня всего — самоваренное мыло оказалось.

В одном шалаше висела на колу вязка щучьих голов. Штук двенадцать, если не больше. Головы огромные — мухи по ним ползают, живность белая шевелится. Схватил и на озеро. Выполоскал жестяную банку литра на 3—4, сунул туда эти головы, развел костер, переварил все это, наелся и лег спать. Утром кости в банке пережег и в сумку — съем и кости.

Дальше шел по тропе. По сторонам много черники и вся такая крупная, спелая. Снова вышел к избушке. Открыл дверь — та же печь-каменка, нары, спички, полочка, а на полочке котелок, рядом туесок из бересты и в нем соль — крупная, немолотая. А главное — туесок закрыт сверху краюхой позеленевшего хлеба. Я уж и не помнил, когда в последний раз бывало во рту что-либо хлебное. Схватил краюху, а есть сразу не стал, решил с большей пользой употребить. У озера на вешалах заметил рыбацкие сети, штук шесть их. Тут же навесик сделан, топчан из двух плах, яма камнем выложена, корзина из лучины, колун, перемет сушится. Присмотрелся — вроде давным-давно этим никто не пользовался. На озере плот из пяти бревен, борта досками обшиты и весла есть. Взял я две сетки и тут же закинул их с плота прямо от берега. Погода тихая, день ясный — долго ждать

добычи придется. Совсем рядом из этой губы уходит в лес речушка. На плоту проехал по ней, собрал в котелок ягод, грибов, вернулся и возле топчана развел костер. Смотрю, а сетки мои шевелятся — окуни попались.

Полный котелок начистил рыбы, поставил варить. Как закипел, окуней из котелка выбрал, хлеб туда сунул. Зелень вся наверх поднялась, выплеснул ее, а остальное все съел. Тут же новый котелок наладил, только рыбу чистить уже не стал — так жирней и наваристей будет. Съел и это, потом еще котелок черники сварил и снова поехал сети закидывать. Теперь уже взял все шесть сетей...

Четыре дня я тут пробыл. Рыба хорошо попадалась, и я почувствовал себя лучше.

Потом с ночи подул холодный северный ветер. Проснулся и думаю — идти надо. Сварю последний раз рыбы и пойду. Посмотрел сети, а там одна жалкая плотица... Выезжая на озеро, я брал на плот все свое имущество: если кто появится, чтоб сразу на другой берег податься.

Что делать, думаю. Неужто голодному в путь отправляться? Достал из вещмешка гранату, сдвинул чеку и бросил подальше от плота. Да подальше-то и не получилось — сил не хватило. Граната упала метрах в десяти от плота и сразу же рванула. Плот на ребро, сам я упал, карабкаюсь и смотрю — всплывет ли что? Ни одной рыбешки не поднялось.

Сети комом в воду выбросил, подъехал к берегу, оттолкнул плот и пошел... Придут на взрыв, пусть думают, что потонул человек.

Вышел на горелый бор. Иду долго, устал, а ему конца-краю нет. Думаю, уж и не выйти мне из него никогда, главное — ни ягод, ни грибов. Совсем из сил выбился и вдруг слышу шум какой-то слева. Вроде машина работает, молотилка колхозная, что ли. Пошел туда, а там — пороги на реке. Река не широкая, каменная, а посмотрю на воду — и голова кружится. Нет, не перейти мне ее, сил не хватит. Пошел вдоль берега по течению, на берегу много кустов шиповника. Ягоды крупные, спелые — иду, срываю, ем. Смотрю — плотина, на другом берегу постройки. Залег в кустах, наблюдаю. Часа два прошло — ни единой живой души. На плотине — переход в один толстый брус. Идти не решаюсь. Сажусь верхом,

винтовку на шею и руками пересовываюсь. Так и перебрался.

Захожу в один дом. Это — баня: котел, дрова приготовлены, даже вода налита. Думаю, завтра же вытоплю ее, всю одежду пережарю. А ее-то, одежды, и осталось совсем ничего. Нижнее белье я давно в костер бросил — вши заедали, не было никакого спасения. Да и верхняя вся в дырках, из защитного цвета давно в черный превратилась.

Иду дальше, к следующему дому. Попадаю на кухню. Над дверью глухарь на русский штык приколот. Понюхал — падалью разит. Дальше — столовка: длинный стол из трех тесин, вокруг скамейки, около стола головки соленой рыбы валяются. Собрал их в банку, в следующий домик перешел. Там нары, человека на три, железная печурка, как духовка, и два листа противней. Коробки, ящики — все пустое.

Растопил печь, варю рыбы головы. Все съел, выпил соленую воду, лег на нары, а самому холодно — знобит вроде, спать не могу. Надумал пойти на болотце возле речки, лягушек наловить. Вышел — ветер холодный, темно, упал в воронку, расшиб раненую ногу, вернулся, развел огонь на противне, кое-как согрелся и уснул.

Утром снова растопил печурку, сходил за вонючим глухарем. Решил опалить его, как следует обжечь на огне и сварить.

Вернулся, открыл дверцу печи, чтоб сунуть туда глухаря, и вдруг слышу сзади шум. Оборачиваюсь — и глухарь падает на пол. В проеме дверей с винтовкой наготове стоит финский солдат.

— Рюсся! Перкеле! Партисаани! Сейс!

...Как я узнал потом, было это утром 1 сентября 1942 года...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

(оз. Большое Матченъярви, 1—2 августа 1942 г.)

1

Два дня в Беломорске не знали, где бригада и что с ней. Последняя радиограмма Григорьева, которая заканчивалась фразой: «Мы все погибнем, но не уйдем отсюда, пока не получим продуктов», сильно встревожила

Вершинина. Он сразу же доложил о ней Куприянову, тот связался с командующим ВВС фронта, обсудил возможные экстренные меры помощи бригаде, лично переговорил по телефону с командиром авиагруппы.

Несмотря на плохую погоду, после полуночи самолеты с продуктами вылетели. Летчики сделали все возможное. Сквозь дождь и сплошную облачность, почти вслепую, они пробились в заданный район, поняли, что там идет бой, сделали четыре низких облета, но разобраться, где свои, где чужие, без сигналов было невозможно, и продуктов они так и не сбросили.

Это было обидно, и Вершинин горько пожалел, что сам же несколько дней назад дал указание сбрасывать груз только по установленным сигналам. До самого утра он просидел у телефона, ежечасно справляясь о погоде. Прогноз на ближайшие сутки был плохим, но хотелось верить, что наступит хотя бы временное улучшение. Днем авиаторы готовы были направить «Дуглас» с прикрытием истребителями.

В утренние часы бригадная рация на связь не вышла, погода нисколько не улучшилась, по всей зоне отмечались дожди и низкая облачность. В полночь два легких ночных бомбардировщика Р-5 вновь были направлены к высоте 264,9 и вновь вернулись ни с чем. Бригаду они не обнаружили.

Ежедневно Вершинин подписывал боевое донесение о действиях отрядов за истекшие сутки. Оно направлялось в три адреса: в Центральный штаб партизанского движения, в штаб Карельского фронта и секретарю ЦК КП КФССР Г. Н. Куприянову. Бригада Григорьева показывалась в этом донесении отдельным пунктом, и вот уже на протяжении месяца варьировались три фразы: «бригада в течение суток продолжала выполнять задание», «бригада скрытно двигалась к намеченной цели», «бригада вела мелкие бои с противником». В последнее время Вершинину уже становилось как-то неловко сообщать о своем самом крупном соединении такие незначительные сведения. Сколько же можно? И поймут ли те, кому адресовано это донесение, что означает, например, «скрытное продвижение к намеченной цели»? Здесь, в Карелии, поймут, а как там, в Москве, куда стекаются сведения о громких делах белорусских, смоленских, украинских, брянских партизан? Раз, другой, третий Вершинин, прежде чем подписать, позволил себе вставить в от-

печатанный на машинке экземпляр: «преодолевая трудности...», «испытывая лишения...», «находясь в тяжелейших условиях...»

В донесении за 29 июля он впервые написал подробно:

«Партизанская бригада, следуя на выполнение поставленной задачи, обнаруженная противником, оказалась в тяжелом положении. Ввиду отсутствия продовольствия, в бригаде среди личного состава много голодных обмороков со смертельными исходами. Противник непрерывно преследует бригаду, стягивая силы, стремится к окружению. Принимаем меры с большими трудностями для выброски продуктов с самолетов. Дан приказ на возвращение бригады в свой тыл.»

Однако суточное боевое донесение — не статья в газете, здесь никто не позволит тебе размусоливать трудности и лишения. Тут дай факты и цифры по каждому партизанскому подразделению и уложи все на одной странице машинописи. А трудности и лишения испытывают все, идет война, на южном направлении, судя по приказу Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года, разворачивается страшнейшая военная драма, где счет идет не на тысячи, а на десятки тысяч человеческих жизней. В такой обстановке даже совместно упоминать о каких-то «трудностях» и «лишениях», нужны боевые дела!

И вот в донесении за 31 июля наконец появилось:

«Бригада вела тяжелый бой с численно превосходящими силами противника.»

Вершинин прочитал, взял красный карандаш, которым любил визировать документы, уже вывел первую размашистую букву подписи и вдруг подумал, что получается не очень-то складно. Бой-то был, это несомненно, и, судя по докладам летчиков, бой действительно большой, но вот уже почти двое суток с Григорьевым нет связи, никто не знает, что там произошло и чем кончилось, и это как-то должно найти отражение в донесении, а то в дальнейшем может получиться большая неприятность. Писать прямо об отсутствии связи не хотелось, это сразу породило бы другие вопросы, которые тоже нельзя

ни объяснить, ни оставить без объяснения, и он приписал карандашом: *«Данных о потерях противника и наших потерях пока не поступало».*

— Пусть перепечатают,— приказал он начальнику оперативного отряда, принесшему донесение.

Вершинин позвонил в разведотдел штаба фронта полковнику Поветкину. Разговор с ним, как всегда, успокоил его. С финской стороны никаких косвенных данных о чем-либо плохом для бригады не обнаруживалось.

В ночь на 1 августа дожди прекратились, постепенно разяснявало, к утру стали возможны полеты. Бригадная радиостанция все еще не выходила на связь. После полуночи без подтверждения о приеме была передана радиограмма:

«Григорьеву.

Вторично приказываю форсированно возвращаться отрядами тыл. Обязательно вынести больных раненых. Подтвердите получение сброшенных продуктов 30 июля двух самолетов.

Вершинин»

Лишь поздно вечером бригада, наконец, отозвалась, и было принято донесение:

«Куприянову. Вершинину.

30 июля противник подтянул высоте 264,9 батальон пехоты, вступил с нами в бой, сильно поливал с минометов, вел бой 12 часов. Противник обрушился, пытался форсировать, но был разгромлен, потеряв свыше 150 убитыми, захватили 50 винтовок, все собрать не могли. Снова бросили группу шюцкоров свыше 200 человек. Потери: убитых — 46, раненых — 35, пропало без вести — 12. В бою командир бригады Григорьев ранен. Дорогой раненные тяжело умерли. Ждем продукты питания. Доставьте.

Аристов»

Впервые за месяц радиограмма из бригады была такой нечеткой. А главное — почему-то не были указаны точные координаты. Значит, Аристов или в спешке упустил это из виду, или опасался, что радиограмма может быть перехвачена противником.

Времени терять было нельзя.

Вершинин дал указание авиаторам вылетать немедленно, а сам спешно радировал бригаде:

«Сегодня ночью продукты будут сброшены в районе севернее озера Большое Матченъярви. Сообщайте состояние Григорьева. Предыдущая радиограмма содержала неясности. Повторите цифровые данные».

Ответ пришел 3 августа:

«Часть сброшенных вчера продуктов с боем отбита у противника. Нахожусь вблизи высоты 328,2. В бою 31 июля комбриг Григорьев убит насмерть. По уточненным данным потери противника свыше 200 человек. Наши потери: убитых — 60, раненых — 35, пропавших без вести — 12. Имеем много случаев голодной смерти. Шлите срочно продукты.

Колесник»

2

Весь день 31 июля ждали преследования и двигались без большого привала: сначала три километра на запад, потом резко повернули к северу.

В ушах еще стоял гул двенадцатичасового боя, тишина казалась обманчивой, за каждым болотом, которое надо было переходить, чудилась засада, вперед высылали разведку; эти вынужденные передышки позволяли подтянуться тылам, командиры наскоро перекликали бойцов, тех, кто покрепче, отправляли назад, на помощь политрукам, которые возились с ослабевшими. Постепенно все вошло в обычный походный порядок, только силы уже были не те и отстающих с каждым часом становилось все больше. Направляющим шел отряд имени Антикайна, замыкающим — «Мстители».

Все в отрядах уже знали о гибели Григорьева, но кто теперь командует бригадой — начальник штаба или комиссар, — с уверенностью не мог сказать никто.

Колесник шел следом за головным отрядом. Он определял курс, давал команды на остановки и разведки, — практически он руководил движением, и все в передних отрядах считали командиром бригады его. По штатному расписанию, утвержденному для бригады, начальник

штаба являлся одновременно заместителем комбрига, и давать приказ о своем вступлении в командование Колесник считал и излишним, и несвоевременным.

Аристов, выполняя последнее поручение Григорьева, занимался арьергардом: предосторожностями на случай преследования, ранеными, больными, отстающими. Забот хватало, и думать о чем-то другом не было возможности. Два замыкающих отряда постепенно перешли под его непосредственную команду, сил все равно не доставало, арьергард несколько раз отрывался, разрыв наверстывали с огромным трудом, Аристов внутренне негодовал, срывал свою злость на выбивавшихся из сил людях, тут же стыдился своей невоздержанности, сам примиряюще заговаривал и подбадривал. Потом стало ясно, что преследования противнику организовать не удалось, движение чуть замедлилось, стало немного спокойней, но не легче,— люди на глазах расслаблялись, появлялось все больше «доходяг», их приходилось поднимать с земли чуть ли не угрозой оружия, нужен был привал. К вечеру усилился дождь, идти стало совсем трудно, и, выбрав место повыше, остановились на ночевку. Почти час на место привала подтягивались отряды, потом еще столько же выбирались отставшие, политруки и комиссары встречали их у подножия высоты — время шло, стало темнеть... Едва отряды распределились по секторам круговой обороны, как измученные люди попадали на мокрую землю, прикрылись плащ-палатками, и лагерь словно вымер. Наверное, не удержались бы от сна и постовые, если бы дежурные командиры не ходили непрерывно от поста к посту и не тормошили их.

Колесник подготовил короткую радиogramму, радисты начали разворачивать рацию, но подошедший Аристов, даже не прочтя радиogramмы, сказал:

— Обойдемся сегодня без связи. Погода все равно не-летная, а обнаруживать себя лишний раз нечего.

Колесник молча сжег листок с текстом и уже поднялся, чтобы сделать контрольный обход отрядов, как Аристов неожиданно сказал:

— Доложи, каким маршрутом думаешь выводить бригаду! Ты уточнил его?

Маршрут, в общем, был известен: утром, когда еще был жив Григорьев, его наметили, коротко обсудили; днем на марше, как только выдавалась возможность, Колесник прикидывал его на карте; и было совершенно не-

понятно, зачем сейчас, в дождь и в темноте, комиссару потребовалось заниматься уточнением.

— Маршрут я прикинул. Уточним перед выходом.

— Почему не сейчас?

— Хотя бы потому, что темно и мокро.

— Скоро будет готова палатка, а у меня есть фонарик.

Палатка действительно вскоре была готова, фонарик был и у самого Колесника, пришлось на карачках залезать под тесный и шаткий матерчатый навес, по которому противно и гулко молотил дождь, и, лежа вплотную голова к голове, ползать карандашом по карте, объясняя — что, зачем и почему. Аристов делал пометки на своем планшете.

— На протяжении семидесяти верст получается три переправы через большие реки,— сказал он таким тоном, словно Колесник мог, но не захотел избежать этих переправ.

— На пути сюда комбриг старался миновать эти переправы, но помнится, ты сам упрекал его за это,— не удержался Колесник.

— Ты плохо осведомлен. Я никогда и ни в чем не упрекал Ивана Антоновича.

— Теперь это не имеет значения... А реки? Разве это большие реки? Разве что Тумба?

— Допустим, мы вышли в этот квадрат. А дальше?

— Дай бог добраться туда. Это восемьдесят километров. А там-то уж найдем, куда двинуться. Приказано выходить через ругозерскую дорогу, но это слишком уж далеко. Может, попробуем где-то поближе?

— Ладно, обстановка покажет,— примиряюще сказал Аристов и погасил фонарик, давая понять, что разговор окончен.

— Завтра думаю послать взвод в квадрат 86—04,— сказал Колесник.— Это уже недалеко.

— Зачем?

— Во-первых, поискать продукты, все-таки семьсот килограммов, вдруг финны их не обнаружили? Потом забрать больных и раненых, которых мы оставили.

Аристов, ни слова не говоря, первым выбрался из палатки.

Ночь прошла спокойно, к утру стало разъяснять, признаков близости противника не обнаруживалось, и Колесник, почти не сомкнувший глаз, с досадой на себя

подумал, что зря вчера не настоял на отправке радиogramмы, что не уступи он — возможно, самолеты и прилетели бы.

Люди в отрядах поднялись, наскоро зарыли в мох шестерых, скончавшихся за ночь от ран и истощения, в ожидании команды трогаться с полчаса поползали по земле, обобрали все ягоды, и бригада двинулась дальше. Тут же выяснилось, что из отряда имени Чапаева пропали боец Русанов и сандружинница Лутьякова — ушли на рассвете за грибами и не вернулись. Больше часа ждали их, пробовали искать, но безрезультатно. Аристов созвал командиров и комиссаров отрядов и дал приказ, чтоб постовые стреляли по каждому, кто без разрешения выйдет за расположение бригады.

Люди, хотя и отдохнули, но шли сегодня тяжелее, чем вчера, в час не проходили и километра, после полудня достигли западного берега озера Большое Матченъярви, заняли круговую оборону, и один взвод ушел на поиски продуктов и за больными и ранеными.

Здесь же Аристов дал в Беломорск первую за двое суток радиogramму.

Перед восходом над северной оконечностью озера появились самолеты и начали сбрасывать продукты. Озеро там совсем узкое, и выброска производилась как-то странно: часть тюков попала на западный берег, часть — на восточный. Колесник поднял бригаду, повел ее вдоль берега к месту выброски, а отряду Грекова приказал ускоренным маршем обойти озеро, разыскать на восточном берегу продукты и догонять бригаду. Самолеты, конечно же, привлекают внимание противника, и надо как можно скорее уходить отсюда.

Теперь погонять никого не приходилось. Впереди, всего в каких-то полутора-двух километрах, лежали на земле спасительные тюки с продуктами.

Их оказалось совсем немного — три небольших тюка с сухарями, консервами и сахаром. Половину оставили для раненых и больных, а остальное разделили по отрядам, взводам, отделениям. На долю каждого пришлось так мало, что раскладывать на порции было нечего — съели сразу и лишь растревожили аппетит.

Ждали, что принесет отряд Грекова.

В полдень вернулся взвод, посланный в квадрат 86—04. Он привел раненых и ослабевших, оставленных там неделю назад. Двое умерли, но остальные подлечились,

отдохнули, во всяком случае пришли они сами и выглядели несколько не хуже находившихся в строю.

Прибывшие рассказали, что 27 июля неподалеку от «лесного лазарета» действительно два самолета сделали выброску продуктов. Но финны успели к ним первыми, устроили засаду и целые сутки поджидали партизан. Лазаретники провели этот день в страхе и тревоге — финны подходили совсем близко, все время слышались их голоса, а еще сильнее был страх, что партизаны из бригады вернутся за продуктами и нарвутся на засаду. Сеня Ложкин не выдержал, ушел на юг в надежде предупредить бригаду и, как видно, погиб, ибо оттуда вскоре донеслась короткая перестрелка.

Еще более тяжелой была для лазаретников ночь с 30 на 31 июля. Никто не сомкнул глаз, все вслушивались в звуки далекого боя, слышали минометные разрывы, дважды над головами пролетали какие-то самолеты, они поняли, что бригада сражается в окружении, и когда утром все стихло — острое чувство безвестности и покинутости охватило их.

Теперь они были счастливы — в бригаду вернулись с таким настроением, словно бы все самое страшное позади.

Колесник и Аристов, выслушав рассказ, не стали огорчать их, велели дать им поесть и отпустили. Тут же Аристов предложил всех больных и раненых — а их теперь насчитывалось в бригаде более пятидесяти человек — не держать вместе, а распустить по своим отрядам, возложить на командиров все заботы об их продвижении.

Колесник с этим согласился.

К вечеру неожиданно появились Лутьякова и Русанов. Они услышали звук самолетов, пошли на него, наткнулись на тропу и догнали бригаду... Трудно было в этих условиях найти им меру наказания, и Аристов пообещал разобраться во всем по возвращении.

Утром 3 августа, когда остановились на дневку у высоты 328,2, бригаду догнал отряд Грекова. Он разыскал два тюка с продуктами, но брать их пришлось с боем. К месту выброски противник подошел одновременно с партизанами, завязалась перестрелка, которая длилась около часу.

Груз оказался в ничейной полосе, и когда финны, потеряв несколько человек, отошли, то обнаружилось, что

мешки с продуктами распотрошены пулями. В этом бою погиб бывший связной командира отряда, веселый, никогда не унывающий Миша Ярошенко, несколько человек были ранены, а двое так обессилели, что не выдержали ускоренного марша, и Греков разрешил им отдохнуть и добираться самостоятельно по тропе до привала.

— Как это разрешил? — вскипел Аристов. — Кто тебе позволил? Ты что, финнам «языков» взялся поставлять? Немедленно отправляй людей и пусть приведут их живыми или мертвыми! Немедленно, слышишь!

— Товарищ комиссар, мы найдем их... Люди измотались, позвольте хоть несколько часов отдохнуть!

Хитроватый Греков, зная резкий характер Аристова, счел за лучшее не говорить, что бойцы отстали без всякого его разрешения, и рассчитывал, что за эти несколько часов они, возможно, выберутся сами.

— Ни часа! Разве ты не понимаешь, что финны вновь садятся нам на хвост! По твоим же следам они и выйдут на бригаду! А твои растяпы им маяками...

— Тогда я сам пойду. Я виноват, мне и ноги сбивать...

— Вот-вот, и комиссара своего захвати, раз вы такие добренькие... Не понимаю Поварова. Такой аккуратный, исполнительный человек, а позволил такое самовольство!

— Так ведь доброта-то наша, товарищ комиссар, не к врагу направлена, — чувствуя, что Аристов остывает, с виноватым видом сказал Греков... — Что поделаешь, коль промашка вышла...

— Такая доброта хуже воровства... Ладно. Даю три часа для отдыха. А потом отправляй отделение и ищи!

— Слушаюсь, товарищ комиссар!

Греков ушел обрадованный таким решением. Однако потерявшиеся не вернулись, и пришлось через три часа отправлять за ними отделение.

3

Исход ночного боя на высоте 264,9 явился для финского командования совершенной неожиданностью.

Замысел не вызывал сомнения в успехе. Одновременная атака с трех сторон должна была сбить русских с высоты, вынудить их к поспешному и паническому бегству на запад, через реку Тяжу, куда с юга был нацелен обходный удар роты лейтенанта Исамаа.

Когда первая атака оказалась безуспешной, майор Айримо связался по радию с полковником Мякиниэми и попросил подкрепления. На помощь из деревни Сельга была спешно двинута 7-я рота 2-го батальона, а из Янг-озера — два егерских взвода, однако прибытие их ожидалось лишь утром, и Айримо приказал командирам рот атаковать снова. Тем самым он рассчитывал втянуть партизан в бой по всей линии их обороны и не дать возможности для организованного отхода. Причину неудачи первой атаки он видел в том, что началась она не одновременно.

Нетерпеливый и отчаянный лапландец, капитан Олли Ремез, наткнувшись на русскую разведку, начал штурм с севера, не дождавшись, пока изготовятся к атаке роты Перттула и Сегерстреля. Ему показалось, что русские гасят костры и готовятся к отходу, он боялся упустить их и в результате сбил все расчеты майора Айримо на внезапность короткого и мощного удара.

Последующие атаки показали, что партизаны цепко держатся за высоту и никуда отходить не собираются. Тем более, что уже близилось утро, удобное время для отхода под прикрытием темноты было упущено, и майор Айримо считал себя вправе дать некоторый отдых усталым солдатам. Вскоре должно прибыть подкрепление, тогда он сможет замкнуть высоту в более плотное кольцо, и песенка партизан будет спета.

И вот — результат.

Неожиданный охватывающий с двух сторон удар противника, сбитые с позиций и смешавшиеся подразделения, исчезновение командира роты Перттула, рассеянная по лесу его рота, потеря еще нескольких офицеров; а главное — полный отрыв партизанской бригады, скрывшейся в западном направлении.

Как свидетельствуют финские печатные источники, майор Айримо лишь к вечеру 31 июля смог собрать свои подразделения, привести их в порядок и доложить командиру 12-й бригады о неутешительных итогах боя.

К этому времени подошло подкрепление, и в районе реки Тяжа находилось уже шесть рот и два отдельных егерских взвода.

Все ждали дальнейших распоряжений и с раздражением думали о том, что вновь неизвестно сколько придется мыкаться по мокрым болотистым лесам в поисках этих проклятых «рюсся».

Новый приказ поступил по рации 1 августа. Непосредственное преследование партизан поручалось лишь роте Виеримаа и отдельному взводу егерей. Все остальные роты должны были спешно двигаться в Сельгу. Туда же вызывался из Янгозера кавалерийский эскадрон Путконена.

Полковник Мякиниэми выработал новый план. Он решил не изматывать понапрасну силы своих войск в преследовании партизанской бригады — для этого, как он считал, достаточно и одной роты, пусть она поскорей разыщет след и не теряет соприкосновения с противником. А главные события должны развернуться на подходах к дорогам и при переправах через реки. Он понимал, что партизаны вынуждены будут повернуть на север и, чтобы выбраться к своим, им придется форсировать три дороги и три реки. Эти рубежи и должны стать решающими. К ним на автомашинах и моторных лодках он и перебросил свои основные силы.

Первым таким рубежом должна стать река Сидра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(высота 195,1, 7—8 августа 1942 г.)

1

Пока продовольствия совсем не было, голодное истощение считалось в бригаде хотя и тяжелой, но временной и поправимой бедой. Полагали, что вот сбросят наконец продукты, поест человек разок-другой — коль и не вволю, то хоть изрядно — и все наладится, вернутся силы и почувствует он себя нормально.

Когда едва стоишь на ногах и мир, покачиваясь, плывет перед глазами, в ушах — шум, а желудок, подпирая горло, больно сосет сам себя, то наивно веришь, что и один-единственный сухарь способен совершить чудо. Ягоды и грибы — все это не в счет, все это пробовано до отращения; хочется чего-то хлебного, с запахом сытости, или мясного, с ощущением, что каждый глоток прямо и целиком попадает в ослабевшие жилы.

Однако чуда не произошло.

Штаб партизанского движения наконец-то наладил снабжение бригады. Ночью и утром 4 августа шесть са-

молетов в два приема сбросили почти двухсуточную норму продуктов. Их съели — кто сразу почти все, кто малыми порциями в течение дня, но и у тех, и у других ощущение слабости и голода не проходило. По-прежнему кружилась голова, прошибала изнуряющая испарина, клонило в сон, а есть хотелось еще сильнее, чем прежде.

И главное — в эти сутки от истощения скончалось людей не меньше, чем в предыдущие дни. На высоте 221,3, где стояли до вечера, осталось несколько партизанских могил, и комиссар Аристов против каждой фамилии отметил в своем блокноте «умер от голода».

На одну могилу сил тратить не стали: за кражу продуктов, по требованию партизан, был расстрелян боец Чердаус. Он первым обнаружил разбившийся о камень мешок, но доложил о нем лишь после того, как, укрывшись в зарослях, торопливо набил сухарями желудок и припрятал немалый запас. Возможно, об этом его проступке никто и не догадался бы, но Чердауса начала мучить жажда, он выпил котелок воды и вскоре уже катался по земле со страшно вздувшимся животом. Фельдшер, посчитавший это за отравление сырыми грибами — а такие случаи уже были, — чуть ли не насильно вызвал у Чердауса рвоту, и картина сразу прояснилась. С отвращением смотрели товарищи, как из судорожно разинутого рта толчками сливается на землю бурая густая каша, и ни единого сочувственного слова или взгляда не встретил очухавшийся к концу привала и моливший о пощаде Чердаус, когда по отрядам был объявлен приговор.

Вечером вышли к реке Суксинга, медленно и долго двигались по ее берегу. Идти было легче, чем обычно: каждый изгиб реки обещал что-то обнадеживающее, много попадалось грибов, светила нарождающаяся луна, и грибы можно было собирать даже ночью. К рассвету остановились на большой привал, впервые за много дней ненадолго развели костры, сварили гороховый суп-пюре и вскипятили чай. Взвод из «Боевых друзей» ушел вперед наводить переправу через реку Тумба.

Аристов сидел у догорающего костерка и боролся с дремотой. Пока Борис Воронов соображал завтрак, он успел повидаться со всеми комиссарами отрядов; выслушал доклады об итогах ночного перехода и состоянии людей, распорядился вечером провести, если позволит обетановка, открытые партийно-комсомольские собрания, подтянуть дисциплину и особенно — в отношении

режима питания («снабжение, надо думать, теперь наладится, но как бы это не обернулось неожиданной бедой, в бригаде со вчерашнего дня отмечено много заболеваний поносами»); потом Аристов вернулся в расположение штаба, по памяти кратко записал в блокноте услышанное, вместе с Борисом они выхлебали котелок горячей бурды из горохового пюре с грибами, съели по кусочку сухаря, запили, вместо чая, кислым брусничным отваром, и теперь была самая пора поспать, пока, слава богу, тихо.

Но Колесника не было, он все еще ходил по отрядам, и это мешало отдыхать по-настоящему. Аристов не то чтобы стыдился засыпать первым, — ничего тут стыдного нет, дело походное, надо использовать каждую выдающуюся минуту, а просто не позволял себе этого до тех пор, пока все не успокоится, не уляжется, не утрясется — он умел засыпать сразу же так крепко, что боялся оказаться последним, если в бригаде что-либо случится.

Наконец появился Колесник. Аристов увидел его издали, по неторопливой походке понял, что никаких особых новостей он не несет, и полез в палатку. Едва прикоснулся щекой к вещмешку, как полегчавшее тело приятно потянуло куда-то вниз и вниз, и уже сквозь сон доносился голос Колесника:

— Григорьев верну.

Аристов не сразу разобрал смысл сказанного, но тускнеющее сознание успело нарисовать картину приближающегося к костру Григорьева, ясно увидел сурово укоряющий взгляд комбрига, и скорее этот непонятный укор, чем слова Колесника, заставил напрячься, с трудом разомкнуть глаза и окончательно проснуться.

— Ты что-то сказал? — через палатку спросил Аристов.

— Григорьев вернулся...

— Какой Григорьев? Ты что? — Аристов торопливо выбрался из палатки.

— Григорьев из «шестерки»... Ходил на высоту 299,9...

— А-а... Ну как, разыскал потерявшихся?

— Привел.

Сутки назад, во время сбора продуктов, два бойца отстали, и отделение Григорьева было отправлено на их розыски. Уже на обратном пути оно неожиданно наткнулось на группу противника, идущую по следам бригады,

возникла недолгая перестрелка, но финны боя не приняли. Судя по всему — это была разведывательная группа.

— Потери есть? — спросил Аристов.

— Один легко ранен в плечо.

— А у противника?

— Григорьев говорит, двоих убили...

— Если говорит, значит, убили... — Аристов полез в планшет за блокнотом и вдруг вспомнил, что у красивого смуглолицего отделенного из «Боевых друзей» даже имя одинаковое с покойным комбригом — бывают же такие совпадения... Вообще в бригаде удивительно много однофамильцев — три Ивана Григорьевых, два Николаевых, и оба командиры взводов, четыре Карпиных, а что касается Петровых, Сидоровых, Ивановых — то в каждом отряде найдутся. Надо не забывать в записях представлять хотя бы инициалы, а то потом и не разберешься, с кем что было...

...Следующей ночью бригада благополучно переправилась через реку Тумба. Два самолета в полночь сбросили восемь мешков с продуктами, а на рассвете, когда переправу заканчивал последний отряд, появился еще один самолет, покружил, покачивая приветственно крыльями, и выкинул вымпел. В записке летчик сообщал, что в квадрате 86—36 вблизи Сидрозера выброшена партия продуктов, а в районе поселка Тумба замечен противник, который двигается в северо-западном направлении.

До квадрата 86—36 оставалось не меньше двенадцати километров, да и находился он чуть в стороне от основного курса бригады. Вначале Колесник предложил изменить маршрут, чтоб всей бригадой выйти к месту выброски, но Аристов возразил:

— Лишних восемь километров — это целый дневной переход. Зря измотаем людей.

Колесник несколько не удивился. Он уже начал привыкать к особенностям их теперешних отношений с Аристовым, ни одного решения не принимал без согласования с ним и знал, что почти любое его предложение не останется без поправки или возражения.

В данном случае комиссар был прав. Действительно, ни к чему гонять за восемь верст всю бригаду, вполне хватит и одного отряда, но кто знает, как воспринял бы такой вариант Аристов, если бы он был предложен первым. Колесник исполнял все обязанности командира

бригады, радиogramмы от Вершинина в последние дни шли на его имя, но до сих пор он не знал, признает ли его командиром сам Аристов. Внешне вроде бы признает — все команды и распоряжения по бригаде идут от имени Колесника. Они совместно — хотя холодно и сухо — обсуждают сложившуюся ситуацию, терпеливо спорят, приходят к общему выводу, но ни разу Аристов, как это было при Григорьеве, не произнес своего любимого: «Ты командир — тебе решать!»

Итак, можно было послать какой-либо из отрядов. Однако смущала приписка о движении противника в районе поселка Тумба. Как бы не повторилась история, которая была у озера Большое Матченъярви, — ведь отряду понадобится целый дневной переход, а финны, если заметили выброску, могут успеть туда раньше. Надо во что бы то ни стало опередить их. Колесник предложил послать к продуктам не отряд, а небольшую группу из ребят повыносливей. Пусть они поскорей доберутся туда, разыщут груз и тщательно спрячут его. Бригада, выйдя к высоте 195,1, что в четырех-пяти километрах от указанного квадрата, отправит за продуктами, если их окажется много, необходимые силы.

Аристов прошелся взглядом по карте и согласился.

Четверо разведчиков во главе с Сашей Кундозеровым быстро ушли на северо-восток, а бригада, продвинувшись вперед на два километра, передневала и вечером продолжила путь на север.

2

За Тумбой начались низкие места; всю ночь шли по болотистому редколесью; сначала нравилось — ступать было ровно и мягко, потом, когда все чаще стали попадаться густо-зеленые зыбучие болотины, где нога чуть ли не по колено оседала вместе с ворсистым мхом, то мешкать не приходилось, надо было поторапливаться, и все уже проклинали эту обманчивую ровность и мягкость, с тоской поглядывали вперед, где на горизонте темнела, почти не приближаясь, полоса густого леса.

Ночью, когда до высоты 195,1 оставалось еще километров пять, с севера донеслось долгое ровное гудение самолетов. Сперва испугались — вдруг это вражеские, а укрыться негде, потом поняли, что там идет выброска продуктов, и это прибавило сил. Обычно вслед за наши-

ми самолетами над местом выброски появлялся вражеский воздушный разведчик. Была опасность, что рассвет застанет бригаду на открытом месте. Колесник дал команду прибавить шагу, но люди шли на таком пределе, что заставить их двигаться быстрее мог лишь вражеский обстрел. Пришлось сокращать остановки для отдыха, идти без долгих привалов. Все вымотались до полного изнурения, но все же успели затемно втянуться в густой сосновый бор, покрывавший высоту. В полдень вернулись разведчики, ходившие к Сидрозеру. Пришли они втроем, принесли по пятнадцать банок мясных консервов, и вначале Колесник посчитал, что четвертый остался охранять сброшенные продукты. Но оказалось не совсем так. Саша Кундозеров доложил, что они долго искали место выброски, наконец нашли, обнаружили четыре тюка, килограммов по сто каждый, уже начали стаскивать их в одно место, как неожиданно появились финны. Завязалась перестрелка, в которой погиб Коля Петров. Финнов было немного, и когда они тоже понесли потери, то бой прекратили, подхватили двоих — то ли убитых, то ли тяжелораненых — и ушли на северо-восток. Оставлять продукты на старом месте не имело смысла. Партизаны распотрошили тюки, в несколько заходов перетащили их на соседнюю сопку, замаскировали, на это ушла почти вся ночь — и вот они здесь.

— Финны видели тюки с продуктами? — спросил Колесник.

— Думаю, что видели...

— Они не могли наблюдать за вами? Потом, после боя...

— Да нет вроде... Всю ночь было тихо.

— Ладно. Благодарю за службу! Отдыхай!

Как только Кундозеров отошел, Аристов спросил Колесника:

— Что думаешь делать?

Услышанная история чем-то была не по душе Колеснику, он и сам еще не мог бы доказательно объяснить, чем именно, но уж больно подозрительным было поведение финнов. Что они — не смогли догадаться, что партизан всего четверо? Отошли и за ночь не потревожили. Поэтому на вопрос Аристова он ответил откровенно:

— Пока не знаю. Надо подумать.

— Пора бы знать, нам время терять некогда.

— А ты знаешь?

— Надо немедленно отправлять отряд.

— Сейчас это невозможно.

— Почему?

— Разве ты не видел, какими вернулись разведчики? Они и километра не пройдут. А без них никто не разыщет продукты.

— Ты плохо знаешь наших людей. Я уверен, что Кундозеров пойдет хоть сейчас.

— А надо ли так спешить? Не лучше ли ближе к ночи?

— Странная у тебя нерешительность... Она приведет к тому, что мы потеряем эти мешки. Нам важно создать хотя бы четырехдневный запас, чтоб скрытно подойти к линии охранения, а каждая выброска демаскирует бригаду. Тут, в четырех-пяти километрах, лежат триста килограммов — как мы объясним это и людям, и Вершинину?

— А если финны сделают засаду?

— Слушай, Колесник... Мы подошли к такому району, где прорываться придется не через одну засаду. Сидра, Волома, три дороги... Если мы будем бояться засад, то бригада никогда не выберется отсюда. Это-то ты должен понимать!

— Хорошо. Какой отряд будем отправлять?

— Отправь Попова. Дай ему жесткий срок. Чтоб к десяти часам вечера он вернулся.

Колесник смотрел на карту и думал, как странно перевернулись представления о времени и о расстояниях. До высотки, где спрятаны продукты, всего пять километров. Совсем недавно это означало три часа пути туда и обратно. Теперь же даем восемь часов и называем этот срок жестким... Время словно бы обесценилось, но зато какую страшную цену приобрел каждый километр!

Александр Иванович Попов выслушал задание без особого энтузиазма. Как и всякий командир, он прежде всего подумал о людях, прикинул, что оно сулит им лишней десяток километров пути, да и после возвращения отдохнуть навряд ли придется — бригада не будет стоять здесь вечно, и вместе с этой мыслью пришла не то чтобы обида, а какое-то сожаление, что вот опять выбор пал на его отряд, что доверие — вещь приятная, но получается как-то не очень и справедливо. Прикрытие в поселке Тумба — «Мстители»; прикрытие на высоте 264,9 — «Мстители», поход за продуктами — опять «Мстители»...

Словно и нет других пяти отрядов. Умом он понимал, что это его чувство, естественное и понятное в отношении своего отряда, не очень справедливо по отношению к другим, у которых — начини считать — дел и «особых заданий» наберется не меньше. Но в данный момент все другие будут отдыхать, копить силы к следующему переходу, а «Мстителям», у которых и так в строю осталось семьдесят человек из ста, надо подниматься и идти на эту несчастную сопку. Обо всем этом подумалось, все это держалось в голове, но не оно было главным теперь, когда задание уже дано и надо спросонья и с усталости ничего не упустить и все уяснить до тонкости.

Путь туда ясен — поведет Кундозеров. Путь обратно — еще яснее. А вот нельзя ли выгадать километра два-три и идти не сюда, а прямо к переправе через Сидру?

— Нет, нельзя! — ответил Колесник. — Во-первых, мы еще точно не знаем, где будем переправляться. Греков только вечером пойдет к реке... А во-вторых, какая же тебе выгода, если твоим людям придется тащить весь груз?

— Это верно, — согласился Попов. — А раз сюда, то, может, мне не надо всех своих людей волочить с собой? Груз не очень и велик, хватит и двух взводов... Пусть хоть один отдохнет как следует.

— Это можно. Разрешаю, — ответил Колесник.

— Оставляю взвод Бузулуцкого.

— Порядок. Да вот еще! Возьмешь с собой запасную рацию и радиста. Взамен, в помощники первому радисту, оставь при штабе бригады крепкого бойца, — таскать рацию и питание. Есть у тебя такой?

— Найдется. Оставлю Диму Лавриченко.

— Надежный парень?

— Хороший... Доброволец. Весной добился зачисления в отряд. На станции Сумпосад работал. Не подведет...

— Порядок, договорились...

Через полчаса Попов с двумя взводами ушел. Колесник проводил его до сторожевой линии и был свидетелем разговора, который потом часто вспоминался ему, и с каждым разом все больше.

В отряде «Мстители» в качестве сандружинницы служила жена Попова — Сидорова Мария Александровна. Поженились они весной. Еще в Сегеже Александр Ива-

нович хотел устранить ее от похода, приходил в штаб, смущаясь, просил разрешения, получил его, но сама Маша воспротивилась, настояла на своем, в поход вышла, службу несла образцово и пользовалась большим уважением в отряде.

Теперь повторилось нечто подобное.

Отряд тихо спускался по косовету. Колесник и Попов стояли рядом. Когда мимо них проходил второй взвод, Александр Иванович вдруг окликнул:

— Сидорова! Ко мне!

Она вышла из цепочки, приблизилась.

— Маша! В последний раз прошу тебя, останься!

— Нет.

— Я ведь могу приказать...

— Не срами меня перед людьми... Тебе же самому неловко потом будет.

— Глупая ты! Ступай!

Попов долго молчал, а потом, когда пришла пора прощаться, с виноватым видом пояснил Колеснику:

— Она, понимаешь, на третьем месяце беременности.

Повернулся и зашагал вслед отряду так быстро, что Колесник ничего не успел ответить ему.

К десяти вечера отряд Попова не вернулся. До этого к высоте 195,1 дважды подходила разведка противника, ее встречали огнем, и она скрывалась.

Отряд «Боевые друзья» перед вечером отправился к реке Сидра. Место для переправы выбрали у барачков. Вверх и вниз по реке на расстоянии километра Колесник приказал выставить усиленные заставы.

Прошла полночь, Попова все не было. Ждали до утра, не понимая, что могло случиться. Ночь стояла тихая и звездная. Ни одного, даже самого отдаленного, выстрела не доносилось до бригады, и поэтому особой тревоги не возникало.

Утром, оставив на высоте взвод Бузулуцкого, чтоб он дождался возвращения отряда, тронулись к реке Сидра, где уже была готова переправа.

Пройдя километра два, для связи оставили на тропе отделение из отряда «Боевые друзья» во главе с командиром взвода Баженовым.

Уже подошли к Сидре, когда позади разгорелся ожесточенный бой. Было слышно, как в ход пошли гранаты. Бой длился долго, но кто его вел — отряд Попова или

взвод Бузулуцкого, — на таком расстоянии понять было невозможно.

Бригада начала переправляться, к месту боя выслали взвод Мурахина из отряда «За Родину». Пока впереди был слышен бой, взвод спешил из всех сил, потом, когда перестрелка неожиданно оборвалась, стали продвигаться осторожно.

И не ошиблись.

Партизаны первыми заметили идущих по болоту финнов, успели скрытно занять выгодную оборону, подпустили противника поближе и встретили шквальным огнем из винтовок и трех пулеметов.

Понеся потери, финны отхлынули на соседнюю сопку, открыли ответный огонь и начали большими группами справа и слева обходить болото. Не желая выдавать своих сил, Мурахин решил не ввязываться в перестрелку, отвел взвод на следующую высоту и снова занял оборону.

Вскоре на помощь подоспел взвод Ивана Самсонова. Финны предприняли еще одну попытку сбить партизанский заслон, наступали с трех сторон, но подходы для них были невыгодными, они снова понесли потери, прекратили атаки и открыли по высоте минометный огонь. Так длилось несколько часов. Ощутимые потери понесли и партизаны. Более десяти человек навечно остались на подходах к реке Сидра и среди них — командир взвода Мурахин.

В разгар переправы неожиданно появились два краснозвездных истребителя с подвешенными под крыльями тюками. На бреющем полете они поспешно сбросили груз, несколько раз спикировали над местом боя, напугав финнов и заставив их скрыться поглубже в лес, потом пролетели над бригадой, выкинули вымпел с приветствием партизанам и ушли на восток.

Их провожали восторженными криками.

Однако радость была омрачена случайным и нелепым несчастьем. Один из тюков с силой ударился в сухостойную, свалил ее, и толстый, далеко отлетевший сук перешиб ноги начальнику штаба отряда имени Чапаева Ивану Пронину.

К этому времени бригада уже закончила переправу, отошла с километр на север и заняла оборону на пологой высотке. Отряды «Боевые друзья» и «За Родину» оста-

лись в прикрытии, выдвинув вверх и вниз по реке усиленные заслоны.

Но в этот день финны больше не пытались атаковать. Западнее и восточнее партизан они переправились через Сидру и тоже остановились на привал.

Вечером погода испортилась, начался сильный дождь. Была самая пора двигаться на север, чтобы поскорее, еще ночью форсировать дорогу Лазарево — Ччасалми, где финны, конечно, постараются преградить путь партизанам, но сил у людей уже не было, требовался отдых, а главное — бригада все еще надеялась, что вот-вот появится наконец отряд Попова.

На розыски отряда было выслано отделение разведчиков. Командир отделения Андрей Полевик получил задание по азимуту выйти в квадрат, куда был послан Попов, по следам догнать его и вывести к озеру Гардюс.

Полевик ушел и не вернулся.

3

Всю ночь, пока шли болотистым редколесьем, Васю Чуткина не оставляла одна мысль — если и на этот раз ему хватит сил не свалиться, не сойти с обманчиво мягкой и так коварно изнуряющей тропы, то остальное он выдюжит и потом будет жить долго-долго, коль, конечно, не найдет его какая-нибудь дурная пуля.

Нельзя сказать, что он впервые подумал о себе так. В последние дни каждый переход давался ему трудно, и мысль эта стала для него чем-то вроде зарока. Более того, в глубине души он даже верил, что обязательно выдержит и этот переход, и следующий, что пройдет столько, сколько понадобится, или вернее — сколько хватит у него сил, но думать, что этот переход самый тяжелый и решающий, стало для него привычкой, он упорно настраивал себя на эту мысль, и она приносила если не облегчение, то надежду.

И в этом он не был далек от истины — переходы с каждым разом становились все труднее, ежедневно по несколько человек умирали от истощения и упадка сил, а теперь, когда появились, наконец, продукты, смертей несколько не убавилось, и стали они не такими тихими, как прежде, а мучительными и болезненными, ибо желудки и кишечники у людей отказывались работать, и почти вся бригада страдала кто запорами, кто поносами.

Вчера выдали по котелку мелких сухарей, по полбанке американской свиной тушенки, по плотной жмени махорки и куску сахара.

Впервые Вася поел, если не вдоволь, то всласть. Вечером перед выходом прикончил остатки и ночью корил себя за жадность. Сытости он так и не ощутил, только живот отяжелил понапрасну; мучила жажда, отрыгалось прелой горечью, а есть по-прежнему хотелось до нестерпения, и на марше все время казалось, что кусочек сухаря мог бы здорово поддержать силы.

А тут еще во время одной из коротких остановок командир отделения Живяков неожиданно предложил:

— Давай, Чуткин, дальше питаться вместе. Все — на пару, идет?

Вася был польщен, но стыдливо промолчал. Не мог же он признаться, что все полученное уже уложил туда, откуда, как шутили ребята, «и царь коленом не выдавит».

Предложение командира отделения прибавило Васе новых переживаний. Он был уверен, что Живяков, конечно же, распорядился своим пайком по-иному, у него наверняка осталось в мешке не меньше половины, и стал думать — как же восполнить свою долю. Отказываться не хотелось, но ничего другого не оставалось, как войти в пай после получения новых продуктов. Уж тогда-то Вася будет поумнее...

Потом Вася подумал — а надо ли ему вообще объединяться с Живяковым? Весь поход тиранил, придирался по делу и без дела, а тут в напарники приглашает. В отряде так уж с самого начала велось, что из одного котелка питаются самые близкие друзья... Вообще-то после большого боя Живяков переменялся: заметно притих, стал добр и почти ласков, но в отделении лучше от этого не стало. Никто из ребят ни словом не упрекнул его за случившееся при отходе с высоты 264,9, все понимали, что иного выхода, наверное, и не было, что их отделению просто не повезло в тот день с заданием и на месте Живякова легко мог оказаться любой другой, который, вероятно, делал бы то же самое, — все понимали это и молчали, так как говорить или обсуждать то, чему они оказались невольными свидетелями, было и больно, и стыдно, и бесполезно... Если думали об этом, то каждый про себя; если в душе винили кого-то, то прежде всего — Колчина: он был старшим.

Внешне жизнь в отделении шла своим чередом, но в отношении к командиру чувствовалась настороженность — а что думает он сам?

Живяков молчал, был задумчив, больше прежнего старался участвовать в общих делах, тащил на себе то пулемет, то нехитрое хозяйство: пилу, топор, связку взрывчатки — другим это очень пришлось по душе, понравилось поначалу и Васе, а потом даже стало обидно за отделенного — чего уж так стараешься, будто вину заглаживаешь? Не испытывал он доверия к подобной переменчивости у людей... Если виноват, в открытую признайся, а характера держись.

Людская переменчивость была особенно подозрительна для Васи потому, что знал он свою слабость — был сам удивительно податлив на любое проявление к нему доброты. Иногда и понимал, что человек подкатывается к нему не без задней мысли, не раз обжигался на этом, прятался потом за напускное безразличие ко всему, но пустяковое доброе дело или даже слово трогали его до глубины души, и опять хотелось верить заново.

Поэтому, когда на очередном коротком отдыхе Живяков раскрыл мешок и молча протянул ему кусок сухаря, у Васи от чувства благодарности и волнения перехватило горло, он не знал, что делать, как поступить, стал отнекиваться, прятать руки за спину, а потом, когда сухарь все же оказался у него, он грыз его стыдливо, как бы нехотя, а сам мучительно думал, чем бы поскорее отплатить Живякову.

На высоте 195,1 им снова выдали продукты. Досталось немного — не больше дневной нормы. Живяков собрал отделение и предупредил:

— Ребята! Каждый получил поровну. Если хотите выжить, то каждый должен съесть столько, сколько я. И ни крошки больше. Буду строго следить. Все делим на четыре порции и без команды не трогаем.

Васе он сказал:

— Будешь питаться со мной. Продукты, которые остались у меня от прошлой выдачи, будут нашим энзэ.

Этот привал был как праздник. Стояли больше суток, погода выдалась солнечная, дважды разводили костры, варили похлебку из концентрата, хорошо отдохнули, а главное — взводу Бузулуцкого неожиданно повезло: когда отряд ушел за продуктами к Сидрозеру, его оставили с бригадой. Правда, финская разведка после полудня два

раза обстреляла передовые посты отряда имени Антикайнена, убила двоих партизан, сама понесла потери и скрылась, но это давно уже стало привычным и не испортило хорошего настроения.

Утром бригада ушла к переправе.

Бузулуцков отвел взвод к восточному склону высоты и расположил круговой обороной. С двух сторон, с юга и востока, далеко просматривалась открытая болотистая низина — здесь можно было держать лишь одного-двух наблюдателей, а основные силы сосредоточить на других участках. С востока ожидался и подход отряда. В случае появления крупных сил противника решено было бой не принимать — обстрелять его издали и отходить на соединение с отрядом.

Первое время все лежали в обороне, вслушиваясь, как затихают звуки удаляющейся бригады. Вот и последний боец тылового охранения мелькнул и скрылся между деревьями — стало тихо, одиноко и томительно. Потом начали дежурить попеременно. Половина людей в обороне, половина — на отдыхе.

Продуктов снова ни у кого не было, есть хотелось невыносимо, и оттого время тянулось удивительно медленно.

Бузулуцкову впервые за весь поход выдали карту, он безотрывно рассматривал ее, с радостным удивлением натыкался на памятные высоты, озера, болота, по которым прошла бригада за тридцать девять дней похода. Это было даже странно — вдруг сразу, словно бы с огромной высоты увидеть весь путь, на который было затрачено столько времени и сил, а теперь не требовалось и минуты, чтоб заново пробежать его.

Поначалу свободные от дежурства бойцы лишь с завистью поглядывали в сторону комвзвода — карта почему-то считалась таким секретом, что и украдкой подсматривать было неловко, — однако Бузулуцков изучал ее так долго и с таким нескрываемым интересом, что вскоре со всех сторон над ним нависли любопытные головы. Главный вопрос был — где находимся и далеко ли еще идти?

Напрямую получалось совсем близко: сорок километров до ничейной земли. Потом радость сменилась унынием — пути напрямую не было, требовалось обходить с севера систему озер, и тут километры приходилось считать многими десятками.

Бузулуцков даже пожалел, что допустил ребят к карте.

Отряд не возвращался, вокруг было тихо, и Бузулуцков снова сократил число бойцов в наряде: на линии обороны оставил в секрете пулеметы и нескольких наблюдателей.

Около полудня, когда Чуткин сменился с очередного дежурства, Живяков как бы между прочим сказал:

— Время теряем, а ребята опять без жратвы остались... Ты, Чуткин, не хотел бы сходить порыбачить?

— А чё? — охотно согласился Вася. — Только где тут рыбачить?

— Если на ламбе попробовать, а?

С юго-запада к подножию высоты примыкало округлое озерцо, опущенное низкими плотными зарослями ивняка и ольшаника. Было оно такое маленькое, спокойное и тихое, что серьезного рыбацкого интереса не вызывало. Тем более, что и находилась ламбушка за линией обороны. Лежа в секрете, Вася и сам не раз присматривался к ней, солнечные блики так и тянули туда взгляд, но коль уж и была в озерце рыба, то наверняка крохотные черные окушки, похожие на головастиков. Вот если бы Живяков отпустил его на большое озеро, видневшееся верстах в полтора, за болотом, — тогда другое дело, там, поди, можно поймать на блесну настоящую рыбу, так что и ног жалеть не придется...

— А ты хоть окушков подлови, — мягко настаивал Живяков. — И окушки пойдут в дело. Я договорюсь с командиром взвода. В наряде я подменю тебя. Вещмешок не забудь! На открытые места не лезь, по-за кустами старайся...

Вася молча собрался и пошел.

Озерцо-то оказалось не таким уж и маленьким — метров двести в поперечнике, а главное — светлым и рыбным. Чуткин понял это сразу, как только, выбрав место поукромней и поудобней, взглянул на воду. По поверхности гуляли на солнце стайки мелкой плотвы, а раз есть плотва, то должна быть и щука. Или хотя бы — крупный окунь: ведь питаться хищникам есть чем.

Сдерживая знакомое и приятное чувство нетерпения, Вася привязал к удилищу свою шелковую ссохшуюся лесу, поймал несколько мух покрупнее, сделал заброс, но зацепить на большой крючок крохотную плотицу оказалось делом нелегким. Рыбешки охотно «тюлюпали»

насадку, но никак не попадались. Даже зло брало, так хотелось поскорее закинуть удочку на живца и одновременно начать блеснение. Комбриговский подарок так еще ни разу и не опробован в деле.

Время шло, а ничего не получалось. Мошкара, казалось, слетелась со всего побережья, висела над ним темной тучей, вливалась в лицо с таким бесстрашным остервенением, что хотелось самому кинуться в воду.

Наконец повезло. Вася бережно снял серебристую, неподвижно повисшую на крючке плотичку, насадил ее под плавничок, сделал чуть глубже спуск, закинул подале, облегченно вытер с лица пот, повернулся к вещмешку, чтобы достать комбриговскую блесну, и застыл в оцепенении.

В узком просвете между кустами, в каких-нибудь тридцати — сорока метрах от себя, он четко увидел сероголубую спину поднимающегося по кособору человека. Он удалялся какими-то странными бесшумными рывками, пригнувшись и поглядывая то вправо, то влево, словно кто-то гнался за ним; потом в проеме зарослей — чуть дальше и выше по кособору — появилась еще одна такая же сгорбившаяся фигура... Вася все уже понял, ведь мысль о возможной опасности не оставляла его ни на минуту, он уже догадался, что на высоту наступает целая цепь егерей и видит он лишь нескольких крайних, но верить все равно не хотелось.

Машинально Вася залег, притянул винтовку, тихо перевел затвор, а сам все еще думал — неужели же это правда?.. Почему же молчат наши посты? Неужели они заметили финнов и неслышно отошли? Он мог бы еще спастись. Стоило поглубже нырнуть в кусты и переждать — ведь цепь шла наискосок и уже оставила его позади себя.

Если бы он был уверен, что взвод успел отойти, то, наверное, так бы и поступил. Но стоило на мгновение представить себе безмятежно сидящих вокруг комвзвода товарищей и разморенных жарой постовых, когда от истощения и усталости хоть подпорки меж веками ставь, — как решение пришло само собой.

Наскоро прицелившись в ближайшего егеря, Вася нажал спуск. Гулкое эхо выстрела укатилось куда-то за гору.

Он успел сделать еще два выстрела, и лишь после

этого по верхушкам кустов шарахнули с разных сторон автоматные очереди. Но ни одна пуля не задела его.

НЕТ Он понимал, что никаких шансов на спасение у него нет, и все же задом сполз с кромки берега в воду, в надежде перебраться за кустами в другое место, пробежал несколько шагов, но длинная очередь с другой стороны озера полоснула по спине, он упал, так и не успев услышать, как через несколько секунд загрохотали на высоте партизанские пулеметы.

Он лежал на прибрежной отмели, и долго, до самого вечера, буро-красное пятно расплывалось по мелководью, привлекая стаи пугливых мальков.

Взвод Бузулуцкого бился до последнего человека...

4

Почти тридцать лет никто не знал о судьбе отряда Попова.

Высланное для связи с ним отделение разведчиков под командованием Андрея Полевика наткнулось на финнов, было вынуждено разделиться на две группы, и в дальнейшем каждая из групп выходила в свой тыл самостоятельно. Сам Полевик вместе с сандружинницей Аней Мининой добрался до указанного ему квадрата, никого там не обнаружил, пробовал догнать бригаду, но везде натыкался на противника, и после трехнедельных мытарств и блужданий они вышли в свой тыл, обогнув с севера Елмозеро. Четверо других разведчиков под руководством Федора Лилюкова также в конце концов пробрались на свою территорию.

Ни та, ни другая группа не принесла никаких сведений об отряде «Мстители».

Ждали два месяца. Все еще жила надежда, что или сам отряд, или какая-то группа из отряда Попова пробьются к своим и принесут известия, что же произошло там, западнее далекого Сидрозера...

10 октября 1942 года было принято решение считать отряд «Мстители» без вести пропавшим. Не погибшим, а именно «без вести пропавшим...»

Для суровых военных лет в этом решении не было ничего странного. Отряд действительно пропал без вести. Никто не знал, где он: погиб ли в бою, или был оттеснен противником в глухие безжизненные леса Пенинги, где нет ни селений, ни дорог, и партизаны один за

другим погибли от голода. Можно было предполагать всякое...

Странно другое. Когда через два года территория Карелии была освобождена от оккупантов, не было сделано даже попытки раскрыть тайну.

Приводились в порядок документы, составлялись отчеты и подробные описания, выяснялись дела и судьбы не только групп, но и отдельных людей, участвовавших в партизанской и подпольной борьбе, а судьба отряда Попова по какой-то нелепой случайности так и осталась без внимания, так он и продолжал числиться без вести пропавшим.

Возможно, произошло это потому, что тогда же, осенью 1942 года, вместо пропавшего отряда был сформирован новый, костяк его составили молодые добровольцы из Свердловской области, новый отряд тоже получил название «Мстители», он мужественно и успешно боролся с врагом в течение двух лет, и его боевые дела как бы оттеснили на второй план память о прежнем. Тем более, что в новом отряде не было ни одного человека из старого и некому было поддержать эту память.

Так случилось.

Нельзя сказать, что загадка отряда Попова не волновала оставшихся в живых участников бригадного похода. Нет, в последнее десятилетие на каждом партизанском слете, при каждой встрече ветеранов обязательно заходил разговор об этом, вспоминали, как уходил отряд с высоты 195,1, как ждали его и не могли взять в толк, куда он подевался, если ушел за какие-то четыре-пять километров от бригады и словно в воду канул, даже боя не было слышно.

Бывший помощник начальника штаба бригады, Николай Георгиевич Пименов, командовавший в походе отрядом «Буревестник», определенно сказал: «Думаю, отряд Попова нашел продукты. Ослабевшие люди поели и решили часок-другой отдохнуть, чтоб побыстрее догнать бригаду... Постовые проворонили, и финны бесшумно взяли их в ножи...»

Командир отряда «Боевые друзья» Ф. И. Греков считал, что отряд нарвался на засаду, которую егеря устроили у продуктов.

Все это было лишь предположениями, и казалось, что загадка так и останется неразгаданной.

...В 1970 году бывший партизан отряда «Мстители»

Иван Соболев, отставший от бригады при обстоятельствах, о которых рассказано в одной из глав этой книги, прислал мне подробнейшие воспоминания о своих мытарствах в финском плену. Есть в них такой эпизод:

«Было это к зиме. Однажды вечером вернулся я после работы в барак к своему месту. На верхних нарах один, смотрю, не спускает с меня глаз. Я тоже гляжу на него, вижу знакомую личность, но в голову не придет, что это Павел Оберемко. Потом он говорит мне:

— Парень, как ты похож на одного знакомого!

Я отвечаю:

— Мне тоже твоя личность вроде знакомая. Ты не Павел? Ты не из третьего отряда?

— Неужели Иван? Ты жив!

Рассказал мне Павел свои похождения. Уже после большого боя на высоте, на одном из привалов отошел он собирать грибы и ягоды, отклонился, видать, далеко-далеко, а когда вернулся на свое место, там уже никого не было, и тропы он не обнаружил. Стрелять не посмел, кричать тоже. Был уже вечер. Побегал, искал, присел под дерево и уснул. Много дней шел один, пробирался к северу. Убил лося, подкрепился, набрал с собой мяса.

«Однажды,— рассказывает Павел,— смотрю, воронье кружится над опушкой леса. Думаю, что-то есть... Иду. Смотрю, люди лежат. Начинаю рассматривать и узнаю среди убитых: Попова, Лонина, Пекарского, Машу Сидорову — весь 3-й отряд... Кого узнал по почерневшему лицу, кого по одежде. Их было человек 40. Хотя не считал... Были видны следы зверства. Две наши медсестры лежали на упавших деревьях, вверх лицом, со снятыми брюками и голыми грудями. Страшно это было видеть... Еще несколько дней блуждал, измотался вконец, набрел на тропу, обрадовался, сел под дерево неподалеку отдохнуть, задремал... Очнулся, когда три велосипедиста кругом стоят, а один меня автоматом в грудь тычет...»

Это было первое свидетельство о гибели отряда Попова.

Почти одновременно с ним появилось второе — более веское и неоспоримое.

20 августа 1970 года лесник Юккогубского лесничества Довбыш письменно сообщил в Медвежьегорский райвоенкомат о том, что при отводе лесосек в 13-м квартале (Паданский сельсовет, поселок Ахвенламби-Тумба,

в трех километрах вверх по течению реки Сидра) им обнаружены пятьдесят незахороненных погибших партизан, возле которых найдены пустые пулеметные диски, солдатские котелки, кружки.

Лесник так прямо и написал — «погибших партизан». Он знал, что фронт здесь не проходил и погибшие могли быть только партизанами.

В течение сентября 1970 года сотрудники Медвежьегорского райвоенкомата и редакции районной газеты «Вперед» с помощью работников лесничества дважды произвели обследование местности вблизи высоты, которая значилась на картах военного времени под отметкой 195,1. Они обнаружили останки семидесяти погибших партизан, перенесли их в село Паданы и 4 октября 1970 года торжественно захоронили в братскую могилу в центре села.

К сожалению, члены поисковой группы не знали истории загадочного исчезновения отряда Попова и не организовали тщательной экспертизы. О своей находке они сообщили в Петрозаводск лишь после того, как произвели захоронение. Но нет сомнения, что останки принадлежат бойцам и командирам отряда «Мстители», что отряд не пропал без вести, а погиб в бою с противником.

Как это произошло — остается лишь предполагать и догадываться.

В 1973 году в Финляндии, в издательстве «Каристо», вторым изданием вышла большая художественно-документальная книга военного писателя Пентти Тикканена под сенсационным названием «Разгром партизанской бригады». Справедливости ради, следует сказать, что содержание этой книги во многом не столь сенсационно, как ее заглавие. Автор открыто признает, что свою задачу по уничтожению партизанской бригады Григорьева финскому командованию так и не удалось выполнить, хотя для этой операции были привлечены многократно превосходившие партизан силы. Причина этому — героизм, мужество и находчивость советских бойцов и командиров.

Пентти Тикканен тщательно, шаг за шагом, прослеживает, как развивалась эта операция с финской стороны, анализирует замыслы и действия командиров всех степеней, показывает чувства и настроения солдат. Автор стремится к объективному, документальному изображению событий; ему многое в этом отношении удается.

Но поскольку он опирался на документы лишь финских военных архивов, то цифровые данные о потерях выглядят в его книге не только неточными, но и односторонне искаженными. В большинстве случаев эти цифры вступают в явное противоречие с логикой и исходом описываемых автором событий...

Но не в этом сейчас дело.

Книга Тикканена столь детально и неторопливо последовательна, что с первых ее страниц возникает надежда — наконец-то над многолетней тайной гибели отряда Попова приоткроется завеса. Хотя бы даже с одной стороны, ибо с другой — живых свидетелей, к несчастью, не осталось.

Пентти Тикканен показывает десятки боев и мелких стычек, но, к сожалению, прямого и точного описания схватки финнов с отрядом «Мстители» в книге нет. Изображен один бой, очень схожий с тем, что могло бы происходить вблизи высоты 195,1, но отнесен он автором почему-то на несколько дней раньше, когда никакой отряд в отрыве от бригады не находился и подобной, удачной для финнов, засады они организовать не имели возможности. Если и была в действительности такая засада, то она могла быть только против отряда Попова.

В описании Тикканена имеются детали, которые подтверждают это предположение.

Финны выследили отряд, когда он находился на привале на высотке, с трех сторон окруженной болотами. Пейзаж очень напоминает местность вблизи реки Сидра. В бинокль финны видели, что партизаны отдыхают, сушат у костра одежду. Финны окружили высоту и, предполагая направление отхода отряда, с севера устроили засаду, сосредоточив несколько ручных пулеметов.

Когда начало темнеть, партизаны, ничего не подозревая, двинулись в путь, спустились к болоту и были встречены на открытом месте кинжальным пулеметным огнем. Жаркая неравная перестрелка длилась несколько десятков минут... Командир финской роты еще раньше в бинокль определил командира партизан и все время держал его на примете. Когда смолкла последняя партизанская винтовка, он подошел к убитому русскому командиру. Рядом с ним, обнимая его рукой, лежала тяжело раненная молодая женщина. Неожиданно она подняла голову, увидела приблизившихся финнов. «Из ее рта хлынула кровь и с губ послышался прерывистый шепот:

— Чухны! Собаки! Радуйтесь! Убили такого человека, нашего любимого командира!..

Они вдвоем так и остались лежать рядом».

Трудно судить, насколько фактографичен П. Тикканен в описании этой сцены. Возможно, командир финской роты рассказал об этом своим солдатам, а те через тридцать лет донесли ее и до автора книги. Хочется верить, что так оно и было! Во всяком случае, так могло быть, ибо многие из партизан бригады и сейчас вспоминают, как нежно и преданно любила сандружинница Маша Сидорова своего мужа, командира отряда Александра Ивановича Попова.

История отряда «Мстители», приоткрывшаяся через тридцать лет, еще раз показывает, что нет без вести пропавших, а есть лишь ненайденные...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ИЗ ДНЕВНИКА КОМИССАРА Я. ЕФИМОВА

1

Он словно бы знал, что не доживет до Победы и что потом ему не придется вспоминать и рассказывать. Возможно, поэтому он стал записывать...

В том походе ему повезло. Он был среди немногих, кто вернулся живым и без единой пулевой царапины, хотя, как и все, был истощен до такой степени, что нуждался в госпитализации. Как и многие другие, он не лег в госпиталь, а дни отдыха посвятил рукописи, которую назвал «Дневником».

Эта рукопись дошла до нас.

Когда в июне 1943 года комиссар партизанского отряда Яков Васильевич Ефимов был назначен секретарем Олонецкого подпольного райкома партии и готовился к забросу на оккупированную территорию, он сдал личные записи на временное хранение. Сдал — на время, а получилось — навечно.

Он выполнил последнее задание.

Долгие месяцы находился с тремя товарищами в Олонецком районе, ведя смертельно опасную и такую необходимую в военные годы работу, которую нельзя измерить никакими привычными мерками. Он уже получил указание Центра выходить в свой тыл, прошел более

трехсот верст по лесам и был уже вблизи линии фронта, но помешала нелепая случайность...

В феврале 1944 года партизанский комиссар и секретарь подпольного райкома Я. В. Ефимов был расстрелян оккупантами после истязаний и безуспешных попыток втянуть его в разного рода провокации.

Все это произойдет потом.

А тогда, в сентябрьские дни 1942 года, он жил только что закончившимся походом, набирался сил и писал, писал, писал...

Началось с того, что приехавший в Сегежу писатель и журналист, ответственный секретарь редакции газеты «Ленинское знамя» Ф. А. Трофимов попросил его написать короткую заметку об одном из боевых эпизодов похода. Я. Ефимов решил рассказать о событиях той памятной ночи, когда комбриг Григорьев на высоте 264,9 послал его со взводом в тыл атакующему противнику. Он так и озаглавил заметку: «Одиннадцать часов в расположении противника».

Во всех сохранившихся бумагах Ефимова это самая подробная запись, где даются объяснения каждого его поступка, мотивы каждого его решения.

Думается, это не случайно.

Комиссар Ефимов был предельно аккуратным, честным и совестливым человеком. Взвод должен был вернуться к полуночи, а пробыл в отрыве от бригады одиннадцать часов. Вернулся почти без потерь, Григорьева в живых уже не было, и писал Ефимов не для похвальбы, а с желанием объяснить, как все это случилось.

Потом он принялся за дневник.

Здесь все дается уже по-иному: коротко, фиксирующе — только факты и никаких оценок. День за днем — без единого пропуска — он восстанавливает поход, и нигде, ни в одной строке нет самого автора, его раздумий и переживаний, словно бы он не страдал, не мучился, не нес на своих плечах комиссарской ответственности за отряд и за судьбу каждого бойца — все это как бы подразумевалось само собой и ничем не отличалось от работы других комиссаров или политруков. Он воспринимал себя как равную частицу целого, и главным для него было не как, а что именно происходило в походе.

Таковы его дневниковые записи.

9 августа.

Ночь провели на небольшой высоте в обороне, так как поблизости большие силы противника. Шел сильный дождь. Около 6.00 утра разведка противника обстреляла передовые дозоры 6-го отряда, завязалась короткая перестрелка, противник поспешно отошел, посланная для преследования группа не догнала его. Идем на северо-восток. Не доходя до северо-западного конца Второе Кук-озеро, впереди идущую разведку и 4-й отряд с засады обстрелял противник. Убит комиссар 4-го отряда Плеве.

Нашего начальника штаба отряда Пронина пришлось оставить... Он слишком плохо себя чувствовал, а нести никто не мог, люди обессилены. Он сам пришел к этому решению, спокойно и мужественно попрощался со всеми и вынул пистолет...

В координате 42—86 делаем двухчасовой привал. Командование бригады приняло решение дальше идти тремя группами и соединиться после перехода дорог Чнасалми — Лазарево и Лазарево — Пелкула, у р. Волома.

В 17.00 подошли на расстояние в полтора километра от дороги Чнасалми — Лазарево. На дорогу идет разведка, мы останавливаемся на привал. До 24-х ничего особенного не произошло. Люди отдыхали. Настроение у людей хорошее, эти два дня продукты, хотя и немного, но имелись.

10 августа.

Утром разведка донесла, что дороги усиленно патрулируются противником. В 10 утра идем на переход дороги. Не доходя до дороги около полукилометра, с тылу у нас появляется группа противника, но, не вступая в бой, поспешно отходит. Мы идем на дорогу и переходим ее без выстрела, не встретив противника, в координате 48—86.

К вечеру подошли к озеру Гардюс. Не доходя метров 800, останавливаемся на привал юго-западнее озера. Сегодня наш отряд потерял трех человек. Двое пропали без вести: Павлов у дороги до перехода, а Гвоздков после перехода... Оба были сильны истощены...

Днем северо-западнее нашего маршрута была слышна ружейно-автоматная стрельба. Там двигается группа Грекова.

11 августа.

Ночь прошла благополучно. В 5.00 утра идем на север. В 17.00 изменили азимут и пошли на восток. В координате 56—90 останавливаемся на привал. Вечером прилетели наши самолеты и дважды сбросили продукты. Другие две группы тоже подошли к озеру Гардюс и завтра присоединятся к нам.

Сегодня в нашем отряде на марше с голоду и от сильного истощения умер боец Быстров.

12 августа.

Ночью и днем самолеты сделали еще три залета и сбросили продукты.

Около 15.00 с северо-запада к нашему лагерю подошла большая группа противника. Наш отряд открыл огонь. Завязалась перестрелка. Противник метрах в 500 от нас занял высоту и укрепился на ней. Наш 3-й взвод ходил в разведку и вступил в бой с противником, убил шесть человек и ранил пятерых. Наших потерь нет. Вся бригада, за исключением 3-го отряда, с которым связь не установлена, теперь вместе.

Командование принимает решение обойти оборону противника с запада и идти на переход дороги Пелкула — Лазарево опять тремя группами.

Со штабом бригады идет отряд имени Антикайнена. Мы с отрядом «Буревестник».

В 22.00 пошли на запад, а затем на север, в обход обороны противника.

13 августа.

Ночью разведка наткнулась на лагерь противника численностью до 120 человек. Лагерь размещался севернее той высоты, на которой вчера вечером противник укрепился.

Лагерь противника обходим скрытно и тремя группами идем к дороге. Наша группа — 7-й и 8-й отряды, а также другая группа — 1-й отряд со штабом бригады дорогу Пелкула — Лазарево перешли в 6.00 утра. Патрулей здесь не оказалось, но не успели мы пройти за дорогу метров 150, как по дороге проехал конный патруль в сторону деревни Пелкула.

В километре севернее дороги делаем привал.

Отдыхали четыре часа. Разведка обнаружила группу

противника, идущую по нашим следам. Трогаемся на восток.

Пройдя с километр от места привала, мы оставляем засаду из шести человек. Пройдя еще с километр, слышим сзади стрельбу.

Через час нас догоняет оставленная засада. Они вступили в бой с противником, который численностью более 100 человек шел по нашим следам. Засада подпустила противника вплотную и обстреляла его из пулемета и автоматов. Противник пришел в замешательство, занял оборону, открыл минометный огонь, но видя, что наших немного, стал действовать решительно. Наши потери — один убитый. Пять человек отошли, убив 10 и ранив 8 человек у противника.

В координате 60—94 мы соединяемся с первым отрядом и штабом бригады, делаем привал и занимаем оборону.

Четыре человека из нашего отряда пошли в разведку по обратному маршруту. В полукилометре они встретились с противником. Завязалась перестрелка. Двоих наших убили, двое вернулись. Противник численностью более 100 человек подошел к месту нашего расположения с запада. Завязался бой. Противник по нашей обороне бьет из минометов. Наш отряд держится крепко и в ответ бьет по появляющемуся противнику прицельным огнем. Бой длился около трех часов.

Противник, не добившись успеха и потеряв около 15 человек, отошел на запад.

Ждем 3-ю группу — отряды «Боевые друзья» и «За Родину».

На берег реки Волома ушла разведка и еще не вернулась.

14 августа.

Ночь провели на месте. Утром около 6.00 снова подошла разведка противника. Наш дозор ее обстрелял, она скрылась.

Противник снова стал подтягивать силы к нашей обороне.

Вернулась разведка с реки Волома.

Через болото, прямо на восток, идем к реке, до которой напрямую чуть больше двух километров.

К реке вышли у барачков в координате 60—96.

В 11.00 начали переправу на левый берег. Вскоре подошли отряды «Боевые друзья» и «За Родину». Путь у них оказался потруднее, шли с частыми боями.

Переправу закончили в 12.00. Противника пока не видно. Командование бригады принимает решение дальше опять идти тремя группами и чтоб каждая выходила в свой тыл самостоятельно. Каждой группе ставится боевая задача — вблизи линии охранения разгромить полевые гарнизоны противника.

Но до линии финского охранения еще надо дойти, а главное — прорваться через дорогу Паданы — Кузнаволок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

(р. Волома, 14 августа 1942 г.)

1

Среди многих других забот, опасностей и утрат, которые переживала бригада на пути между реками Сидра и Волома, пропажа отряда «Мстители» воспринималась поначалу лишь как временная потеря связи с ним. Верилось: коль не на этом привале, так на следующем Попов догонит бригаду или, в крайнем случае, выйдет на радиосвязь. Основной маршрут движения бригады он знает. Не может же отряд, насчитывающий более полусотни бойцов и шесть ручных пулеметов, исчезнуть бесследно и бесшумно. Бой, который они слышали, находясь у реки Сидра, по всем данным, происходил на высоте 195,1 и вел его взвод Бузулуцкого.

Сообразно этим предположениям Колесник и действовал в первые дни: вел тщательную разведку, двигался замедленно, уходя с больших привалов, оставлял для связи с Поповым поисковые группы. Это было чревато новыми потерями — по следам шел противник, но, к счастью, все группы, за исключением отделения Полевика, благополучно возвратились. В Беломорск было сообщено, чтобы радиоузел искал прямую связь с Поповым.

Аристов все это молчаливо принял.

Однако время шло, никаких вестей от Попова не поступало, надежда сменилась сомнениями, а потом, по мере удаления бригады от реки Сидра, и опасениями, что

отряд, возможно, потерян навсегда. Эта мысль угнетала сознанием того, что где-то был допущен просчет и он, Аристов, причастен к этому. Он стал искать объяснения случившемуся, и выходило, что вина всему — отсутствие в бригаде твердой командирской руки. Аристов и прежде был весьма невысокого мнения о начальнике штаба, но теперь, после гибели Григорьева, поведение Колесника предстало перед ним как бы в новом свете. Его молчаливая сдержанность стала казаться самомнением, пунктуальность — ограниченностью, а уступчивость — не чем иным, как обычной растерянностью.

Стоило принять это, как четко и решительно последовал вывод: бригада при таком командире может и не выбраться из вражеского тыла. Командир обязан все знать, все предвидеть. Даже то, что бригада, поджидая отряд Попова, двигалась медленнее, чем могла бы, стало казаться грубейшим тактическим просчетом. За пять дней прошли всего тридцать километров! Финны получили лишнее время, чтоб укрепить подходы к дороге Пада-ны — Кузнаволоку.

Рассуждая так, Аристов не забывал, что каждое свое решение начальник штаба принимал с его согласия, во всяком случае — ставил его в известность, но теперь, когда все предстало в новом свете, это обстоятельство не только не оправдывало Колесника, а даже наоборот — усугубляло его недостатки. Какой же он командир, если шагу не может сделать самостоятельно? Получается, что все решения за него должен принимать комиссар... Выходит — если решение принесло успех, то честь и хвала командиру, а если неудачу, то можно укрыться за комиссаровой спиной... Нет, так не пойдет!

Аристов не боится ответственности, он и без того, в качестве комиссара, отвечает за все, за каждый шаг бригады и за каждого человека, он готов делить ответственность даже за командирские решения, но командир при этом должен пользоваться его полным доверием и уважением.

Таким человеком в бригаде представлялся ему Николай Иванович Кукелев.

В ночь с 11 на 12 августа бригада получила большую партию продовольствия: восемь легких самолетов выбросили четырехдневный запас. До линии охранения противника оставалось сорок километров, и продуктов должно было хватить до выхода на ничейную землю.

Бригада и сама не была заинтересована в том, чтобы в ближайшие дни самолеты открывали противнику ее местонахождение, она получила свободу маневра, и наконец-то исполнилось то, о чем все время мечтал Григорьев до самой своей гибели!

В трудные минуты Аристов все чаще вспоминал Ивана Антоновича. Все связанное с ним стало казаться удивительно светлым, умным, единственно правильным; он уже искренне жалел, что иногда позволял себе излишнюю резкость в разговорах с комбригом, который и сам был крутоват и несдержан по характеру, а в результате люди могли подумать об их отношениях бог знает что, хотя на самом деле эти отношения были доверительными, откровенными и всегда принципиальными. Для Аристова Григорьев и сейчас незримо присутствовал в бригаде, им он пытался поверять свои суждения, и потому было особенно неприятно видеть на лице Колесника загадочную и недоверчивую усмешку.

После форсирования дороги Лазарево — Чиасалми бригада продолжала двигаться тремя параллельными колоннами на расстоянии двух-трех километров одна от другой. Преследователи вынуждены были тоже разделиться на три части, и по следам каждой партизанской колонны шло не более роты. Изредка они насккивали на партизан, завязывали перестрелки, два раза, совершив обходы, пытались преградить путь, но силы примерно были равными, особой стойкости финны не проявляли, и отряды двигались в таком темпе, какой избирали сами.

Больше других доставалось сводной группе Грекова, куда входили отряды «Боевые друзья» и «За Родину». Ее финны пытались отсечь, и бой однажды длился почти весь день. Ночных боев финны избегали. Утром 12 августа все отряды соединились. Не хватало лишь отряда Попова. Как всегда, Аристов сразу же собрал сведения о потерях — в наличии оказалось триста двадцать два человека, из них — пятьдесят шесть раненых и больных. Еще вчера эта цифра не произвела бы на него такого угнетающего впечатления — за отрядом «Мстители», включая отделения Баженова и Полевика, числилось около восьмидесяти человек и общая картина выглядела совсем иной. А теперь? Ровно половина того, что было в бригаде, когда она вышла из поселка Услаг. Допустим — сорок четыре человека возвращены обратно еще до перехода линии охранения. А остальные? Более сотни

погибло в боях, двадцать умерло от ран, пятьдесят — от голода... Неужели остальных надо считать теперь без вести пропавшими? И сюда включать целый отряд, имеющий полное вооружение и рацию? Нет, не рано ли ты так решил, товарищ Колесник? Плохо ты знаешь партизан и слишком худо о них думаешь, если полагаешь, что отряд Попова не в состоянии действовать самостоятельно...

Аристов сидел над блокнотом, раздумывал. И хотя Колесник ни словом, ни намеком не дал ему понять, что считает отряд Попова без вести пропавшим, он мысленно спорил с ним, будучи уверенным, что начальник штаба так именно должен почему-то считать. Почему? А хотя бы потому, что тогда на высоте 195,1 Колесник проявил странную нерешительность и даже робость, а теперь, по какой-то случайности, оказался вроде бы правым. Лишенные самостоятельности люди чаще всего виновными не бывают. Решения за них приходится принимать другим.

Немного успокоившись, Аристов поднялся и приказал Колеснику:

— С этого момента отряд Попова считать действующим самостоятельно!

Удивленный необычным тоном, Колесник спросил:

— Разве это что-либо меняет?

— Да, меняет, если ты не понимаешь этого сам. Бригада не может больше тянуть волюнку. Каждое промедление для нас смерти подобно. Понятно тебе это?

— А-а... Теперь понятно. Только я не думаю, что нас поглядят по головке. Бросить отряд...

— Мы не бросаем отряд, — раздраженно перебил его Аристов, — а спасаем бригаду. Вот если мы не сделаем этого, то нам действительно снимут голову и правильно сделают. У тебя есть уверенность, что отряд Попова догонит нас? Так к чему же это неуместное умничанье? Все. Действовать, как я сказал! Дорогу Лазарево — Пелкула будем переходить также тремя колоннами. На Воломе, у барачков, соединяемся, делаем переправу и дальше двигаемся ускоренным маршем. Сегодня день отдыха, и до перехода линии охранения он будет последним!

— Судя по всему, у тебя есть свой план. Может, ты все же и меня посвятишь?

— Есть. Только оставь иронию при себе, она делу не помощник. Слушай серьезно, Колесник!

Аристов присел рядом, раскинул планшет.

— Будем считать, что на три-четыре дня продуктами мы обеспечены.

— Боюсь, что завтра к вечеру опять будет пусто. Люди истощены до крайности...

— Как это пусто? Да мы что, обжираться сюда пришли, что ли? Введем строжайший контроль, под личную ответственность командиров и комиссаров.

— Допустим. Дальше?

— После Воломы делимся на три группы и переходим линию охранения в разных местах. Примерно так. Отряды «Боевые друзья» и «За Родину» — южнее Барановой Горы, Шестаков и Пименов еще южнее, вот здесь, в квадрате 42—24, а штаб и отряд Кукелева сделают поворот к Елмозеру, разгромят гарнизон в бараках, переправятся через озеро и выйдут к высоте 120,3, закажут продукты и будут ждать подхода других групп.

— План хорош. Но из этого может ничего не получиться.

— Почему? Ты же сам все время ратовал за то, чтоб рассредоточить бригаду.

— Раньше, когда у людей были силы, это имело смысл. Мы могли оторваться от противника и скрыться. Теперь нам этого уже не сделать. Пробиваться надо одним кулаком. Просить помощи у пограничников и, когда подойдем к оборонительной полосе, атаковать одновременно с двух сторон.

— Не слишком ли просто? Ты думаешь, финны пропустят нас через дорогу Паданы — Кузнаволоок?

— Думаю, что нет. Придется и там пробиваться с боем.

— Раз пробиваться, два пробиваться... Нехитрая тактика!

— Что поделаешь? Мы солдаты...

— Мы не солдаты,— перебил его Аристов,— мы партизаны!

— Не вижу разницы в этой обстановке.

— Вот это-то и плохо, что не видишь! Мы партизаны, и наша сила в хитрости и внезапности!

— Какая же это хитрость, ценой четырех отрядов спасти один?! — повысил голос и Колесник.— Тут надо смотреть правде в глаза. Допустим, Кукелеву удастся оторваться от противника. Допустим, он разгромит небольшой гарнизон в бараках и переправится через

Елмозеро. Хотя и это бабушка надвое сказала. Успех будет лишь в том случае, если финны увяжутся за другими отрядами... Но они-то, действуя врозь, наверняка не пробьются. И если вопрос будет решен так, то штаб не имеет права идти с Кукелевым. Он обязан быть с главными силами.

— Уж не подозреваешь ли ты меня, что я хочу спасти свою шкуру? — прищурился Аристов, снимая очки. — Вот, оказывается, до чего можно договориться?!

— Я ничего не подозреваю. Я просто не вижу логики.

— Ты много чего не видишь! Ты плохо знаешь партизан, ты не веришь в них...

— Зимой я дважды ходил с партизанами на крупные операции и ничего, кроме хорошего, сказать о них не могу...

— Видишь, ты даже сейчас говоришь — «ходил с ними». Ты в душе себя партизаном не считаешь. В том-то твоя беда, Колесник.

— Это-то к чему, Аристов? Мы ведь обсуждаем совсем другой вопрос.

— А к тому, Колесник, что ты командуешь людьми, которые пришли сюда добровольно и сознательно. Для них нет ничего дороже партизанской чести, и каждый ради нее, не задумываясь, отдаст жизнь... Наша честь состоит теперь в том, чтобы в свой тыл вышла все-таки бригада... Бригада, понимаешь? Во главе со штабом, с документами... Чтобы враг не имел оснований утверждать, что он уничтожил бригаду как боевую единицу. В этом большой политический смысл для всего партизанского движения в Карелии на будущее. Очень жаль, что ты не понимаешь этого, Колесник. Ты ведешь себя, как какой-то военспец. Ладно, на этом разговор пока кончаем. После переправы через Волому план дальнейших действий обсудим на совете командиров и комиссаров.

Аристов отошел удовлетворенный. Он был рад, что не поддался вспыхнувшему чувству раздражения, сдержал себя и спокойно высказал все, что давно уже следовало бы знать этому самоуверенному умнику. Пусть для него не будет новостью то решение, которое теперь определенно и твердо созрело у Аристова...

Он направился в расположение отряда имени Антикайнена. К месту сбора «антикайненцы» пришли последними с опозданием почти на сутки. Как выяснилось, за-

держала их болезнь командира. Двое суток страшные желудочные колики мучили Николая Ивановича Кукелева, он не мог двигаться самостоятельно, бойцы, узнав об этом, готовы были нести любимого командира из последних сил, но сам Кукелев воспротивился этому. Тогда комиссар отряда Макарьев и начальник штаба Лопаткин на свой страх и риск решили занять оборону, дожидаться, пока командиру станет получше, и потом догонять бригаду. Отряд сдерживал нападающего противника, а фельдшер Валя Канаева применяла все нехитрые походные средства, чтобы облегчить страдания командиру. К счастью, это удалось, отряд ночью благополучно оторвался от противника и недавно соединился с бригадой.

Теперь Кукелев постепенно приходил в себя. Обессиленный, изможденный, с сухим блеском в глазах, он сидел под деревом, то и дело стирая с лица холодную испарину. Заметив приближающегося комиссара бригады, он хотел подняться навстречу, но Аристов еще издали сделал ему знак, чтобы оставался на месте, и сам присел рядом.

— Ну как твоя требуха? — спросил Аристов, чувствуя, что Кукелеву явно лучше, и потому не боясь обидеть его нарочитой грубоватостью. — Слух по бригаде прошел, что вроде ты разрядился...

— Было такое, — слабо улыбнулся Кукелев.

— Ну, теперь все будет в порядке. Это все черника. Одним в спасение, другим во зло. Крепит с нее страшно. Так что ты, брат, поостерегись дальше.

Аристов помолчал, закурил, угостил табаком Кукелева и неожиданно сказал:

— А я только что с Колесником разругался.

Кукелев выжидающе затих с неприкуренной цигаркой. Уловив эту настороженность, Аристов вполголоса изложил и свой план перехода линии финского охранения, и отношение к нему Колесника, и смысл той отповеди, которую он дал начальнику штаба. Начал он спокойно, но по ходу рассказа незаметно для себя распалился, в конце даже выматерился и воскликнул:

— Черт знает, что только мнит о себе этот мальчишка!

Кукелев ни словом, ни движением не выказал своего отношения к услышанному — он сидел и словно бы думал о чем-то другом. Лишь в сощуренных светлых глазах читалась глубокая внутренняя тоска, и трудно было

понять — то ли он удручен рассказом комиссара, то ли его продолжает мучить не утихшая еще боль.

— Чего молчишь? — резко спросил Аристов, когда молчание Кукелева начало раздражать его.

— А что я должен сказать? — повернулся к нему Кукелев.

— Тебе что, и сказать нечего, что ли? Ты-то как считаешь?

— Не надо бы вам ругаться! Не время! Спорить можно, а ругаться зачем?

— Разве о ругани я спрашиваю? Ты об отношении к делу говори! Как линию охранения переходить? С Колесником я сам разберусь. Я твердо решил отстранить его от командования бригадой, пока не поздно!

— Не слишком ли резко, Николай Павлович? Чем это вызвано? Я считаю, что все, что предпринималось Колесником, делалось им грамотно и правильно. Разве что история с отрядом Попова? Тут, конечно, проявили мы торопливость и нерасчетливость. А так? Смотри, пожалуйста... Миновали почти без потерь два крупных заслона, рассредоточенном запутали противника, приблизились к последней линии охранения. А что несем потери от голода — так разве Колесник в этом виноват?

— Что ты — «Колесник, Колесник»? Ты же лучше других знаешь, что все решения в конце концов приходится принимать... нам! — Аристов поначалу хотел сказать «мне», но такое заявление могло показаться нескромным, он запнулся и даже покраснел от смущения.

— А чем же это плохо?

— А тем, что сейчас бригаде, как никогда, требуется твердая командирская рука. Вопрос с Колесником для меня решен. Дело в тебе. Сегодня я буду просить Вершинина назначить командиром бригады тебя. Согласен ты?

— Если будет приказ, то моего согласия не потребуются. Но мое состояние ты видишь, и свое отношение к Колеснику я высказал. Считаю, что никаких перестановок делать не надо. Не время!

— Ладно. Твоя позиция ясна. Теперь о моем плане. Есть у тебя возражения по переходу линии охранения?

— Не лучше ли решить этот вопрос после переправы через Волому? Тогда картина станет яснее.

— Хорошо. Обсудим на совещании командиров и комиссаров. Ну, Николай Иванович, поправляйся скорей.

Вечером трогаемся дальше. Наш разговор держи пока при себе. Я пошел.

В полдень бригадная радиостанция передала срочную радиограмму в Беломорск:

«Вершинину.

В сложных условиях Колесник теряется. С обязанностями командира бригады не справляется. Немедленно назначьте командиром бригады Кукелева. Колесника оставить начальником штаба. Ответ жду сегодня в восемнадцать.

Аристов»

Уже за полночь, когда бригада благополучно миновала дорогу Лазарево — Пелкула и, выслав взвод для наведения переправы через реку Волому, остановилась на привал, пришел ответ:

«Командованию бригады.

Член Военного Совета приказал вступить в исполнение обязанностей командира бригады Аристову. Колеснику исполнять обязанности начальника штаба. Требую ускорить вывод бригады. Держаться направлении южнее Баранова Гора. Этом маршруте противник имеет гарнизоны Кузнаволок — 100, Баранова Гора — до роты, Сяргозеро, Бараки 42—24, Сондалы — по взводу. Проходы между Елмозером и Сегозером минированы, усиленно охраняются. Ведите непрерывную разведку пути движения.

Вершинин»

2

События развивались таким образом, что полковнику Мякиниэми почти ежедневно приходилось менять замыслы и производить перегруппировку своих сил.

Вечером 8 августа он узнал, что попытка перехватить партизан на переправе через реку Сидра не удалась. Рота лейтенанта Исамаа, которая должна была глубоким фланговым обходом отсечь противника от реки и устроить ему засаду у болота, сама наткнулась на заслон русских, вынуждена была вступить в долгий и безуспешный бой. Такая же участь постигла и роту лейтенанта Виеримаа, пытавшуюся обойти русских с другого фланга. Пар-

тизанская бригада беспрепятственно переправилась на левый берег и вновь получила относительную свободу маневра.

Все внимание полковник Мякиниэми решил сосредоточить на дороге между селениями Железная Губа и Чнасалми. Он понимал, что другого пути у партизан не было, и надо как можно скорее закрыть этот десятикилометровый проход, не позволить русским перейти дорогу без боя. Руководство преследованием партизан он возложил на командира 2-го батальона майора Пюеккимиеса, а командование заслонами поручил майору Айримо. Для патрулирования дороги он спешно перебросил из деревни Сондалы кавалерийский эскадрон ротмистра Путконена. Отдельные егерские взводы получили приказ ни на минуту не терять контакта с противником, постоянно тревожить его и доносить по рации о каждом его продвижении.

10 августа майор Айримо неожиданно доложил, что «рюсся» вновь ускользнули. Они разделились на три группы и перешли дорогу, держа путь на север. Бой удалось завязать лишь с одной группой, но и она прорвалась, так как заслон оказался слишком малочисленным.

Это была большая неприятность, но полковник Мякиниэми, лично разговаривавший по телефону с майором Айримо, не выказал своего раздражения.

Он тут же приказал произвести срочную перегруппировку. Батальону Айримо поручил дальнейшее преследование, а майор Пюеккимиес должен был как можно скорее собрать свои роты и вместе с кавалерийским эскадроном перекрыть следующую дорогу: Лазарево — Пелкула. Для усиления заслона он выдвинул туда же все имеющиеся поблизости резервы — егерские взводы и разведотряды.

Преследование партизан длилось уже две недели. Командиры все настойчивее напоминали, что солдаты устали, измотались, им нужен хотя бы короткий отдых, и полковник, чередуя свои батальоны в преследовании и заслонах, пытался уравнять им нагрузку. Он понимал справедливость этих жалоб: две недели без бани, без крыши над головой, среди туч комарья и гнуса, с ежедневными бросками по болотам и скалам — тут было от чего устать и измотаться, но едва лишь он вспоминал, зачем нужно все это, как в душе поднималась ярость на самые робкие и вежливые напоминания об усталости. Черт возьми, а как же русские? Они-то не две, а уже

шесть недель находятся в положении куда более худшем! Да подобные жалобы просто оскорбительны для чести финского солдата, признанного мастера лесной войны! Имея четырехкратное превосходство в численности, третью неделю гоняемся за полудохлой русской бригадой, в которой и батальона теперь не наберется, да еще и жалуемся! Стыдно подумать!

Это чувство, вероятно, и мешало полковнику Мякиниэми просить подкрепления, хотя умом он сознавал, что сил ему маловато, чтобы держать под контролем столь обширный район. Кто знает, куда, в какую сторону повернут завтра партизаны, где ставить им очередной заслон?

А теперь еще это деление на группы. Оно было неожиданной новостью. До сих пор бригада держалась единым кулаком. Важно было как можно скорее установить: временное это разделение или они решили пробиваться в свой тыл разными маршрутами.

Утро 12 августа принесло облегчение. Было установлено, что партизанская бригада вновь сошлась воедино. Русские самолеты сбросили много продуктов. Рота Ремеза и разведотряд Валму попытались навязать партизанам бой, но те дали отпор, а ночью опять скрылись.

Вообще с преследованием дело шло все хуже и хуже. Партизаны часто минировали не только тропу, но и разные, нарочно оставляемые предметы; уже несколько солдат поплатились за свою неосторожность, а иногда тропа пропадала вовсе, ее подолгу приходилось искать, все это задерживало, потом требовалось спешить, и в такие моменты преследователи чаще всего напарывались на засады, несли потери...

Заслон Пюеккимиеса тоже не удался. Основные силы партизан перешли дорогу перед самым носом у кавалеристов эскадрона Путконена, а те проехали и даже не заметили следов.

Полковник Мякиниэми приказал эскадрону спешиться, отправить лошадей в Лазарево и включиться в преследование партизан по лесам.

Вновь преследование было возложено на майора Айримо.

По следам партизан, опять разбившихся на три группы, шли роты Ремеза, Сегерстреля и эскадрон Путконена.

Все остальные силы полковник Мякиниэми решил сосредоточить на перешейке между Елмозером и Сярго-

зером, где в его подчинение поступали дополнительные роты пограничных батальонов.

Партизаны приближались к реке Волома, и все тревожнее вставал вопрос — куда они двинутся дальше? До сих пор они держались северо-восточного направления, но за Воломой им придется резко менять маршрут — впереди путь преграждало глубокое и узкое Елмозеро, протянувшееся на тридцать километров от Барановой Горы на северо-запад. В своих расчетах полковник Мякиниэми не исключал и их попытки переправиться через озеро, однако это решение казалось ему самоубийственным. Оно давало возможность финнам не только прижать партизан к воде, но и встретить огнем на противоположном берегу тех, кому посчастливится переплыть озеро. Он уже имел случай убедиться, что русской бригадой руководят не такие простаки, чтоб решиться на подобное безумие.

Конечно, партизаны повернут или на север, чтоб попытаться пройти по своей старой тропе, а скорее всего — на юг, в более широкий перешеек между Елмозером и Сегозером. Пока же приходилось заботиться о заслонах на всем протяжении главной рокадной дороги от Лазарева до Коргубы.

К вечеру 14 августа пришло донесение, что партизанская бригада переправилась через Волому у баракон. Рота капитана Сегерстреля вышла к реке в нескольких километрах выше по течению, тоже переправилась и спешила, чтобы застать партизан у реки, втянуть их в бой до подхода подкреплений. Однако, когда она приблизилась к баракон, там никого уже не было. Партизанские тропки уходили на восток, а в лесу неожиданно пропали. Подошли эскадрон Путконена и рота Ремеза. До самых сумерек развернутым фронтом прочесывали лес, искали следы. Солдаты окончательно вымотались, и командиры объявили привал, отправив на поиск три группы разведчиков.

Лишь поздно вечером было установлено, что партизаны двинулись на юго-восток.

Полковник Мякиниэми твердо решил не допустить партизанскую бригаду до основной дороги и дать главный бой на перешейке между Елмозером и Сяргозером.

Семикилометровый перешеек был удобен для этого. Множество болот, озер и лесных ламбушек не только сковывали маневр противника, но и выгодно уплотняли обо-

рону, а проходившая позади дорога позволяла быстро перебросить подкрепления к месту главного прорыва.

К этому времени штаб 12-й финской бригады оценивал боеспособность партизанской бригады очень невысоко. Основываясь на донесениях командиров рот о потерях противника за все дни преследования, считали, что у партизан осталось не более двухсот человек. Вообще-то, если сложить все потери, показанные в журнале боевых действий, то партизанам полагалось быть давно уничтоженными, однако в штабе понимали, что подобная арифметика на войне требует своих реальных поправок, на ней нельзя строить реальных планов, и оценкой силы партизан была избрана цифра двести.

Возможно, поэтому полковник Мякиниэми и считал, что рота, залегшая в оборону и усиленная двумя пулеметными взводами, в состоянии по фронту сдерживать натиск партизан.

Совсем по-иному оценивал силу партизан командир 7-й роты 2-го батальона лейтенант Виеримаа. За последние две недели его рота несколько раз участвовала в боях, и он-то уже знал, что партизаны дерутся до последнего, даже тяжелораненые предпочитают смерть плену.

На этот раз его роте достался самый ответственный участок на направлении вероятного прорыва. Полоса обороны — больше километра. Невысокую каменистую гряду покрывал светлый березняк с густым подростом, застилавшим видимость. Справа и слева — открытые болота, их тоже следовало прикрывать огнем, и поэтому, когда прибыли выделенные для усиления два пулеметных взвода, Виеримаа расположил их на флангах.

До вечера окопались, протянули связь к штабу батальона в деревне Сяргозеро, расчистили от кустарника секторы обстрела и стали ждать.

Виеримаа дважды звонил майору Пюеккинесу, просил подкрепления, тот отказывал, ссылаясь, что каждая рота получила свой участок обороны, резервов в батальоне нет, они обещаны, и как только придут, Виеримаа получит усиление.

К вечеру 15 августа из штаба сообщили, что партизаны движутся прямо на его роту, находятся в нескольких километрах. Почти одновременно прибыла на усиление рота из пограничного егерского батальона. Виеримаа хотел сразу положить ее в оборону, но командир пограничников запротестовал, потребовал отдыха (егеря прошли

по лесу более двадцати километров), позвонил в штаб и добился своего. Было решено оставить пограничников в резерве и расположить в полутора километрах от линии обороны.

Напряжение росло с каждым часом.

Лейтенант Внеримаа не выдержал, послал на запад по гряде патруль, приказав ему двигаться до встречи с партизанами.

Через полчаса в обороне заметили, что патрульные со всех ног несутся обратно, а у сержанта нет на голове шапки.

— Они идут! — выкрикнул сержант, еще не добежав до командира роты.

— Приготовиться! — отдал команду лейтенант Внеримаа.

Начинало уже смеркаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

(р. Волома, 14—15 августа 1942 г.)

1

Через Волому переправились быстро и хорошо. В десять часов утра бригада подошла к реке, а к двенадцати все отряды уже были на восточном берегу.

День выдался теплым и солнечным, вокруг было тихо и покойно, по прибрежному лесу разносился такой безмятежный птичий пересвист, что невольно казалось — все самое страшное осталось за этой быстрой рекой, вода в которой, если долго смотреть в нее, вроде бы и не текла, а упруго и бесшумно сливалась по каменистому желобу.

Еще рано утром был бой. Финны, обойдя партизанский лагерь, предприняли атаку с востока, стремясь преградить путь к реке, но бригада, отбив атаку и оставив отряд имени Чапаева в прикрытии, глубоким обходным маневром вышла из боя и оторвалась от противника. «Чапаевцы» догнали ее на полпути к переправе.

Минуло чуть больше суток, как Аристов официально вступил в командование бригадой, и за это время все складывалось так удачно — и бой, и отрыв, и форсирование реки, — что он имел все основания быть довольным. Он стоял вблизи переправы и, как это делал когда-то Григорьев, пропускал мимо себя поднимающихся на берег

бойцов, не шумел, не поторапливал, а улыбкой и кивком головы подбадривал каждого. Он мог бы любого окликнуть по фамилии, ибо у него была удивительная для близоручкого человека память на лица; он помнил не только тех, кто сейчас проходил мимо, но и тех, кого уже не было в этой цепочке, кто остался за Сидрой, за Тумбой, на той далекой высоте 264,9, откуда началась эта тяжкая и бесконечная тропа отхода. Но те, кого уже не было, помнились совсем по-иному: их лица вставали теперь в памяти обратной связью — через фамилию, через строку в длинном столбце блокнота, через день гибели или какой-либо приметный случай. Он знал, что их нет, он сам заносил их фамилии в списки погибших, умерших от ран или от голода, однако те, кого ему собственными глазами не довелось видеть мертвыми, в памяти словно бы продолжали оставаться живыми, только почему-либо отставшими и потерявшимися...

В этот ясный солнечный день все казалось ему возможным, доступным, подвластным, даже любовь и уважение подчиненных, даже их теперешнее настроение, которое, как он знал, зависит во многом от его собственного, и это ощущение полной и прямой связи с другими рождало в нем окрыляющую уверенность, что дальше все пойдет так же удачно, как получилось сегодня.

Когда переправа была закончена и отряды, продвинувшись к баракам, заняли круговую оборону, Аристов созвал командиров и комиссаров. Еще вчера он предлагал обсудить план дальнейшего движения бригады на совете командиров, но сегодня пришел к выводу, что никаких обсуждений устраивать не следует — иных приемлемых вариантов перехода линии охранения он не видел, а значит, и незачем оставлять у людей впечатление, что они возможны.

Велев раскрыть карты, Аристов, волнуясь и стараясь говорить по-военному, приказал:

— Отряды «Боевые друзья» и «За Родину», под общим командованием Грекова, выдвигаются до барачков у просеки, резко поворачивают на юго-восток, двигаются в направлении озера Вягиламби, форсируют шоссе Пада-ны — Кузнаволоок, громят гарнизон южнее Барановой Горы и переходят линию финского охранения в квадрате 42—24. Есть вопросы?

— Есть! Какова сила гарнизона? — спросил Греков, еще не успев проследить маршрут по карте.

— Раньше числилась пограничная егерская рота. А что теперь — тебе самому предстоит выяснить.

— Ясно, товарищ комбриг.

Аристов остановил взгляд на командире отряда «Буревестник» Николае Пименове, недолго выждал.

— Отряды «Буревестник» и имени Чапаева под командованием Пименова двигаются отсюда параллельно реке Волома. Цель — лесной гарнизон противника в координате 46—18, и далее — переход линии финского охранения.

От Пименова никаких вопросов не последовало. Вчера Колесник рассказал ему о плане Аристова, они вдвоем на всякий случай обсудили его, и хотя оба не были уверены, что партизанским группам удастся оторваться от преследования (а именно на этом строился весь расчет), все же тщательно проработали предполагаемый маршрут на карте.

— Разведвзвод, — продолжал Аристов, — остается на сутки здесь, ждет подхода отряда Попова...

Упоминание отряда Попова вызвало оживление. Все переглядывались, пытались выяснить, что кому известно о Попове, недоуменно пожимали плечами, это разозлило Аристова:

— В чем дело? — сурово оглядел он собравшихся. — Ефимов, в чем дело?

— Вы сказали, — поднялся комиссар Ефимов, — «ждет подхода отряда Попова»... Разве от Попова есть какие-либо вести?

— Нет. Но именно поэтому я и оставляю разведвзвод. Ясно вам? До Воломы Попов точно знает наш маршрут. А дальше Николаев даст ему направление на выход южнее Барановой Горы, а сам поведет взвод к Сондалам, чтобы взорвать мост. Повторяю, ждать здесь Попова до завтра, до девятнадцати часов.

Колесник, впервые за все время похода, сидел на оперативке не рядом с командиром бригады, а даже за спинами других. Он, как и все, делал пометки на своей карте, молчал, но тут не выдержал:

— Взвод не может оставаться сутки без движения. По следам идут финны. Мы рискуем потерять взвод.

— Мы рискуем потерять не только взвод, — жестко ответил Аристов, даже не взглянув в его сторону, — мы рискуем потерять всю бригаду, если будем бояться риска... Николаев достаточно опытен, чтоб действовать по

обстановке! Прошу внимания! — Аристов выждал несколько секунд и ровным приказным тоном продолжил: — Отряд Кукелева и штаб двигаются между двумя другими группами. В квадрате 50—08 резко поворачивают на север, выходят на берег Елмозера, громят гарнизон в бараках, переправляются на восточный берег, быстро обходят озеро с востока, выдвигаются к высоте 120,3, заказывают продсвольствие и ждут подхода остальных групп. За двое суток им предстоит пройти сорок два километра — в наших условиях это нелегкая задача... Этот план согласован с Беломорском. Нам обещана помощь. На каждое направление перехода линии охранения будет выдвинуто по роте пограничников, они поддержат нас. На помощь нам выходит отряд спецшколы ЦК партии. Есть вопросы? Нет? Сейчас недолгий отдых. В шестнадцать выступаем. Все, желаю успеха!

2

Сводной группе Грекова, состоявшей из отрядов «Боевые друзья» и «За Родину», достался самый беспокойный маршрут. Путь пролегал вблизи основной дороги, связывающей Масельгский и Ругозерский участки фронта, слева все время приходилось держать усиленное прикрытие, а в обоих отрядах уже не насчитывалось и сотни бойцов. Особенно большие потери понес отряд «За Родину». Взвод Мелехова почти полностью полег при прорыве с высоты 264,9, два других — Мурахина и Самсонова — заметно поределели в жестоком бою у реки Сидра, когда сдерживали натиск двух финских рот, стремившихся к переправе.

Шли медленно и осторожно. Чтобы сбить противника со следа, много раз разворачивались цепью, с полкилометра двигались на расстоянии видимой связи друг от друга, снова вытягивались змейкой, минировали тропу, оставляли заслон и лишь после этого садились на короткий отдых. При этих маневрах была опасность растерять людей, ибо стоило кому-то одному проявить невнимательность, как цепь могла оказаться разорванной, а потом — нищи-свищи в лесной глухомани отколовшуюся часть отряда.

Когда усаживались на привал, с востока нередко слышали далекое завывание автомобильных моторов, ближе к ночи оно становилось все отчетливее и тревожней, на-

чало казаться, что дорога совсем рядом, за ближайшей сопкой. Перед сумерками над лесом долго кружил финский самолет — пришлось выжидать, пока он скроется.

К десяти часам совсем стемнело. Идти стало особенно трудно и опасно: видимости никакой, случайный треск сучка под ногами слышен за сотню метров, вражеская засада могла подпустить партизан на десяток шагов и накрыть их огнем на марше. С час еще двигались рывками, то и дело останавливаясь для разведок местности, потом Греков дал команду на привал, и лагерь затих в ожидании рассвета.

После Воломы настроение у людей заметно переменялось. Еще недавно, когда петляли в лесах, стараясь оторваться от преследователей, и впереди ждали партизан финские заслоны у рек и дорог, в собственное спасение мало кто верил. Слишком далеким представлялся путь, чтобы думать о его окончании; слишком мало сил оставалось у каждого, чтобы на них рассчитывать, а смерть — вот она, рядом: она подстерегала за любым кустом, на любой болотине! В те дни жили одним — выдержать, не отстать, не оторваться в спешке от товарищей, отбиться от наседающего противника и во что бы то ни стало уберечь ноги. Ранение в ноги было страшнее смерти. Испытаний, тягот и лишений, которые приносил каждый новый день, с избытком хватало для того, чтобы успевать думать лишь о них и не тешить себя далекими пока надеждами.

Теперь все приблизилось.

Длинное и узкое Елмозеро, за которым начиналась «нейтралка», было всего в нескольких километрах, и хотя путь пролегал в обход озера, эта близость волновала, рождала и надежду, и робкую веру, и нетерпение. Все понимали, что главное препятствие еще впереди — будет бой, будет прорыв, будут смерти и ранения, и еще неизвестно — удастся ли пробиться через вражескую оборону. Но все это представлялось теперь не таким важным, как возникшее и с каждым переходом крепнувшее ощущение, что идти осталось не так уже далеко, что физических сил добрести до линии финского охранения вполне может хватить. А там — уж как получится. Там все будет зависеть от них самих, от всех вместе и от каждого в отдельности, там предстоит бороться с врагом, а не с собственным бессилием.

С группой Грекова шло около десяти раненых и больных. Они двигались сами, нести кого-либо на носилках сил не было, и единственную помощь, которую им мог оказать отряд,— это приноравливаться к их темпу передвижения. Так и тянулись, с трудом одолевая в час по километру.

Едва рассвело, двинулись дальше. Вокруг было тихо, уже начало казаться, что так, в тишине и покое, группа дойдет до заданного квадрата, минует дорогу, приблизится незамеченной к гарнизону, который предстояло разгромить, а там, глядишь, удача будет сопутствовать и дальше.

Если говорить начистоту, сам Федор Иванович Греков не верил в возможность выполнения боевой задачи, поставленной ему комиссаром Аристовым. По данным разведки, в гарнизоне еще до начала партизанского рейда стояла финская пограничная егерская рота. А уж теперь-то гарнизон, без сомнения, усилен и укреплен. Если и удастся перейти без боя дорогу Паданы — Кузнаволоок, то разве справиться его отряду с этакой изготавившейся к обороне силищей? Такие операции приносят успех лишь при внезапности нападения, да и то далеко не всегда — зимой в Заонежье бывали неудачи при обстоятельствах куда более выгодных, чем сейчас... А тут — какая же внезапность? Противник висит на хвосте, двигаемся в час по чайной ложке, здоровых бойцов и на три взвода не наберешь... До штурма ли тут? Нет, не додумал чего-то Николай Павлович.

Для себя Греков уже твердо решил, что зря губить людей не станет, и если противник не навяжет ему бой, позволит без шума уйти за линию охранения, то спасибо и на том. Война впереди большая, хватит ее на каждого, и коль уж так нужно разгромить этот пограничный гарнизон, то он готов вернуться сюда недельки через две-три, когда люди окрепнут и не будет позади этого тяжелого хвоста раненых и больных.

Это решение, о котором Федор Иванович до поры не собирався говорить ни своему комиссару Поварову, ни начальнику штаба Аверьянову, показалось ему не только вполне оправданным, но и единственно разумным. Беспокойло лишь одно. Неужели сам Аристов не понимал всего этого? Он хоть и не военный человек, но воюет вот уже восемь месяцев, участвовал во многих операциях и знает, почем фунт лиха. Зачем же серьезно ставить бое-

вые задачи, в реальность которых не поверит даже новичок? Может быть, он хочет, чтоб и группа Грекова и группа Пименова взяли на себя отвлекающую роль? Так почему бы не сказать об этом прямо? Тогда мы должны и действовать соответственно, зря на рожон не лезть, а лишь показывать противнику, что лезем. Есть в плане нового комбрига что-то неясное и даже нехорошее — или военная наивность, смахивающая на браваду, или хитрость, похожая на коварство по отношению к Грекову и Пименову.

Утром, когда отряд уже миновал узкий проход между Хотозером и дорогой, все расчеты порушились. Сначала разведка противника, наскочив сзади, завязала перестрелку с тыловым охранением, а позже егерский взвод, обойдя отряд со стороны дороги, попытался втянуть его в бой. Стало ясно, что финны вновь уцепились за отряд, что вскоре подоспеют их главные силы и надо как можно скорее отрываться, уходить от дороги.

Пришлось принимать все правее, невольно сближаясь с курсом, которым шли штаб бригады и отряд имени Антикайнена. Перестрелки возникали еще несколько раз, после каждого боя отряд отходил все южнее, и к шести часам вечера соединился со штабом бригады.

Аристов внутренне негодовал: Греков не только сломал его планы, но и привел за собой противника. Однако обстановка складывалась такой, что упрекнуть его можно было лишь за то, что он не решился понапрасну губить людей, и Аристов, мрачно выслушав Грекова, приказал:

— Возьмешь на себя прикрытие слева! Двигайся параллельно, на расстоянии ста метров!

Чуть позже послышалась перестрелка со стороны, где двигалась сводная группа Пименова. Преследователи словно бы намеренно сдавливали бригаду в одно место. Отходить Пименову было некуда — только брать восточнее, и в восемь часов вся бригада сошлась на пологой каменной гряде, поросшей густым березовым лесом. Впереди, в трех километрах, была шоссейная дорога Падавы — Кузнаволок.

Аристов объявил короткий привал, выслал вперед по разным направлениям три группы разведчиков, чтобы выбрать наилучшие подходы к дороге. Он, как и все в бригаде, несколько не сомневался, что дорога, конечно же, прикрыта противником, подступы к ней, вероятно,

даже укреплены и заминированы — для финнов это была отличная возможность преградить путь бригаде, не допустить ее к линии охранения и, наконец, разделаться с нею на этом узком перешейке между Елмозером и Сяргозером.

Но он и не предполагал, что противник находится так близко впереди...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

(дорога Паданы — Кузнаволок, 15 августа 1942 г.)

1

Было время выхода на связь. Но не успел радист Паромов со своим новым помощником Дмитрием Лавриченко развернуть рацию, как прибежал Борис Воронов, которого теперь в полушутку звали в бригаде уже не «связным», а «адъютантом», и передал приказ:

— Прекратить связь! Складывай бандуру!

— В чем дело? — снимая наушники, спросил Паромов.

— Финны рядом...

...Командир финского дозора, полчаса назад доживший лейтенанту Виеримаа о приближении партизан, напрасно радовался, что ему удалось выследить их незаметно. Один из партизанских разведчиков, двигавшихся на восток по гряде, увидел мелькнувшую между деревьями фигуру, подал предостерегающий знак, но ему поверили лишь после того, как на земле обнаружили свежесбитый сапогами мох, а потом — и следы.

Отправив в бригаду посыльного, разведчики дальше двигались особенно настороженно, подолгу наблюдали и вслушивались, потом стали переползать по-пластунски, — и не просчитались. Они еще издали заметили расчищенные от кустарника секторы для стрельбы, услышали чужие голоса, поняли, что впереди — оборона противника, и повернули обратно.

Уже начинало темнеть.

Еще не возвратились две другие разведывательные группы, но Аристов решил не терять ни минуты. Быстро собрав командиров отрядов, он объявил вчерашний свой приказ о делении на сводные отряды отмененным, как потерявший значение, и приказал немедленно атаковать противника, а до этого провести короткие, пятиминутные

беседы с личным составом, объяснить, что главная цель — прорыв и форсирование дороги, прорыв, несмотря ни на какие потери...

— Только вперед! Другого выхода у нас нет!

С этой фразой Аристов отпустил командиров, и чуть позже она была повторена комиссарами и политруками в каждом взводе и отделении. Когда командиры удалились, Колесник подошел к Аристову.

— Слушай, Аристов! Не надо атаковать в лоб! Надо что-то придумать.

Уже двое суток они почти не разговаривали и словно бы не замечали друг друга. Колесник после того, как он узнал, чем была вызвана радиограмма из центра о назначении комбригом Аристова, молча и подчеркнуто формально выполнял свои прямые, сильно сократившиеся за последнее время обязанности начальника штаба, большую часть времени проводил в отрядах, сам ни во что не вмешивался, зная, что любая его инициатива может привести к скандалу, особенно теперь, когда его положение стало неопределенно зыбким, а Аристовым владела идея полного единовластия.

Но на этот раз он не мог не вмешаться.

— У тебя есть что-то предложить? — обернулся Аристов с таким видом, словно бы он давно ждет этого предложения, но заранее знает, что оно неприемлемо.

— Не надо действовать в лоб, — повторил Колесник, сдерживая обиду. — Если верить разведчикам, финны держат оборону в самом узком месте гряды. Возможно, они видели нашу разведку. Во всяком случае, знают, что мы двигаемся по гряде. Будь уверен, они уж постараются сконцентрировать силы на этом направлении. Справа и слева — болота. Они, конечно, тоже прикрыты огневыми средствами, но ведь прорываться-то будем ночью, в темноте. На главное направление надо выслать две-три подвижные ударные группы. Пусть завяжут бой, выявят огневые средства противника, отвлекут их на себя. А основной массе надо прорываться через болото.

— Но болото может оказаться непроходимым, — возразил Аристов, и в его тоне уже не было прежней непрекаемости.

— Мы не полезем далеко от берега. Ночью достаточно и двухсот метров. А в случае чего, будем атаковать с флангов. Это все же лучше, чем переть прямо на оборону.

— Черт возьми, куда запропали те две разведывательные группы? — с досадой воскликнул Аристов. — Может, подождать их, как думаешь?

Это уже было почти примирение, и Колесник торопился закрепить его:

— Ждать не стоит. Времени терять нельзя. Финны могут подтянуть усиление.

— Ладно. Действуем. Пименов и Шестаков — справа. Греков и Шабалин — слева. Кукелев и штаб — прямо по гряде. Фланги начинают первыми. Потом ударим и мы... Прорываемся — и прямо на дорогу. Ты иди, ставь задачу Грекову, я схожу к Пименову. Выступать немедленно!

Это было не совсем то, чего хотелось и что предлагал Колесник, но все же лучше примитивной лобовой атаки.

Ставя боевую задачу Грекову, Колесник не удержался и, на свой страх и риск, приказал один взвод с пулеметами пустить по обочине болота, вдоль кустов, с задачей подавлять огневые точки противника.

Как потом оказалось, эта предосторожность в сочетании с находчивостью и отвагой командира взвода «Боевые друзья» Михаила Николаева сыграла важную роль в том, что отряды, прорывавшиеся с левого фланга, понесли меньшие потери, чем могли бы понести.

Было уже совсем темно, когда три партизанские колонны, медленно удаляясь друг от друга, двинулись на сближение с противником.

Долго шли по каменистому косогору, потом Греков, не зная точно, как далеко осталось до финской обороны, передал команду покруче взять влево, и вскоре головной дозор уперся в густые ивовые заросли, за которыми угадывалось болото. Змейка замерла, затихли звуки шагов, наступило то полное и напряженное безмолвие, которое на войне чаще всего разряжается грохотом выстрелов. Это состояние было знакомо по зимним операциям, когда после долгого блуждания по лесам отряд выходил наконец к гарнизону и вокруг было удивительно тихо, деревня еще не видна, но уже угадывалась ее близость, и любой неосторожный шаг мог стоить многих жизней.

Над болотом стлался низкий туман, и сверху оно казалось широким белесым озером.

Греков вышел из цепочки, спустился к самому краю болота. Да, несомненно, когда-то давным-давно оно и

действительно было озером, береговая кайма под кустами состояла из россыпи мелкого галечника, какой способны намывать и отполировать лишь волны. Надо думать, что где-то посредине есть и открытая вода — иначе откуда такой теплый туман? Туман радовал, он был хотя и слабым, но прикрытием. Но проходимо ли болото? Если бы было время для разведки!

Но времени не было даже для раздумья.

— Николаев, начинай! — тихо приказал он, вернувшись в голову отряда.

Взвод Николаева отделился от колонны, и бесшумные тени бойцов, одна за другой, пропали на фоне кустов.

Еще с сотню метров отряд продвинулся по берегу вслед ушедшему вперед взводу, потом снова надолго замер, и Греков решил больше не искушать судьбу.

— Выходим на болото! Быстро и без шума! — передал он по цепочке последнее предупреждение.

Прошуршали раздвигаемые кусты, заскрежетала галька под ногами выходящих на болото дозорных, мягко зашелестел оседающий мох, и движение началось. Один за другим подныривали бойцы под ивовый навес, придерживали ветки, чтоб не хлестать по лицу товарища, и выходили на болото. По привычке ступали след в след, мох вскоре не выдержал, и из туманной мглы уже слышалось мерное осторожное чавканье. Цепочка уходила на восток, под острым углом к берегу. Греков стоял и считал: тридцать два... тридцать три... тридцать четыре... Вот уже середина колонны — потянулись раненые, больные, ослабевшие. За ними — отряд «За Родину» и тыловое охранение. Пора!

За тылы можно было не беспокоиться, по традиции они были «хозяйством» комиссара Поварова, а Петр Данилович мужик пунктуальный и предусмотрительный, он обеспечит все должным образом.

— Арсен, за мной! — приказал Греков связному Кутину, хотя мог бы и не говорить этого, — Арсен тенью следовал за командиром.

Обгоняя медленно бредущих по болоту бойцов, Греков со связным уже были далеко от берега, и темный лес на взгорье начал как бы нависать сбоку над белесой полосой тумана, когда справа вдали невидимо загрохотало и эхо понесло над головами этот нескончаемый грохот. Он сразу догадался, что в дело вступила правофланговая группа Пименова — ракеты, выпускаемые над ме-

стом боя, не были даже видны отсюда, над гребнем леса лишь вспыхивало и мерцало их слабое отражение в белых облаках. Этот дальний и чужой пока бой словно бы подстегнул бойцов: все заторопились, без команды прибавили шаг, тем более, что грохот скрадывал шум их движения по болоту.

Греков переживал трудные минуты.

Отряд уже вытянулся по болоту и, судя по всему, направлялся прямо во фланг финской обороне. Если следовать первому приказу Аристова — прорываться к дороге во что бы то ни стало! — то можно было продолжать движение, благо противник молчит.

Но как сложатся дела у других? Удастся ли им прорваться? Особенно Кукелеву со штабом. «Чапаевцы» и «Буревестник» уже ввязались в бой, там в ход уже пошли гранаты. Не лучше ли, пока не поздно, развернуться и ударить финнам во фланг?..

Командир торопливо размышлял, а отряд продолжал, все прибавляя шаг, двигаться по болоту на восток.

И вдруг прямо из той точки на берегу, куда в эту секунду глядел Греков, ударили по глазам прерывистые огненные всплески, пулемет дважды отрывисто рыкнул и заработал ровно и неторопливо. Трассирующие пули голубоватым пунктиром прочертили болото. Судя по всему, стреляли на звук — пули с недолетом рвали мох в десяти метрах от колонны.

— К бою! Развернуться пошире! — скомандовал Греков, и следующая строчка прошла так близко у его ног, что он невольно отпрянул назад. Стреляли низом, и ложиться было страшно. Кто-то позади ойкнул и застонал, движение вперед остановилось, люди стали рассредоточиваться по болоту, искать укрытий, залегать за кочками.

Пулемет бил и бил. Из нескольких точек на берегу забухали винтовки, но огонь продолжал быть неприцельным и большого вреда пока не приносил.

Это было удивительно, как близко оказался берег. Когда шли в тишине и тумане, нанскосок удаляясь от него, он начинал уже пропадать из виду, а теперь — как будто и тумана никакого не было, и берег совсем рядом.

«Где же Николаев? Чего он молчит?» — подумал Греков, с радостью вспомнив, что не весь отряд лежит в бездействии на болоте, что должен же в конце концов ударный взвод начать свое дело.

Открывать отсюда ответный огонь и тем окончатель-

но обнаруживать себя не хотелось. Замолкнет же в конце концов эта проклятая молотилка!

Однако пулемет не только не замолкал, но к нему вскоре присоединился и другой, чуть правее, и лежать стало неважно. Правда, второй бил куда-то вдоль кустов, но его вспышки были хорошо видны с болота. В это время загрохотало в лесу. Впечатление было такое, словно тот дальний бой, который вела группа Пименова, перескочил через кряж и катится по пологому склону к болоту.

— А-а-а! — сквозь гул стрельбы донеслось оттуда. Греков не был уверен, но предполагал, что на прорыв поднялась центральная группа, и решил больше не медлить. Он вскочил, быстро поглядел вправо-влево на притаившихся за кочками бойцов, выдвинул вперед автомат и что было силы закричал:

— Партизаны! Вперед! Огонь по врагу!

Секунду-другую никто не поднимался, потом откуда-то слева донесся истошный срывающийся голос:

— За Родину! За Сталина! Ура-а-а!

Болото взорвалось грохотом пулеметных очередей, торопливой стрекотней автоматов; скрещивающиеся пунктиры хлестнули по темному берегу, было видно, что люди поднимаются, что-то кричат, стреляют на ходу и бегут, бегут все быстрее и быстрее...

2

...В момент, когда финский пулемет впервые ударил в сторону болота, взвод Михаила Николаева, сам не зная этого, находился уже в каких-нибудь ста метрах от него.

Чувствуя приближающуюся с каждым шагом опасность, партизаны давно уже не шли, а, развернувшись вправо от берега, настороженно перебирались чуть ли не ползком от укрытия к укрытию. Вокруг было так тихо, что с болота отчетливо слышалось мерное удаляющееся чавканье; Николаев понимал, что финны, конечно же, тоже вскоре услышат движение по болоту, это чавканье все время раздражало его, заставляло шепотом подгонять ребят. Ползли уступом вправо, рядом с комвзвода продвигался пулеметчик Иван Улитин, ему было труднее других, он уже снял «Дегтярева» с лямок из-за спины, держал его на весу, опираться о землю приходилось одной рукой, а пулемет все равно изредка слабо погромы-

хивал, задевая за камни. Слава богу, что камни у берега были сильно обомшелыми, и звук едва ли был слышен в десяти шагах.

Потом ползший впереди Василий Мануйлов дал предупредительную отмашку, она прошла по цепочке, и все замерли. Выждав секунду-другую и ничего не услышав, Николаев пробрался к направляющему.

— Голоса,— прошептал тот.

— Где?

— Впереди, чуть левее, у самого берега.

Николаев огляделся. Болото, как видно, вскоре начнет сужаться, кусты впереди заметно уходили влево.

— Вот опять, слышишь! — тронул его за плечо Мануйлов.

Да, впереди слышались голоса. Слов разобрать было нельзя, но люди переговаривались как бы на расстоянии друг от друга. Это успокоило Николаева, но зато чавканье с болота стало теперь еще слышней и досадней.

— Улитин, Халалеев, за мной! — шепотом передал он и пополз вперед. У кустов ползти было опасно, скрежетала галька, и он взял чуть повыше.

Через несколько минут замер, прислушался. Да, судя по всему, оборона была совсем рядом, и финнам до чертиков надоело лежать в ожидании... И впереди, и справа то и дело слышались приглушенные голоса. Вообще-то их, финских солдат, понять можно — лежать в темном лесу не только скучно, но и жутковато, хочется хотя бы слышать голос соседа.

Николаев знал финский язык, улавливал отдельные слова и фразы и пытался понять, что перед ним — сама оборона или наблюдательные посты. Если посты — то это хуже. Значит, взводу еще ползти и ползти. Хотя ночью в лесу их далеко не выдвигают. От силы на двадцать — тридцать метров.

Постепенно подтянулся взвод, и в это время справа, за лесом, начался бой. То ли оттого, что грохот выстрелов снял наконец томительное напряжение, а скорее — оттого, что бой разгорелся вдалеке отсюда и мог пройти стороной, но финская оборона здесь странно ожила, солдаты без опаски перекликались, во весь голос.

— No nyt Iivanat lähtivät!

— Teeriojan pojille tulee työtä.

— Ei, ne ovat kauempana. Ei meidän komppanian alueella.

— Mitä piruja, siellähän on jo suol

— Olkoon. Menet suohonkin kun haluat elää.

— Taisi loppua... Huomenna tulee sauna ja kahvit!
Ja ehkä guupytkin? ¹

Сжав зубы, Николаев все полз и полз вперед, оставляя голоса чуть правее и прижимаясь теперь ближе к прибрежным кустам. Эта беззаботная и благодушная солдатская болтовня уже не успокаивала, а скорее злила и оскорбляла именно своей беззаботностью и благодушием. Острее, чем когда-нибудь, он улавливал в ней то не скрываемое финнами чувство превосходства, которое особенно укоренилось в их армии после «зимней» войны и которое теперь вот, в эту минуту и в этом лесу, как бы находило свое подтверждение: сытые, самоуверенные финны сидят в обороне и тоскуют о бане и кофе, а партизанам — голодным, грязным, обессиленным — приходится думать о спасении.

— Hei sieslä, suu kiinni! ² — вдруг раздался впереди начальственный окрик.

Через пять секунд с берега в сторону болота ударил пулемет. Он грохотал совсем близко, но Николаев не видел его из-за кустов. По звуку и по методичному характеру ровных длинных очередей он понял, что пулемет станковый, из ручного так не стреляют, никакого диска не хватит.

До сих пор у Николаева не было четкого плана действий. Он знал, что взводу надо неожиданно ударить по противнику, отвлечь его внимание от болота. А как быть дальше? Если отряд прорвется по болоту или даже пройдет незамеченным, то взводу деваться будет некуда. Четырнадцать бойцам наверняка не пробиться, если они обнаружат себя огнем. Неужели же нет иного выхода, и все они, столько вытерпевшие и чудом уцелевшие, должны теперь до единого полечь в этом темном лесу, так близко от нейтральной полосы?

Эта мысль не давала ему покоя. Он еще не знал, что

¹ — Ну, пошли Иваны!

— Будет работы парням Теерноя...

— Нет, это где-то подальше. Может, даже не в нашей роте.

— Какого черта, там же опять болото!

— Захочешь жить, полезешь в болото!

— Ну, кажется, конец... Завтра будет баня и кофе! А может, и выпивка? (фин.)

² Эй, вы! Заткнитесь там! (фин.)

должен предпринять, чтобы и задачу выполнить и попытаться спасти взвод, и, может быть, поэтому, почуввав оборону противника, он не открывал огня, а с мрачным остервенением все полз и полз вдоль прибрежных кустов, понимая, что в случае обнаружения взвод окажется в невыгодном и даже отчаянном положении, когда, кроме попытки прорываться грудью вперед, делать будет уже нечего.

Неожиданно открывший себя вражеский пулемет придал всему смысл, цель и назначение. Как-то сразу, в одно короткое мгновение, Николаев понял и решил: чтобы помочь отряду и спасти ребят, надо прорываться именно в направлении на пулемет и обязательно уничтожить его.

Во взводе оставалось еще около десятка гранат.

— Приготовить гранаты! Идем на прорыв! Не терять друг друга из виду. Огонь по моей команде.

Николаев лежал, тихо приказывал, грохот пулемета впереди и гул дальнего боя справа глушили его голос, он не был уверен, слышит ли его лежавший позади Мануйлов и передает ли дальше его команду.

Впрочем, теперь это было не очень и важно. Он чувствовал, что все находятся в таком же выжидающем напряжении, как и он, и каждый, хотя и с секундным запозданием, будет делать то же, что и он.

В этот момент загредел бой в лесу на взгорье, слышались крики «ура». Николаев привстал на колени, взмахнул рукой и коротко скомандовал:

— Вперед!

...Через много лет Пентти Тикканен расскажет в своей книге «Разгром партизанской бригады» о том, как был воспринят этот ночной партизанский прорыв финскими солдатами и командирами. Он не скроет той растерянности, которая охватила командира роты лейтенанта Виеримаа, когда партизаны непонятным и неожиданным образом прорвались по болоту в тыл его обороны.

И правое, и левое болото прикрывалось двумя пулеметными взводами. Когда лейтенант Виеримаа со своим резервным взводом прибежал к ним на помощь, все было уже кончено, лишь редкие выстрелы удалялись на восток. Он с трудом разыскал командира пулеметного взвода, но тот и сам не мог объяснить, как все произошло.

«— Прошло лишь несколько мгновений, как мы оказались с русскими друг против друга. Никого не отли-

чить. Каждый стрелял столько, сколько пуля успевало из ствола вылететь.

— Но здесь же на краю болота был станковый пулемет! Куда к черту он делся? — спрашивал лейтенант Внеримаа.

Станковый пулемет потерялся. Командир взвода не мог объяснить его исчезновения, и они вдвоем с лейтенантом отправились его искать.

Пулемет нашелся на новом месте. Он выполнил приказ до конца. Два раненых солдата стонали возле него. Они обрадовались, увидев офицеров.

— Ребята отдали все, что могли, — вздохнул один из них, показывая рукой на двух своих товарищей, которые без движения лежали возле пулемета. Кровь стекала из их ран, но жизнь уже покинула их тела.

— Оттуда они шли прямо на пулеметы, — объясняли раненые случившееся.

— Что за чертовская стрельба слышалась как бы из-за обороны? — недоумевал Внеримаа.

— Наверное, русские стреляли, уходя...

— Но ведь тогда они прошли через позиции... прямо на палатки пограничной роты! — в тревоге воскликнул лейтенант».

3

Лейтенант Внеримаа не зря опасался за судьбу роты пограничников.

...Обойдя финскую оборону с флангов, партизаны решительно, с криком «ура» атаковали противника, смяли позиции обоих пулеметных взводов, прикрывавших высоту со стороны болот, уничтожили два станковых пулемета и, не останавливаясь, устремились к дороге Пада-ны — Кузнаволоок. Бежали из последних сил, опасались, что у самой дороги их встретит новый заслон, и надо было не дать противнику времени опомниться. Прорыв обошелся недешево: в лесу и на болотах осталось более шестидесяти убитых и тяжело раненных партизан. Но в те решающие минуты никто не представлял и не мог в темноте и спешке представить себе общих потерь, никто даже не думал об этом, ибо каждый бежал навстречу смерти, и не было в тот момент ничего важнее, чем сломить противника и пробиться.

Раненые не надеялись на помощь. Кто еще держался на ногах, тот продолжал бежать вперед, несмотря на простреленную грудь или руку. Кто не мог бежать и падал со стоном в мокрый и холодный мох, тот уже ни на что не рассчитывал, перемогал первую острую боль и с безнадежной тоской гнал от себя сандружинницу: зачем погибать и ей. Каждый понимал, что никто из товарищей уже не сможет вернуться сюда — такова немилосердная логика любого прорыва, и каждый, ожидая рассвета, решал свою судьбу по-своему.

Как пишет П. Тикканен, всю ночь со стороны болота из разных мест доносились стоны, на рассвете стали раздаваться одиночные выстрелы, и когда финны отправились утром осматривать поле боя, то обнаружили лишь двоих раненых — мужчину и женщину, и эти последние, оставшиеся на болоте в живых, взглядами умоляли поскорее прикончить их. Остальные сделали это сами...

Ночная атака, когда, несмотря на губительный встречный огонь, со всех сторон из темноты накатывалось неслышимое «ура», ошеломила финнов, разорвала и смешала всю их оборону.

Хотя и ненадолго, но дорога на восток была открыта.

Через километр на пути партизан встало новое широкое болото, за которым смутно серела в ночи скалистая гряда. Здесь штаб бригады установил связь с фланговыми группами, но было решено не сближаться и идти на форсирование дороги раздельно в трехстах метрах друг от друга.

Позади изредка стрекотали автоматные очереди и громохивали отдельные винтовочные выстрелы, но преследования не было — противнику, как видно, было не до этого.

Развернутой цепью, все время ожидая встречного огня, пересекли болото, и дальше возникло непредвиденное препятствие. Скалы почти отвесно обрывались к болоту. С трудом нашли несколько уступов и расщелин, ценой мучительных усилий, помогая друг другу, чертыхаясь и обдирая в кровь руки, взобрались наверх. Здесь взвод Михаила Николаева догнал наконец отряд. Из четырнадцати человек вернулось одиннадцать, у многих были ранения.

Большие потери понес и штаб бригады. Погибли военфельдшер Михаил Чеснов, радист Николай Мурзин, связной Борис Козырев. Тяжелые ранения получили на-

чальник санслужбы Петухова, старший политрук Дмитрий Ситников, связной Борис Воронков; с давними ранами еще с боя на высоте 264,9 идут в строю помощники комиссара — Степан Кузьмин и Николай Тихонов.

Аристов оглядел поредевшую цепочку и с горечью подумал, что из прежнего состава штаба невредимыми остались совсем немногие: он, Колесник, радист Паромов и адъютант комбрига Макарихин.

Была ровно полночь. Впереди, теперь уж совсем где-то близко, угадывалась дорога, куда тянулся лесистый взгорок. Вдруг стало ясно, что никакого заслона в этом месте нет, если бы он был, то финны, конечно, расположили бы его у обрыва, откуда вся местность на запад хорошо просматривается, и для изнуренных, вконец обессилевших людей осознание этого стало неожиданным подарком.

А чуть позже, когда тремя колоннами углубились в лес, удачливая августовская ночь преподнесла им новый счастливый сюрприз. По пологому южному склону редколесной горы тут и там виднелись палатки, горели костры, вокруг них сидели финские солдаты, многие спали, другие неторопливо и безмятежно копошились у огня, сушили обувь, помешивали варево — вся эта картина открылась сразу и неожиданно, как только партизаны поднялись наверх, и трудно было поверить, что такое возможно в двух километрах от недавно закончившегося жестокого боя.

Партизаны много лет спустя вспоминали эту странную встречу с противником и каждый раз недоумевали: неужели бой на западе не насторожил финнов, почему вокруг бивуака не было никакого прикрытия?

Тогда же раздумывать было некогда, и короткая схватка стала желанным возмездием за муки, лишения, гибель товарищей.

Даже не ожидая команды и ведя огонь на ходу, партизаны ринулись по склону. Пулеметные очереди прошивали палаточное полотно, гранаты рвались так близко, что свои же осколки свистели над головами, финны ползком выкарабкивались из палаток и, не успев ничего понять, натыкались на винтовочный и автоматный огонь. Те, что были у костров, неслись подальше в лес, не думая о сопротивлении. Если бы партизаны рискнули задержаться здесь хотя бы на пятнадцать — двадцать минут, то, наверное, мало кто из финской пограничной роты

остался бы в живых. Однако приходилось спешить, обстановка была совершенно неясной, а до нейтральной полосы оставалось еще пятнадцать километров. Поэтому партизаны, сметая палатки и поливая противника огнем, прочесали насквозь финский лагерь, подцепили на ходу кто рюкзак, кто горячий котелок с варевом, уничтожили два пулемета, из которых так и не было сделано ни одного выстрела, захватили рацию, полевой телефон с катушкой, несколько автоматов «Суоми» и устремились дальше на восток.

Разгром финской пограничной роты, оставленной майором Пюеккимнесом в резерве, и так был полным. Практически она не оказала никакого сопротивления: кто не был убит, тот или бежал в лес, куда глаза глядят, или, затаившись в темноте, переживал свалившуюся беду.

Об этом Пентти Тикканен пишет кратко:

«Прорвавшийся через позиции противник, не зная и не желая этого, наскочил на палатки спящей крепким сном пограничной роты. Наверное, там и прикрытие было безответственным — «а чего там, все равно находимся в резерве». В результате след остался осязаемый. Противник на ходу поливал огнем вовнутрь палаток, несколько палаток разнес в локутья, просто-напросто прошел их пулями насквозь. На участке лагеря потом нашлось два десятка погибших солдат пограничной роты».

Так закончился ночной прорыв.

Партизаны двигались всю ночь, и после полудня 16 августа подошли к проселочной дороге между селениями Шалговаара и Баранова Гора. Всего шесть-семь километров отделяли бригаду от нейтральной полосы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

(дорога Шалговаара — Баранова Гора, 16 августа 1942 г.)

1

В полдень 14 августа командир советского пограничного батальона, дислоцировавшегося в поселке Услаг, получил приказ немедленно, силами не менее двух рот, выступить в направлении перешейка между Елмозером и Сегозером, к исходу дня 16 августа занять боевые позиции вблизи финской линии охранения, установить ра-

дносвязь со штабом полка и ждать дальнейших указаний. Цель — оказание помощи выходящей из финского тыла партизанской бригаде.

Через три часа обе роты, насчитывающие по семьдесят бойцов, выступили из поселка. Шли не отдыхая. За двое суток преодолели более сорока верст по болотам и топам. К вечеру 16 августа достигли заданного района, заняли круговую оборону, отрыли ячейки и стали ждать. До финских минных полей и патрульных троп было меньше километра. Как только стало темнеть, минеры отправились делать проходы в минных полях, через которые навстречу бригаде предполагалось направить разведывательные группы. Если партизанам придется переходить патрульную полосу с боем, то пограничники должны проникнуть на финскую территорию, показать пути отхода и прикрыть их.

Если боя не будет, то партизаны, подойдя к минным полям, должны обозначить свое местонахождение условленной серией ракет. Кроме того, ожидалось дополнительные уточняющие указания, и радист батальона держал постоянную связь со штабом полка.

Все казалось отлаженным, подготовленным, и оставалось только ждать.

Томительно тянулись час за часом. Как только стемнело и затих дувший весь день юго-восточный ветер, с запада стали доноситься слабые, похожие на бульканье звуки перестрелки. Стрельба то замирала, то начиналась опять, иногда казалось, что она приближается, но проходило какое-то время, и вновь она оставалась такой же далекой, странно спокойной и даже обманчивой.

Комбат доложил в полк — что делать?

Оттуда ответили — ждать!

После полуночи все стихло. Ни один настораживающий звук не донесся с финской стороны, комбат нервничал, ему все казалось, что он упустил время, что, возможно, надо было попробовать проникнуть на ту сторону и идти к месту боя. Он не знал истинного положения бригады, она представлялась ему такой же сильной, хорошо вооруженной и полнокровной, какой он видел ее в последний день июня; он не был и уверен в том, что его двум ротам — по существу, полуротам! — удалось бы глубоко вклиниться за патрульные тропы, но все равно чувство сопричастности с тем, что происходило сейчас где-то в пяти-шести километрах отсюда и так загадочно

оборвалось, не давало ему покоя, тем более, что он помнил свое обещание, данное на радостях при проводах бригады.

Чувство тревоги усилилось, когда радист вдруг сообщил, что где-то вблизи финны в открытую переговариваются по радиотелефону и что-то слишком шумят.

Так миновала ночь.

Рано утром пришел новый приказ: одной роте срочно сниматься, огибать с востока южную оконечность Елмозера, второй — оставаться на месте.

Потом, когда в Беломорске будет тщательно анализироваться вся операция по выводу партизанской бригады из вражеского тыла, член Военного Совета фронта Г. Н. Куприянов, узнав о том, что комбат слышал далекий бой и всю ночь простоял в бездействии, вгорячах и в гневе потребует предать его суду, затем, когда выяснятся все обстоятельства, он тут же отменит свое распоряжение. Тогда и Аристов впервые узнает, что вечером 16 августа партизаны и пограничники находились всего лишь в шести-семи километрах друг от друга.

2

Как только поздно ночью полковник Мякиннэми узнал, что русские прорвались на участке роты Внеримаа, перешли дорогу Паданы — Кузнаволок, разгромили стоявшую на отдыхе пограничную егерскую роту и устремились на восток, он понял, что обычными заслонами в одну линию, какие он практиковал до сих пор, с партизанами можно и не справиться. До линии охранения оставалось меньше двадцати километров, и риск упустить русских на свою сторону возрастал с каждым часом.

Он тут же решил все имеющиеся в его распоряжении силы срочно перебросить на восток и плотно закрыть партизанам подходы к пограничной полосе между селениями Шалговаара и Баранова Гора. Роте Ахонена было приказано выйти на преследование, во что бы то ни стало догнать партизан и не терять с ними боевого соприкосновения.

Этой же ночью началась спешная передислокация на автомашинах.

К полудню 16 августа на семиверстном участке между двумя небольшими карельскими деревушками уже было сосредоточено восемь рот 12-й финской бригады,

эскадрон Путконена, взвод егерей лейтенанта Алакульпи, дивизионные разведотряды Кева и Айраксинена. Кроме того, одна из рот пятого пограничного егерского батальона заняла оборону фронтом на запад, прикрывая южную оконечность Елмозера. Финны получили возможность подбросить к линии обороны все имеющиеся в этих подразделениях минометы.

Если учесть, что к тому времени партизанская бригада едва ли насчитывала двести человек, включая больных и раненых, то обороняющиеся имели более чем десятикратное превосходство в силах.

Рота Ахонена нащупала партизанский след и утром завязала первый бой. Партизаны, оставив прикрытие, отошли, продолжая двигаться на восток. Частые короткие перестрелки с тыловым охранением возникали еще много раз, после полудня движение прекратилось. Заняв три небольшие высотки, партизанская бригада остановилась перед дорогой Шалговаара — Баранова Гора. На противоположной стороне, на соседних высотах, лежали в обороне финские подразделения.

Казалось, капкан замкнулся...

Но и та, и другая сторона чего-то выжидали.

Партизаны поняли, что с их силами пробиться на восток невозможно. Финны, зная безвыходность положения русских, не хотели нести лишних потерь в атаках. Лишь небольшие группы автоматчиков, рыская по лесу, непрерывно тревожили партизан. Ближе к вечеру по расположению бригады был открыт сильный минометный огонь. Лейтенант Ахонен, боясь, как бы мины не накрыли случайно его солдат, отвел роту на соседнюю сопку, оставив впереди лишь прикрытие. С наступлением сумерек он разрешил взводам поочередный отдых. Он был вынужден сделать это, так как солдаты, после суточной непрерывной погони, все равно спали, лежа в цепи.

Это и стало роковой для преследователей ошибкой.

О том, как дальнейшие события выглядели со стороны финнов, предоставим рассказать Пентти Тикканену, автору книги «Разгром партизанской бригады».

«...Приближалась полночь. За несколько минут до смены суток это началось.

Сильный огонь был сосредоточен против двух взводов. Он продолжался какое-то мгновение. Вряд ли спросонья солдаты поняли по-настоящему, в чем дело, когда из ночной темноты раздалось яростное «ура-а»... Солдаты, пы-

таясь преградить дорогу русским, не могли четко отличить противника от своих. Сражаясь врукопашную, русские партизаны прорывались через позиции. Темный лес поглотил их.

В ходе рукопашной схватки многие из финнов вынуждены были оставить позиции. Главные силы роты Ахонена были разбиты. Поэтому в дневнике боевых действий имеется запись устного донесения командира роты: «После того, как два взвода рассыпались, в 00.45 дал приказ на отступление. Отхожу с километр на запад, где сосредоточу роту. Русские направляются на юго-восток...»

Думается, последняя фраза донесения лейтенанта Ахонена о направлении отхода русских ввела в серьезное заблуждение командира двенадцатой финской бригады. Ибо ничем другим нельзя объяснить, почему в течение суток все это множество рот, взводов и отрядов продолжало стоять в обороне, закрывая проход на восток, в то время как партизанская бригада давно уже двигалась в другом направлении.

3

Те несколько часов, которые провела бригада на высотах перед дорогой, были для Аристова самыми мучительными за весь поход. Пути вперед не было, и положение казалось безвыходным. Вероятно, следовало бы отойти назад, в глубь леса, увести людей из-под минометного огня, но и позади был противник. К тому же — люди уже не могли двигаться, они с трудом добрались сюда, и требовался отдых, пусть недолгий, на два-три часа, пусть даже без сна, но обязательно отдых, чтоб можно было свалиться на землю, вытянуть опухшие ноги, выпрямить гудевшую от ломоты спину, освободить от груза плечи. Они сделали невозможное, и они имели право на такое послабление себе. Усталость была такой безмерной и окончательной, что близкие разрывы мин не казались помехой для отдыха.

Лежа за камнем и раздумывая, как быть дальше, Аристов в глубине души сознавал и чувствовал, что если он вот сейчас встанет и даст команду двигаться, то бойцы, конечно же, поднимутся, один за другим вытянутся цепочкой и поплетутся, куда он прикажет. Эту молчаливую безотказность даже не хотелось теперь называть привычной исполнительностью или послушанием командиру —

нет, это было выше, достойнее, благородней: это было полное, безраздельное слияние своего «я» с душой и потребностями коллектива, это было удивительное единение, когда для человека ничего уже не существует, кроме общей для всех цели. О таком единении — правда, для другого времени и других обстоятельств, — когда-то мечталось Аристову. Теперь он увидел воочию, и это обнадеживало. Он вспомнил, как Григорьев много раз говорил: «Солдат до тех пор храбр, пока верит командиру. Если он теряет веру, тут трудно быть храбрым».

Аристов теперь не мог пожаловаться ни на веру, ни на храбрость своих людей. Они поднимутся и пойдут... Но куда? Это предстояло решить ему.

В 18 часов из Беломорска была получена радиограмма, в которой сообщалось, что помимо пограничников в район Елмозера для помощи бригаде выбрасывается отряд спецшколы ЦК КП(б) республики. Это сообщение, не казавшееся поначалу особенно важным и что-либо решающим, постепенно навело на раздумье о возможности переправы через Елмозеро, вернуло к тому прежнему плану, который, казалось, рухнул на переходе вдоль Воломы, а теперь вот вновь ожил и стал вскоре представляться не только возможным, но и единственно реальным.

Аристов был бы рад посоветоваться с Колесником, но начинать разговор первым и вроде бы просить помощи не хотелось. Пусть не мнит о себе слишком высоко и не думает, что без него никто не справится с командованием бригадой. Правда, вчера отношения вроде бы начали налаживаться. На прорыв шли дружно, без споров и разногласий. Но один случай опять все испортил.

Когда бежали по лесу, уже позади линии обороны, в руку и грудь сбоку был ранен связной Аристова — Борис Воронов. Он бежал сзади, и Аристов не заметил, как тот молча упал. Спohватился уже на краю болота, когда не увидел позади своего верного и ловкого Борьки. Уже мыслями простился со связным, с ужасом подумал, что ему теперь больше жизни надо беречь очки, ибо запасные остались у Бориса, как вдруг Колесник и Вася Макарихин чуть ли не на руках притащили окровавленного Воронова.

— Боря, где твой рюкзак? Цел он? — кинулся он к связному. — Ведь очки там!

— Цел, Николай Павлыч. У Васи.

— Ой, слава богу... Ну, а ты как — иди сможешь?

— Смогу, Николай Павлыч.

— Да где он сможет? Нести надо! — резко сказал Колесник, и это прозвучало таким неприкрытым укором, словно Аристов намеренно оставил в лесу связного.

Борис действительно вскоре ослабел так, что его пришлось нести. Сил ни у кого не было, но Колесник с Васей тащили носилки, почти не сменяясь, и уже за всю дорогу они с Аристовым не обмолвились и словом.

О переправе через Елмозеро Аристов посоветовался с Кукелевым. Тот подумал-подумал и сказал:

— Да, иного выхода, кажись, нет...

Среди партизан нашлись люди, которые хорошо знали Елмозеро. Бойцы Брагин и Громов рассказали, что в самой узкой части, где озеро словно поясом туго перетянута, стоят на западном берегу четыре барака, два у самой воды, а два в отдалении, их легко можно разобрать на плоты. Хуже с восточным берегом. Как раз напротив барakov — широкое болото.

— Ну, болото нам не в диковинку! — бодро сказал Аристов. — Сколько их прошли, сосчитай.

Рассудительный Павел Брагин — бывший лесоруб и сплавщик — в сомнении покачал головой.

— То болото отдельно считать надо... И лето нынче совсем мокрое.

Перед полночью начали скрытный отход, сначала на запад, потом резким поворотом — на север. Отряд Кукелева мгновенной неожиданной атакой вышиб противника с высоты, оттеснил его к югу, и вся колонна благополучно вышла из окружения.

В этой атаке автоматной очередью в живот был тяжело ранен Дмитрий Иванович Востряков, бывший председатель Космозерского сельсовета, а теперь связной командира отряда. Это он 31 июля на высоте 264,9 сразил убежавшего через болото командира финской роты лейтенанта Перттула, под огнем сползал к убитому, забрал оружие и документы и передал комиссару Макарьеву.

Теперь Дмитрий Иванович — тихий и словно бы виноватый перед товарищами — лежал на земле. Кукелев не знал, что и делать: времени терять нельзя, дорогá каждая минута, а нести раненого — и сил ни у кого не было, и это связало бы продвижение всей бригады.

Лучше других понимал это сам Дмитрий Иванович.

Когда Кукелев приказал все же готовить носилки, он остановил его:

— Не надо, Николай Иванович... Идите, не задерживайтесь... Обо мне не думайте, у меня есть наган. Живым не сдамся. Идите! Поверьте мне... Семье сообщите, что я честно погиб...

У людей, видевших в этом походе, казалось бы, все, на глаза навернулись слезы. Кукелев не выдержал, резко отвернулся, непривычно сурово набросился на молча стоявших бойцов:

— Чего толпитесь? Марш вперед!

Потом склонился к связному, поцеловал его в лоб, и, не оглядываясь, тяжело зашагал в темноту.

Через несколько минут острой болью в душе отозвался раздавшийся позади одинокий выстрел.

Кукелев и Макарьев оба разом остановились, посмотрели друг на друга и, ни слова не говоря, бросились бегом обратно. Зарыть в землю старого и верного товарища было нечем, да и бригада уходила все дальше. Наскоро обложили камнями, забросали могилу мхом...

На рассвете бригада остановилась в пяти километрах от барачков, затаилась в глухом лесу и начала вести разведку.

В барачном поселке был выявлен небольшой гарнизон противника. Радиограммой в Беломорск запросили, чтоб авиация в 15 и 23 часа пробомбила бараки. Атака и начало переправы намечались ровно в полночь.

В 15 часов бомбежки не было.

Бригада в напряжении ждала, не двигалась с места.

В шесть часов вечера к лагерю подошла разведка противника, секреты обстреляли ее, убив двух человек.

Самолеты появились перед самыми сумерками, от озера донеслось около десятка бомбовых разрывов, и бригада, снявшись с привала, заспешила к баракам.

...Теперь, по прошествии тридцати с лишним лет, когда точно известны и силы, и обстановка, и намерения сторон, те трагические обстоятельства, при которых проходила переправа через Елмозеро, невольно представляются результатом каких-то нелепых предосторожностей, промедлений и ошибок, которые были допущены командованием бригады и которых, как кажется теперь, можно было легко и просто избежать.

Зачем понадобилось бригаде стоять без движения почти сутки, теряя время, так ловко выигранное у противника отходом на северо-запад? Зачем нужна была эта бомбежка барачков, которая все равно не дала никакого эффекта и лишь насторожила противника? Почему бригада ждала этой бомбежки, находясь в пяти километрах, на преодоление которых ушло затем лучшее ночное время и в результате переправляться пришлось при свете солнца? Ведь основные силы финнов остались далеко позади, и они лишь вечером 17 августа двинулись на розыски исчезнувшей бригады. Ведь гарнизончик в бараках был совсем крохотный, даже не гарнизон, а полевое охранение из двух десятков солдат и одного крупнокалиберного пулемета, поставленного для стрельбы по воздушным целям.

Не лучше ли было еще засветло подойти к баракам, в сумерках атаковать их и сразу же начать переправу?

Теперь, когда мы знаем все или почти все о том, как проходила эта операция, легко сопоставить факты, найти оптимальный вариант и усмотреть целый ряд упущений и ошибок в ее осуществлении.

Теперь это просто — находить лучшие решения. Но совсем не просто было делать это Аристову, или Колеснику, или любому другому командиру в тех условиях, когда положение было на грани отчаяния и безнадежности, когда силы бригады таяли, а о противнике он знал ровно столько, сколько удавалось выяснить огнем или ближней разведкой.

Была у Аристова своя логика и в промедлении, и в ожидании бомбежки, и в осторожности.

За пять часов ночного марша люди вновь вымотались так, что падали через каждую сотню шагов.

О том, что финны не сразу тронутся вслед бригаде, он не мог даже предполагать. Он знал, что противник неохотно вступает в ночные действия, старается избегать их, давая своим солдатам отдых, но никак не рассчитывал, что финны с большим опозданием установят направление отхода партизан. Поэтому он боялся втягивать бригаду на дневное время в глубь полуострова, где стояли бараки, ибо в случае обнаружения она оказалась бы в ловушке.

Бомбежка казалась хоть маленьким, но подспорьем, ведь другой помощи ждать было неоткуда, а всяких прорывов, атак, штурмов позади было столько и доставля-

лись они такой ценой, что хотелось хоть на этом сберечь лишние жизни.

Кроме того, думалось, что пограничники и отряд спецшколы к ночи на 18 августа уже успеют выйти на восточный берег Елмозера и помогут переправе.

В той обстановке его решение казалось ему наиболее выгодным.

Он не знал, что во второй половине дня финское полевое охранение уже догадалось о близости бригады и, оставив бараки, переправилось на небольшой островок в двухстах метрах левее.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

(оз. Елмозеро, 18 августа 1942 г.)

1

На берегу — радость и оживление: стучали топоры, всхрапывали ржавыми гвоздями сдираемые с крыш доски, звонко ударялись о землю сухие, отлежавшиеся за много лет бревна — одновременно раскатывали два ближайших к озеру барака, а на отмели, стоя по колени в воде, бригадные умельцы уже начали вязать первые плоты. На крепеж шло все, что попадалось под руку: кусок ржавой проволоки, обрывок веревки, доска с уцелевшими гвоздями, не жалели даже поясных ремней, а потом пустили в ход плащ-палатки, которые имелись у каждого. Их рвали на полосы, скручивали в жгуты, и дело стало спориться.

Плот составляли из трех-четырех бревен, и их требовалось не меньше сорока.

Все пока складывалось удивительно удачно. В бараках противника не оказалось. Как можно было заключить, он в панике бежал, оставив кое-какие запасы продовольствия, несколько коробок с патронами и сброшенный на землю с турели станковый пулемет. Но когда это произошло — во время ли бомбежки, которая, к удивлению, не разрушила ни один из барачков, или перед самым подходом бригады, — понять в темноте было невозможно.

Выставив усиленное прикрытие, Аристов всех остальных бойцов бросил на строительство плотов.

Главное — скорей, ибо никто не знал, как далеко преследователи, и звездная августовская ночь в любой момент могла разорваться громом выстрелов.

Восточный берег манил и звал, отделяя черной стеной светлое небо от еще более светлой, и казалось, совсем узкой полоски воды. Но партизаны еще по зимним походам в Заонежье помнили, как обманчива ночью озерная гладь — далекое она отдаляет, близкое приближает.

Тот, спасительный берег был действительно недалеко — всего в восьмистах метрах, а теперь виделся и еще ближе. Дай разрешение, так нашлись бы охотники, которым и плотов не надо: привязали бы к бревну одежду и поплыли, держась за него, по маслянисто мягкой и тихой воде. Если бы не раненые и ослабевшие, то наверное так и можно было бы поступить — кто хочет, у кого есть силы, плыви сам!

Но еще на подходе к баракам Аристов строго приказал: переправляться только на плотках и без всякой паники: «Мы боевая часть, а не толпа беженцев. На каждый плот брать по одному раненому! И переправляться только повзводно и поотрядно!»

Кончалась пора полнолуния. Торопливый рассвет с каждым днем застигал луну все выше на небосводе, и она медленно истаяла в солнечных лучах, не успевая скрыться за горизонт. Как ни спешили, как ни старались успеть затемно, а первая партия плотов отправилась, когда над восточным берегом уже висело солнце.

Берег у бараков сразу же круто сходил на глубину, шесты не доставали, гребли досками. Забурлила, залокотала вода под первыми дружными гребками, плоты медленно двинулись, раздвигая в стороны яркую и покойную золотистую дорожку. Вначале казалось, что дело пойдет быстро, но миновало двадцать минут, полчаса, вода продолжала яростно бурлить под нехитрыми веслами, высоко вверх взлетали сверкающие брызги, а плоты словно бы застряли на середине озера.

С напряжением следил Аристов, когда же наконец причалит к берегу хоть один плот. Не хотелось в это верить, но в душе жило опасение, что там могла оказаться вражеская засада. А вдруг этот гарнизончик переправился туда?

Наконец, первый плот пристал к берегу, кто-то торопливо взбежал на пригорок и радостно замахал.

Сразу же отчалила вторая партия, а дальше решили не ждать: как только готов плот, грузили и отталкивали его шестами.

Не меньше десятка плотов находилось на озере, когда слева, со стороны тихого, окаймленного тростниковыми зарослями островка, ударила автоматная очередь и наперебой загремели винтовочные выстрелы. Это было так неожиданно, что вначале никто ничего не понял, на плотках перестали грести, потом схватились за оружие. Над озером раздались вскрики и первые стоны раненых.

Выстрелы продолжали греметь. Над тростниками, на фоне зеленых кустов стелилась слабая пелена порохового дыма. Редкие пули начали повизгивать и над берегом.

— Три пулемета на возвышенность! — закричал Аристов. — Накрыть огнем остров, подавить противника!

От бараков до островка было напрямую метров двести пятьдесят. Но если сдвинуться на север, там от материка его отделял проливчик шириной чуть больше ста метров.

Два пулеметчика по кустам устремились туда, третий взобрался на крышу еще не тронутого барака, пристроился за скатом у трубы и через головы работавших внизу товарищей открыл огонь.

Противник был не виден, он хорошо укрылся в зарослях, все три пулемета наугад прошивали короткими очередями каждую подозрительную точку на острове.

Стрельба по плотам заметно ослабла, по берегу — вообще прекратилась, но как только работа на берегу возобновилась и новые плоты двинулись в озеро, огонь постепенно стал нарастать. Было хорошо видно, как один за другим падают в воду сраженные пулями партизаны. На плотках уже не стояли, как прежде, а гребли лежа. Движение замедлилось.

При первых пулеметных очередях финны отскочили на противоположную сторону островка, куда не доставал огонь с материка, зашли в воду, кто — по пояс, кто — по грудь, и безнаказанно стреляли по плотам, находившимся на середине озера. Малоподвижные плоты были великолепной мишенью.

На плотках не знали, что и делать: то ли скорей грести, то ли отстреливаться. Укрытия никакого не было, появились убитые и раненые, кое-где партизаны сползали в воду и плыли, укрываясь за бревнами.

Наконец открыли по острову огонь с восточного бере-

га, но расстояние было слишком далеким, чтоб увидеть и поймать на мушку стоявшего по грудь в воде человека, скрытого к тому же тростником. Потери росли, и положение становилось отчаянным.

Прерывать переправу нельзя, еще бóльшая часть бригады оставалась на западном берегу, а с минуты на минуту могут ударить главные силы финнов, и прикрытие долго не продержится.

Несмотря на прицельный огонь противника, плоты один за другим отчаливали от берега. Только теперь на них строго распределялись обязанности: двое лежат гребут, двое ведут ответный огонь.

Это было счастье для партизан, что противник не захватил на остров станковый пулемет — он был поврежден еще, видимо, при бомбежке. Пулемет мог бы начисто сорвать всю переправу.

Иногда финны на острове словно бы отдыхали — на десять — пятнадцать минут прекращалась всякая стрельба. А возможно, они уже начали беречь патроны, ведь переправа длилась уже третий час.

Аристов весь кипел от негодования и бессилия что-либо сделать. Он понимал, что финнов совсем немного, человек двадцать, не больше. Но как взять их? Или же хотя бы заставить замолчать? Не брать же этот остров штурмом? Эх, черт возьми, а почему бы и нет? Двинуть по проливчику десяток плотов под прикрытием пулеметов с берега. Ведь потери все равно неизбежны! Только делать это надо было сразу, при первых выстрелах. Не решился сразу, пожалел времени, а теперь уже поздно... Пришла пора грузиться на плоты штабу.

— Жиганова ко мне! — крикнул Аристов связным.

Пока искали пулеметчика Жиганова, он, пригнувшись, спустился к самой воде, где вязали очередные плоты, подозвал Степана Тихонова и Павла Брагина. Это были самые известные умельцы в бригаде по части саперных и плотницких дел. Их опыт и неторопливая расчетливость уже не раз выручали партизан при переправах через реки. Они теперь, уже несколько часов, без отдыха и под свист пуль работали на вязке плотов, по существу руководя всей технологией дела.

— Мужики, надо соорудить один плот пошире! — сказал Аристов. — По одной стороне сделать боковое укрытие, хотя бы в два бревна... Можно это?

Он и сам еще не был уверен — возможно ли это в та-

ких условиях, и потому не приказывал, а просил. Боясь, как бы мастера не подумали, что это сооружение понадобится для его собственной безопасности, Аристов торопливо пояснил:

— На плот посадим пулеметчиков. Надо прикрыть переправу с озера. Поняли, что требуется? Нужна плавучая огневая точка!

— Попробуем.

— Действуйте!

Аристов вернулся за дальний барак, где все эти часы находился его командный пункт. Отсюда хорошо просматривалась вся переправа. Темные пятна плотов, казалось, недвижимо и безжизненно застыли на солнечной глади озера, растянувшись до самого противоположного берега, и картина эта была пугающей. Но приглядевшись, можно было увидеть — нет, не погибли люди, они шевелятся, отстреливаются, гребут, кто доской, кто рукой, а нетерпеливые то и дело не выдерживают, становятся на колени и начинают лихорадочно отталкивать воду, пока свист пуль не заставит вновь распластаться на притонувших бревнах.

Явился пулеметчик из «Буревестника» Сережка Жиганов — широкоскулый, курносый крепыш с глубоко запавшими глазами.

Во время боев на высоте 264,9 он снискал славу отчаянного и бесстрашного парня. На прорыв шел впереди всех, держа пулемет на весу, и огнем пробивал дорогу остальным. Слава и уважение товарищей как бы прибавили ему сил и бесстрашия, перед дорогой Паданы — Кузнаволоком он снова отличился, был легко ранен, но до сих пор не расставался со своим «дегтярем».

Теперь задание ему было не из легких. Требовалось с четверьмя другими бойцами проплыть как можно ближе к острову, остановиться где-то на полпути до восточного берега и быть долговременной плавучей огневой точкой, прикрывая огнем переправу.

Аристов так и сказал — «долговременной».

Сережка выслушал, все понял, чуть заметно усмехнулся и коротко ответил:

— Есть, товарищ комиссар!

— Патроны и диски заberi у других! — напутствовал его Аристов.

Через полчаса немудрое и неуклюжее, склонившееся на один бок сооружение тяжело двинулось в путь. Ниж-

ние бревна глубоко осели, и люди лежали в воде, но с левого борта была у них хоть какая-то защита. Гребли сначала к острову, потом, не разворачивая, направили плот на восток. Финны сразу же сосредоточили огонь по нему. Жиганов открыл ответный огонь. Даже без бинокля было видно, как очереди словно косо подрезают тростники и за ними все отчетливее проступает каменная кромка отмели. Теперь остров был под прицельным огнем с двух сторон, и сразу дружнее и энергичнее зашевелилась вся переправа. Один за другим потянулись плоты. Думалось, главные помехи позади.

2

Штаб находился уже на озере; на западном берегу оставался последний, грековский отряд; уже готовы были плоты, и прикрытие начало отходить ближе к баракам, как где-то далеко справа затарахтел пулемет и вздымаемые пулями фонтанчики побежали по воде. Очереди пока ложились в недолет, но все время казалось, что пулеметчик внесет поправку и накроет переправу.

— Скорей! Скорей! — во весь голос закричал Аристов, стоя на плоту. — Греков, отходи, не медли!

Но тянулись минута за минутой, пулемет тарыхтел, а фонтанчики так и продолжали бегать по озеру в стороне от плотов.

Теперь страшны были уже не эти фонтанчики, а возможность выхода финнов к баракам и удара по отряду Грекова, который, конечно же, окажется в безнадежном положении. Да и всем, кто еще на озере, несдобровать...

...Если бы могли партизаны знать, что в те минуты творилось у противника! Рано утром, узнав, что партизаны начали переправу, три финские роты разными маршрутами двинулись от Барановой Горы к баракам. Трудно объяснить, почему они не сделали этого раньше, когда разведка обнаружила вечером бригаду в пяти километрах от барачных плотов. Но вышли только утром и спешили по лесному бурелому что было сил. Одна из рот двигалась берегом Елмозера. Она давно уже слышала стрельбу, а миновав широкий мыс, увидела вдаль пересекавшие озеро плоты. До них оставалось не менее полутора километров, усталые солдаты валялись с ног, а командир роты почему-то решил, что это уже переправляется арьергард, что к баракам ему все равно не успеть, и при-

казал открыть из ручных пулеметов огонь. Так и родились эти пугавшие партизан фонтанчики, которых сами финны, естественно, не могли видеть: гладь озера скрадывала расстояние, а стреляли они слишком издалека, чтоб замечать результаты стрельбы.

Переправа была в самом разгаре.

Люди гребли, кто как мог, старались изо всех сил, даже раненые ладонями проталкивали мимо себя воду, но плоты лишь покачивались при каждом шевелении, шатко похлупывали, и их почти незаметное продвижение улавливалось лишь относительно друг друга.

Финны с острова вели теперь редкий, но прицельный огонь. Укрываясь и часто меняя позицию, они стреляли с упора; эти выстрелы выглядели случайными и вроде неопасными, но они-то и начали приносить урон.

Здесь и там по воде расплывались бурые кровавые пятна, и чем ближе к середине, тем чаще.

Помощник комиссара бригады по комсомолу Николай Тихонов, стоя на коленях, загребал воду обломком тесовой доски. Грести было тяжело и больно. Раненая рука помогала плохо, силы в ней не было, доска то и дело выскользывала, но и одной здоровой разве управисься? Невзирая на боль, он греб и греб, глаз не спуская с маленького плотика впереди, где плыл его отец — Степан Александрович с двумя товарищами. Полчаса назад отца зацепила в руку шальная пуля. На вязке плотов он стал теперь плохим помощником, и командир приказал ему садиться на первый же готовый плот. Николай сам посадил отца, хотел было ехать вместе с ним, но делать это показалось не совсем удобно для политработника — надо ждать команды. Каждый день этого страшного похода он думал об отце все с большей нежностью и тревогой — выдержит ли, ведь ему уже сорок четыре года, самый старый, считай, в бригаде... Виделись они не часто — должность и юношеская щепетильность мешали Николаю хоть чем-либо выделять отца, проявлять к нему особое внимание. Да Степан Александрович и сам не искал этого, нес службу наравне с молодыми и был на хорошем счету у командования.

А сегодня вот это ранение словно бы стегануло по сердцу Николая. Черт возьми, ведь это же — отец, и ударь пуля чуть левее — его не стало бы, навсегда, навсегда...

Не только жалость, но и чувство вины за свое вынужденное невнимание к отцу, за никак не выказанную ему сыновнюю любовь и привязанность ни на секунду не оставляли Николая, тянули его взгляд к плотнику впереди. Там что-то было неладно, греб лишь кто-то один, а двое лежали неподвижно. Как отец, жив ли? Не сразила ли его прицельная пуля?

Были уже где-то близко к середине, когда слабый юго-восточный ветерок сначала мелкой рябью пробежался по воде, потом задул ровно и упруго. Мелкие волны заплескались о бревна, грести стало трудней, а плотик заметно потянуло к безжалостному островку. Одиноким гребец старался изо всех сил, он привстал, и Николай увидел, что это отец. До него было метров тридцать.

— Ребята, сберегите мешок! — крикнул Николай товарищам по плоту, сполз в воду и лишь потом подумал, что с одной-то полноценной рукой, в сапогах и одежде, он может и не доплыть до отцовского плотика. Уже ухватившись обессиленно рукой за бревно, он увидел, что отцовский плот оставляет за собой мутно-коричневый след, потом, оглядевшись, понял, что один из спутников отца был убит, другой — тяжело ранен.

Небольшой плотик грузно просел, когда Николай взобрался на него. Вдвоем с отцом, загребая по разные стороны, они двинули его вслед другим, а ветер вскоре तो ли стих, то ли плот вошел в полосу берегового заветрия.

3

Обстрел берега, где готовились плоты, то прекращался, то начинался снова. Долгие перерывы невольно приводили к ослаблению осторожности у партизан, а в результате — и к потерям. Хотя о какой осторожности можно говорить, если дорога каждая минута, а берег со стороны островка полностью открыт. Тут ничего не оставалось, как уповать на свою удачу и везение.

Взводного политрука из отряда «Боевые друзья» Леонида Леонтьева ранило, когда он вместе со своим напарником связал уже пять плотов. Недавно отплыл на тот берег его двоюродный брат Степан Леонтьев — бывший секретарь райкома комсомола, а теперь тоже политрук в отряде «За Родину», тяжело раненный в предплечье еще в боях на Сидре.

Леонид, стоя по колено в воде, устало разогнул спину, посмотрел на цепочку плотов, стараясь отыскать взглядом брата, и короткая, пронизывающая боль рванула куда-то в сторону его руку, обдала правое плечо невыносимо жгучим жаром. Он пошатнулся, но устоял на ногах, понял, что ранен, придавил левой ладонью пораженное место и выбрался на берег в укрытие. Медсестра Клава Матросова быстро наложила повязку, а видевший все это комиссар отряда Петр Поваров крикнул:

— Леонтьев, на плот!

Выехали вчетвером — Ваня Комиссаров, Саша Лозин и еще один малознакомый боец из новичков. Не успели отплыть и пятидесяти метров, как Лозину пулей разворотило нижнюю челюсть, боль была адская, он мучительно выл, катаясь на плоту, а ни у кого уже не осталось даже перевязочного пакета. Пришлось грести обратно. Чтобы не терять времени, на место Лозина подсадили всего израненного Василия Акулова. Да, не повезло доброму и славному Васе! В ночном прорыве ему поранило ногу. Чудом, опираясь на палку, выкарабкался, не отстал, прошел сам более двадцати верст, — и новая беда: шальная очередь повредила обе руки. Ни стоны, ни малейшей жалобы не услышали от него, когда торопливо и не очень-то ловко пристраивали его на узком плоту. Грести он не мог, это, вероятно, мучило его, он все время ежился, сжимался, пытаясь освободить место для тех, кто был в состоянии работать.

Исхудавший до черноты в лице Ваня Комиссаров работал доской, не жалея последних сил. Еще за рекой Сидрой, кроме общего голода, на него свалилась своя беда — отравился сырыми грибами. По совету Ивана Марковича Афоничева в трудную минуту поел их с солью, и начались страшные боли, весь живот сводило так, что нельзя было разогнуться от колик. Рассказывали, что сам Ваня просил командира отряда Грекова помочь ему умереть, чтоб не обременять отряд и товарищей, но тот коротко ответил:

— Не глупи! Пока у партизана есть ноги, он может идти!

Ваня шел, чуть ли не теряя сознание. Говорили, что во время одного из привалов, когда он далеко отстал и лежал почти без сознания, Колчин направился к нему с заряженным малокалиберным пистолетом, уже прибли-

зился и спросил: «Чего лежишь? Идти надо!», как из-за кустов раздался угрожающий голос:

— А ну, сволочь, отойди от парня! Уходи, пока не всадишь в тебя очередь!..

Кто-то, а кто — Ваня и сам не помнит, помог ему добраться до привала; девушки — Клава Матросова и Аня Балдина — напоили его черничным отваром, потом вскоре самолеты сбросили продукты, и хотя прежней силы к нему не вернулось, долго шел он, как в кошмарном сне, едва передвигая ноги, но теперь таких в бригаде было уже много. Каждый держался на силе воли, никто сам не искал никаких послаблений, но зато с особой, навсегда сохранившейся благодарностью принимал доброе слово или услугу более крепких товарищей.

...И вот Ваня здесь, на Елмозере, выдержал, не сдался, гребет изо всех сил, и спасительный берег почти незаметно, но все же приближается.

Им повезло, их плот был в числе тех, что успели пристать к восточному берегу до новой беды.

...Над озером появились финские самолеты. Четыре истребителя, заходя попарно со стороны Барановой Горы, на бреющем полете начали атаку. Их тени стремительно неслись по глади озера, и вода впереди них вскипала под градом пуль. Нарастающий вой моторов, грохот очередей оглушали и ошеломляли таким наплывом страха и незащитности, что казалось — все, конец, нет спасения, и больше всего хотелось броситься в воду, только бы иметь какое-то укрытие. Смотреть вверх было жутко, но и нельзя было не смотреть! Но тени проскальзывали, пулеметы смолкали, моторы натужно взывали, переходя на выразительный полет вверх и вправо, получалась недолгая передышка, и люди на плоту вскакивали, начинали лихорадочно и отчаянно грести. А новые две тени опять мчались вдоль озера, и каждый на плоту старался угадать — накроют ли они его или пройдут стороной. Все ждали бомбежки, но хоть ее-то не было.

На плоту командира отряда Грекова плыло четверо: он, связной Арсен Кутин, пулеметчик Иван Улитин и сандружинница Аня Балдина. При первой же атаке с воздуха пулеметная очередь, никого не задев, рассекла крепление плота, и бревна с одного конца стали расходиться. Улитин, лежа на спине, бил вверх из своего «Дегтярева», Греков и Арсен палили из автоматов, плот коло-

тило как в лихорадке, а бревна все расползались и расползались в стороны.

— Федор Иванович, тонем! — закричала Аня, увидев, как прямо под ее коленями постепенно раскрывается внизу прозрачная, освещенная солнцем бездонная глубина.

Греков оглянулся, понял, что произошло, заорал что было силы:

— Ложись поперек плота, сжимай бревна!

Дальнейшие заходы самолетов Аня уже не видела, она могла их только слышать и ощущать спиной. Лежа на животе и обхватив плот руками, она что было сил сдавливала бревна одно к другому и больше всего боялась, что так долго не выдержит.

Самолеты заходили на плоты раз за разом. Партизаны то хватались за оружие, то начинали грести.

Аня лежала, боясь шелохнуться. Она ни о чем другом уже не думала, страх, надвигавшийся сверху, уступил место другому, еще более жуткому, открывшемуся внизу, руки от напряжения быстро немели, и слабым утешением было то, что бревна не круглые, а с пазами, и есть за что ухватиться. Близко перед глазами плыли и плыли багрово-красные разводья.

Она даже не сразу поняла, как наверху что-то решительно переменялось. Гудели моторы, то слитно, то отрывисто гремели пулеметные очереди, но стреляли они как-то не так, и вдруг Греков истошно закричал:

— Наши! Черт возьми, наши!

Находившиеся на озере не сразу и заметили, как с востока появились два советских истребителя, пристроились в хвост атакующим и, обстреливая, гнали их вдоль озера, не давая уйти вверх. Маленькие краснозвездные «Яки», казалось, сами на ходу вздрагивали от глухих хлопков своих скорострельных пушек.

По всему озеру неслось радостное партизанское «ура» — кричали на плотях, кричали на берегу, и уже никому не было дела, что позади, с неблизкого теперь островка все еще раздавались отдельные выстрелы... Наверху шло настоящее воздушное сражение. Вскоре прилетели еще два наших истребителя, бой постепенно стал смещаться на запад, партизанам показалось, что один финский самолет густо задымил и скрылся за горизонтом. Потом «Яки» вернулись, дважды прочесали огнем берег у барачков, куда к тому времени успели выйти две

финские роты преследователей; сделав низкий круг над плывущими по озеру плотами, летчики приветственно помахали и ушли на восток.

Последние плоты медленно приставали к берегу, а три или четыре так и продолжали чернеть на середине озера — в живых там никого не осталось.

Потери были немалыми: тридцать человек убито, десять утонуло и тринадцать ранено.

Потом, на протяжении двадцати послевоенных лет, директор крупнейшего в Карелии Паданского леспромпхоза, депутат Верховного Совета СССР, партизан Павел Дмитриевич Брагин будет часто бывать в этих местах, задумчиво стоять на берегу Елмозера и смотреть на светлую и совсем узкую полоску воды, которая тогда, в августе 1942 года, казалась такой широкой и стала для многих чертой между жизнью и смертью.

Однажды, во время очередного слета бывших партизан, он грустно признается:

— Десятки раз бывал на Елмозере. Люблю рыбалку. Но ни разу не закинул в это озеро удочку, ни разу не напился из него воды... Все и сейчас видится, будто перед глазами еще плывут партизанские плоты, а по воде расползаются бурые кровавые разводья...

4

Радость была недолгой.

Берег, который представлялся таким спасительным и куда так отчаянно стремились, оказался не материком, а длинным, узким островом, за которым простиралось почти необозримое болото. Что оно сулит — об этом в первые минуты не думалось. Даже те, кому когда-либо доводилось бывать в этих местах или кто видел это болото густо заштрихованным на карте, сходили с плотов на каменистую отмель не только со вздохом усталого и счастливого облегчения, но и с полной верой, что все, наконец-то, кончилось, и каждый, ступивший на эту землю, может считать себя оставшимся в живых. Если уж удалось под огнем и авианалетами форсировать озеро, то болото, каким бы оно ни было, уж как-нибудь можно преодолеть.

А те, кто вообще ничего не знал — ни об острове, куда они высадились, ни о маршруте, которым предполагалось двигаться дальше, смотрели на открывшееся с востока

болото с тревожным опасением не потому, что болото такое непроходимое — этого они тоже не знали, а потому, что оно столь огромное и если командование решит обходить его, то понадобится уйма сил и времени. Сил было так мало, что ставились они выше любого риска и опасности.

Поэтому, когда раздалась команда «Подъем!» и направляющие двинулись к болоту, то многие партизаны были обрадованы...

Все это произойдет позже, через два часа, а пока — изнуренные, выбившиеся из сил, израненные партизаны сначала долго и недвижимо лежали на земле, где кто свалился, потом начали приводить потихоньку в порядок себя и оружие, медсестры принялись перевязывать раненых, командиры — расставлять посты и огневые точки, у кого были продукты — те уже раскрыли вещмешки...

Аристов дал своему новому связному Васе Макарихину бинокль и приказал безотрывно следить за противоположной стороной болота. Он считал, что и спецшколе, и пограничникам давно бы уже следовало быть там. Беломорск подтвердил, что вчера спецшкола находилась в десяти километрах от Елмозера. О пограничниках новых сведений не имелось.

Все больше озадачивало то, что происходило позади, на западном берегу. По движению у разобранных барачков, по дружной, но недолгой вспышке ружейной и пулеметной стрельбы можно было понять, что туда стянулись большие силы противника. Где-то невидимо протарахтели моторные лодки, но потом все как-то странно угомонилось, и эта тишина особенно настораживала. Он знал, что финны не решатся на преследование по открытому озеру, но это не гарантировало безопасности. У них достаточно сил сделать еще одну попытку перехвата по суше, со стороны Барановой Горы и Кузнаволока. В таком случае надо поторапливаться и уходить с этого острова.

...Если бы Аристов мог точно знать, что происходило в это время за Елмозером, он, вероятно, не стал бы спешить и, возможно, принял бы другое решение.

Командир 2-го батальона 12-й финской бригады майор Пюеккимес вышел к баракам, когда последние партизанские плоты приставали к противоположному берегу. Он сразу донес в штаб, что партизанам, несмотря на потери, удалось переправиться. Полковник Мякиниэми в ответ приказал немедленно организовать пресле-

дование за озером и во что бы то ни стало выполнить строжайший приказ главнокомандования — ни один партизан не должен уйти на свою сторону живым. Вернувшийся с островка командир полевого охранения доложил, что партизан за озеро переправилось совсем немного, человек семьдесят. Ему лестно было подчеркнуть свои успехи и ничего не стоило вдвое занизить цифру. Майор Пюеккимиес решил, что для преследования хватит трех взводов, и попытался найти добровольцев. Однако охотников воевать с партизанами на нейтральной полосе не оказалось. Даже лейтенант Виеримаа заявил:

— Добровольно не пойду. Но, конечно, солдат вынужден сделать все, что ему прикажут.

В ротках, занимавшихся преследованием почти месяц, можно было услышать от солдат гораздо более грубое ворчание.

Приказали идти двум егерским взводам и взводу лейтенанта Теерноя. Выход был назначен на шестнадцать часов.

К четырнадцати часам подоспели подразделения минометчиков, и по противоположному берегу был открыт интенсивный огонь.

...Как только на острове начали рваться первые мины, Аристов принял решение форсировать болото и поднял бригаду. За полуторамесячный поход партизанам пришлось преодолеть не один десяток болот, но это прежде всего поражало устрашающими размерами. Справа за мысом оно незаметно переходило в озерную губу, слева простиралось до узкой полоски горизонта, а противоположный берег был так далек, что виделся сквозь сизоватую дымку. Где-то посредине должен был протекать значившийся на карте ручей, впадающий в Елмозеро, но сейчас он был неразличим. Дождливое лето держало в озере высокий уровень, и все болото сверкало под солнцем бесчисленным множеством залитых водою глазников и промоин. Обнадеживали узкие и зыбкие, поросшие зеленью межники, но и они под тяжестью человека оседали сначала по колено, потом по пояс, а ближе к середине люди ощупью двигались по горло в воде. Малейший неверный шаг приводил к беде. Еще не дошли до середины, а трое из раненых, не удержавшись на шаткой опоре, оступились, и никто не успел помочь им, так как двигаться приходилось на расстоянии нескольких метров друг за другом. Девушки-сандружинницы то и дело вы-

нуждены были бросаться вплавь, они отчаянно и молча барахтались, выбиваясь из сил, им подавали шесты и вытягивали на более высокое место.

Поняв всю отчаянность положения, Аристов остановил движение, передал назад в тыловое охранение, которое еще было вблизи острова, приказ сделать два-три плота, пробиться на них по чистой воде к ручью и помогать не умеющим плавать.

Это спасло жизнь многим.

Первым появился на плоту Иван Улитин. Сидя верхом на скрепленных ремнями двух бревнах, он плавал по разводьям, наблюдая за цепочкой и, как только кто-либо начинал барахтаться, торопился протянуть ему длинный шест. За ним на таком же плоту подъехал Николай Чурбанов из отряда имени Антикайнена.

Двигаясь по грудь в воде, с надеждой поглядывал Аристов на противоположный берег, ожидая увидеть подоспевшую туда помощь. Но час проходил за часом, а берег не подавал признаков жизни. Это вызывало злость и раздражение, Аристов уже мысленно повторял те фразы, которые обязательно произнесет в Беломорске по адресу руководителей штаба партизанского движения, когда речь пойдет об итогах рейда. Там он будет безжалостен, он не пощадит ничьих авторитетов, и пусть Куприянов знает, как были организованы обеспечение и помощь бригаде...

Через ручей плыть пришлось каждому. Он был невидим, лишь угадывался под широким, протянувшимся вправо и влево половодьем. Плотики не успевали, и снова несколько человек, не рассчитав свои силы, не дотянулись до опоры под ногами и потонули в по-озерному прозрачной воде.

До берега было еще не близко, но дело дальше пошло веселее. Сплошная вода стала сменяться отдельными разводьями и лунками; межники заметно отвердели; попадались темные полосы зыбкой трясины, но была она или неглубокой, или вязкой настолько, что нога успевала сделать следующий шаг; опасные, пучившиеся пузырями окна и глазники были хорошо видны, и их обходили стороной. Теперь можно было почаще останавливаться, чтоб перевести дыхание.

Форсирование болота продолжалось пять часов. Клонившееся к закату солнце уже едва пробивалось сквозь редкие стволы сосняка на том самом острове, откуда на-

чался этот последний переход, а по болоту гуськом и россыпью, до самой темноты, тянулись, падали, снова поднимались и брели вконец измученные партизаны.

Впервые за много дней Аристов разрешил развести костры. Боялись, что не осталось сухих спичек. Но спички нашлись у многих, их теперь брали из заветного «энзэ», который хранился в нагрудном кармане на самый крайний случай вместе со взрывателем для последней гранаты. Вскоре в глубине тихого леса запылали полтора десятка костров, по одному на взвод. Большого теперь и не требовалось — во взводе оставалось по восемь-девять человек.

Теплая, прогретая за день земля, на которой сидели и лежали партизаны, еще не была «своей», она была пока «ничейной», им предстояло пройти еще сорок километров, но она не была уже и вражеской.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

(пос. Услаг, 25 августа 1942 г.)

1

20 августа 1942 года Ставка главного командования финской армии опубликовала следующее официальное сообщение:

«В течение последних недель на восточном фронте в лесной глуши развернулась редкостная война.

Месяц назад противник заслал через глухие необитаемые места на нашу сторону партизанскую бригаду в составе 700 мужчин и 50 женщин, которые были специально обучены и экипированы для выполнения задания. В задачу бригады входило, между прочим: поджог некоторых значительных населенных центров, разгром некоторых главных командных пунктов и разрушение в нескольких местах одной из железных дорог.

Появление партизанской бригады было все-таки обнаружено при переходе ею линии прикрытия, и боевые дозоры начали сразу следить за ее передвижениями. При достижении противником одного из обширных необитаемых районов его продвижение было остановлено, и началось неослабеваемое, продолжавшееся до последних дней преследование. Бригада была вынуждена отказаться от выполнения задания прежде, чем она успела

подойти к своей цели, и устремилась обратно на свою сторону, не нанеся ни малейшего вреда нашей стороне.

В мало изученной необитаемой местности, часто во время продолжавшихся много дней подряд проливных дождей и в очень трудных условиях обеспечения, боевые дозоры разгромили стойко и с большим упорством сражавшуюся бригаду по частям, а затем, в просторных лесах, истребили почти полностью. Только менее 100 человек из этого отборного отряда противника спаслись на свою сторону мелкими, рассеянными в бою группами».

В Ставке финского главного командования не любили сухих военных сводок. Говорят, что сам маршал Маннергейм требовал, чтобы сводки были яркими, красочными, эмоционально-насыщенными. Для этой цели при Ставке состояла целая группа талантливых профессиональных писателей и публицистов. Они умели, не задевая свойственной финскому народу честности и справедливости, так оформить фронтовое сообщение, что оно не требовало приведения точных цифр. Цифры и факты обладают тем свойством, что стоит исказить их один раз, и в дальнейшем никто верить тебе не будет.

Нужного можно достичь и без них — стилевыми приемами и описательностью сообщения. Стоило батальоны и многочисленные роты, участвовавшие в операции против партизан, заменить безобидным, ни к чему не обязывающим понятием «боевые дозоры», как сразу становится ненужным упоминать, что в действие было введено с финской стороны более трех тысяч солдат и офицеров, что в операции участвовали не только пограничные батальоны, но и двенадцатая финская бригада, являвшаяся стратегическим резервом главного командования на Масельгском направлении, что за ходом операции ежедневно следил сам маршал Маннергейм. А главное — «боевые дозоры», якобы разгромившие партизанскую бригаду, ненавязчиво возвращали читателя и слушателя к излюбленной формуле финских милитаристов, что «один финский солдат стоит в бою десяти русских». Тем более, что русские сражались «стойко и с большим упорством».

«Боевые дозоры» избавили от необходимости касаться в сообщении еще более важного. Кто-кто, а сама Ставка лучше других знала, что приказ маршала Маннергейма — «принять все необходимые меры к тому, чтобы ни один русский не ушел на свою сторону», — этот приказ,

ради которого в дело были введены десять рот, кавалерийский эскадрон, несколько отдельных егерских подразделений, так и остался невыполненным.

«Редкостная война» против партизанской бригады длилась в паданских, пенингских и воломских лесах целый месяц, и с каждым днем она становилась для финского командования делом не только тактического, но и военно-психологического престижа. Может быть, впервые так ярко и наглядно финские солдаты и офицеры, участвовавшие в операции, имели возможность на опыте убедиться, что советские партизаны ни в чем не уступают им при действиях в лесных условиях, а своим мужеством, выносливостью и неожиданностью маневра не один раз приводили в полное замешательство финскую сторону, имевшую огромное превосходство и в численности, и в вооружении, и в тактических возможностях.

Разбираясь в итогах «редкостной войны», финское командование считало нужным, с одной стороны, ничем не поколебать престижа своего солдата как признанного мастера лесной войны, а с другой — дать понять тому же солдату, что русские партизаны — это умелый, ловкий и находчивый противник, недооценка которого чревата печальными последствиями.

Не случайно через три месяца, 19 ноября 1942 года, Главный штаб финской армии издаст за подписью начальника штаба генерал-лейтенанта Туомио секретную инструкцию о тактике борьбы с партизанами, где важное место займет опыт, почерпнутый во время «редкостной войны» в июле — августе 1942 года.

Но ни успокаивающие сводки, ни предостерегающие секретные инструкции так до конца войны и не смогли заглушить у финских солдат постоянного страха перед «партизанской опасностью», которая с каждым месяцем становилась все реальнее и ощутимее.

2

Днем, когда официальное сообщение финского Главного командования было опубликовано в газетах и передано по радио, партизаны, ничего не зная об этом, двигались на восток по нейтральной полосе.

Вместе со штабом бригады шло сто двадцать человек. Кроме того, отдельными маршрутами выходили в свой тыл разведзвод под командованием Петра Николаева,

группы Полевика, Шабалина... У Аристова еще жила надежда, что не погиб, не потерялся в безвестии отряд Попова, что, может быть, укрылся он в глухих местах, переждал, пока противник снимет заслоны, и теперь тоже скрытно продвигается на свою сторону.

Вчера был последний бой. Даже не бой, а короткая стычка. Небольшой отряд финнов поджидал бригаду, лежа в обороне у лесного озера, но как только партизаны быстро развернулись и открыли огонь, противник бежал, оставив рацию и убитого радиста.

Сегодня уже ясно, что тот бой был последним. Об этом можно было судить по его исходу. Здесь, на нейтральной полосе, финны, как видно, окончательно потеряли былую самонадеянность, действовали робко, неохотно и с опаской. В том, что дальнейшего преследования не будет, говорил и вчерашний случай с партизаном отряда «Боевые друзья» Иваном Комиссаровым.

Вечером, когда после стычки с противником остановились на ночной привал, выяснилось, что нет Ивана Комиссарова. Командир взвода Михаил Николаев быстро дозарядил диски своего автомата «Суоми» и, ни слова не говоря, отправился назад по тропе. Проходил час за часом, в отряде уже начали беспокоиться за судьбу самого комвзвода, время близилось к полуночи, и Греков решил наконец доложить о случившемся командованию бригады, как неожиданно появились и Николаев, и Комиссаров. Они еле плелись, в обнимку поддерживая друг друга, и уже трудно было понять, кто кому помогает.

Тут-то и выяснилось, что произошло с Комиссаровым.

После отравления сырыми грибами он так и не окреп, шел со взводом из последних сил, никому не жаловался, но быстрые марши, прорывы, переправа и форсирование болота окончательно доконали его. Он начал отставать еще до боя и оказался в лесу один. Он слышал короткую яростную перестрелку, которая стихла так же неожиданно, как и началась, подумал, что бригада сделала очередной рывок и теперь ему уже не догнать ее, и решил выбираться самостоятельно. Родом он был из Сегежи, и начинались уже знакомые ему места. К вечеру вышел на место боя, наткнулся на убитого егеря, но рюкзака при нем уже не было и ничем съестным разжиться не довелось. Решил, пока не стемнело, подловить в озере хоть несколько окушков, двинулся к берегу — и вовремя: появились финны, и он едва успел затаиться в кустах.

Настороженно озираясь, егеря торопливо положили на носилки убитого, тихо переговариваясь, поискали вокруг еще чего-то и быстро ушли на запад. Было их человек двадцать, и вид у них — не лучше партизанского: одежда рваная, лица заросшие, сами злые и понурые. Комиссарову показалось, что назад они отправились с усталым облегчением, шагали и все время оглядывались.

Начало темнеть. Тут и появился Николаев. Сначала Комиссаров услышал далекий голос: «Иван! Ива-ан!» Так могли кричать и финны, отзываться сразу было опасно. Потом он узнал голос Николаева, откликнулся; командир взвода подошел, опустился на землю и минут десять молча сидел, обхватив голову руками...

— Вставай, Иван! Пошли! Тут и идти-то три километра.

Поднялись, прошли метров сто и вновь Комиссаров рухнул в бессилни на землю:

— Не могу! Ты иди, я сам как-нибудь выберусь...

— Ну что ж, вместе погибнем,— сказал Николаев, опускаясь рядом.— Учти, если к утру не догоним бригаду, вдвоем нам не выйти. Только ты, Иван, одинокий, а у меня — сыновья и жена. Ты виноват перед ними будешь... Вставай, Иван, прошу тебя!

...Все взял на свои плечи Николаев — и винтовку и вещмешок, и самого своего друга не раз подхватывал, когда у того от усталости и голода начинала кружиться голова,— а все ж выбрались, дотянули до привала, и теперь, можно сказать, Комиссаров будет жить. Утром самолеты сбросили продукты, да и рывков теперь уже не потребуется — финны отстали, а на помощь бригаде спешат пограничники и курсанты спецшколы...

«Спешат...» Подумав об этом, Аристов едко усмехнулся. Хороша спешка, если ждали их у Елмозера еще в ночь на восемнадцатое, начались третьи сутки, а их все нет и нет. Где они бродят, что могло задержать их? Связь с ними была только через Беломорск, а оттуда все время шлют успокоительные сообщения. Сегодня утром передали, что пограничники совсем рядом, и назначили место встречи с ними на высоте 134,6. Аристов вспомнил, как он ждал, а потом возмущался и негодовал, когда помощь не пришла к моменту переправы... Теперь, думая об этом в более спокойных условиях, он и сам не знал, как и каким образом пограничники или спецшкола смогли бы облегчить положение и уменьшить потери,

если бы вышли к Елмозеру вовремя. Ведь переправочных средств у них нет! Разве что огнем по злосчастному островку?! И все же помощь нужна была — ой, как нужна! Хотя бы для большей уверенности, для ощущения, что бригада, припертая к этому несчастному и спасительному озеру, не одинока, и можно действовать с большей осмотрительностью. Может быть, и не было бы обидных последних потерь...

Судя по всему, в Беломорске еще плохо представляют, какой ценой удалось бригаде пробиться на свою сторону. Вчера вечером Аристов попытался дать понять это, и очередную радиограмму закончил фразой: «Шлите продукты на сто двадцать человек». В ответ Вершинин утром запросил: «Сообщите, какими маршрутами выходят остальные?»

«Остальные...» Что он имел в виду? Если отряд Попова и разведвзвод Николаева, то это еще понятно. Но что можно сообщить о них, если Аристов и сам не знает, где они? Разве Вершинину не известно, что с Поповым нет связи уже две недели? Нет, вероятнее всего Вершинин предполагал, что через Елмозеро переправлялась не вся бригада, что где-то иными маршрутами выходят другие группы. А может, он думает, что бригада разделилась уже после переправы? Если так, то это наивно.

Запрос по радио, который в другое время и при других обстоятельствах воспринялся бы как самый обычный и естественный, обидно уколол Аристова, погасил в душе настроение радостной приподнятости, заставил думать, подсчитывать, искать объяснений. Он словно бы напомнил, что скоро — теперь уже совсем скоро! — ему придется составлять письменный рапорт об итогах похода, где понадобится дать точный отчет и о сделанном, и о потерянном...

Ну что ж, если надо, он готов! Блокнот с записями под рукой, и он в состоянии отчитаться не только за каждый день или бой, но и за каждого бойца, кроме пропавших без вести... Они тоже пофамильно значатся в его списках, даже день отмечен, но о них Аристов ничего больше сказать не сможет — тут любой упрек будет справедливым. Конечно, командиры и политруки прошляпили, растеряли при отходах и прорывах бойцов, не смогли держать каждого в поле своего зрения. Да и возможно ли это вообще в условиях леса, при ночных маневрах? А что касается восьмидесяти человек, умерших от голо-

да, то тут Вершинин пусть сам ищет себе оправданий и объяснений... Если бы тогда, еще месяц назад, бригада получила продукты, то весь поход мог бы сложиться по-иному. Остаются убитые в боях и умершие от ран. Да, их немало! Не считая отряда Попова, в списке погибших числится сто шестьдесят два человека и в списке умерших от ран — пятьдесят. Но ведь позади пятьсот верст невыносимо тяжкого пути, тридцать дней постоянного преследования, двадцать шесть больших и малых боев, пять прорывов через вражеские окружения и заслоны! Да, потери горьки и мучительны. Но разве враг не платил свою цену за каждого погибшего партизана? Разве бригада не совершила невозможное, выдержав напор вчетверо, впятеро, а потом и вдесятеро превосходящего противника?! Разве она не осуществила главное — не вышла, не пробилась, не преподнесла противнику урок партизанского мужества и беззаветности?! Какие еще нужны оправдания? Да и в чем оправдываться? Уж не в том ли, что вот эти сто девятнадцать — израненных, изголодавшихся, обессилевших — выжили, спаслись, прорвались к своим и, не выпуская из рук оружия, еле бредут по нескончаемой лесной тропе!

Если уж нужно писать отчет, что-то объяснять и растолковывать, то он, Аристов, напишет его. Напишет старательно и подробно! Но не для каких-то бессмысленных, никому не нужных и унижительных оправданий. А для справедливости, для памяти потомкам, для чести и славы выжившим и павшим... Он будет просить о награде каждому участнику этого похода — всем, начиная с покойного, светлой памяти, комбрига Ивана Антоновича Григорьева и кончая последним погибшим при форсировании болота бойцом. Всем, кто нес нелегкий партизанский крест терпеливо, мужественно и честно.

Конечно, в своем отчете он не умолчит и об отрицательных сторонах, выявившихся в этом походе. Главное — не следует в условиях стабильного фронта заходить в глубокий вражеский тыл крупными соединениями, лучше действовать отрядами по 100—150 человек. Теперь уже ясно, что замысел бригадного похода был серьезной тактической ошибкой, из которой родились последующие лишения и беды.

Но героизм, преданность долгу и стойкость оказались в состоянии исправить даже просчет неопытных штабистов.

Под вечер к расположению бригады подошла разведка пограничной роты, а получасом позже на лесное озеро опустился санитарный гидроплан.

Это были волнующие и незабываемые минуты. Люди словно бы не верили своему счастью, даже раненые и ослабевшие тянулись к штабному костру, чтобы собственными глазами, хотя бы издали увидеть, что все это правда, что четырнадцать бойцов со звездочками на пилотках — тоже усталые, тоже изнуренные долгими переходами, а теперь смущенные таким вниманием и растерянно улыбающиеся — это настоящие, живые советские пограничники. Многие из партизан, кто лишь теперь окончательно поверил в свое спасение, не выдерживали и в открытую плакали.

Командир разведки, хотя и без уверенности, сообщил, что их вторая рота, оставшаяся вблизи линии финского охранения на перешейке, между Елмозером и Сегозером, встретила большую группу партизан. Аристов был в таком взволнованно-счастливом состоянии, ему так хотелось верить в удачу, что он немедленно радировал Вершинину:

«Имею сведения, что пограничники встретили отряд Попова. Срочно подтвердите».

Как выяснилось много позже, пограничники на перешейке действительно встретили партизан, но это был разведзвод Петра Николаева, ходивший к Сондалам.

Гидроплан сделал два рейса и увез четырех раненых. Последней должна была лететь начальник санитарной части бригады Екатерина Александровна Петухова. С тяжелым ранением в грудь она прошла более сорока верст и ни разу не пожаловалась, не попросила помощи.

До этого к ней партизаны относились по-разному. Кто знал поближе, ценили и уважали, другие считали чересчур высокомерной и холодно-строгой, но теперь все переменялось, теперь молчаливое мужество их доктора, которое так высоко ценится каждым солдатом, вызывало всеобщую гордость и лучше любых слов и убеждений поддерживало дух у других больных и раненых. А таких на протяжении последних трех недель в бригаде никогда меньше пятидесяти не бывало. Даже и теперь, когда

в партизанской цепочке осталось всего сто двадцать человек... Нелегко приходилось в эти дни военфельдшеру отряда «За Родину» Наташе Игнатовой, принявшей на себя всю санитарную службу. Хорошо, что она всегда могла рассчитывать на девушек — медсестер и сандружинниц — этих милых, безропотных и незаменимых тружениц в бою и походе. Их было сорок шесть, когда отправлялись из Сегежи. Теперь возвращалось меньше двадцати. Как и мужчины, они погибали в боях, умирали от голода и от ран, но было в их гибели что-то особенно обидное и несправедливое, ибо каждая из них шла в поход не для того, чтобы убивать, — у многих не было даже оружия, — а прежде всего чтобы помогать и облегчать страдания.

Себя они считали вспомогательной силой и свое назначение видели в том, чтобы служить другим. Может быть, поэтому они и умирали по-особому — мужественно и спокойно, сами борясь с постигшей их бедой и как бы стесняясь привлекать к себе внимание.

Так ушла из жизни на высоте 264,9 тяжело раненная в живот храбрая Настя Оликова, награжденная орденом Красной Звезды еще осенью 1941 года. Такой сохранилась в памяти партизан и гибель всеобщей любимицы санинструктора отряда «Боевые друзья» Оли Пахомовой, и смерть эта была особенно горькой и мучительной, ибо случилась она на берегу Елмозера за несколько часов до спасения...

Там же, на переправе, погибла восемнадцатилетняя Аня Кононова, много раз отличившаяся в походе при спасении раненых. Она пришла в отряд имени Чапаева в марте 1942 года, на смену своей сестре военфельдшеру Ирине, павшей осенью при обороне Медвежьегорска и посмертно награжденной орденом Ленина... Да, многих не досчитывалась санитарная служба бригады, когда готовилась к полету Екатерина Александровна Петухова.

Но улететь ей так и не довелось. Когда она была уже на берегу и готовилась к посадке, неожиданно подорвался на mine пограничник, ему требовалась неотложная хирургическая помощь, и Петухова сама первой потребовала, чтобы ее место в самолете занял раненый боец.

— Я хоть как-то могу двигаться, — тихо сказала она и медленно пошла назад, к месту привала.

— Спасибо! — только и ответил Аристов, понимая, что никакие слова тут не помогут. Он знал ее характер

давно, еще с довоенных лет, когда Екатерина Александровна заведовала в Шуньге районной больницей.

Озеро, с которого отправили раненых, было на пути партизан последним, где гидропланы могли делать посадку. Дальше — только мелкие ламбушки. Конечно, можно было еще постоять здесь и за сутки отправить по воздуху еще с десятков человек, но делать это Аристову не хотелось по многим причинам. Во-первых, могла неожиданно подвести погода; во-вторых, долгая стоянка, как ни странно, все больше расслабляла и обессиливала людей. Теперь продуктов хватало, ели без меры, не чувствуя сытости, а голодные глаза требовали еще и еще. Даже Греков так отяжелел, что беспрерывно требовал: «Арсен, чаю!» — и гнал связного с котелками на озеро. Аристов понимал, что добром это не могло кончиться; вначале он предупреждал, сердился, пытался приструнить, но сам сознавал и по себе чувствовал, что все это бесполезно, что люди просто не в силах совладать с собой, что напряжение, так долго державшее их силы и волю на пределе возможностей, теперь рухнуло и никакие строгости не помогут. Оставалось одно — пока не поздно, поднимать людей и двигаться.

Была и еще одна причина, о которой Аристов не говорил никому, даже командирам отрядов, даже Николаю Кукелеву, которому доверял больше, чем кому-либо. Ему очень хотелось, чтобы бригада вышла к реке Сегежа на своих ногах. Как ушла, так и вернулась — сама! Пусть понесшая большие потери и усталая после мучительного похода, но с оружием в руках и готовая, если надо, драться. В этом он видел теперь важный морально-политический смысл. Возможно, обессилевшие люди сейчас и не в состоянии правильно понять и оценить это, но зато потом, когда все войдет в норму, они будут гордиться собой.

Конечно, первые две причины куда как важнее, они ясны и убедительны для каждого понимающего обстановку. Но и третья имеет свое значение... Поэтому, когда гидросамолет, сделавший второй рейс, улетел, Аристов дал команду трогаться.

Вскоре бригаду встретил отряд Владимира Введенского, а затем, наконец-то, подошла с севера и спецшкола, которую ждали еще три дня назад...

Путь лежал по просеке, соединявшей Елмозеро и Линдозеро. Шли медленно, принаравливаясь к ослабев-

шим и раненым. Да и у остальных сил оставалось совсем мало. Но важно было идти, двигаться, поддерживать привычный ритм.

Рано утром 25 августа 1942 года бригада вышла к поселку Услаг, где ждали ее приготовленные для переправы через реку лодки.

И только здесь, на знакомом берегу, все почувствовали, что поход, продолжавшийся пятьдесят семь дней, наконец-то окончен, что можно сидеть, курить, спокойно ждать своей очереди на переправу, предвкушая желанный и заслуженный отдых.

Из Беломорска, от Военного Совета фронта и Штаба партизанского движения, поступила радиogramма с благодарностью командованию и личному составу бригады за мужество и героизм.

В такие счастливые минуты ни о чем не думалось — ни о пережитом и оставленном позади (это придет позже!), ни о будущем, ибо никто не знал и не мог знать, что впереди их ждут два долгих года партизанской войны и десятки новых походов.

1970—1976 гг.
Комарово — Косалма — Гагры